МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

УДК 911.375

Антонов Евгений Викторович

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И РЫНКИ ТРУДА ГОРОДОВ УРАЛА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1990 – 2010-Х ГОДАХ

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук

Научный руководитель:

доктор географических наук,
профессор Н.В. Зубаревич

Москва – 2016

Оглавление

Введение 4

Глава I. Дифференцированное развитие городов Урала, Сибири и Дальнего Востока: факторы и теоретические предпосылки 10

§1.1 Факторы и механизмы, обуславливающие дифференциацию социально-экономического развития городов 10

1.1.1. Экономические теории пространственного развития: концепции и механизмы действия 12

1.1.2. Факторы территориального развития в экономико-географических исследованиях 23

§1.2. Обзор современных урбанистических исследований городов Урала, Сибири, Дальнего Востока 46

§1.3. Полимасштабные исследования российского рынка труда 52

§1.4. Количественные методы исследования асимметрии и территориального неравенства социально-экономического развития городов и их рынков труда 55

Глава II. Территориальное неравенство и асимметрия социально-экономического развития регионов и городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991-2013 гг. . 61

§2.1. Динамика и территориальная асимметрия развития регионов 61

§2.2. Неравенство развития городов и его динамика 77

§2.3. Различия в динамике территориального неравенства и асимметрии развития на уровне регионов и городов 94

§2.4. Территориальные эффекты социально-экономической поляризации городов на востоке России 96

Глава III. Трансформация рынков труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в условиях дифференцированного развития: основные формы и модели 103

§3.1. Сжатие занятости на крупных и средних предприятиях и организациях и стратегии адаптации населения 103

§3.2. Малый бизнес, предпринимательство и неформальная занятость на местном рынке труда 107
§3.3. Переориентация на внешние рынки труда 120
§3.4. Переезд на новое место жительства 128
§3.5. Пассивные формы адаптации 132
§3.6. Модель трансформации локального рынка труда городов 136
Заключение 144
Список литературы 148
Приложение Карты 167
Приложение 1.1 180
Приложение 1.2 186
Приложение 1.3 187
Приложение 1.4 188
Приложение 1.5 191
Приложение 2.1 203
Приложение 2.2 221
Приложение 2.3 223
Приложение 3.1 224
Приложение 3.2 233
Приложение 3.3 237
Приложение 3.4 240

Введение

Актуальность диссертационного исследования. Смена институциональных и макроэкономических условий в начале 1990-х, изменения модели экономики с плановой на рыночную привели к сильнейшей поляризации социально-экономического пространства России. За это время среди регионов и городов России отчётливо проявились относительно благополучные и депрессивные, отсталые. Изучению различной динамики отдельных частей страны посвящены работы географов и экономистов, исследователи ищут ответы на ключевые вопросы – почему регионы и города трансформируются и развиваются неравномерно, какие факторы обуславливают это развитие и в какой мере трансформационные процессы поддаются управлению.

В восточной части страны высокая интенсивность трансформационных процессов обусловлена многочисленными специфическими чертами её городов: исторической монофункциональной структурой большинства из них, особым географическим положением в относительно слабоосвоенной части страны со сложными природно-климатическими условиями, удаленностью от основного экономического ядра европейской России и др. Последствия переходного периода на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке были одними из наиболее драматичных, приведших к массовым миграциям населения, его «дрейфу» на запад. Размыкание внутренних производственных цепочек, нарушение традиционных рынков сбыта и институциональных условий плановой экономики сочеталось с процессами интеграции предприятий экспортоориентированных отраслей специализации в систему международного разделения труда, что создало условия для ускоренной экономической поляризации территорий, городов и их рынков труда.

В период экономического роста 2000-х преимущества экспортоориентированных отраслей сохранились. Взрывной рост размеров сырьевой ренты и её неравномерное перераспределение в сложившейся институциональной системе также усилили диспропорции между городами. Однако кризис 2008-2009 гг. показал, что экономическая система многих городов даже с конкурентоспособной отраслью специализации является крайне неустойчивой. При замедления мировой экономики, падении мировых цен на минеральное сырье возрастают риски развития восточных моногородов, в максимальной степени ориентированных на зарубежные рынки. Они

могут пополнить число тех многочисленных городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, которые уже утратили свою градообразующую экономическую базу.

Трансформационные процессы в экономике городов востока страны отражаются на локальных рынках труда, однако факторы и модели их трансформации, специфика рынков труда в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока пока еще слабо изучены.

Объект исследования – города Урала, Сибири и Дальнего Востока России.

Включение в объект исследования городов Урала в дополнение к городам азиатской части России при существовании многочисленных отличий между ними не случайно. Уральский макрорегион, значительно более освоенный и заселенный, с густой сетью городов и относительно развитой инфраструктурой в определенной мере предстает в виде антипода обширным пространством Сибири и Дальнего Востока и их городским системам. Расширение объекта исследования позволяет выявить особенности трансформационных процессов (в том числе на локальных рынках труда) на этих контрастирующих территориях и акцентировать внимание на пространственном факторе в социально-экономическом развитии.

Предмет исследования – дифференциация социально-экономического развития городов и трансформация их локальных рынков труда.

Цель диссертационного исследования – выявление общих закономерностей и особенностей трансформационных процессов в социально-экономическом развитии городов и их рынков труда.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие задачи:

1) Анализ подходов и факторов, объясняющих и детерминирующих неравномерное развитие городов, формулируемых в социально-экономической географии и экономической науке

2) Выявление ключевых социально-экономических процессов в азиатской части России и на Урале на уровне регионов и городов

3) Сравнительная оценка асимметрии территориального развития и неравенства для регионов и городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период

4) Оценка влияния территориальной концентрации/деконцентрации населения и экономической активности в городах на структуру городского расселения и темпы экономического роста

5) Разработка методики и анализ трансформации локальных рынков труда городов

6) Выделение адаптационных моделей населения на локальных рынках труда городов и оценка последствий их реализации

Научная новизна работы состоит в следующем:

1) Выявлена асимметрия территориального развития регионов и городов Урала, Сибири и Дальнего Востока и ее изменения

2) Разработана методика оценки структуры локальных рынков труда муниципальных образований России и распространенности разных адаптационных моделей населения к их кризису

3) Сделана количественная оценка роли малого и среднего бизнеса в экономике и локальных рынках труда городов разного типа

4) Разработана методика оценки интенсивности трудовых возвратных миграций населения на муниципальном уровне, позволившая установить распространенность этой формы адаптации

5) Выделены типы городов по преобладающим моделям адаптации трудоспособного населения на локальных рынках труда

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для совершенствования подходов и мер региональной политики, направленных на сглаживание внутрирегиональных социально-экономических различий. Разработанные методики могут быть использованы для оценок дифференциации развития городов, масштабов и географии трудовых миграций населения, структуры рынков труда городов и масштабов неформальной занятости с целью разработки дифференцированной политики для локальных рынков труда.

Теоретическая и методологическая база исследования опирается на фундаментальные исследования в сфере географии городов (В.Г. Давидович, Г.М. Лаппо, И.М. Маергойз, А.А. Минц, Е.Н. Перцик, В.В. Покшишевский, Б.С. Хорев), развития регионов и городов России и определяющих его факторов (О.И. Вендина, Б.С. Жихаревич, Н.В. Зубаревич, Е.А. Коломак, О.В. Кузнецова, Л.Э. Лимонов, В.Я. Любовный, А.Г. Махрова, Т.Г. Нефедова, П.М. Полян, А.И. Трейвиш и др.) Используются работы, характеризующие региональные особенности социально-экономического развития городов в советское время и в переходный период (Г.А. Агранат, Е.Г.

Анимица, П.Я. Бакланов, Л.А. Безурков, Н.Ю. Власова, В.В. Воробьев, Е.Б. Дворядкина, Н.Ю. Замятина, Р.М. Кабо, В.Н. Лаженцев, А.Н. Пилясов, М.Ю. Присяжный, монографии коллектива авторов Института географии СО РАН им. В.Б. Сочавы и др.), а также работы, рассматривающие ключевые социально-экономические проблемы городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, такие как монофункциональная структура экономики (Г.Ю. Кузнецова, И.Д. Тургель) и демографические процессы (Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян , Е.Л. Мотрич, С.Н. Найден). В исследовании также используются подходы к территориальному развитию, разработанные в зарубежной географической и экономической науке (G.Myrdal, J. Friedmann, T. Hagerstrand, H. Giesch, H. Richardson, П. Хаггет, П. Кругман, М. Фуджита). Исследование трансформационных процессов рынка труда базируется на работах В.Е. Гимпельсона, Ж.А. Зайончковской, Т.М. Малевой, А.Ю. Ощепкова, Р.И. Капелюшникова, А.Г. Коровкина, Ю.Ф. Флоринской и др.

В работе используются сравнительно-географический, картографический и типологические методы, а также различные количественные методы исследований, корреляционный и статистический анализ. Для верификации результатов использовались полевые методы исследования, социологические опросы, интервью с представителями органов местного самоуправления, региональных органов власти, федеральных служб и органов, руководителей предприятий.

Информационной базой исследования являются официальные статистические материалы федеральной службы государственной статистики России и её структурных подразделений, в том числе ГМЦ Росстата (база данных «Экономика городов России» портала Мультистат, база данных показателей муниципальных образований России). В исследовании используются данные Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 годов, а также материалы обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ) и сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства 2010 г. Важным источником недостающей информации явились данные с официальных сайтов муниципальных образований и материалы, собранные в ходе полевых исследований.

Апробация результатов работы и публикации. По теме диссертации опубликованы 4 статьи в периодических журналах из перечня ВАК. Основные положе-

ния исследования доложены на международных и всероссийских научных конференциях, в том числе региональном конгрессе международного географического союза IGU (Москва, 2015), Всероссийской научной конференции «Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы» (Москва 2015), VIII международной молодежной школе-конференция «Меридиан» - Пространственно-временная изменчивость в природе и обществе (Курск, 2015), XXIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016» (Москва, 2016), IX международной молодежной школе-конференция «Меридиан» - Пространственно-временная изменчивость в природе и обществе (Курск, 2016), 33-я ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества (Иркутск, 2016).

Содержание диссертации излагается в трех главах, введении и заключении, включает список литературы и приложения. Объем диссертации – 166 страниц текста, включая 80 рисунков и 25 таблиц. Список литературы состоит из 295 источников. Работа содержит 13 приложений, в т.ч. 12 карт.

В первой главе рассматриваются причины, факторы и механизмы неравномерного развития территории, выделяемые в рамках экономических теорий пространственного развития и в экономической географии. Проводится обзор современных урбанистических исследований городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также основных работ по изучению российскому рынка труда на разных пространственных уровнях. Приводится современный методический инструментарий количественных исследований территориальной асимметрии и неравенства.

Во второй главе проводится изучение динамики социально-экономического развития регионов и городов рассматриваемой территории. Исследуется динамика асимметрии пространственного развития и неравенства на уровне городов и регионов, а также их сравнительная оценка. Анализируются последствия неравномерности развития урбанистической системы Урала, Сибири и Дальнего Востока на структуру городской сети и экономическое развитие территории.

В третьей главе рассмотрены особенности трансформации локальных рынков труда городов, сопутствующих процессу сокращения занятости на крупных и средних предприятиях. Рассмотрены такие формы адаптации населения, как занятость в малом и среднем бизнесе, неформальном секторе внутри города, переориентация на

внешние рынки труда (маятниковая трудовая миграция и вахтовая миграция), переезд на новое место жительства, а также пассивные формы адаптации, предусматривающие уход с рынка труда. Анализируются позитивные и негативные эффекты для населения и городов, связанные с ними. Предлагается модель трансформации локального рынка труда городов под влиянием факторов территориального развития.

Глава I. Дифференцированное развитие городов Урала, Сибири и Дальнего Востока: факторы и теоретические предпосылки

§1.1 Факторы и механизмы, обуславливающие дифференциацию социально-экономического развития городов

Поляризация российских городов, сменившая процесс выравнивания уровня жизни и социально-экономического развития в советское время[1], явилась, по мнению Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, самым ярким процессом постсоветской урбанизации [Нефедова, Трейвиш, 1998]. Причины этой динамики не всегда были однозначны и требовали объяснения. Прежде всего необходимо было ответить на вопросы: «С чем было связано поляризованное развитие, какие факторы на это повлияли? Как в целом проходили постсоветские трансформационные процессы в российский городах?».

Ключевым дифференцирующим фактором, повлиявшим на процесс поляризации развития российских городов, стала смена политико-экономической системы и базовых социально-экономических, демографических характеристик. Рост и развитие советских городов проходил на фоне индустриализации страны, демографического подъема, активного процесса урбанизации и социальной модернизации. С 1990-х годов Россия пережила периоды кризисного спада, стабилизации, экономического роста 2000-х и современной нестабильности. Помимо общеэкономической ситуации в стране, задавшей общую траекторию развития российских городов на этапе постсоветской трансформации, на их развитие оказывали и другие объективные факторы, действие которых в советское время проявлялось по-другому или было сглажено.

Помимо макроэкономических факторов, неравномерное пространственное развитие России связано с социально-экономическими и экономико-географическими факторами развития отдельных территорий. В территориальном развитии проявился и т.н. эффект колеи (path dependency) [Аузан, 2015], обуславливающий текущее развитие уже достигнутым его уровнем, сдерживающими развитие отстающих территорий и усиливающими лидеров.

[1] Строгого доказательства для городов, основанного на статистических материалах, нам не встречалось. Отдельные исследования показывают, что вплоть до 80-х годов происходила относительная конвергенция в уровнях социально-экономического развития между республиками СССР, см. [Диденко, 2014]

Ключевой причиной неравенства является давно изученный в региональной науке процесс концентрации экономической деятельности там, где сильнее конкурентные преимущества. Такими преимуществами, в рамках терминологии «новой экономической географии», являются факторы «первой природы» (обеспеченность природными ресурсами и географическое положение, которое снижает транспортные издержки) и факторы «второй природы» (агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающие экономию на масштабе; развитая инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние; человеческий капитал: образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения; институты, влияющие на предпринимательский климат, мобильность населения, распространение инноваций и др. [по Зубаревич, 2011]). Факторы «второй природы» связаны с деятельностью человека и более изменчивы, рост их влияния стимулирует развитие и приводит к наибольшим изменениям.

Вместе с тем, в многочисленных российских исследованиях на уровне регионов было показано, что в России факторы «первой природы» все еще продолжают превалировать над факторами «второй природы», как в целом для страны [Зубаревич, 2010в], так и для отдельных её частей (в особенности для Сибири и Дальнего Востока [Коломак, 2014б]). При этом отмечается, что крупнейшие города страны стали центрами концентрации постиндустриальной экономики, в т.ч. экономики знаний, и человеческого капитала. Средним и малым городам, экономика которых попрежнему базируется на прежнем, доставшемся с советских времен основании, не удается перейти со старой индустриальной «колеи» на новую – постиндустриальную.

Движение в разных направлениях для крупнейших городов и, по сути, всей остальной страны приводит к дифференциации социально-экономического пространства. Для того чтобы эффективно реализовывать политику смягчения неравенства, нужно понимать, какие факторы обуславливают динамику развития городов и что нужно сделать, чтобы снизить влияние тех из них, которые «работают» на поляризацию. Для ответа на этот вопрос для начала обратимся к экономическим и географическим теориям, объясняющим, почему вообще развивается процесс поляризации экономического пространства.

На основании многочисленных теоретических и эмпирических исследований в мировой экономической и географической науке было создано большое количество теорий и концепций для объяснения причин и закономерностей развития городов и регионов. Многие из них имеют оригинальные подходы, но часто противоречат друг другу и при прочих равных базовых условиях по-разному объясняют и предсказывают различные аспекты динамики регионального развития. В этой связи остро встает вопрос, какая из существующих экономических, экономико-географических (или каких-либо других) концепций лучше всего объясняет динамику территориального развития и влияющие на нее факторы.

Общий круг факторов, влияющих на развитие городов и регионов, в целом известен в регионалистике, экономической географии и экономике уже давно. Принимая за основу подход в классификации, предложенный О.В. Кузнецовой [Кузнецова, 2013], все факторы территориального развития можно подразделить на несколько условных групп.

Первая группа факторов генетически связана с фундаментальными теориями экономического развития, в которых они являются основными переменными в моделях. Вторая группа факторов, определяющих неравномерность развития городов и регионов, определена в экономике на основе строгих эконометрических процедур, регрессионного анализа. Набор факторов данной группы получен путем сопоставления реально наблюдаемой динамики развития с набором возможных детерминант, из которых на основе математических процедур отбираются статистически значимые. К третьей группе отнесем факторы, традиционно выделяемые в экономической географии для объяснения причин неравномерности территориального развития. Значимость этих факторов установлена на основе многочисленных теоретических и, особенно, прикладных исследований. Остановимся на каждой из трех описанных групп факторов подробнее, чтобы более полно раскрыть их состав и установить механизмы действия.

1.1.1. Экономические теории пространственного развития: концепции и механизмы действия

К этой группе факторов относятся те, которые предопределяют развитие территорий в фундаментальных экономических теориях. Выделение этих факторов

опирается на теоретические макроэкономические рассуждения и, как правило, использует обобщенный опыт территориального развития без проведения строгих эконометрических расчетов для конкретных территорий. К таким теориям, объясняющим неравномерность и закономерности пространственного развития, относятся, например, различные «неоклассические» теории развития, модели, использующие понятие «центр-периферия», теории кумулятивного роста и многие другие (см. табл. 3.3 в конце раздела). Приводимый обзор теорий территориального развития базируется в основном на русскоязычных источниках [Кузнецова, 2002; Гаджиев, 2008, 2009; Аврамчикова, 2009, Цветкова, 2014, Лимонов, 2014 и др.], доступных первоисточниках и рассматривается в приложение к развитию городов России.

Поскольку рассматриваемые концепции являются авторскими и теоретическими, во многом опирающимися на экономическое моделирование, то выводы, полученные в них, в значительной степени зависят от базовых условий и данных, заложенных в модель. Базовые условия (в первую очередь институциональные), в свою очередь, в реальном мире значительно отличаются от страны к стране и даже от региона к региону, что зачастую позволяет применить данные теоретической модели только для ограниченного набора схожих территорий.

Среди всех макроэкономических теорий, можно выделить две основные группы, которые предсказывают различные тенденции территориального развития: рост различий между объектами (дивергенцию) и их уменьшение (конвергенцию).

Неоклассические теории территориального развития

К первой группе относятся т.н. неоклассические теории территориального развития. В них экономическое развитие зависит от четырех основных факторов производства - капитала, трудовых ресурсов, природных ресурсов и технологического уровня [Кузнецова, 2012]. Факторы производства в теории являются априори мобильными (что в реальности далеко не так, особенно в случае природных ресурсов), а территории конкурируют между собой за привлечение факторов производства. В результате совершенной конкуренции, капиталы и рабочая силы могут свободно перемещаться между городами и регионами, устремляясь в места с наибольше отдачей капитала. Итогом деятельности стихийных рыночных механизмов конку-

ренции является выравнивание производственной функции (за счет сближения четырех составляющих, описанных выше), что в конечном итоге должно привести к конвергенции уровня развития всей территории.

В первых моделях Дж. Бортса [Borts, 1964], созданных в рамках неоклассического направления в середине 1960-х годов, предполагалось, что территории находятся в неравных стартовых условиях лишь временно вследствие внешних воздействий (шоков). Внутренние же процессы экономического развития благодаря мобильности факторов производства действуют таким образом, что приводят постепенно к выравниванию различий между территориями.

Дальнейшее развитие идеи сглаживания межрегиональных различий получили в неоклассических моделях т.н. «сходимости и конвергенции» Р. Солоу, Т. Свана, Мэнкью-Ромера-Уэйла, Р Барро и др. [по Гаджиев, 2009]. Их суть состоит в том, что чем больше различия в уровне экономического развития между двумя территориями, тем интенсивнее начинает развиваться отстающая территория по сравнению с территорией-лидером (см. рис.1.1). Это обуславливается различными свойствами факторов производства в регионах (городах): чем больше развивается регион-лидер, тем дороже в нем становится рабочая сила, земля, ресурсы, необходимые для производственной деятельности. В свою очередь в другом регионе, чем более депрессивным он становится, тем дешевле становится основные факторы производства. В итоге, при условиях абсолютной мобильности этих факторов (прежде всего капитала и трудовых ресурсов), происходит их переток в отстающие территории.

Таким образом, неоклассические теории экономического развития предсказывают постепенное сокращение различий между странами и регионами. В определенной степени общие положения неоклассических моделей мобильности факторов производства действительно проявляются на международном уровне [Доклад о мировом развитии, 2009] – капиталы (инвестиции) устремляются в относительно бедные страны с низкой стоимостью рабочей силы, что ускоряет их развитие, сокращая разрыв с развитыми странами. Однако на уровне конкретных стран часто базовые условия модели оказываются невыполненными. В этом случае из-за несовершенной конкуренции и иммобильности факторов производства, значительной зависимости от локальных ресурсов (например, природных, которые практически не мобильны),

выравнивания уровня экономического развития между регионами не происходит. Виртуальность неоклассических теорий, их несовпадение с реальными условиями на уровне частей страны, особенно в развивающихся государствах и странах с плохими институциональными условиями, где мобильность факторов производства ограничена, привели к обоснованной критике со стороны экономико-географов и экономистов [по Гаджиев, 2008].

Применение неоклассических теорий пространственного развития к России лимитировано низкой мобильностью факторов производства и практическим отсутствием их перетока в отсталые территории, что было показано на примере российских регионов [Власюк, Исаев 2012, с.19]. Факторы производства, прежде всего капитал, наоборот, стремятся туда, где уже наблюдается их высокая концентрация. В связи с этим, делается вывод, что движение факторов производства в нашей стране не приводит к выравниванию уровня социально-экономического развития между отдельными территориями благодаря действию стихийных «законов рынка».

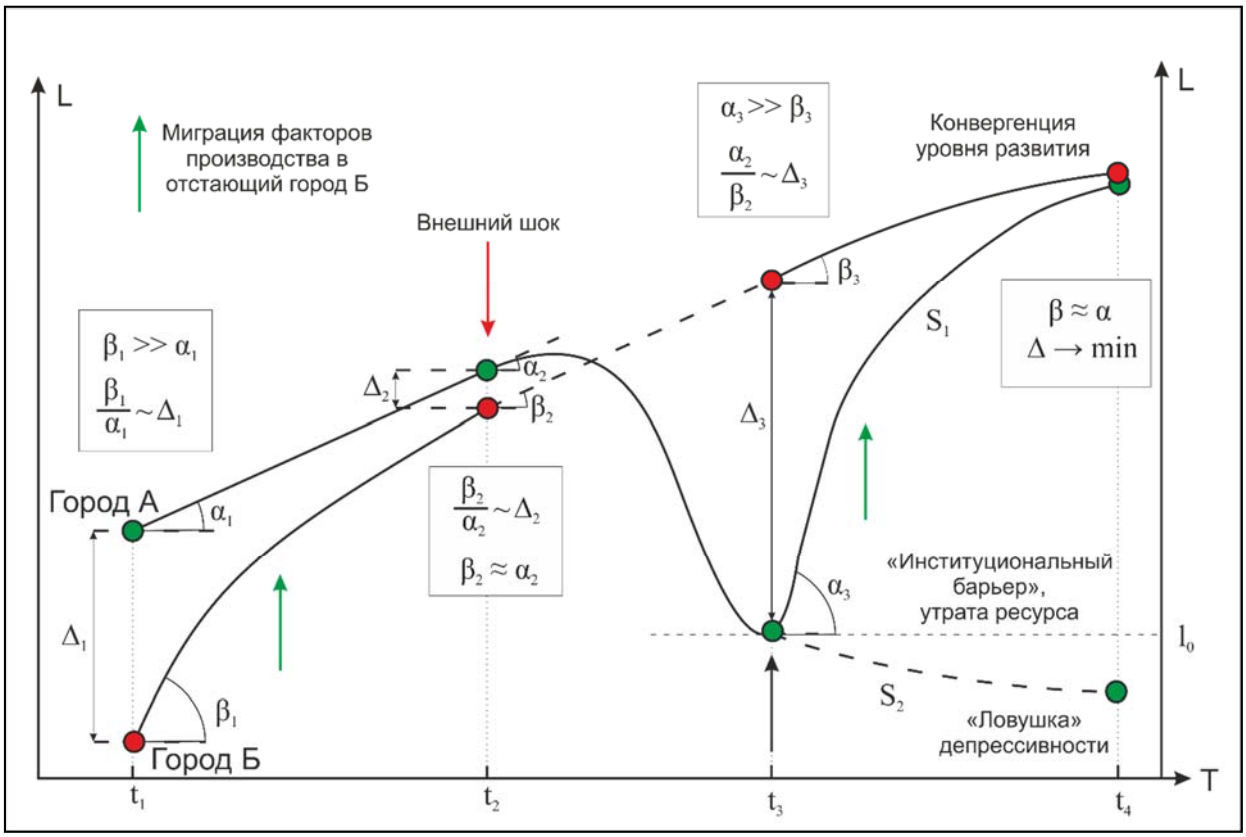


Рис. 1.1 Развитие городов в неоклассических теориях территориального развития. Источник: составлено автором. Условные обозначения (L – условный уровень экономического развития, T – ось времени). Источник: составлено автором

Практические работы, проверяющие теоретические предпосылки неоклассических теорий развития на уровне отдельных урбанизированных систем (городов,

городских агломераций), с такой постановкой вопроса в отечественной литературе нам не встречались. Вероятно, это связано с низким качеством и доступностью муниципальной статистики, ограничивающей применение эконометрических моделей. Вместе с тем, сами свойства агломерации (тесные производственные, трудовые и сбытовые связи и др.) предполагают высокую мобильность факторов производства между населенными пунктами, входящими в состав агломерации. В результате, можно предположить, что в случае шоковой ситуации в экономике одного населенного пункта агломерации (например, из-за закрытия градообразующего предприятия, см. рис. 1.1, момент времени t_2 для города А), его нисходящая траектория развития будет «переломлена» миграцией факторов производства (к моменту времени t_3). В результате кризиса должно произойти снижение стоимости рабочей силы (из-за возникшей безработицы), высвобождение земли и даже основных фондов, что в свою очередь должно привлечь инвестиции, спровоцировав новое развитие. Проверка этого предположения неоклассической теории для уровня городов в значительной степени осложняется многообразием не включенных в модель свойств объекта – а именно его пространственного положения, ЭГП, структуры экономики, населения и его качества, и, наконец, институциональных условий. В результате, однозначно идентифицировать миграцию факторов производства как следствие появления «дополнительной» конкурентоспособности зачастую не представляется возможным. Для решения этой проблемы требуется включение в экономическую модель подходов и факторов, разработанных в экономической географии.

Неочевидным видится и сам основополагающий принцип неоклассических теорий о появлении «дополнительной» конкурентоспособности города из-за его отсталости. В ряде случаев кризис градообразующего предприятия приводит не к снижению затрат на факторы производства (и росту конкурентных преимуществ соответственно), а наоборот, к их увеличению: например, из-за массового выезда квалифицированных работников, деградации инженерной и энергетической инфраструктуры, «омертвления» основных фондов. В теории, в определенный момент (t_3 на рис. 1.1) траектория экономического развития города проходит «критическую» точку, в которой город либо получает ускоренное развитие вследствие миграции факторов производства, поэтому разрыв в уровне экономического развития начинает сокра-

щаться (траектория S_1), либо он попадает в т.н. «ловушку депрессивности» (траектория S_2) для экономики города [Теблоев, 2008], по аналогии с «ловушкой бедности» населения [Коновалова, Ловянникова, 2008]. Она предполагает, что при текущем сочетании объективных факторов развития города (его внутренних ресурсов) и институционального регулирования, миграция факторов производства в город блокируется, а динамика его развития становится устойчиво нисходящей. Подобная ситуация характерна для кризисных моногородов России.

Блокирование притока капитала в город, попавшего в «ловушку депрессивности», может быть вызвано институциональными причинами – плохим инвестиционным климатом для привлечения капитала извне, изъятием инвестиционного ресурса из города в результате действия налоговых и бюджетных правил. Кроме того, в экономических моделях предполагается, что инвестиционный ресурс (капитал) не только абсолютно мобилен, но и имеет тенденцию к увеличению. В российской действительности 90-х годов, наоборот, инвестиционный ресурс сокращался (к 1998 году снижение достигало 5 раз по сравнению с 1990 годом, см. прил. 2.1 рис. 13). В этих условиях говорить о возможностях мобильности капитала как факторе развития не приходилось для абсолютного большинства российских городов.

Однако, начиная с середины 2000-х годов, большинство российских регионов прошли пик падения инвестиционной активности, а благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре в российской экономике капитал начал довольно быстро возрастать, что привело к росту вложений в основные фонды.

Исследования распределения общего объёма инвестиций между российскими регионами и городами [Зубаревич, 2012; Зубаревич, Сафронов, 2013] в 2000-х годах показывают их относительное выравнивание (по душевым параметрам) и сокращение различий. Такая тенденция в целом укладывается в предсказания неоклассических теорий пространственного развития с существенной оговоркой об источнике этих инвестиций. В значительной части российских городов основную долю инвестиций составляют государственные вложения (федеральной, региональной и муниципальной форм собственности), распределение которых скорее преследует получение не экономического, а социального (в ряде случаев имиджевого, политического)

эффекта. Таким образом, несмотря на формальную конвергенцию капитала в российских городах, этот процесс носил, вероятно, не рыночный, а директивный характер, что требует дополнительного изучения (в т.ч. в ходе данного исследования).

Второе важное и необходимое условие в неоклассических теориях, которое должно обеспечить выравнивание уровня экономического развития между городами и сгладить потенциальные негативные эффекты от внешних шоков - мобильность рабочей силы (и всего населения в целом) – в российских реалиях также не было выполнено. Российский рынок труда имеет низкую территориальной подвижность трудовых ресурсов в сравнении с западными странами. Основными причинами для этого являлись целый ряд экономических (стоимость покупки и аренды жилья), институциональных (необходимость регистрации по месту жительства), психологических факторов (отсутствие привычки к частой смене места жительства) [Пузанов, Попов 2009, с. 159].

Теории кумулятивного роста

Вторая группа теорий территориального развития предусматривает не конвергенцию территорий по уровню развития, а их дивергенцию или сохранение существующих диспропорций. К этой группе относятся теории т.н. «кумулятивного роста». Суть этого подхода состоит в сохранении и усилении стартовых различий между территориями за счет преимущественного развития отдельных территорий. В моделях Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиля, Х. Ласуэна эти территории формируют т.н. «полюса» или центры роста - наиболее динамично развивающиеся отрасли и части страны, обладающие конкурентными преимуществами по сравнению с остальными отраслями/ территориями. Несмотря на то, что экономический рост в полюсах проецируется и на периферию, этот эффект не приводит к сближению в уровне развития: полюса лишь «подтягивают» окружающую территорию, но всегда развиваются быстрее, накапливая и аккумулируя различный потенциал: производственный, технологический, демографический и др. В модели кумулятивной причинности экономического развития Г.-К. Мюрдаля [Myrdal, 1957] показано как в результате этого в полюсе роста складываются наиболее благоприятные условия для деятельности фирм, а возникающие положительные обратные связи делают процесс концентрации экономической деятельности самоподдерживающимся.

В результате долговременного действия механизмов «кумулятивного роста» любая территориальная система приобретает структуру типа «центр-периферия», впервые описанную в работах Дж. Фридмана [Friedmann, 1972]. Она предполагает специфическую организацию пространства в виде поля, источником которого выступает ядро, влияющее с убывающей интенсивностью на полупериферию, практически не оказывая воздействия на периферийную часть своего окружения.

Развитие «полюсов» в теория кумулятивного роста носит характер импульсных скачков, обусловленных появлением и распространением инноваций. Этот подход получил свое развитие в рамках т.н. модели «диффузии инноваций» Т. Хегерстранда [Hagerstrand, 1954], «пространственной диффузии» П. Хаггета [Хаггет, 1968], модели «вулкан» Х. Гирша [Giesch, 1979] и др. В этих теориях показано, что источник инноваций, приводящих к экономическому росту, находится в «полюсе роста» и затем согласно определенной иерархии (населенных пунктов, городов) распространяется по всему окружению своеобразным для каждой теории образом.

Теория кумулятивного роста получила свое развитие для городов в теории городской агломерации Х. Ричардсона [Richardson, 1972; Siebert, 1975]. В этой теории основные процессы агломерации протекают в соответствии с принципами, описанными еще в начале 20-го века в пространственной теории размещения промышленности А. Вебера [Вебер, 1926]. Однако, помимо факторов «рационального» размещения с точки зрения классических теорий, Ричардсон большее внимание уделяет наличию возрастающей отдачи от масштаба, возникающей от локализации предприятий в непосредственной близости друг от друга [Кузнецова, 2002, с. 25]. В последующих работах западных экономистов в рамках теории кумулятивного развития утверждается понимание, что экономический рост обязан не только благоприятному сочетанию факторов производства, но и во многом эффекту возрастающей отдачи.

Процесс «кумулятивного» роста в системе из двух городов представлен в модели на рисунке 2. На нем показано, что скорость экономического роста города находится в прямой зависимости от уже достигнутого уровня развития ($\alpha = F(l)$, где α – скорость экономического роста), являющегося детерминантной, определяющей возникновение инновации. Несмотря на то, что инновация, зародившись в городе-лидере, с определенным временным лагом транслируется в отстающий город, вызывая

рост и в нем, эффекты от внедрения инноваций между городами отличаются. В результате, с течением времени происходит дивергенция городов по уровню экономического развития.

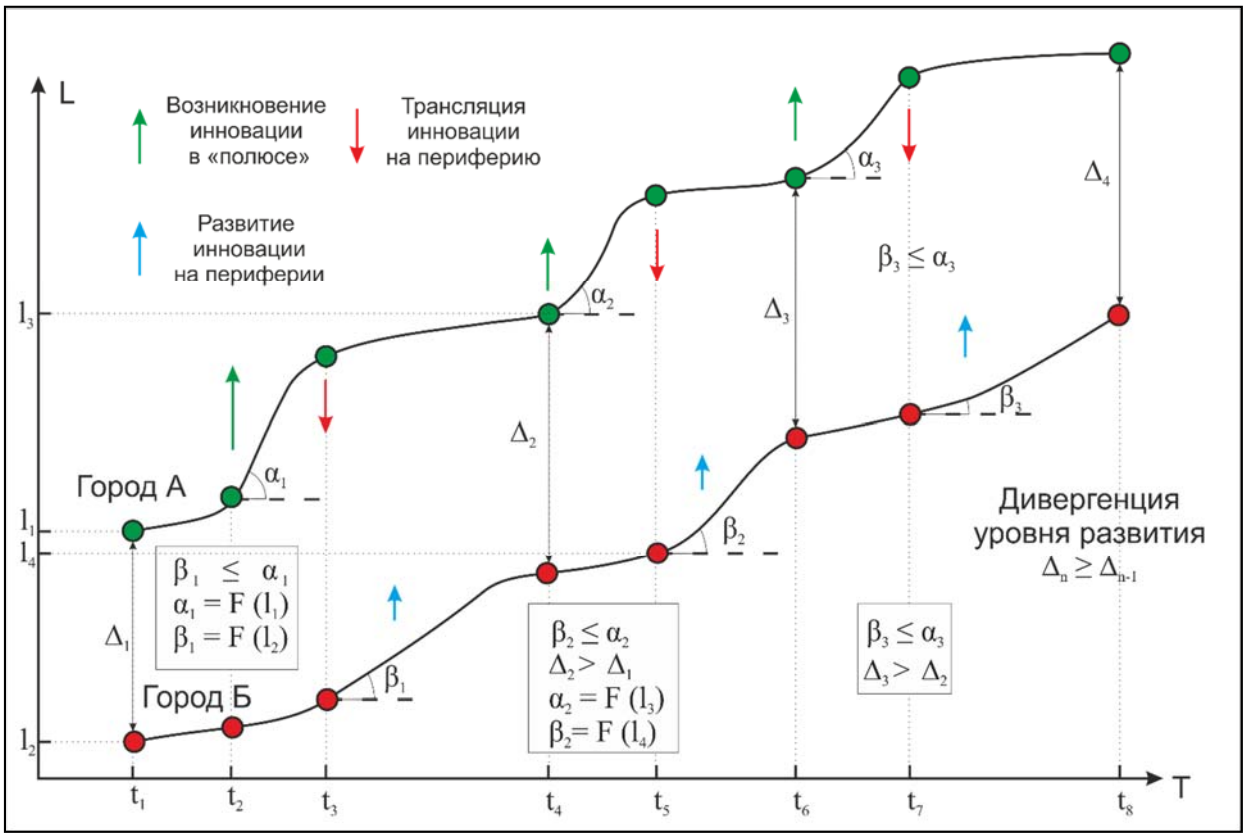


Рис. 1.2 Развитие городов в теории кумулятивного территориального развития. Источник: составлено автором. Условные обозначения (L – уровень экономического развития, T – ось времени). Источник: составлено автором

Теории кумулятивного роста в целом хорошо объясняют динамику социально-экономического развития территорий в нашей стране в постсоветский период. Вплоть до середины 2000-х годов в условиях социально-экономического кризиса, сжатия экономики действительно происходила концентрация экономической активности, населения в наиболее крупных промышленных центрах, региональных столицах, особенно в Москве, Санкт-Петербурге и вокруг них [Нефедова, Трейвиш, 1998; Браде и др., 1999; Зубаревич, 2001; Слепухина, Браде, 2016 и др.]. Именно региональные столицы и крупные промышленные центры первыми начали выходить из кризиса, стали драйверами роста региональных экономик [Зайцева, 2006], в то время как малые города, особенно вне агломераций и на периферии, не обладая исключительными по качеству и востребованности природными ресурсами, попали в «ловушку депрессивности». Во второй половине 2000-х годов влияние региональ-

ных центров и крупных городов распространилось, в соответствии с центр-периферийной моделью, на города, входящие в агломерации. Хотя полного сближения в уровне экономического развития между «полюсами» и «периферией» не произошло (а, по данным некоторых исследований различия внутри регионов только увеличиваются [Малкина, 2014]), разрыв между городами России по таким показателям как душевой объем инвестиций, уровень заработной платы, оборот розничной торговли в последнее десятилетие имеет неустойчивую тенденцию к уменьшению [Зубаревич, Сафронов, 2013].

Факторы, сформулированные в новой экономической географии (НЭГ)

С 2000-х годов в мировой и отечественной экономической географии и экономике популярным стало деление факторов территориального развития, подразделенных в рамках моделей НЭГ, на факторы «первой» и «второй» природы, определенные в работах Нобелевского лауреата по экономике П. Кругмана и его соавторов. Данные факторы оказывают влияние на развитие территории посредством концентрации экономической деятельности прежде всего в городах.

К числу факторов «первой природы» относят в первую очередь природные ресурсы и географическое положение (которые снижают производственные и транспортные издержки), а к факторам «второй природы» - агломерационный эффект, т.е. концентрацию в городах населения и фирм, приводящую к экономии на масштабе; развитую инфраструктуру, сокращающую экономическое расстояние; человеческий капитал - уровень образования и квалификации населения, его здоровье, мобильность и адаптивность; модернизацию институтов, улучшающую предпринимательский климат и ускоряющую распространение инноваций и др. [Зубаревич, 2011].

Положительное влияние эффектов масштаба (размеров рынка и достигнутого уровня развития) на экономический рост, а также фактора пространственной близости территорий к «точкам роста» для регионов России подтверждено исследованиями с использованием методов пространственной эконометрики на наиболее простых моделях [Carluer, 2007; Экономико-географические…, 2007; Иванова, 2014], не учитывающих внутреннюю структуру регионов и рассматривающих их как «черные ящики» с неопределенными каналами межрегионального взаимодействия. Работ по

России, рассматривающих механизмы и эффекты теории НЭГ для более низкого территориального уровня, городов и муниципалитетов, до сих пор практически нет.

По мнению некоторых отечественных географов, нет существенных отличий факторов НЭГ от традиционных факторов, приведенных в табл. 1.1 (см. например дискуссию по этому вопросу академика П.Я. Бакланова и проф. А.Н. Пилясова [Пилясов, 2011; Бакланов, 2011; Пилясов, 2012]). Все эти факторы уже неоднократно были рассмотрены как в экономической науке, так и экономической географии - в рамках советской районной школы и в западных теориях размещения, территориального развития и пространственного анализа (см. например, обзор Н.К. Куричева о «пересечении» выводов авторов НЭГ с работами предшественников [Куричев, 2011]). Однако в НЭГ их действие было доказано с использованием строгих эконометрических моделей, что не было сделано в рамках предыдущих исследований, ограничивавшихся концепциями и теориями. Важным отличием воздействия факторов новой экономической географии, с которыми соглашаются практически все исследователи, является то, что в ней показана усилившаяся роль факторов «второй природы» в экономическом развитии.

Факторы территориального развития, выявленные в эконометрических и статистических исследованиях

Исследования факторов развития территорий в рамках данного направления являются очень популярными среди экономистов, особенно за рубежом [Glaeseretall, 2001; Duranton, Diego, 2013; Turok, Mykhnenko, 2007 и др.]. Суть эконометрического поиска факторов территориального развития состоит в формировании наборов статистических данных (панельных данных) которые теоретически могут влиять на развитие какого-либо параметра города и применение к этим данным стандартных процедур математического и статистического анализа, заключающихся в поиске значимых переменных. Например, в отношении городов России на значимость исследуются такие факторы, как географическое положение и иерархия города в административно-территориальном делении [Iyer, 2003], обеспеченностью природными ресурсами, климат, человеческий капитал, положение в агломерации и др. [Кауфманн, Лимонов, 2014], расстояние до железнодорожной станции, статус административ-

ного центра, уровень заработной платы и др. [Коломак, 2014], наличие или отсутствие в советское время лагерей системы ГУЛАГа [Mikhailova, 2012] – в общем, набор самых различных детерминант, порой неожиданных с точки зрения традиционных факторов территориального развития.

По сути, ключевые факторы роста и развития городов, полученные таким образом, и так уже являются очевидными и доказанными в традиционных географических исследованиях – статус города, его размер, отрасль специализации, достигнутый уровень социально-экономического развития и т.д. Неожиданные выводы, при этом претендующие на роль географических, остаются без сущностной интерпретации – например, почему города одной территории в определённый период росли быстрее, чем города другой; или почему города Крайнего Севера, в которых размещались учреждения системы ГУЛАГа, и после ликвидации этой структуры росли темпами не меньшими, чем во время действия данной структуры. Сами по себе эти факты являются важными, наталкивающими на размышления, но не раскрывающими механизмы и закономерности роста и развития городов, что является главным недостатком факторов, установленных эконометрическими и статистическими методами.

1.1.2. Факторы территориального развития в экономико-географических исследованиях

В российской экономической географии и региональной экономике в целом сложилось консенсусное мнение о перечне факторов, влияющих на развитие территорий – различается лишь оценка роли каждого фактора для отдельных территорий. В обобщенном виде набор факторов и механизм их действия описан в последнее время для регионального уровня в работах О.В. Кузнецовой [Кузнецова, 2013, 2014], П.Я. Бакланова [Бакланов, 2013, 2014]; для городов в работах Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2001, 2011], А.Г. Махровой и О.Г. Голубчикова [Голубчиков, Махрова, 2013], А.И. Трейвиша [Трейвиш, 2009]. В советской школе экономической географии основополагающие факторы и причины дифференцированного развития городов были рассмотрены в работах крупнейших географов и урбанистов Н.Н. Баранского [Баранский, 1956], Ю.В. Смейле [Смейле, 1961], В.Г. Давидовича [Давидович, 1965]; О.А. Константинова [Константинов, 1965], Б.С. Хорева [Хорев, 1968, 1975], И.М. Маергойза [Маергойз, 1987], Е.Н. Перцика [Перцик, 1980, 1991], Г.М. Лаппо [Лаппо,

1997] и др. Исследованию отдельных факторов развития городов и регионов в отечественной экономической географии посвящены десятки работ на протяжении более чем 50 лет (например, [Варламов, 1962, 1965; Хорев, 1968; Трейвиш, 1982; Глушко, 1990; Шевырова 2005; Любовный, Пчелинцев, 2005; Суковатова, Терехин, 2008; Сидоркина, 2009; Галенко, Сергеева, 2009; Анимица, Власова, 2010; Куликов, 2010; Кармышев, 2011; Ткаченко, 2011; Александров и др., 2011; Мильчаков, 2012; и др.])

Факторы, выделенные в данных работах, как для уровня городов, так и для уровня регионов, в общем участвуют в процессах территориального развития по схожему механизму и проявляются для любой территориальной ячейки (в т.ч. для любого поселения). В силу исключительно высокой роли городов в региональном развитии, будем считать, что факторы территориального развития, проявляющиеся на уровне региона, также являются факторами, влияющими на развитие городов.

В соответствии с делением факторов на объективные и субъективные, проведенным в работе А.Г. Махровой и О.Г. Голубчикова [Голубчиков, Махрова, 2013], несколько изменив содержание этих категорий, выделим две группы факторов, внутренних и внешних по отношению к городу (см. таб. 1.1)

Таблица 1.1. Факторы развития городов в экономической географии.

Внутренние факторы	Внешние факторы
Размер города, численность населения Административный статус Функциональный тип и структура экономики Состояние городской среды Качество населения	Экономико-географическое положение - ЭГП (транспортно-географическое, сбытовое, демографическое, промышленно-географическое и др., в т.ч. положение в системе расселения и природно-ресурсный потенциал окружающей территории) Институциональные условия Политика собственников хозяйствующих субъектов Политика региональной и местной власти

Источник: составлено автором

Внутренние и внешние факторы обладают различной устойчивостью, вариативностью. Внутренние факторы развития более консервативны – изменения их свойств протекают достаточно медленно, в то время как внешние факторы (за исключением, возможно, более устойчивого ЭГП) способны изменяться достаточно быстро, особенно в периоды коренных социально-экономических преобразований. Ниже остановимся на рассмотрении отдельных, наиболее важных факторов из таб. 2 и рассмотрим, какое конкретное влияние на развитие городов они оказывают.

Экономико-географическое положение

Классики советской урбанистической школы – Н.Н. Баранский и И.М. Маергойз в качестве ключевого фактора развития городов выделяли его ЭГП [Баранский, 1956; Маергойз, 1987]. Поскольку это определение является чрезвычайно широким, включающим как природно-ресурсную характеристику окружающей территории, так и хозяйственную (инфраструктурную, демографическую, экологическую и др.), то можно говорить, при оценке влияния факторов ими учитывался целый комплекс различных факторов, синтезированный в одном понятии ЭГП (при этом содержание понятие ЭГП часто выходит за свои широкие первоначальные рамки и «включает» в себя действие другие факторов, указанных в таб. 2). Суть определения ЭГП конкретного города состояла в противопоставлении его с другими городами и населенными пунктами, выделении условий, подходящих для развития или конструировании его специализации для более выгодного участия в географическом разделение труда. Встраивание в систему территориального разделения труда (ТРТ) должно базироваться на объективных предпосылках, для определения которых и было разработано учение об ЭГП. Отличительной особенностью интерпретации фактора ЭГП был тот факт, что город, особенно новый и развивающийся, не должен иметь факторов ЭГП, отрицательно влияющих на развитие экономики. Система государственного планирования должна таким образом подобрать набор функций населенного пункта, чтобы он выполнял их максимально эффективно в сложившихся для него внешних условиях. При этом предпринимались попытки корректировать ЭГП города – через выстраивание ТПК, в который включался город, или строительство инфраструктуры.

Ключевой фактор для развития города – его положение и роль в структуре ТПК или экономических центров окружающей территории. И.М. Маергойз [Маергойз, 1987] в своих работах писал, что ключевым фактором развития города является территориальная и технологическая связность с ядрами ТПК, близость к источникам сырья и промышленности, например, к машиностроению, металлургии и горно-добывающей промышленности Украины и Кузбасса. Экономическая функция городов идет от индустриального сектора, именно от промышленности зависят транспортная, торговая и неэкономические функции.

При изучении городов и факторов их развития полностью не игнорировались и непромышленные функции города, такие как статус административно-политического, культурного, военного центра. Однако, как писал И.М. Маергойз, «мы полагаем, что при экономико-географическом изучении города неэкономические функции должны гораздо менее интересовать исследователя, притом преимущественно с точки зрения их значения для экономики данного города» [Маергойз, 1956].

В современной отечественной экономической географии рассмотрение вопросов ЭГП города как фактора развития приобрело несколько иной вид. Совокупность множества взаимосвязанных факторов ЭГП, изучавшихся в советское время в комплексе, была раздроблена на отдельные составляющие, подвергающиеся рассмотрению в основном по отдельности (например, транспортного, сбытового, геополитического положения [Семина, 2011; Принь, 2013]). Отчасти это было связано с тем, что фактически перестали существовать многие территориальные комплексы, в рамках которых давалась оценка ЭГП (в особенности, его важного вида – промышленно-географического положения), отчасти по причине постепенной трансформации экономики городов от индустриального типа (для которого и разрабатывалась учение об ЭГП) к постиндустриальному, для которого более важны факторы, которым при анализе ЭГП уделялось недостаточное внимание.

Многогранный, разноуровневый, исторический и синтетический характер ЭГП городов делает его количественную оценку проблематичной [Лаппо, 1997], что является ключевым препятствием для использования этой концепции в сравнительных исследованиях, опирающихся на экономические модели. Существующие авторские методы бальной оценки ЭГП города (в том числе и современные – см. [Смирнов, Ткаченко, 2015]) могут быть подвергнуты критике из-за недостаточной сопряженности с экономическими эффектами, им порождаемыми (например, повышенными или, наоборот, пониженными издержками для той или иной деятельности). Прогрессивным представляется подход, рассматривающий ресурс ЭГП в системе рентных отношений [Дронов, 1993], когда город оценивается в том или ином его поле (например, поле транспортных издержек). Несмотря на то, что подобные идеи были распространены еще со времен количественной революции в экономической географии с середины XX века (см. [Варламов, 1965]) в современной отечественной науке они не получили распространения.

Фактически, произошло некоторое устаревание советских подходов в оценке ЭГП по отношению к новой реальности [Новиков и др., 2010], что потребовало пересмотров классических подходов (например, был введен такой термин как «геоэкономическое положение» [Кузнецов, Лачинский, 2014]). Тем не менее, комплексное изучение фактора ЭГП на развитие городов и регионов в отечественной экономической географии продолжается как на теоретическом уровне [Лейзерович, 1975, 2001, 2006; Козлов, 2007; Бакланов, Романов, 2009; Лейзерович, Тархов, 2011], так и в практических исследованиях, в том числе для Урала, Сибири и Дальнего Востока [Голубчик, 2004; Романов, Марева, 2008; Присяжный, 2011; Пономарева, Куприянова, 2011; Себенцов, Зотова, 2013; Кротов, Лавренюк, 2014; Безруков, 2014; Игловская, 2014; Суржиков 2014, и др.].

Исключительно важное значение для городов России (в особенности азиатской части) играет их транспортно-географическое (и шире – инфраструктурно-географическое) положение. Это связано с особенностью их пространственного размещения – большой удаленности друг от друга, низким уровнем развития и связностью транспортной сети (особенно магистрального транспорта), большой зависимостью от перевозок грузов как важного, а порой и единственного механизма участия в ТРТ, обеспечивающего функционирование экономики города. Значительная часть городов сырьевых регионов азиатской России, обладая по сути лишь природными ресурсами, востребованными международной системой разделения труда, критически зависима от ТГП – положения относительно основных транспортных артерий. В свою очередь, роль этого фактора не менее значима и для городов, не участвующих в ТРТ, а лишь обслуживающих его (транспортных центров) [Безруков, Дашпилов, 2010].

Важным для роста и развития городов России на протяжении последних 150 лет являлось их положение относительно системы расселения сельского населения и его демографических характеристик. Рост городов в первую очередь осуществлялся за счет миграционного прироста населения, основную часть которого составляли селяне. Высокий демографический потенциал окружающей территории обеспечивал миграции сельского населения в города, поэтому скорость их роста была во многом связана с количеством, подвижностью и интенсивностью воспроизводства сельского населения.

Процессы урбанизации, интенсивно продолжавшиеся вплоть до конца 80-х годов XX века, привели в значительной степени к исчерпанию демографических ресурсов сельской местности для дальнейшего роста городов [Нефедова, Трейвиш 2010, с.43]. Социально-экономический кризис начала 1990-х годов приостановил миграционные процессы и даже развернул на непродолжительное время миграционный поток из городов в сельскую местность, однако тенденции сокращения сельского и роста городского населения сохраняются. В этой связи, фактор демографического ресурса окружающей город территории продолжает играть важную роль.

Для части городов, расположенных в районах с экстремально низкой плотностью сельского населения (практически вся Сибирь и Дальний Восток, за исключением южной полосы вдоль границы и Транссибирской магистрали), этот ресурс никогда не был значительным. Вместе с тем, в районах, где наблюдаются локальная концентрация сельского населения и демографический переход завершился относительно недавно, либо только входит в финальную стадию (например, в национальных республиках – Башкирии, Бурятии, Якутии и Туве соответственно), высокий демографический потенциал сельской местности при слаборазвитой системе средних городов, которые могли бы «перехватить» мигрантов, становится основным ресурсом роста численности населения региональных столиц (см. например, [Бреславский, 2014]).

Одной из важных составляющих в экономико-географическом положении города является его положение относительно сопредельных государств (государственной границы), возможностей для международной торговли и доступа к международным рынкам капитала.

Советские урбанисты отмечали двоякое влияние пограничного положения на развитие городов. Поскольку в советской плановой системе территориальное развитие носило дирижистский характер, то при принятии управленческих решений учитывались геополитические, стратегические и военно-политические факторы размещения производительных сил и населения. Так, например, до окончания Второй мировой войны и утверждения дружественных режимов на западных границах СССР более быстрыми темпами развивались внутренние города страны [Маергойз, 1987]. После войны пограничное положение благотворно сказывалось на развитии за-

падно-украинских, западно-белорусских, дальневосточных и восточносибирских городов. Этот эффект был связан с усилением трансграничных связей, увеличением потоков между пограничными городами, кооперационным развитием со странами СЭВ, Китаем и Монголией.

В советской экономической географии позитивное влияние пограничных факторов на развитие практически не рассматривались при характеристике ЭГП городов [Кузнецов, Лачинский, 2014, с. 105] и считались не столь значимыми даже для крупных из них [Покшишевский, 1956]. Предполагалось, что своему развитию город обязан (или должен быть обязан) не благоприятным эффектам, возникающим из-за соседства с другими странами, а благодаря правильному территориальному, технологическому и экономическому сопряжению с элементами территориальной экономической системы в своей стране.

Роль фактора пограничности и вовлеченности в систему международного разделения труда (на что, конечно, в не меньшей степени влияет и ТГП) значительно усилилась после распада СССР, когда была утрачена монополия государства на внешнюю торговлю, а многие градообразующие предприятия городов (в особенности Сибири и Дальнего Востока) переориентировали свой сбыт на зарубежные рынки. Возможность встроиться в международную систему разделения труда для отдельных территорий стала важным фактором, обеспечившим выживание предприятий в пореформенный период. Фактор пограничности продолжает играть свою роль и в настоящий момент, особенно в результате процессов глобализации и увеличения объемов международной торговли [Романов, Чурзина, 2012], и явно проявляет себя в восточных регионах России.

Пограничность положения, кроме усиления легальных трансграничных связей, является фактором развития теневого сектора экономики. Особенно ярко это проявляется в азиатской части страны, на Дальнем Востоке. Приграничные города и центры пограничных регионов интегрированы в процесс международной торговли, предпринимательской деятельности, которая зачастую носит полулегальный или нелегальный характер[2]. Если в крупных городах Приморского, Хабаровского края,

[2] По мнению экспертов и аналитическим расчетам, объем нелегальной экономики в пограничных регионах Азиатской России по оптимистичным оценкам, составляет не менее чем половину от реальной экономической деятельности, т.е. сопоставим, а то и превышает официальные данные [Вендина, 2012; Белов, 2004; Бурова, 2006])

Амурской области еще сохранились производства, ориентированные на внутренний рынок, то для малых и средних городов и поселков вклад «пограничной ренты» в развитие очень высок. Это проявляется, прежде всего, в структуре занятости в производственной деятельности, ориентированной на зарубежные рынки (прежде всего в ресурсной сфере, лесном хозяйстве). Города, в которых расположены пограничные пункты перехода, в 90-е годы стали воротами легальной, полулегальной (челночной) и нелегальной торговли, доходы от которой позволили пережить кризис на рынке труда из-за закрытия производств с российской стороны границы.

Экспортоориентированное природопользование, особенно в тех формах, которые оно имело на протяжении 1990-х – начале 2000-х годов в некоторых дальневосточных регионах, позволило населению пограничных городов поддержать уровень жизни, не допустив его обвального снижения [Сидоркина, Цициашвили, 2009]. Участие в «серых» схемах международной торговли в пограничных городах позволяло достичь достатка, недостижимого при работе в традиционных секторах экономики малых городов. Благодаря трансграничной торговле пограничным городам удалось сохранить большую часть инициативных, мотивированных людей, молодежи.

Исключительно важным фактором, входящим в синтетическое понятие ЭГП города и оказывающим влияние на динамику социально-экономического развития, является его позиционное положение в существующей системе городского расселения – в составе городских агломераций, вне или в опорном каркасе расселения [Лаппо, 1978, 1997; Хорев, 1981].

Понятно, что расположение города (вместе с сопутствующей транспортной инфраструктурой) близи более крупного города открывает для его жителей возможности трудоустройства, смягчая кризис занятости в своем городе, способствует притоку инвестиций, инноваций и других форм позитивного влияния, индуцированного крупным городом или агломерацией. Положение в основной полосе расселения или непосредственной близости от неё, в составе опорного каркаса расселения, создает городу окружение, необходимое для устойчивого развития его экономики (возможности сбыта, кооперации, создания других экономических и социальных связей). Изолированное положение в отдалении от других городов, в местности с неразвитой или слабо развитой сетью населенных пунктов выступает барьером модернизации

экономики (меньше рынки сбыта, нет каналов диффузии инновации и т.д.) [Голубчиков, Махрова, 2013].

Численность населения и размер города

Фактор численности населения города (размера города) выделяется во всех без исключения исследованиях динамики городского развития, поскольку является наиболее простым и доступным количественным показателем, оценивающим город. Численность населения города, как правило, выражает в определенном смысле интегральную унифицированную оценку достигнутого уровня социально-экономического развития (по крайней мере в рамках нашей страны): для представления базовых характеристик городов и отличий между ними, как правило, достаточно знать размер каждого из них.

Изучению базовых различий между городами разного размера по динамике их развития посвящено огромное количество работ (приведем лишь ссылки на несколько основных работ географов - классиков и современников [Листенгурт, Смоляр, 1965; Константинов, 1966; Лаппо, Листенгурт, 1967; Марков, 1983; Нефедова, Трейвиш 2001, 2002; Трейвиш, 2003; Дружинин и др., 2010; Зубаревич, 2012]).

Города-миллионеры, а также крупнейшие и крупные города (в отечественной классификации по людности имеют численность населения свыше 250 тыс. человек) сами по себе обладают рядом свойств, приводящих к концентрации в них экономической активности, населения, диверсификации функций, усложнения и улучшения инфраструктурного, коммунально-бытового обслуживания населения. В крупных городах получают развитие функции, ограничено развитые или отсутствующие в малых и средних – научная, образовательная, культурная, административная и др. Полифункциональность крупных центров служит важным фактором, обеспечивающим динамику и устойчивость их развития. Большие города являются местом концентрации экономической активности, обеспечивающим экономию на издержках деятельности (за счет эффектов масштаба), становятся ядрами процесса образования агломераций и локальных систем расселения. Образ жизни, привлекающий мигрантов в крупные города, разительным образом отличается от такового в малых городах и сельской местности, предоставляет гораздо больше возможностей для самовыражения и самоутверждения людей, что является важным фактором концентрации в

крупных городах активных жителей, генерирующих и распространяющих инновации. Рост и развитие крупных городов при отсутствии внешних шоков идет по нарастающей: чем больше становится город, тем сложнее становится структура его экономики и разнообразнее рынок труда, растет внутренний рынок; происходит увеличение человеческого капитала, доходов и уровня жизни населения, и тем более привлекательным он становится для новых мигрантов [Анимица, Власова, 2010; Зубаревич, 2010б].

Большие города (100-250 тыс. человек), а также некоторые крупные, если они не имеют статус региональной столицы, обычно являются важными промышленными центрами, получившими свое основное развитие в период советской индустриализации. Именно в этих городах сконцентрирован основной промышленный потенциал страны, но менее развит третичный сектор экономики. Несмотря на то, что часть таких городов обладают мощной экономической базой, большим рынком труда с относительно высоким уровнем оплаты труда (по сравнению с Россией в целом), они проигрывают конкуренцию крупнейшим городам страны, их экономическое развитие связано с рисками утраты конкурентоспособности производимой продукции и часто нестабильно. Тем не менее, численность населения этих городов (в общей массе) остается относительно стабильной (а естественная убыль компенсируется миграционным притоком населения).

Малые и средние города, как правило, обладают ограниченным набором функций, нередко являются моноотраслевыми, особенно на востоке страны. Образ жизни в малом городе в России слабо отличается от сельского, его инфраструктура (коммунальная, социальная) значительно менее развита, чем в крупных городах, доходы и уровень жизни населения ниже, перспективы индивидуального развития (т.н. «социальные лифты») практически отсутствуют.

В исследованиях последнего десятилетия показано, что крупные города в современной России обладают лучшей динамикой численности населения, чем средние и малые ([Голубчиков, Махрова, 2013; Анохин и др., 2014] и др.), гораздо привлекательнее для мигрантов [Мкртчян, 2011; Мкртчян, Карачурина, 2010, 2013], в них концентрируются основной объем инвестиций и денежных доходов населения [Зубаревич, Сафронов, 2013]. Таким образом, влияние фактора численности населения городов не вызывает сомнений.

Рассмотрение фактора численности населения для городов азиатской России имеет особое значение, поскольку основную их часть составляют малые города (258 из 370, из них 160 с численностью населения менее 25 тысяч человек, см. прил. 1.1), а количество крупных городов на такой обширной территории исключительно мало (всего 10 городов с населением свыше 250 тыс. человек, при том, что всего в России таких городов 75). Таким образом, структура городов Урала, Сибири и Дальнего Востока по численности населения во многом является определяющим фактором развития территории.

Статус города

Влияние фактора административного статуса на развитие города многоаспектно. Придание того или иного особого административного статуса сопряжено с рядом положительных и отрицательных последствий. Механизмы воздействия фактора статуса города во многом обуславливается результатом действия других факторов (которые будут рассмотрены далее – а именно, фактором функциональной структуры и рядом институциональных факторов развития), поскольку в реальности сам по себе статус на развитие города не влияет – влияние оказывают особые нормы институционального регулирования, сопутствующие статусу.

Среди особых статусов, присвоенных российскими городам, выделим три основных: статус административного центра субъекта Федерации, статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) и статус наукограда, – и рассмотрим их подробнее.

Фактору особого административного статуса города придавалось большое значение в советской экономической географии. Как писал И.М. Маергойз [Маергойз, 1987], статус города как административного центра не только должен приводить к концентрации ресурсов, символическому его ношению и выполнению административной функции (города-администратора), но и обязывает город производить руководство экономикой подведомственной ему территории. Административная функция перерастает в административно-хозяйственную, организаторскую функцию. В итоге, за счет концентрации функций в административном центре даже без форсированного развития промышленности, должен наблюдаться его ускоренный рост.

Административный статус города как регионального центра напрямую влияет на его функциональную структуру. В региональном центре размещаются учреждения, обеспечивающие осуществление государственной власти (судебной, исполнительной, законодательной) на территории региона, учреждения здравоохранения, образования, культуры, науки, социального обслуживания населения, исследовательские, проектные, транспортные и другие организации, осуществляющие свою деятельность для удовлетворения потребностей всего региона, а иногда и соседних (межрегиональные центры обслуживания). Придание населённому пункту статуса административного центра, таким образом, предопределяет дифференцированную структуру его экономики, наличие крупного бюджетного сектора (относительно стабильного в отношении занятости в кризисные периоды). Кроме того, региональный центр фокусирует финансовые потоки в регионе, что вызывает мультипликативные эффекты в развитии сферы услуг, а уровень оплаты труда в столице традиционного выше среднерегионального значения.

А.Г. Махрова и О.Ю. Голубчиков [Голубчиков, Махрова, 2013] отмечают, что в постсоветский период развития российских городов именно статус города стал одним из основных дифференцирующих факторов развития. Столицы субъектов, как «проводники» бюджетных средств региона и центры уплаты налогов, получили значительный приток финансовых средств, освоенных на собственное развитие, мультипликативный рост в третичном секторе экономики и малом предпринимательстве, увеличение заработных плат. В то же время, перераспределение ресурсной ренты, вывод доходов из городов региона, где создается добавленная стоимость, негативно сказывается на их развитии, что приводит к усилению внутрирегиональных контрастов. Показано, что эта тенденция не зависит от конкретного регионального центра и наблюдается практически повсеместно [Зубаревич, 2003; Махрова, Перцик, 2004].

Влияние статуса закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) на социально-экономическое развитие города двояко: с одной стороны, важное влияние оказывает сложившаяся функциональная структура экономики города (благодаря которой город и получает особый статус), с другой стороны на развитие города влияет особый режим ЗАТО.

По своей структуре «закрытые города» принадлежат, по мнению А.Н. Швецова, [Швецов, 2002, с.105] к городам нового типа, характерным для эпохи НТР: их

основу составляют НИИ, конструкторские бюро, опытные заводы, испытательные полигоны; население обладает высоким образовательным и интеллектуальным уровнем – важнейшей составляющей человеческого капитала – ключевым фактором развития городов в новое время.

Влияние фактора ЗАТО не было однозначным, особенно в постсоветский период. Если в советское время ЗАТО – центры атомной промышленности и военные базы – находились в привилегированном положении благодаря улучшенной системе снабжения и материально-технического обеспечения, то в условиях коренных трансформаций переходного периода эти преимущества были в значительной мере утрачены. Вместе с тем, ЗАТО и в постсоветский период сохранили некоторые механизмы дополнительной государственной поддержки. В частности, для ЗАТО предусматривается особая система государственных гарантий и компенсаций проживающим там гражданам, действует особая система расчетов при предоставлении межбюджетных трансфертов [Швецов, 2002].

В настоящее время все ЗАТО условно можно подразделить на две категории: подведомственные Министерству обороны и Роскосмосу и ЗАТО атомного цикла, градообразующие предприятия которых входят в состав Госкорпорации "Росатом". В 90-е годы в условиях значительного сокращения расходов на оборону некоторые военные городки были либо полностью ликвидированы, либо численность населения в них сократилась в разы. Однако кризис градообразующей функции ЗАТО, финансирующихся напрямую из государственного бюджета, был сглажен ростом бюджетных ассигнований начала-середины 2000-х годов и, особенно, последних лет.

Важнейшее значение для жизнедеятельности предприятий и организаций ЗАТО играет пропускной режим особой строгости и соответствующие ограничения для перемещения грузов и людей через границу ЗАТО. В силу подобной закрытости возможности привлечения сторонних инвестиций сильно ограничены, а развитие ЗАТО практически полностью продолжает зависеть от деятельности градообразующих предприятий. Сложившаяся ситуация приводит к противоречию: ЗАТО, как одни из наиболее благополучных моногородов страны, с высоким кадровым, интеллектуальным потенциалом, с сохранившейся современной городской средой, привлекательной для жизни и работы, не могут в полной мере реализовать свой потенциал. Для создания условий, в которых этот потенциал мог бы раскрыться, нужны

институциональные реформы – требуется изменение статуса ЗАТО, режима хозяйствования, контрольно-пропускных мероприятий и др. [Коваль, 2002].

Большое число работ, связанных с изучением проблем социально-экономического развития городов с особым административно-территориальным статусом, было опубликовано по городам Урала, Сибири и Дальнего Востока, где на данный момент располагается основная часть (11) таких городов. По разным аспектам социально-экономических проблем ЗАТО было защищено несколько кандидатских диссертаций по истории [Рясков, 2004], экономике [Коваль, 2002; Летаева, 2005; Редюшев, 2006; Стоюшко, 2008], юрисприденции [Байдаров, 2014]. В последние годы тема социально-экономического развития ЗАТО была освещена в книге Н.В. Мельниковой (на примере исторических данных по городам атомной промышленности Урала [Мельникова, 2006]), работе П.М. Поляна и Г.М. Лаппо [Полян, Лаппо, 1997], Е.А. Анимицы с соавторами [Анимица и др., 2002], а также в других публикациях, затрагивающих частные вопросы развития ЗАТО ([Редюшев, 2008; Козлов, 2008; Летаева, Федорова, 2012 ; Константинова, 2014] и др.)

Изучение ЗАТО в нашей стране, несмотря на продолжающуюся либерализацию их режима, сопряжено с целым набором сложностей, в числе которых в первую очередь доступ к информации. До сих пор точно не восстановлена даже динамика численности населения ЗАТО в советские годы [Тольц, 2004] (из соображений секретности население ЗАТО целиком приписывали или «размазывали» по другим регионам). В настоящее время статистические ведомства не публикуют никакой социально-экономической информации о городах с особым статусом, кроме численности населения в них. Именно это обуславливает тот факт, что до сих пор не было проведено глубоких географических исследований динамики социально-экономического положения ЗАТО, а имеющиеся исследования ограничиваются рассмотрением отдельных случаев.

Функциональная структура наукограда как таковая (как и в случае с ЗАТО) с ориентацией на выполнение научно-исследовательских и научно-производственных функций оказывает, возможно, более сильное влияние на развитие города, чем формальное обладание особым статусом. Как и в случае с ЗАТО, обладание статусом наукограда предусматривает получение им прямых федеральных трансфертов, воз-

можность реализации программно-целевых мероприятий в области совершенствования научной и инновационной инфраструктуры на основе государственного софинансирования.

Неприспособленность к рыночным условиям научных учреждений наукоградов, фактическая «монопрофильность», снижение государственного финансирования расходов на науку стали ключевыми проблемами этих городов в постсоветское время [Агирречу, 2009]. Зачастую недостаток финансирования научных исследований и отсутствие государственного заказа приводили к тому, что руководство предприятий вынуждено было сокращать сотрудников или отправлять их в неоплачиваемые отпуска. В условиях крайне ограниченного рынка труда наукоградов это приводило к высокой безработице и другим негативным социальным эффектам, активизировалась эмиграция и процесс «утечки умов» [Антонов и др., 2011]. Фактические конкурентные преимущества наукоградов в результате оказались их проблемой. Тем не менее, многие наукограды пережили период трансформации и смогли адаптироваться к новым условиям рыночной экономики (в т.ч. и единственный наукоград в азиатской части России – г. Бийск, см. [Ягольцинер и др., 2008; Теплова, Жидких, 2009]).

Функциональный тип и структура экономики

Исключительно важное значение функций, которые выполняет город, для динамики его развития было очевидно еще первым исследователям городов в нашей стране. В частности, в масштабной работе К.И. Арсеньева [Аресеньев, 1834], проследившего в своём историко-географическом очерке судьбу почти 500 российских городов на протяжении 200 лет, отмечалась различная динамика торговых, промысловых и сельскохозяйственных центров.

В советской экономической географии изучению функциональной структуры городов уделялась едва ли не центральная роль. Среди ключевых теоретиков и практиков того времени стоит выделить В.Г. Давидовича [Давидович, 1956, 1965], О.А. Константинова [Константинов, 1957, 1963, 1964], Б.С. Хорева [Хорев, 1968]; А.А. Минца [Минц, Хорев, 1959, 1961], В.В. Покшишевского [Покшишевский, 1962] и др. В своих работах 50-60-х гг. они заложили основы функциональной типологии населенных пунктов, которая использовалась в последующих работах советской районной школы и востребована до сих пор.

Один из основоположников градоведения в нашей стране Б.С. Хорев [Хорев, 1965, с.3] считал, что именно «анализ функций городов служит своего рода ключом к пониманию вопросов роста и величины городов и особенностей их размещения. Это центральная тема в географическом изучении городов». Важное значение в работах того времени уделялось соотношению полифункциональности и монофункциональности города. В.Г. Давидович [Давидович, 1965] обосновывал необходимости дифференциации и генетической обусловленности усложнения структуры экономики города и набора выполняемых их функций. В работах 1960-70-х гг., в период активной экономической экспансии во внутреннюю периферию, было показана зависимость скорости роста городов от их функционального типа, в т.ч. в связи со сменой технологических укладов экономики, отмиранием «старых» отраслей народного хозяйства и развитием «новых».

В современных исследованиях городского развития особо подчеркивается, что на социально-экономическое развитие влияет набор функций (их тип и разнообразие), выполняемых населенным пунктом. Полифункциональность, развитие различных отраслей придает бóльшую устойчивость экономике города. Высвобождение работников с закрывающихся предприятий, кризисные явления в одной сфере абсорбируются в той или иной степени другими секторами экономики. Как было показано выше, этот факт в явном виде осознавался в советское время. Однако, несмотря на определенные усилия со стороны советской системы планирования, огромное количество российских городов, особенно в районах нового освоения, так и не смогло развить в своей структуре экономики устойчиво функционирующие сектора, помимо градообразующего. Возможно, для этого просто не хватило времени, однако для объяснения этого существуют и объективные причины.

Отраслевая специализация и различная динамика основных секторов экономики (промышленности и транспорта), имевшая место всегда, но с еще большей силой проявившаяся на постсоветском этапе развития, задали базовые траектории развития городов. Обладание конкурентоспособной специализацией (например, в сфере добычи нефти и газа) предопределило позитивную динамику как численности населения города, так и его экономического развития; «неудачная» специализация (например, на сложном машиностроении) в условиях постсоветского кризиса привела к проявлению большого количества негативных явлений – росту безработицы,

снижению доходов населения, миграционному оттоку и т.д. Исторически опыт России и зарубежных стран показывает, что «удачная» или «неудачная» отрасль специализации в индустриальную эпоху, как правило, обуславливалась сменой технологических укладов. Однако в российских условиях на этапе рыночной трансформации определяющим фактором успешности отрасли стал не столько технологический уклад (и шире - достигнутый производственно-технологический уровень предприятий), сколько востребованность продукции, в том числе за рубежом. Многие города, предприятия в которых были на передовой научно-технического прогресса и выпускали сложную машиностроительную продукцию, ориентированную в основном на внутренний рынок, оказались, зачастую, в худшем положении, чем, например, города газовой промышленности или с развитым агропромышленным сектором. При этом монопрофильность экономики в периоды благоприятной экономической конъюнктуры вовсе не является «проклятием» городов конкурентоспособных специализаций – напротив, она позволяет максимально эффективно использовать имеющийся природный и производственный потенциал, сконцентрировав усилия на градообразующей деятельности. Так, одну из наиболее позитивных динамик социально-экономического развития в нашей стране демонстрируют города нефтегазового сектора, по факту являющиеся монофункциональными, в которых все остальные отрасли (в том числе третичного сектора) едва ли будут конкурентоспособны и самодостаточны без устойчивого функционирования градообразующей.

Проблема моногородов – не исключительно российский феномен. Многие города индустриально развитых стран мира в периоды смены технологических укладов сталкивались с кризисными явлениями в экономике, тем или иными способами адаптируясь к ним (путем диверсификации экономики, либо миграции). Другое дело, что для основной массы российских моногородов адаптационные механизмы работают плохо – им не хватает ни финансовых, ни человеческих ресурсов, ни ресурсов пространственного положения.

В жизни городов Урала, Сибири и Дальнего Востока вопрос о структуре и типе их функций играет важнейшую роль. Зародившись как монофункциональные центры, далеко не все города, особенно небольшие, смогли диверсифицировать свою экономику. Слаборазвитость системы расселения, инфраструктурной освоенности, ограниченность природных ресурсов и лимитированость климатическими

условиями не позволили им успешно адаптироваться к новым условиям и подорвали социально-экономическую стабильность моногородов востока России. Решение проблем моногородов требует системного подхода, который, к сожалению, в нашей стране не реализуется.

Институциональный фактор

Влияние институционального фактора на развитие городов можно выделить на нескольких уровнях. На самом верхнем из них (федеральном) на развитие городов, как элементов общестрановой экономической системы, оказывают влияние фундаментальные нормы и правила функционирования субъектов экономики и хозяйственной системы (людей, предприятий, регулирующих органов и т.д.), принятые в стране. Условия функционирования экономической системы сильно отличаются, например, в социалистической и командной экономике от условий развития в капиталистических странах. Поскольку в нашей стране в 1991 году произошел переход от одного типа экономико-политической системы к другой, кардинально поменялись и общие условиях жизнедеятельности всех субъектов, принимающих участие в процессе территориального развития. Изменение политико-экономического режима в стране привело к смене парадигмы развития: произошел переход от государственного конструирования экономической системы с ориентацией на выравнивание пространственных различий к неолиберальной модели развития экономики, основанной на рыночных отношениях и постулирующей необходимость минимизации присутствия и роли государства в управлении экономикой и территорией. Предполагалось, что отказ от фактического директивного руководства хозяйствующими субъектами будет компенсирован новой институциональной моделью регулирования, стимулирующей развитие частной инициативы, частного бизнеса, усиливающей роль местного самоуправления и т.д., что в итоге должно будет привести к утверждению самоподдерживающихся механизмов экономического роста и развития. В реальности нормально работающая институциональная система так и не была создана. Адаптация советских городов к рыночным условиям сопровождалась обвальным падением экономики и уровня жизни населения. Более того, в рамках новой институциональной системы накопленные, но сдерживаемые прежним политико-экономическим режимом проблемы развития городов многократно усилились [Махрова, Голубчиков, 2013].

Второй уровень институциональных факторов проявляется непосредственно в городах (и в целом для любой территории), для которых помимо национальных регулирующих норм и правил действуют специальные условия. Как правило, такие условия используются как инструмент региональной политики, направленной либо на сглаживание негативных эффектов, проявляющихся на территории, либо для стимулирования развития позитивных. Два таких особых институциональных инструмента уже были рассмотрены выше (придание городу статуса ЗАТО и наукограда). К числу других механизмов институционального регулирования относится, в первую очередь, создание территориальных зон с особыми правилами регулирования хозяйственной деятельности: зоны районов Крайнего Севера (см. подробнее об институциональном регулировании в зоне Крайнего Севера в России и за рубежом в приложении 1.4), зоны территорий, приравненных к районам Крайнего Севера, особые экономические зоны (ОЭЗ), зоны территориального развития (ЗТР), территории опережающего развития (ТОР) и другие зоны с особыми условиями регулирования и налогообложения. Часть этих институциональных факторов действовала еще в советское время (например, по отношению к Северу), часть факторов уже прекратила свое действие с ликвидацией соответствующей нормативно-правовой базы (например, во многих регионах РФ и ЗАТО в 90-е годы по сути действовали «внутренние офшоры» [Швецов, 2002, с.113; Шавров, Тюрин, 2012]), части из них только внедряются (в стадии формирования находятся ТОР).

На третьем уровне институциональных факторов, влияющих на развитие городов и территорий, выделим такие инструменты региональной политики, которые регулируются посредством специальных государственных программ и механизмов: федеральные целевые программы, специальные инвестиционные программы Инвестиционного фонда, программы поддержки моногородов, программы создания технопарков в сфере высоких технологий, производственных кластеров и др. Эти механизмы и программы, в отличие от рассмотренных выше, в первую очередь предусматривают выделение финансовых средств для городов и регионов для реализации точечных проектов развития. Вхождение города в ту или иную программу в качестве участника позволяет ему рассчитывать на получение федерального (или регионального в случае региональных программ) финансирования в объемах, порой превыша-

ющих внутренние финансовые ресурсы. Особенно сильное влияние оказывает на города осуществление инвестиционных проектов, приуроченных к проведению статусных мероприятий, на которые выделяется финансирование из федерального бюджета (например, саммит АТЕС 2012 года во Владивостоке, универсиада в Красноярске 2019 года).

На территории Урала, Сибири и Дальнего Востока влияние описанных институциональных факторов чрезвычайно велико. Во-первых, из 370 городов 36 городов расположено в районах крайнего Севера, 46 городов – в районах, приравненных к крайнему Северу. Соответственно, в этих городах действуют специальные регулирующие нормы (районные коэффициенты, специальное трудовое законодательство, особый порядок выхода на пенсию и др.). Во-вторых, в трех городах действует режим свободной экономической зоны – в Томске (технико-внедренческого типа), в Верхней Салде (промышленно-производственного типа) и Советской Гавани (портового типа). В ближайшем будущем некоторые города Дальнего Востока (окончательный список пока не утверждён) получат особый статус ТОР, что должно будет придать импульс их развитию [Бакланов, 2014]. В трех региональных столицах реализуются федеральные программы по развитию технопарков в сфере высоких технологий (Екатеринбург, Тюмень, Кемерово). Более 100 городов на текущий момент находятся в списке моногородов, утвержденном правительством[3], (из них 28 городов отнесены к группе с наиболее сложным социально-экономическим положением), что позволяет им рассчитывать на дополнительное финансирование. Отдельные проекты в этом направлении уже реализуются (например, в Краснотурьинске).

Описанные институциональные условия носят формальный характер (хотя, возможно, и не всегда получают обоснование по формальным критериям). Они закрепляют ответственность и обязанности со стороны государства по отношению к территориальному развитию. Однако, помимо, государства, важным субъектом экономики являются предприятия, частный бизнес, общественные организации, взаимодействующие между собой в основном на неформальной основе. От успешности этого взаимодействия, тех правил по которым оно осуществляется во многом зависит развитие территорий [Петров, Титков, 2010].

[3]в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 года №1398-р

Большое влияние на развитие городов имеет политика градообразующих предприятий (ГРОП), их собственников. Процесс приватизации ГРОП привел к появлению многочисленных собственников различного уровня – регионального, федерального или местного. Поскольку приватизации подверглись предприятия различных отраслей экономики, в разном состоянии и обладающие различной конкурентоспособностью и перспективами, то они были в разной степени привлекательны для тех или иных групп собственников. Наиболее крупные и прибыльные предприятия попали в руки финансово-промышленных групп (ФПГ), обладающих значительными финансовыми ресурсами; другие – оказались под управлением собственников местного уровня. От того, какое место в активах (производственно-технологических цепочках) ФПГ занимало то или иное предприятие (базовый актив, второстепенный или непрофильный), зависела инвестиционная политика, которая либо способствовала адаптации предприятий к новым условиям и позволяла ему пережить этап трансформации, либо нет [Кузнецова и др., 2008]. Непривлекательные и непрофильные активы в городах быстрее приходили в упадок.

В советское время именно на плечи градообразующих предприятий ложилась значительная часть социальной нагрузки в городах. Отказ бизнеса от непрофильной деятельности, передача социальных функции государству, произошедшие повсеместно в российских городах, сильно повлияло на состояние городской социальной и коммунальной инфраструктуры. Текущие взаимоотношения бизнеса и города стали зависеть от неформальных связей с руководством города, основанных на личных контактах и заинтересованности собственника в развитии города вообще. Иногда масштабные проекты, реализуемые в городах присутствия крупных ФПГ, оказываются сопоставимы и даже превосходят по масштабам деятельность органов местного самоуправления по совершенствованию городской и социальной инфраструктуры.

В качестве институциональных факторов последнего, четвертого уровня представляется возможным выделить функцию управления городом. В основном эта нагрузка ложится на региональную власть и органы местного самоуправления. Последние, в условиях российского налогового и бюджетного законодательства, не обладают ресурсами и полномочиями, необходимыми для реализации важных с их точки зрения проектов и реформ. Эта ситуация, в целом, не сильно различается от

города к городу (подавляющее большинство муниципалитетов, даже с успешными предприятиями, являются дотационными) и является общей проблемой. Отсутствие финансовых ресурсов и полномочий, их сверхвысокая централизация на вышестоящих уровнях бюджетной системы не позволяет задействовать такой сильный фактор (работающий в зарубежных странах) регионального и городского развития, как местное самоуправление. В качестве замены финансовых ресурсов и полномочий городам предлагается заняться стратегическим планированием, повышением эффективности использования уже имеющихся средств. В целом соглашаясь с выводами Н.И. Шевыровой, изложенными в первой в нашей стране диссертационной работе по институциональным факторам развития городов [Шевырова, 2005], о сильном влиянии управленческих технологий на уровень и качество городского управления, нельзя не отметить, что их результирующее влияние на развитие городов в общем случае мало. Наличие программного документа стратегического планирования в городе не оказывает никакого позитивного влияния на реальную динамику социально-экономического развития [Жихаревич, Русецкая, 2014].

Обобщая проведенный анализ, можно отметить, что каждая дисциплина (экономическая география, региональная экономика, эконометрика) пользуется своим понятийно-терминологическим и методологическим аппаратом, по-разному определяет важность разных факторов с точки зрения влияния на развитие города или региона.

Оценки механизма взаимодействия факторов также могут различаться. Назовем набор факторов и закономерности их взаимодействия факторной системой и попытаемся кратко описать существующие между ними, с нашей точки зрения, отличия, выделив сильные и слабые стороны (см. табл.1.2).

В работах, изучавших факторы развития в рамках экономической географии, объект исследования признается уникальным (в особенности город) – ему присущ набор многочисленных атрибутов и свойств, проявляющихся особым образом. Общие закономерности, а также частные случаи проявления этих свойств были досконально изучены на примере множества конкретных территорий. Выделяя общие закономерности и тенденции для совокупности изученных территорий, географы при этом часто устранялись от поиска их строгого математического доказательства

своих выводов, полагая, что такое решение, которое можно будет универсально масштабировать в других исследованиях, невозможно. Успешно предпринимались только отдельные попытки на стыке экономической географии и экономики для описания «общего случая» в многочисленных работах, например, по теории размещения (И. Тюнен, А. Леш, А. Вебер и др.), но практически никогда не удавалось объяснить частные, достаточно сложные для моделей случаи. В итоге, результаты исследования факторов развития территорий оформлялись в виде концепций (например, экономико-географического положения, штандорта и др.), с успехом используемых для объяснения (а в советской экономической географии и для конструирования) процессов экономического развития.

Таблица 1.2. Сильные и слабые стороны факторных систем развития городов и регионов, установленных в научных дисциплинах, изучающих территориальное развитие

№	Дисциплина		Доказательная сила		Объяснительная сила	
	Вид исследования		Общий	Частный	Общий	Частный
1	Экономическая география		±	-	+	+
2	Экономика	Теории регионального развития	+	-	+	-
		Новая экономическая география	+	±	+	-
		Эконометрика, статистика	+	±	-	-

Источник: составлено автором

Примечание. Под общим случаем исследования здесь мы подразумеваем некий абстрактный объект (город или группу городов) с наперед заданными свойствами, а под частным – конкретный, реально существующий объект (конкретный город, экономический район и т.д.)

Схожая ситуация наблюдалась до некоторого момента и в экономической науке, где, начиная с 60-х годов XX века, появилось множество концепций территориального развития. Изначально эти концепции в общем-то опирались на выводы экономической географии и не содержали в себе элементов строго математического моделирования. На основе части из этих моделей, при существенной редукции круга рассматриваемых факторов (в первую очередь географических, не поддающихся формальному описанию), были созданы общеэкономические теории территориального развития (неоклассические теории и теории кумулятивного роста). В их про-

должение и уже значительно позже, с целью вернуть редуцированные географические факторы в строгие модели, появились теории, оформившиеся в итоге в виде «новой экономической географии» (НЭГ). Успехи в математическом моделировании, развитие вычислительных мощностей, применение оригинальных концепций позволили максимально расширить факторную систему НЭГ. Тем не менее, «объясняя» и «доказывая» механизмы дифференцированного территориального развития в общем случае, НЭГ по-прежнему часто бессильна в объяснении частных случаев.

Любая из существующих на текущий момент факторных систем (как в экономической географии, так и в экономике) является неполноценной и не способна разрешить полный спектр возникающих проблем территориального развития. Экономические концепции имеют слабые места в объяснении процессов конкретных объектов исследования (городов, агломераций и т.д.). Из-за низкого качества входных данных для моделей (региональной и, особенно муниципальной статистики) их доказательная способность оказывается скомпрометированной в нашей стране. Экономико-географические концепции и подходы в этих условиях, особенно в приложении к проблемам территориального развития конкретных объектов, часто более результативны. В итоге, имея свои преимущества и недостатки, но органично дополняя друг друга, географические и экономические концепции, привлекаемые совместно для объяснения проблем территориального развития, могут показать наибольшую эффективность.

§1.2. Обзор современных урбанистических исследований городов Урала, Сибири, Дальнего Востока

Проблематика социально-экономического развития городов Урала, Сибири и Дальнего Востока занимает особое место в российской урбанистике из-за ряда уникальных, не похожих на другие города нашей страны особенностей формирования, развития и текущего положения. К числу этих особенностей стоит отнести их уникальное географическое положение – на последовательно сменявшемся фронтире освоения и колонизации Уральского региона, а затем азиатской части России. Эти города стали одними из первых, формирующих новые типы городов и городских систем – горнозаводских городов (на Урале), городов – баз пионерного освоения территории (в Сибири и на Дальнем Востоке), городов-ЗАТО, полицентричных агломераций-конурбациий (на Кузбассе) и т.д. Города востока России за последние двести

лет пережили периоды активного развития, упадка и стагнации, возрождения, став важным объектом изучения в географической науке. В советское время изучению роста и развития восточных городов России (и в целом Азиатской части СССР) было посвящено едва ли не центральное место в географическом изучении городов.

К классическим обобщающим работам, посвященным городам рассматриваемой зоны, нужно отнести работы Л.Е. Иоффа [Иофа, 1951] и Е.Г. Анимицы [Анимица, 1975, 1979] по городам Урала; Р.М. Кабо [Кабо, 1949] о городах Западной Сибири, Е.Н. Перцика [Перцик, 1980] и Б.И. Оглы [Оглы, 1975] по городам Сибири, В.В. Воробьева [Воробьев, 1959] о городах юга Восточной Сибири. Многочисленные исследования были посвящены региональной системе городов Кузбасса [Глотов, Перцик, 1972; Спидченко, 1947; Глотов, 1972; Заболотская, 1989]. Проблемы развития северных городов, неразрывно связанные с пионерным освоением пространства, описаны в ставших классическими работами С.В. Славина [Славин, 1958, 1975], К.П. Космачева [Космачев, 1974], Г.А. Аграната [Агранат, 1975, 1981, 1984, 1992], А.Н. Пилясова [Пилясов, 2009].

К числу основных авторов, уделяющих и уделявших значительное внимание вопросами развития городов Урала, Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера необходимо отнести В.Л. Глазычева, В.Я. Любовного, Г.М. Лаппо, А.Н. Пилясова, Л.М. Корытного, Н.В. Воробьева, В.С. Селина, В.Н. Лаженцева, Т.Е. Дмитриеву, М.К. Бандмана, Н.Ю. Замятину, В.В. Фаузера, Л.А. Безуркова, П.Я. Бакланова и других многочисленных исследователей, в основном работающих в научных учреждениях европейского Севера, Москвы, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Ключевые из них обобщены в Прил. 1.7, где помимо важнейших исследовательских центров указаны основные научные географические, экономические и другие общественно-научные журналы, в которых как в прошлом, так и в настоящем публикуются основная часть теоретических и прикладных работ, посвященных вопросам развития городов, экономики и общества рассматриваемой территории.

Поскольку объект нашего исследования достаточно обширен, а круг рассматриваемых вопросов, авторов и мнений достаточно широк, то мы вынуждены опустить детальное рассмотрение выводов, полученных авторами в ходе своих исследований городов Урала, Сибири и Дальнего Востока (и не только) и будем упоминать о них и сравнивать с нашими рассуждениями по ходу дальнейшего исследования

там, где это кажется необходимым. Отметим лишь кратко крупнейшие ретроспективные публикации последних лет, наиболее актуальные для целей нашего исследования.

На общем фоне выделяется коллективная монография, подготовленная коллективом авторов Института географии СО РАН им. В.Б. Сочавы – «Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири» [Александров и др., 2011]. В монографии на основе исторических и актуальных данных рассмотрена эволюция расселенческих структур на территории от Тюменской области до Якутии, даны оценки влияния экономико-географического, природно-ресурсного, климатического, демографического, исторического и других факторов на рост и развитие сибирских городов. Особое внимание уделяется развитию сибирских агломераций, моногородов, демографическим процессам в городах и сельской местности, миграционной ситуации и т.д. Характерные для сибирских городов процессы наиболее детально рассмотрены на примере Байкальского региона. Анализу подвергаются в том числе и некоторые нетрадиционные для отечественной географии, но важные аспекты влияния институциональных условий на развитие городов, в т.ч. роль некоммерческих организаций. Отдельная глава посвящена исследованию человеческого потенциала как важного ресурса развития сибирских городов.

Обобщающих работ, подобных по уровню и охвату проблем, для других макрорегионов Азиатской части России в последние двадцать пять лет выпущено не было. К отдельным значимым, но не исчерпывающим, можно отнести работы по городам Западной Сибири Е.А. Матовых [Матовых, 2012], рассмотревшей особенности урбанизации и экономического развития в постсоветский период на примере городов Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей и Алтайского края. С.А. Баканов выполнил ряд ретроспективных исследований старопромышленных городов Урала в позднесоветское время [Баканов, 2005], изучив процессы развития экономической депрессии при смене технологических укладов, усилившиеся в 90-е годы. Автором показано, что негативные экономические и демографические процессы в ряде городов угольной и металлургической отрасли района проявились уже с 60-х годов 20 века.

В.С. Мартьянов [Мартьянов, 2013] в статье «Стратегия городского развития в арктическом регионе России» анализирует исторические особенности развития российских и зарубежных городов в арктической зоне, указывая на ошибки советского планирования городского расселения, недостатки пространственного размещения городов и препятствия для предприятий и населения для адаптации к новым постсоветским экономическим условиям. Особо подчеркивается необходимость инфраструктурного развития северных городов, повышения мобильности населения, диверсификации экономики, что должно помочь преодолеть негативные эффекты, доставшиеся в наследство от советского периода экстенсивной урабанизационной модели городского развития на севере.

О.Б. Дашинамжилов [Дашиманжилов, 2013] рассмотрел в ретроспективе с 1959 года до наших дней динамику демографического развития малых городов Западной Сибири, выделив различную динамику на разных этапах развития сырьевых городов (с подразделением на отрасли угольной, нефтяной и газовой, лесной промышленности и добычи руд цветных и черных металлов), городов с преобладающей транспортной функцией, локальных организующих и региональных центров. В его работе было показано различное влияние отраслевой специализации на рост и развитие городов в советское время и в последние двадцать пять лет.

Подобные исследования для дальневосточных городов с большим уклоном в динамику их экономического, а не демографического положения были проведены А.А. Чурзиной [Чурзина, 2009], С.Н. Найден [Найден, 2014] как самостроятельно, так и в соавторстве с Е.Л. Мотрич [Мотрич, Найден, 2009], Е. О. Колбиной [Колбина, Найден, 2013] и другими исследователями.

Исследования территории Уральского макрорегиона в значительно большей степени сконцентрированы на экономических, а не географических аспектах (вероятно, сказывается отсутствие географических академических институтов). Вместе с тем, к важным работам последнего времени (помимо работ классика уральского градоведения – Е.Г. Анимицы [Анимица, 1999; Анимица, Власова, 2009; Анимица, Новикова, 2010]) стоит отнести публикации Е.Б. Дворякиной [Дворядкина, 2005; Дворядкина и др., 2014], Н.Ю. Власовой [Власова, Дворядкина, 2005], И.Д. Тургель [Тургель, 2014]. Особое внимание в исследованиях городов Урала уделяется проблеме монопрофильности.

Изучению проблем социально-экономического развития городов Урала, Сибири и Дальнего Востока уделяется большое внимание и в рамках диссертационных исследований. По данным электронного каталога российской государственной библиотеки за постсоветский период было защищено свыше 130 диссертаций (кандидатских и докторских), объектом изучения которых были российские города и проблемы городского развития. Исходя из соответствия целям и объекту данного исследования, все диссертационные работы (по сведениям, содержащимся в авторефератах) были разбиты на 4 группы (от 0 до 3, см. табл. 1.3.).

Таблица 1.3. Диссертационные исследования, объект изучения которых затрагивает города Урала, Сибири и Дальнего Востока

Дисциплина/Группа	0	1	2	3	Всего
Экономика	20	23	13	13	70
География		4	1	11	16
История	3	3	9		15
Архитектура	5	3	1		9
Социология		5	3	1	9
Техника	2	2	1		5
Культурология	1	1	1		3
Искусствоведение	1	1			2
Медицина		2			2
Юриспруденция	1		1		2
Филология		1			1
Философия			1		1
Всего	33	45	31	25	135

Источник: составлено автором

К нулевой группе были отнесены работы, результаты которых не представляют непосредственного интереса для целей данного исследования. Их основу составляют работы, защищенные по экономическим специальностям (в первую очередь посвященные методологическим подходам стратегического управления экономическим развитием городов или различными их аспектами) и архитектуре (архитектурно-планировочные и культурно-исторические особенности формирования застройки). К первой группе (самой большой по числу) в основном отнесены работы, в которых исследуется какая-либо конкретная проблема развития городов Урала, Сибири или Дальнего Востока (например, территориальное устройство муниципальных образований [Борисов, 2004] или факторы здоровья населения городов [Ведышева, 2008]), либо другой части страны (например, [Мельникова, 2015]). Частные

положения и выводы этих диссертаций, особенно в отношении ключевых групп городов (региональных столиц, промышленных центров, депрессивных и моногородов) представляют значительный интерес.

Две оставшиеся группы работ (2 и 3) наиболее приближены к целям настоящего исследования. Помимо диссертаций по экономическим специальностям, большой практический интерес представляют работы исторического характера, объектом исследований которых являются города рассматриваемой территории в XX веке [Каймашникова, 2004; Рисков, 2004]).

В этих работах раскрываются особенности и проблемы формирования социально-экономической среды городов, отразившиеся на их развитие в период постсоветских трансформаций и заложивших траектории будущего развития. Третья группа исследований почти целиком состоит из диссертаций, защищенных по экономико-географической и экономическим специальностям (за исключением дисс. по социологическим наукам [Икингрин, 2000], в которой рассматриваются особенности социальных трансформаций в городах Уральского и Тюменского севера в переходный период).

Среди географических работ прежде всего стоит выделить диссертации, рассматривающие проблемы социально-экономического развития городов и их типов в масштабах всей России [Шевырова, 2005; Агирречу, 2006; Зотова, 2007; Мильчаков, 2012; Микрюков, 2016], а также конкретных территорий и агломераций [Сабанин, 1992; Вельская, 2005; Рыков, 2007; Емельянова, 2013; Илюшкина, 2013]. Схожими с последними по тематике являются работы, защищенные по экономическим специальностям, особенно в русле уральской школы градоведения и региональной экономики [Некрасов, 2004; Медведева, 2004; Воробьев, 2005; Зурабова, 2005; Дворядкина, 2005; Седых, 2005; Костина, 2006; Зорин, 2007; Рощина, 2008; Ушаков, 2010; Матовых, 2012; и др.].

Обзор тематики и охвата диссертационных исследований российских городов (в том числе Урала, Сибири и Дальнего Востока) позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, на общем фоне количественно выделяются экономические исследования, большая часть из которых, однако, носит скорее теоретический характер, а роль непосредственно городов в них сводится к объекту апробации. Лишь в неболь-

шой доле диссертаций по экономическим специальностям раскрываются особенности социально-экономического развития городов конкретных специфических территорий или типов. Особенности пространственного экономического развития в основном исследуются на уровне региональных систем городов, гораздо реже – межрегиональных, но практически никогда не выходят на уровень всей страны или крупных её частей. Экономико-географические исследования городов Урала и азиатской России являются немногочисленными и в основном также сфокусированы на рассмотрении локальных проблем крупных городов и агломераций. В этом отношении настоящее диссертационное исследование значительно шире по масштабу территориального охвата объекта исследования.

§1.3. Полимасштабные исследования российского рынка труда

Изучению трансформационных процессов российского рынка труда в постсоветское время посвящено большое число исследовательских работ, выполненных преимущественно экономистами, для которых рынок труда является одним из классических объектов изучения. Во всем многообразии проведенных исследований, исходя из их территориального охвата и уровня, можно выделить несколько ключевых (см. табл.1.5).

Таблица 1.4. Уровни, направления и основные ученые - исследователи рынка труда (РТ) в РФ

Уровень исследований	Национальный	Региональный	Локальный (поселенческий)
Ключевые направления	Трансформация национального РТ, изменение структуры РТ и потоки ТР (реструктуризация и реаллокация), особенности функционирования отдельных секторов РТ (корпоративного, некорпоративного, безработицы и др.), заработная плата, неформальная занятость, международная миграция	Структура РТ и её динамика, неравенство в уровне оплаты труда, экономическая активность и безработица, неформальная занятость, межрегиональная трудовая миграция	Структура локального РТ, безработица, маятниковые трудовые миграции
Основные представители	Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон, А.Г. Коровкин, Т.М. Малева	С.И. Смирнов, А.Ю. Ощепков, Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян	Ж.А. Зайончковская, Ю.Ю. Шитова, Шитов Ю.А. Т.Г. Нефедова

Источник: составлено автором

К исследованиям верхнего (национального) уровня относятся обобщающие работы, рассматривающие ключевые особенности постсоветской трансформации российского рынка труда в масштабах страны. Важнейший вклад в их изучение внесли исследования видных отечественных экономистов Р.И. Капелюшникова [Капелюшников, 2001], В.Е. Гимпельсона [Гимпельсон, 2002] и А.Г. Коровкина [Коровкин, 2002], а также возглавляемых ими исследовательских коллективов центра трудовых исследований (ЦэТИ) ВШЭ и лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов ИНП РАН соответственно. В фокусе их исследований[4] были общие проблемы трансформации отечественного рынка труда (например, [Коровкин, 2013]), особенности протекавших в нем процессов от других стран с переходной и рыночной экономикой [Капелюшников, 2001]. Многочисленные исследования также были посвящены более частным вопросам: изменению структуры рынков труда [Гимпельсон, Капелюшников, 2015; Гимпельсон и др., 2014], изучению трудовых потоков [Шарунина, Гимпельсон, 2015], производительности труда [Капелюшников, 2014; Воскобойников, Гимпельсон, 2015], феноменам безработицы, неформальной занятости [В тени регулирования…, 2014], трудовой миграции [Зайончковская и др., 2010] и т.д.

Внимание к региональной проблематике РТ уделялось как в работах уже указанных авторов (например, [Ощепков, Капелюшников, 2015]) так и у других ученых в рамках теоретических (например, [Чистова, 2011]) и прикладных исследований (например, [Смирнов, 1999; Пономарева, 2013; Флоринская и др., 2015]). Тематика региональных исследований РТ в основном связана с изучением территориальных особенностей его трансформации, проявления неравенства в заработной плате, кризисным явлениям, приводящими в росту безработицы и неформальной занятости. Значительный вклад в изучение динамики региональных рынков труда внесли проекты по его мониторингу (например, НИСП [Социальный атлас…]), особенно в периоды кризисов. В целом тематика исследований региональных рынков труда в отечественной экономической науке уступает по глубине и охвату изучения национального РТ.

Еще менее разработанным является направление изучения локальных рынков труда на поселенческом уровне. Из-за отсутствия достоверной муниципальной статистики трансформационные процессы в них и текущее состояние анализируется в

[4] Здесь приводятся лишь ссылки на некоторые обзорные работы последнего времени

основном на примере конкретных поселений в рамках выборочных обследований (специальных социологических опросов) или регулярного мониторинга. К примерам такого мониторинга относятся, в частности, обследования рынков труда монопрофильных населенных пунктов [Власова и др., 1999; Любовный и др., 2001; Кузнецова, 2003, 2004; Микрюков, 2016]. Совершенствование муниципальной статистики и появление практики сплошных наблюдений за малым предпринимательством как важным субъектом локальных рынков труда с 2010 года (интервал - каждые пять лет) позволяет надеяться на развитие этого направления в ближайшем будущем.

Одним из немногих относительно разработанных направлений изучения региональных и локальных рынков труда в экономической географии и региональной экономике является изучение внешней трудовой мобильности, которое проявляется в формировании физических потоков трудовых мигрантов, поддающихся формализованной оценке. Особенно велико внимание к двум основным разновидностям внешней трудовой активности – маятниковым миграциям и отходничеству (вахтовым миграциям). До последнего десятилетия исследования в этом направлении были единичными (например, исследование внешней занятости в 2001 г. по 4 малым городам Ж.А. Зайончковской и последовавшие на их основе работы [Флоринская, 2001; Флоринская, Рощина, 2003; Рощина, 2008]), однако с появлением новых данных, в том числе Всероссийской переписи населения 2010 г. и обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ, трудовая миграция учитывается с конца 2000-х гг.) представление об этом явлении стало более комплексным.

Доступность информации о трудовых возвратных миграциях и актуальность темы привели к появлению ряда работ, большей частью посвященных изучению маятниковых миграций в городских агломерациях [Аверкиева и др., 2015; Махрова, Кириллов, 2015; Акимджанов, Сафронов, 2014; Белоборов, 2014; Чевтаева, Егунов, 2014; Кузьмин и др., 2013; Мальцева, 2012; Некрасова, 2012; Шитова, 2010; Шитова, Шитов, 2008]). Менее разработанным направлением был анализ современного «отходничества», однако в последнее время оно активно развивается [Великий, 2010; Нефедова, 2015а; Плюснин и др., 2013], в том числе и в отношении отдельных городов [Мкртчян, Флоринская, 2016]. В ряде обобщающих работ последних лет на основе данных ОНПЗ предприняты попытки исследовать не только количественные и демографические характеристики трудовых мигрантов, но и географию возвратных

трудовых миграций в России в целом [Мкртчян, 2009; Нефедова, 2015b; Флоринская и др., 2015]. Вместе с тем, сплошных исследований, характеризующих трудовые миграции на локальных рынках труда муниципалитетов, до сих пор не было.

Обзор работ по российскому рынку труда позволяет говорить о смещении фокуса исследований в сторону общестранового (национального) уровня, в то время как региональная проблематика оказывается освещена значительно менее подробно. Исследования локальных рынков труда (городов или отдельных поселений) еще менее распространены. При этом среди немногочисленных работ на уровне городов практически отсутствуют комплексные исследования, включающие анализ отраслевой структуры занятости, масштабов занятости в малом предпринимательстве, формальной и неформальной занятости, трудовой мобильности. Для комплексного изучения локальных рынков труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока необходима не только интеграция всех имеющихся баз данных, но и разработка авторской методики расчетов. Эти вопросы рассматриваются в главе 3.

§1.4. Количественные методы исследования асимметрии и территориального неравенства социально-экономического развития городов и их рынков труда

Под *асимметрией* территориального развития в данном исследовании понимается изменение количественных демографических, экономических и социальных характеристик территории, оцененное в абсолютных величинах. Под *неравенством* подразумеваются различия в относительных величинах – как правило по отношению к численности населения территории. Процессы роста или снижения асимметрии в территориальном развитии отражают тенденции трансформации социально экономического пространства без придания этому явлению какой-либо позитивной или негативной оценки по умолчанию. Изменение же неравенства, в случае его роста, как правило имеет негативную, а в случае снижения – позитивную коннотацию. Динамика асимметрии и неравенства как правило коррелируют, однако рост асимметрии не всегда приводит к увеличению неравенства, а часто может сопутствовать его снижению (например, если исследуемый показатель изменяется медленнее, чем численность населения) и наоборот.

Для анализа динамики социально-экономического развития городов и масштабов неравенства можно использовать различные методы. Наиболее простые из существующих статистических методов включают простейшие арифметические

операции с нахождением средних и медианных значений, расчета относительных показателей на основе абсолютных и т.д.

При анализе дифференциации показателей используются методы математической статистики: расчет коэффициентов Тейла, Херфиндаля-Хиршмана и Джини [Коломак 2010, 2014б; Малкина, 2014; Головина, Пургин, 2014], см. подробнее Прил. 1.8. Исследование опирается на общедоступные статистические материалы, более подробно описанные в Прил. 1.6. Именно эти материалы и методы лежат в основе оценки динамики асимметрии и неравенства в развитии регионов и городов.

Отсутствие официальных статистических индикаторов, характеризующих динамику физического объёма основных социально-экономических переменных (промышленного производства, инвестиций в основной капитал, оборота розничной торговли и т.д.) на уровне муниципальных образований затрудняет расчет динамики территориального неравенства и асимметрии, поэтому требует разработки собственных альтернативных методов оценки. Для расчета динамики промышленного производства в сопоставимых ценах предлагается воспользоваться следующий методикой, которая также может быть применена и для расчета динамики инвестиций в основной капитал.

Используя данные по номинальному объёму базового года (в данном случае 1991 года) и индексу физического объёма промышленного производства в регионе за рассматриваемый период получим данные по динамике физического объёма промышленного производства (см. рис.1.3. на примере Оренбургской области):

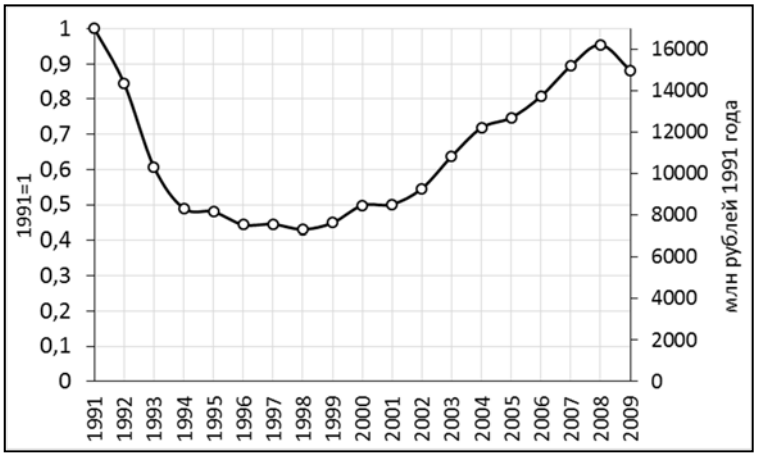


Рис. 1.3. Индекс и физический объём промышленного производства в ценах 1991 года в Оренбургской области. Источник: рассчитано по данным БД «Мультистат», КГС РФ

База данных «Экономика городов России» (портал Мультистат) содержит статистическую информацию по номинальным объёмам промышленного производства

для городов в ценах соответствующих лет. Для каждого города региона, таким образом, используя номинальные цены текущих лет, представляется возможным рассчитать их долю (или вклад) в совокупный объём промышленного производства региона. Иначе говоря, все промышленное производство региона в каждом году можно разложить на доли городов. Остаток (номинальное значение региона минус сумма номинальных значений городов) будет принадлежать всем остальных населенным пунктам региона. Получив таким образом структуру промышленного производства (в процентах) региона за каждый год исследуемого периода и перейдя от номинальных цен к сопоставимым для региона мы получим для каждого города его приведенное промышленное производство в ценах базового года.

Расчет приведенного промышленного производства в городе, таким образом, производится по формуле 1:

$$N_i = A_i * \frac{n_i}{P_i} \qquad (1), \text{ где}$$

$N_i; M_i; \dots; L_i -$ приведенный объем промышленного производства в каждом городе региона в i-ый год

$P_1; P_2; \dots; P_i -$ номинальное значение промышленного производства по региону с 1 по i год

$n_1 + m_1 + \cdots + l_1 + \gamma_1 = P_1$, где $n_1, m_1, \dots, l_1$ – номинальные объемы промышленного производства в каждом из городов региона в первый год, γ_1 – номинальный объем промышленного производства на всех остальных территориях региона, кроме городов

$A_1; A_2; \dots; A_i -$ физическое значение промышленного производства по региону с 1 по i год, полученное через индекс физического объема соответствующего года к базовому, $P_1 = A_1$

Основным препятствием для изучения локальных рынков труда городов с использованием количественных методов является недостаток официальных статистических материалов, его характеризующих. Важным исследовательским вопросом при этом является оценка ёмкости и структуры локального рынка труда, для решения которого разработана авторская методика.

Методика оценки ёмкости рынка труда в муниципальных образованиях подразумевает использование только официальных статистических материалов. Под ёмкостью рынка труда принимается общее количество официальных и неофициальных

(неформальных) рабочих мест. Суммарная численность официальных рабочих мест рассчитывается как сумма среднегодовых рабочих мест по организациям (далее – занятость в организациях) и в предприятиях малого и среднего бизнеса (далее – занятость в МСБ). Поскольку в сфере МСБ возможны две организационных формы ведения деятельности (с образованием юридического лица и индивидуальные предприниматели – ИП), то общее число рабочих мест рассчитывается как сумма среднегодовой численности работников у юридических лиц и общей численности работников у ИП (включая партнеров, помогающих членов семьи, наемных работников).

Статистика численности неофициальных рабочих мест на уровне муниципальных образований не разрабатывается. Для всех субъектов РФ, тем не менее, на основе данных выборочного обследования населения по проблемам занятости органы статистики рассчитывают оценочную численность и долю неформальной занятости в общем числе рабочих мест. Из-за отсутствия иной стандартизированной информации по неформальной занятости, для всех муниципальных образований принимается региональный коэффициент неформальной занятости (доля неформально занятых от общей численности работающего населения). Информация об источниках данных для расчета ёмкости рынка труда муниципального образования представлена в таблице 1.5.

Таблица 1.5. Источники данных о ёмкости рынка труда в муниципальном образовании

Данные	**Источник данных**	**Ссылка на ресурс**	**Доступные даты**
Среднесписочная численность работников организаций	База данных «Экономика городов России» портала Мультистат, База данных показателей муниципальных образований	http://www.multistat.ru/?menu_id=9310004	По городам: с 1991 по 2013 г.
		http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm	По муниципальным образованиям: с 2006 г. по н. в.
Среднегодовое количество работников в субъектах малого и среднего предпринимательства (по юридическим лицам и ИП)	Сплошное наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства	http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/region.htm	2010, 2015 г. (на данный момент не опубликованы)
Численность занятых в неформальном секторе	Обследование населения по проблемам занятости	http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766	с 2006 по 2015 г.

Источник: составлено автором

На основе информации об общей численности занятых в формальном секторе экономики (сумма занятости в организациях и МСБ) и регионального коэффициента

неформальной занятости вычисляется численность неформальных рабочих мест. В совокупности эти три крупных сектора работодателей формируют локальный рынок труда муниципального образования.

Поскольку в первой половине 2016 г. еще отсутствовала информация об итогах сплошного обследования МСБ за 2015 г., провести исследование возможно только на 2010 г. Обследование 2010 г. совпадает с годом проведения ВПН-2010, что дает возможность комбинировать данные этих двух источников.

На основе оценочной ёмкости рынков труда муниципальных образований и информации о трудовых ресурсах, полученных из ВПН-2010, можно рассчитать баланс трудовых ресурсов или, иначе говоря, оценить масштабы и направления трудовых миграций. Баланс трудовых ресурсов высчитывается как разность ёмкости рынка труда муниципального образования и численности его жителей, указавших в Переписи наличие работы. Если ёмкость рынка труда превышает численность жителей, имеющих работу, это означает, что населённый пункт имеет положительный миграционный баланс (положительное сальдо), т.е. на работу приезжает больше людей, чем из него выезжает. Наоборот, если число людей, имеющих работу (резидентов муниципального образования) больше оценочной ёмкости локального рынка труда, это означает, что муниципалитет имеет отрицательный миграционный баланс. Использование данных о наличии работы может быть заменено оценкой численности населения в трудоспособном возрасте для тех лет, когда перепись не проводилась, однако это даст большую погрешность.

Располагая оценкой сальдо трудовой миграции и данными о выездной трудовой миграции, полученной из материалов ВПН-2010 (вопросы № 11.2 и 11.3 в переписном листе о местонахождении работы), можно рассчитать входящий и исходящий потоки трудовых миграций. Данная оценка будет приблизительной из-за недоучета выездной трудовой миграции в переписи, однако она является безальтернативной.

Предлагаемая методика, тем не менее, с высокой точностью может оценивать сальдо трудовых миграций. Основная погрешность, заложенная в ней, состоит в приблизительной оценке неформального сектора на основе данных по всему региону. Поэтому эта методика должна лучше проявлять себя для крупных городов и региональных центров (поскольку именно они и формируют основную выборку для всего

региона), хуже – для малых городов, в каждом из которых размеры неформальной занятости могут сильно различаться.

Поскольку методика предполагает использование данных сплошного обследования малого и среднего бизнеса, то она применима только для тех годов, когда такие исследования проводятся. На уровне регионов применение данной методики возможно для любого года, начиная с 2006 г., когда стали проводиться обследования населения по проблемам занятости.

Важнейший результат расчета сальдо трудовых миграций на уровне муниципалитетов заключается в возможности установить конкретные муниципалитеты-акцепторы трудовых мигрантов, что недостижимо с использованием других методик и данных.

Глава II. Территориальное неравенство и асимметрия социально-экономического развития регионов и городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991-2013 гг.

§2.1. Динамика и территориальная асимметрия развития регионов

Дифференциация развития характерна не только для городов, но и для регионов. В данном параграфе рассматриваются особенности динамики основных социально-экономических индикаторов развития регионов азиатской части России и Урала за период 1991-2013/2014 гг. К числу этих индикаторов относятся показатели демографического развития, валового регионального продукта, промышленного производства, инвестиций в основной капитал, жилищного строительства, а также те, которые могли бы характеризовать изменение доходов и расходов населения. Динамика исследуется с использованием количественных статистических методов, описанных в §1.3, которые позволяют установить направление изменения территориального неравенства (конвергенции или дивергенции). Сравнение динамики регионального неравенства и асимметрии развития на уровне городов позволяет выявить сходство и различия процессов, происходящих на разных территориальных уровнях.

Численность населения

Одной из наиболее острых демографических проблем постсоветского периода стало сокращение численности населения регионов азиатской России. Темпы демографических потерь этой части страны (около 9% за период 1991-2015 гг.) значительно превысили среднероссийские (3,5%), в равной степени как за счет естественной, так и миграционной убыли, особенно сильной в некоторых регионах Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока (см. прил. 2.1, рис. 1-2, карту «Население городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока»).

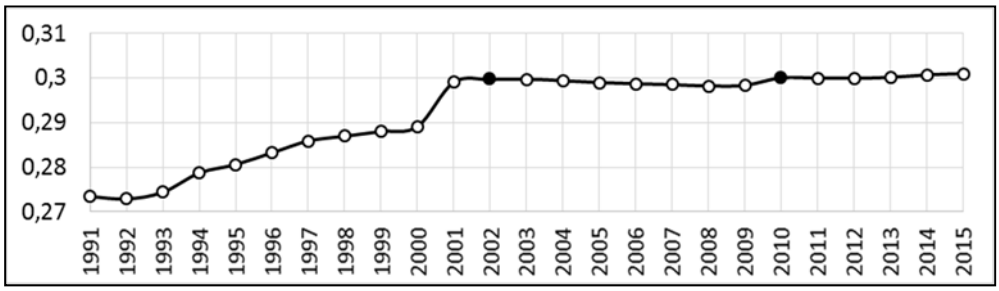


Рис. 2.4. Индекс Тэйла для численности населения регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока[5]. Источник: рассчитано по данных БД Мультистат, ВПН-2002, ВПН-2010.

[5] Скачок индекса между 2000 и 2001 годом вызван переоценкой текущей численности населения в предпереписной год задним числом, т.е. после проведения переписи. Из-за приблизительной оценки численности населения по текущему учету с высокой надежностью можно полагаться только на данные Переписей населения (2002 и 2010 гг.).

Перераспределение населения между территориями, его «западный дрейф», особенно активно происходил в 90-е годы и привел к росту концентрации населения в староосвоенной части страны, различия между регионами рассматриваемой территории усилились (см. рис. 2.4).

В большинстве регионов России наблюдается суженное воспроизводство населения, но восточные регионы выглядят лучше: средневзвешенный суммарный коэффициент рождаемости по регионам азиатской России в 2014 году составил 1,93, что заметно больше, чем в среднем по России (1,75) благодаря сохранению высокого демографического потенциала в некоторых национальных республиках и АО (республика Тыва – 3,49, Алтай – 2,88, Бурятия – 2,26, Якутия – 2,25, ЯНАО – 2,19 и др.). Лишь в трех регионах суммарный коэффициент рождаемости ниже среднероссийского значения (Приморский край – 1,73, Магаданская обл.– 1,66, Томская обл. – 1,59). Несмотря на негативные демографические процессы и естественную убыль населения, наблюдавшуюся в 23 из 30 регионов азиатской России за рассматриваемый период (см. карту «Население городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока»), большинство из них все еще сохраняют относительно высокий (в масштабах страны) демографический ресурс для естественного воспроизводства. Однако этот ресурс нивелируется значительными миграционными потерями (см. прил. 2.1 рис. 2).

Лишь шесть регионов азиатской части показали чистый миграционный прирост населения: по три на Урале (Свердловская и Челябинская области, республика Башкортостан) и в Западной Сибири (Тюменская область, Новосибирская и Томская области). В остальных регионах наблюдался миграционный отток от умеренного до обвального (из-за чего, например, население Чукотского АО сократилось более, чем в 3 раза) с общим повышательным градиентом с запада на восток и с юга на север. Снижение интенсивности межрегиональной миграции населения, произошедшее почти во всех регионах в последнее десятилетие (см. прил. 2.1. рис. 2) привело к замедлению процессов территориальной концентрации населения в староосвоенной зоне, они практически остановились (см. рис. 2.4).

Валовый региональный продукт

В динамике валового регионального продукта регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока после распада СССР можно выделить несколько периодов: кризисное сокращение 1991-1998 гг., восстановительный рост 1999-2008 гг., кризис 2009 г., вновь сменившийся более медленным ростом в 2010-2013 гг.

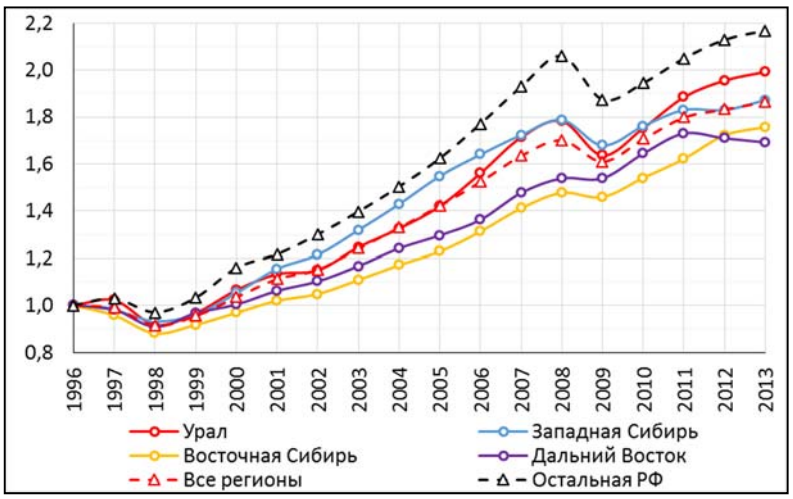


Рис. 2.5 Физический объём ВРП регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока, в % к 1996 году (1996=100%). Источник: рассчитано автором по данным КГС РФ.

Снижение ВРП в регионах до 1998 года было обусловлено общеэкономическим кризисом в стране, в первую очередь, процессами структурной перестройки при переходе к рыночным отношениям с масштабной санацией предприятий, неконкурентоспособных в новых экономических условиях. Последовавший с 1999 экономический рост был обусловлен рядом причин, прежде всего девальвацией национальной валюты, сделавшей экспорт более выгодным, а затем длительным ростом мировых цен на все основные виды экспортной продукции (см. прил. 2.1. рис. 4). Начало нового сырьевого суперцикла 2000-х годов поддержали восстановительный рост российской экономики, в том числе регионов восточной части России [Савельева, 2007].

Восстановительная динамика ВРП в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока к началу экономического кризиса 2008-2009 гг. была хуже среднероссийской (см. рис.2.5): если экономика РФ практически удвоилась по сравнению с 1996 г., то на рассматриваемой территории в целом рост составил 1,7 раза, при несколько большем значении на Урале и в Западной Сибири (чуть менее 1,8) и меньшем в Восточной Сибири (1,48) и Дальнем Востоке (1,54). Кризисное падение ВРП в 2009 году на рассматриваемой территории составило лишь около 5% (против снижения на 9% для

все остальной территории РФ), при этом регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока почти не испытали серьезного снижения. Таким образом, регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока к 2010 году удалось максимально сократить отставание от остальной территории РФ по динамике ВРП (по сравнению с 1998 годом), которое составило около 14%. В период 2010-2013 гг., однако, наблюдалось замедление темпов роста и даже снижения ВРП некоторых регионов Западной Сибири и Дальнего Востока. В результате, несмотря на большую устойчивость экономики в кризис 2008-2009 гг., рост ВРП на рассматриваемой территории всегда был ниже, чем в целом по РФ.

Помимо различий в динамике роста ВРП между экономическими районами, ярко проявись и межрегиональные различия (см. прил. 2.1. рис. 5). После 2000 года наибольший относительный прирост ВРП пришелся на территории с добычей и переработкой нефтегазовых ресурсов (Сахалинская, Оренбургская, Омская области и республика Башкортостан), с крупнейшими городами – миллионерами (Свердловская, Челябинская, Новосибирская области). Максимальный прирост показал Чукотский автономный округ, где началась разработка месторождений коренного золота. Из-за эффекта базы (глубины падения до 2000 года) быстрее росла экономика депрессивных регионов (например, Алтайского края) и, наоборот, несколько уменьшился относительный прирост ВРП в ЯНАО, ХМАО, которые мягче всего прошли кризис 90-х годов. Минимальными темпами экономического роста характеризовались регионы Дальнего Востока (Камчатский край, Магаданская и Амурская области), республики Хакасия, Якутия, Тыва, а также некоторые регионы Западной Сибири (Кемеровская область) и Урала (Пермский край, Курганская область). Как различия в динамике ВРП регионов повлияли на асимметрию экономического развития и территориальное неравенство?

Оценка территориальной асимметрии и неравенства проводится с использованием методологии, изложенной в §1.3. Для душевых значений ВРП рассчитан коэффициенты Джини, а также модифицированные коэффициенты Тэйла и Херфиндаля-Хиршмана, учитывающие при оценке концентрации численность населения регионов и, следовательно, отражающие степень территориального неравенства.

Поскольку данные по ВРП разрабатываются органами статистики с середины 1990-х годов, а для автономных округов Тюменской области доступны лишь с 2000

года, специальные индексы для расчета асимметрии развития рассчитаны для всех 30 и для 28 субъектов федерации (во втором случае Тюменская область выступает как один регион вместе с округами). Большее число регионов при расчете индексов должно привести к увеличению меры асимметрии и неравенства, т.к. южная часть Тюменской области, ХМАО и ЯНАО существенно различаются между собой по абсолютным и душевым значениям ВРП и усреднение их значений между собой снижает оценку межрегиональных различий для всех рассматриваемых регионов.

В целом, полученные оценки территориального неравенства по номинальным душевым значениям ВРП в различных индексах полностью коррелируют между собой, отличаясь по абсолютным значениям в силу специфики конструирования индексов (см. подробнее §1.3.). Динамика изменения неравенства по номинальным и реальным душевым значениям ВРП (см. рис. 2.6. А, Б) в целом согласуется с результатами, полученными при расчете схожих индексов для всех российских регионов [Малкина, 2014; Зубаревич, Сафронов, 2014]. Территориальное неравенство между регионами Урала, Сибири и Дальнего Востока возрастает вплоть до 2005 года, при этом оно оказывается несколько меньше, чем неравенство между всеми российскими регионами (в среднем на 10-15% в соответствии со значениями коэффициента Джини по [Малкина, 2014] и [Зубаревич, Сафронов, 2014]), где особое влияние на рост межрегиональных различий оказывают Москва и Санкт-Петербург. После 2005 года наблюдается снижение межрегиональных различий до уровней начала 2000-го года и даже ниже.

Существенное влияние на рост межрегионального неравенства по ВРП внесло не только изменение физического объема валового продукта, но и фактор изменения цен на основные производимые товары и услуги в совокупности со сложившейся структурой ВРП регионов. Территории с конкурентоспособными отраслями специализацией, производящие экспортные товары с благоприятной конъюнктурой цен на мировых рынках (в первую очередь экспортеры минерального сырья, продукции цветной и черной металлургии) вырвались вперед относительно регионов с неконкурентоспособной промышленной специализацией или с высокой долей непроизводственных отраслей в ВРП (см. прил. 2.1 табл.1).

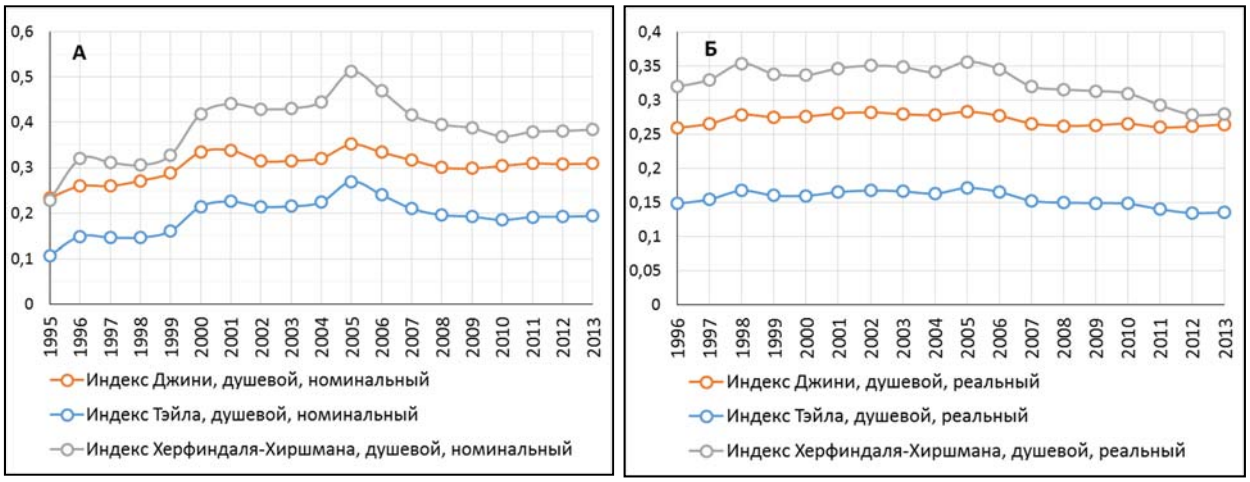


Рис. 2.6 Территориальное неравенство по душевому номинальному ВРП (А) и по душевому реальному ВРП (Б) по физическому объёму в ценах 1996 года. Примечание: расчет по 28 регионам, Тюменская область с автономными округами. Источник: рассчитано автором.

Конвергенцию экономического развития субъектов Федерации после 2005 года можно объяснить результатами перераспределения огромных экспортных доходов федерального бюджета, что поддержало экономический рост отстающих и депрессивных регионов страны, в первую очередь за счет бюджетного сектора экономики. Тем не менее, межрегиональное неравенство все ещё значительно превышает уровень позднесоветского времени и 90-х годов.

Промышленное производство

Промышленное производство играет существенно большую роль в экономике регионов Азиатской России, чем в остальной России. В период 2000-2013 гг. доля промышленности в ВРП регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока колебалась в пределах 45-50%, в то время как по России в целом она изменялась в диапазоне 32-36% (см. прил. 2.1 табл. 1). В динамике промышленного производства, как и в изменении ВРП, можно выделить те же временные периоды: кризисного снижения вплоть до 1998 г. и последовавшего затем роста, который был кратковременно нарушен экономическим кризисом 2008-2009 гг. (см. рис. 2.7)

Территориальные диспропорции в промышленном производстве демонстрировали несколько иную динамику по сравнению с ВРП. Глубина кризисного спада промышленности во всех экономических районах рассматриваемой территории в период до 1998 года была больше, чем в остальной части РФ, особенно сильное снижение наблюдалось в регионах Урала и Дальнего Востока. В последующий период роста до кризиса 2008-2009 гг. относительное отставание восточных регионов в темпах роста наблюдалось во всех экономических районах, кроме Западно-Сибирского.

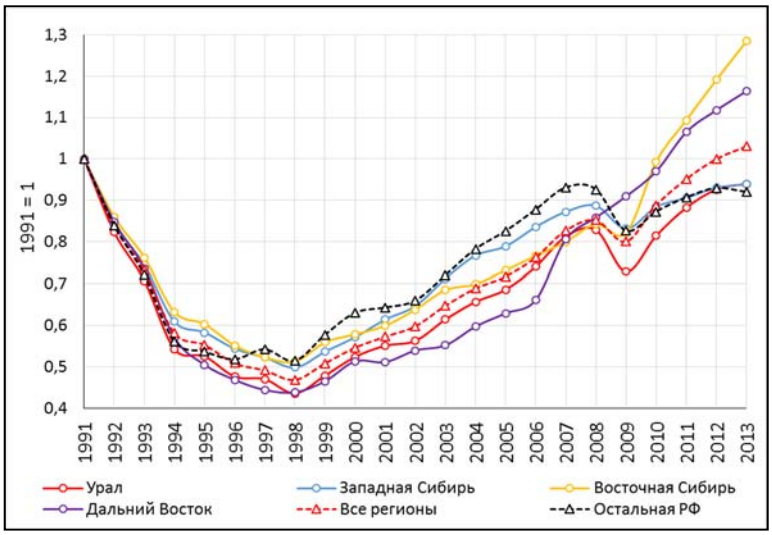


Рис. 2.7. Промышленное производство в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока, к уровню 1991 года (по физическому объёмы выпускаемой продукции в ценах 1991 года). Примечание: под строкой «Все регионы» понимаются все регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока, под «Остальная РФ» - все остальные регионы РФ. Источник: рассчитано автором.

Отставание азиатских регионов в динамике реальных объёмов промышленного производства резко сократилось перед и во время кризиса 2008-2009 гг., в основном за счет экспортных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, т.к. средние темпы прироста промышленного производства в них значительно превышали среднероссийские. Это произошло за счет ввода в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых (главным образом нефти и газа на Сахалине, в Иркутской области, Якутии, золота на юге Дальнего Востока и на Чукотке и др.). На Урале произошло сильное снижение промышленного производства из-за кризиса металлургической и машиностроительной отраслей.

К 2010 году относительное значение промышленного производства по отношению к уровню 1991 года на всей рассматриваемой территории составило около 0,9 (превысив, таким образом, аналогичный показатель для всей остальной территории РФ), а в 2012-2013 гг. перекрыло позднесоветский уровень. Это произошло за счет быстрого прироста промышленного производства в указанных выше регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока (а также в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области, республике Бурятии, где годовые приросты составляли в 2011-2013 гг. до 15% и более, в основном за счет отраслей ВПК).

Восточные регионы страны, таким образом, мягче пройдя кризис 2008-2009 гг., смогли быстро восстановиться и выйти в рост, в отличие от регионов Европейской России, промышленное развитие которых существенно затормозилось. В итоге,

именно регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока обеспечили общий прирост промышленности страны. Описанные тенденции в целом позволяют заключить, что роль восточных регионов России в промышленности страны за переходный период усилилась.

Территориальное *неравенство* в распределении душевого промышленного производства между регионами, оценённое специальными индексами, показывает его значительный рост в номинальных ценах (см. рис. 2.8А) вплоть до 2006 года и небольшое снижение к 2012-2013 гг.

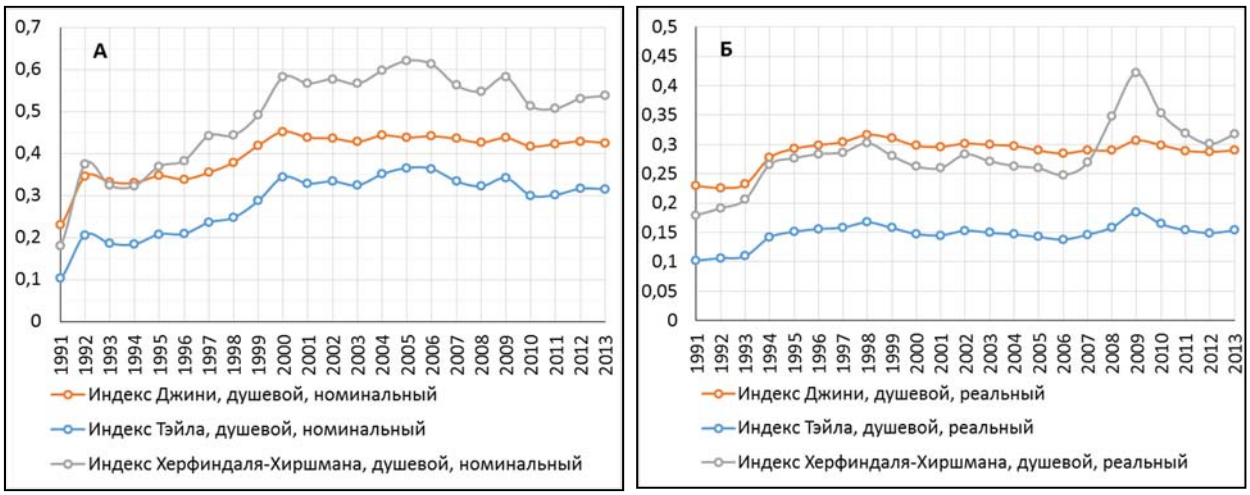


Рис. 2.8. Территориальное неравенство по номинальному промышленному производству (А) и по реальному промышленному производству (Б) в ценах 1991 года. Примечание: в расчете 30 регионов, Тюменская область отдельно от автономных округов. Источник: рассчитано автором.

Территориальное неравенство по реальному душевому промышленному производству (см. рис.2.8Б) как и в случае с реальным ВРП, изменялось значительно слабее, чем в номинальных ценах. Пик неравенства, исходя из динамики индекса Джини и модифицированного индекса Тэйла[6], был достигнут к 1998 году, после этого до 2006 года происходило медленное снижение территориальных диспропорций. Кризис 2008-2009 гг. привел к кратковременному повышению неравенства, но его уровни в 2011-2013 гг. вновь вернулись к докризисным значениям.

Анализ общей динамики изменения территориального неравенства позволяет говорить, что в отличие от существенного снижения различий по уровню ВРП с мак-

[6] Резкий рост индекса Херфиндаля-Хиршмана в 2008-2009 гг. обусловлен большей чувствительностью индекса к выбросам краевых значений диапазона, что проявилось во время кризиса для наиболее пострадавших регионов (Челябинской, Курганской областей, ЕАО) и резким ростом душевого ВРП на Чукотке.

симальных значений середины 2000-х годов, асимметрия в распределении промышленного производства снизилась не так сильно и все еще остается на высоких уровнях, превышая неравенство по душевому ВРП.

Инвестиции

Рассмотрение динамики инвестиций в основной капитал является ключевой составляющей анализа процессов экономического развития территории. Именно инвестиции формируют экономическую базу, задают направление развития регионов на ближайшие годы, отражают привлекательность и конкурентоспособность активов в масштабах страны.

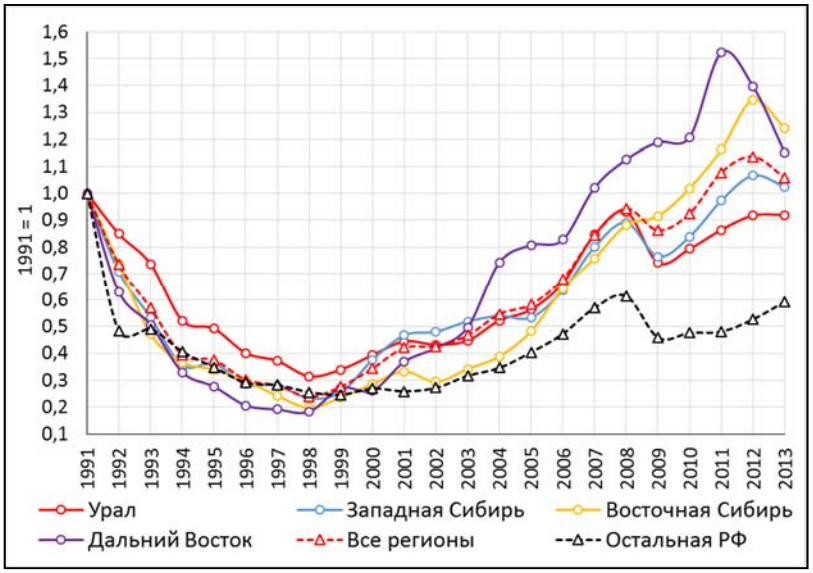


Рис. 2.9. Физический объём инвестиций в основной капитал по регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока к уровню 1991 года. Примечание: под строкой «Все регионы» понимаются все регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока, под «Остальная РФ» - все остальные регионы РФ. Источник: рассчитано автором.

Испытав сильнейший спад объёмов инвестиций в основной капитал в период 1991-1998 гг. (для всей рассматриваемой территории они снизились среднем в 4 раза, см. рис.2.9), сопоставимый со среднероссийской динамикой, начиная с начала 2000-х гг. инвестиционные вложения в восточной части России росли значительно быстрее, чем в остальной части РФ. Это было обусловлено аккумуляцией основной части инвестиций в ресурсных регионах нефтегазовой промышленности (ХМАО, ЯНАО, Сахалинская и Томская области) и металлургии (Якутия, Чукотский АО, Красноярский и Хабаровский края и др.). Большие отличия в привлекательности регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока для инвестиций привели к сильному росту тер-

риториального неравенства в их распределении (см. рис. 2.10 А,Б). Максимальное значение индекса Тэйла по номинальным инвестициям из всех источников превысило в 2000-2002 гг. значение 0,5 (см. прил. 2.1. табл. 3), существенно превышая неравенство по ВРП и промышленному производству. Рекордно высоким было неравенство в распределении инвестиций из частных отечественных, иностранных и смешанных российско-иностранных источников (рис. 2.11 А,Б): по ним коэффициент Джини поднимался до 0,7 и даже 0,8 соответственно. Динамика общего неравенства после пиков начала 2000-х годов, как в реальных, так и номинальных объёмах была понижательной (см. рис. 2.10). Это было связано как со снижением неравенства в распределении частных инвестиций, так и существенным снижением неравенства в распределении инвестиций за счет средств бюджетов всех уровней и средств государственных предприятий. Быстрого снижения неравенства по вложениям госсектора удалось добиться в 2000-2001 гг. и с 2004 года на фоне роста рентных доходов и активизации перераспределительной политики государства.

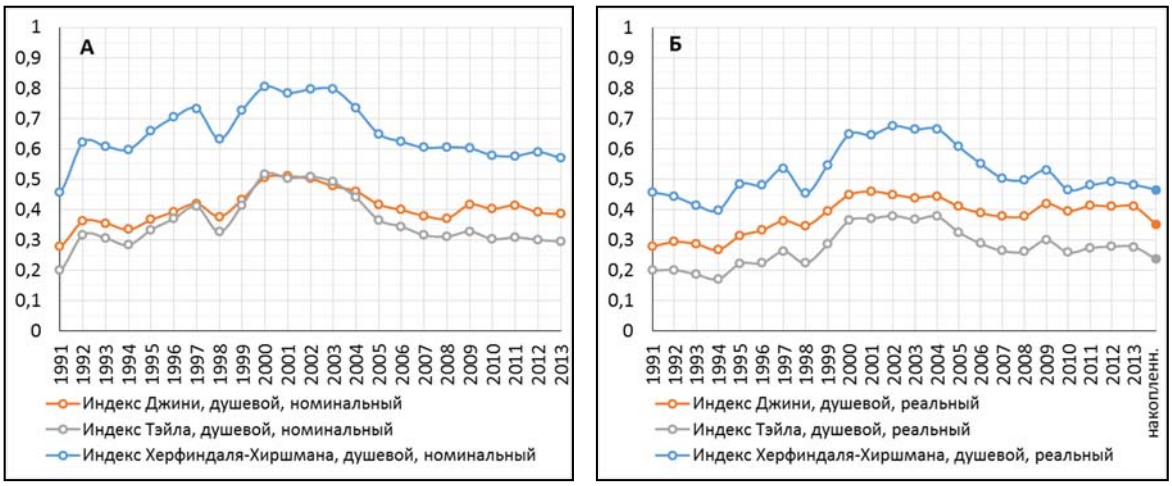


Рис. 2.10. Территориальное неравенство по душевым номинальным инвестициям в основной капитал (А) и по душевым реальным инвестициям о основной капитал (Б), по индексу физического объёма в ценах 1991 года) из всех источников. Источник: рассчитано автором.

Географическая структура распределения частных инвестиций устоялась примерно с середины 2000-х годов: региональное неравенство после этого практически перестало снижаться и стабилизировалось на относительно высоких уровнях (см. рис. 2.11А). Вложения продолжают концентрироваться в наиболее рентабельных активах, «слабые» и непривлекательные регионы с каждым годом все больше отстают (по размеру накопленных инвестиций). Все это создает базу для воспроизводства неравенства в экономике и неизбежно должно проецироваться, по-крайней мере, на консервацию социального неравенства.

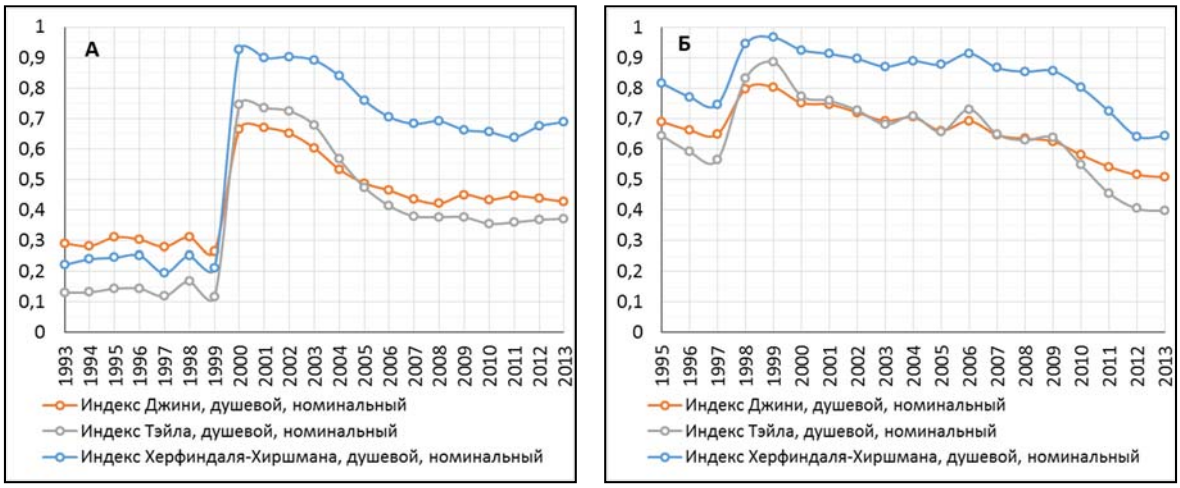


Рис. 2.11. Территориальное неравенство по душевым номинальным инвестициям в основной капитал со стороны частных инвесторов российской формы собственности (А) и стороны инвесторов иностранной и смешанной российской-иностранной форм собственности (Б). Источник: рассчитано автором.

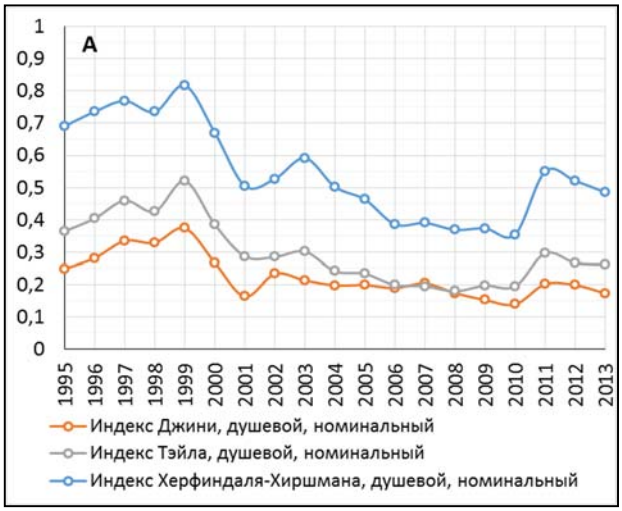


Рис. 2.12. Территориальное неравенство по душевым номинальным инвестициям в основной капитал за счет средств бюджетов всех уровней и средств предприятий государственной формы собственности (А). Источник: рассчитано автором.

Одним из видов инвестиций, важных для понимания динамики социально-экономического развития, являются инвестиции населения в приобретение жилья. Рост объёмов жилищного строительства может говорить, с одной стороны, как о росте денежных доходов населения, так и о привлекательности региона для проживания.

Социально-экономический кризис в 90-е годы привел к резкому сокращению душевого ввода жилья (см. прил. 2.1. рис. 9): в 2000 году снижение достигало 4 и более раз в целом по регионам Восточной Сибири и Дальнего Востока, кризис в которых был глубже и сопровождался масштабным миграционным оттоком населения. В некоторых регионах жилое строительство практически полностью

остановилось (на Чукотке, Камчатке, в ЕАО и др.). В Западной Сибири и на Урале спад в жилищном строительстве был более умеренным (в среднем в 2 раза), за счет меньшего снижения его объёмов в Башкирии и Тюменской области. В итоге, отток населения из азиатской России и различный по глубине кризис региональных экономик привели к росту территориальной ассиметрии жилищного строительства, максимум которой был достигнут в 2001 году (см. рис. 2.13А)

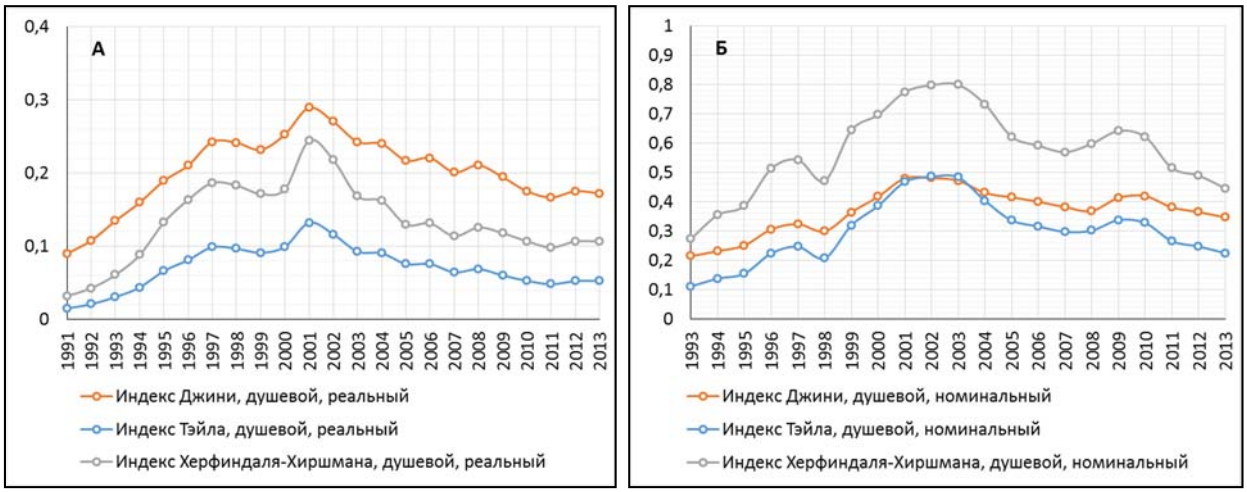


Рис. 2. 13. Территориальное неравенство по жилищному строительству в реальных объёмах[7] (А) и деятельности строительной индустрии[8] в поминальных ценах (Б). Источник: рассчитано автором.

Рост доходов населения и относительная стабилизация социально-экономического положения в регионах в середине 2000-х годов, как и во всей России, привели к быстрому восстановлению жилищного строительства. Уже перед кризисом 2008 г. в Западной Сибири и на Урале были достигнуты, а после кризиса 2008-2009 гг. и превышены советские объёмы ввода жилья. Восстановление жилищного строительства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке было существенно медленнее и, даже с учетом более сильного снижения численности населения, до сих пор не достигло советских объёмов (как в абсолютных величинах, так и в душевом выражении).

Общее неравенство по жилищному строительству для всех регионов после 2001 года непрерывно снижалось до начала 2010-х, но все еще остается существенно выше, чем в 1991 году (см. прил. 2.1 табл.3).

Доходы и расходы населения

[7] По среднедушевому вводу жилья, м^2 на человека в год

[8] До 2000 г. по объёму работ, выполненных по договорам строительного подряда, с 2001 по 2013 по объёму работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»

Общее падение уровня жизни населения, дивергенция в уровне экономического развития регионов в 90-е годы привели к росту территориального неравенства по заработной плате (см. рис. 2.14Б) и, в чуть меньшей степени, в доходах населения (см. рис. 2.14А).

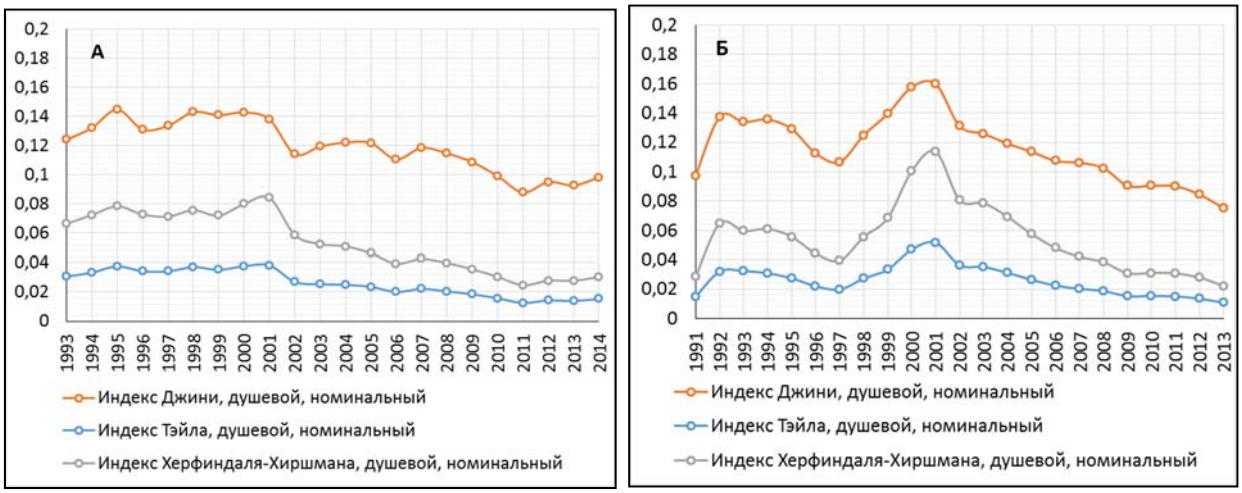


Рис. 2.14. Неравенство регионов по денежным доходам населения (А) и заработной плате (Б) в номинальных ценах, скорректированные на региональные коэффициенты удорожания. Источник: рассчитано автором.

Корреляция между динамикой этих двух индикаторов является невысокой, поскольку в условиях кризиса занятости и сложной экономической ситуации высокую роль в доходах стала играть их «теневая» составляющая. После 2001 года территориальное неравенство в доходах постепенно стало снижаться за счет роста заработной платы в бюджетных секторах экономики, а затем и социальных пособий, что стало возможным благодаря возросшей ресурсной ренте.

Однако один лишь бюджетный сектор и государственная социальная политика не могут сгладить асимметрию, возникающую из-за экономического неравенства. Доходы населения в промышленных регионах Урала, Западной Сибири значительно выше (см. прил. 2.1 рис. 10), чем в депрессивных аграрных или деиндустрилизовавшихся регионах, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Влияет и фактор удорожания жизни на Севере и Востоке, который не может быть в полной мере компенсирован региональными коэффициентами.

Расчеты показывают, что происходит дивергенция регионов по среднедушевым доходам населения и размеру средней заработной платы, различия в благосо-

стоянии населения смягчаются. Однако следует учитывать проблемы статистического учета[9]. Различия в уровне потребления населения продолжают возрастать (см. рис. 2.15 А,Б).

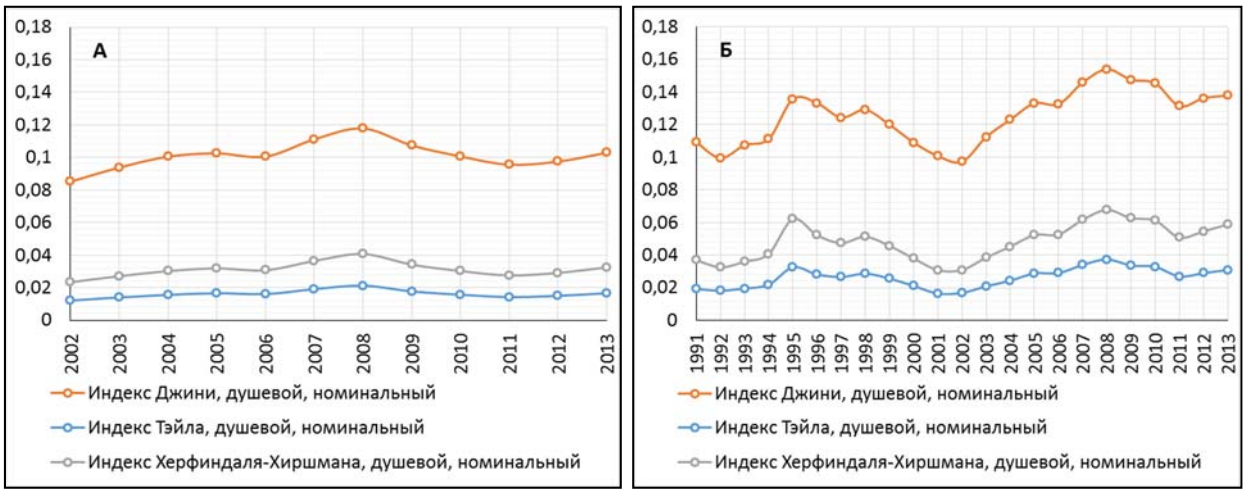


Рис. 2.15. Неравенство регионов по душевому конечному потреблению домашних хозяйств (А) и обороту розничной торговли (Б) в номинальных ценах, скорректированному на региональные коэффициенты удорожания. Источник: рассчитано автором.

Дивергенция регионов по душевому обороту розничной торговли (см. рис. 2.15Б) усиливалась на протяжении периода восстановительного экономического роста с начала 2000-х годов до кризиса 2008 года, после чего несколько скорректировалась. Аналогичную тенденцию имеет и динамика неравенства по конечному потреблению домохозяйств (см. рис. 2.15А). Таким образом, по двум последним индикаторам неравенство регионов возрастает или не снижается относительно уровней начала 2000-х годов.

***

Проведенный анализ позволяет выделить важнейшие тенденции территориального развития регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Демографический кризис в регионах азиатской части России значительно превысил по своим масштабам среднероссийский, в первую очередь за счет миграционной убыли населения. Вместе с тем, демографический потенциал большинства регионов все еще лучше, чем в среднем по РФ, особенно в некоторых национальных республиках, где сохра-

[9] В методике оценки доходов населения помимо официальной заработной платы, пособий и других источников оценивается скрытая заработная плата, но достоверность измерений на уровне регионов не очень высока. Статистика по заработной плате доступна только по средним и крупным организациям, поэтому не может в полной мере характеризовать трудовые доходы населения, значительная часть которого занята в малом бизнесе или в неформальной экономике.

няется расширенное воспроизводство населения. Процессы концентрации населения, его западный дрейф, активно протекавшие в 90-е годы, в настоящий момент практически прекратились.

Регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока сильно дифференцированы по своему экономическому развитию. С 1991 года до начала 2000-х годов происходила дивергенция и рост регионального неравенства, с середины 2000-х сменившиеся процессами конвергенции. Несмотря на существенное снижение различий и позитивный тренд последнего десятилетия, экономическое неравенство все еще остается высоким.

Восстановление экономики регионов азиатской России проходило медленнее, чем в остальной России, и было в гораздо большей степени связано с развитием промышленного производства. Благоприятная конъюнктура на мировых рынках поддержала рост в экспортных регионах.

Регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока отставали по темпам восстановления промышленности от остальной России вплоть до кризиса 2008-2009 гг., но в последнее пятилетие рост ускорился благодаря вводу в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых. Рост территориальной асимметрии в развитии промышленности происходил в три этапа и на текущий момент неравенство сохраняется на уровне 2000-го года и практически не снижается. В итоге, конвергенция регионов по ВРП достигается за счет отраслей сектора услуг, прежде всего бюджетных. Такая модель снижения экономического неравенства при условии сильнейшей зависимости от экспортных рынков и мировых цен, неравномерном размещении производственных активов создает высокие риски для развития регионов в кризисные периоды.

Инвестиционная активность в регионах Урала, Сибири и Дальенго Востока с 2000-х гг. была более высокой по сравнению с остальными регионами России. Рост инвестиций в сырьевой сектор и бюджетных инвестиций обеспечил к началу 2010-х их объёмы, сравнимые с советскими. Вместе с тем, инвестиционная активность крайне сильно поляризована по территории. В пяти регионах-лидерах объём накопленных душевых инвестиции превысил среднероссийский уровень в пять и более раз (без корректировки на цены), а в пяти регионах-аутсайдерах составляют 50-80%. Ин-

вестиции частного бизнеса играют все большую роль, но распределяются крайне неравномерно, создавая основу для воспроизводства экономического неравенства в будущем. Инвестиции государства, перераспределительная политика, институциональные реформы не привели к выравниванию инвестиционной привлекательности регионов для рынка капиталов, а значит фундаментальные проблемы неконкурентоспособности отстающих регионов не исчезли.

Вместе с тем, есть успехи в снижении социального неравенства по сравнению с началом 2000-х годов. Это прямо проявляется в конвергенции доходов населения регионов. Индикатором снижения социальных контрастов может служить и сближение регионов в показателях жилищного строительства.

Абстрактная модель изменения экономического и социального неравенства регионов представлена на рис. 2.16 для иллюстрации происходивших социально-экономических процессов. Экономическое неравенство рассчитано как среднее значение между неравенством в промышленном производстве и капитальных вложениях (что, в общем-то должно коррелировать с ВРП), а социальное – как среднее между доходами и потреблением населения[10].

В динамике можно выделить два периода: роста обоих составляющих неравенства до начала 2000-х годов и его снижение к 2013 г., линейность трендов была нарушена кризисами конца 90-х и 2008-2009 гг. В последние годы темпы изменения индексов снижаются, что может говорить о консервации территориальной асимметрии. Относительные успехи последнего десятилетия, тем не менее, не привели к кардинальному снижению экономического неравенства, оно все еще в полтора раза выше, чем в позднесоветское время, а заметное уменьшение различий в благосостоянии населения регионов не говорит, что оно уменьшилось на уровне муниципалитетов и домохозяйств. Для более тщательной оценки происходивших процессов необходимо спуститься на «низовой» уровень исследования, которым, исходя из имеющейся информационной базы, является уровень городов.

[10] В данных индексах неравенство оценивается через модифицированный нормированный индекс Тэйла.

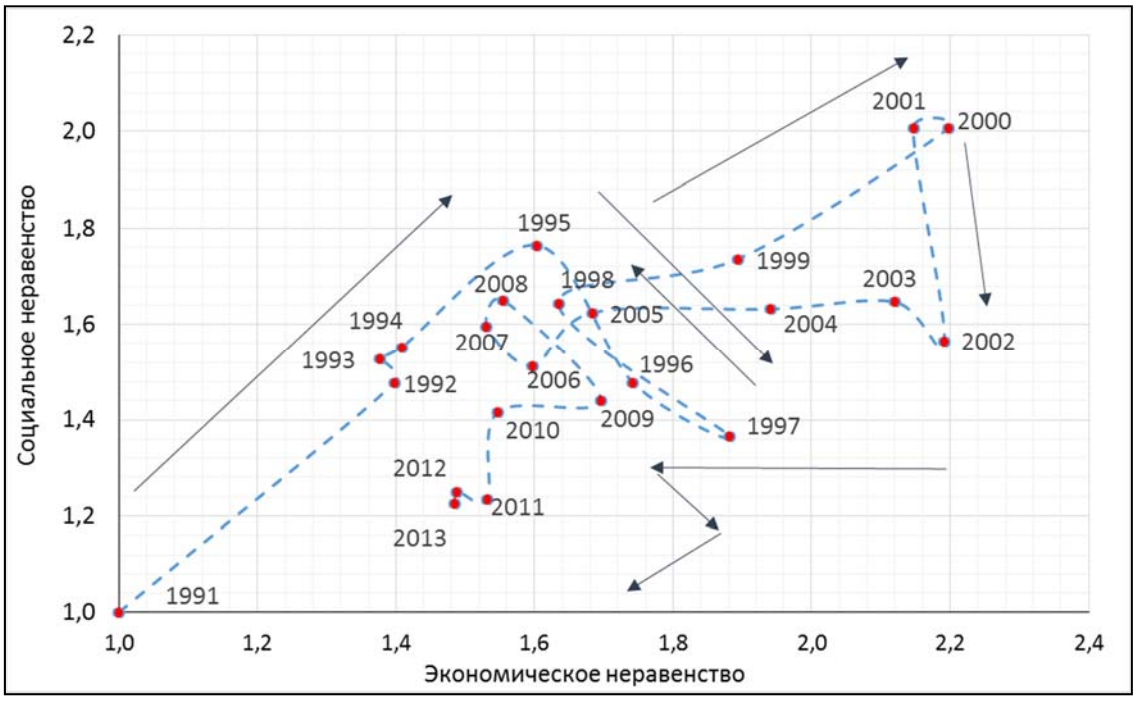


Рис. 2.16. Модель изменения территориального неравенства между регионами Урала, Сибири и Дальнего Востока. За единицу приняты значения индексов неравенства в 1991 году. Источник: рассчитано автором.

§2.2. Неравенство развития городов и его динамика

Оценка динамики социально-экономического положения городов, их конвергенции или дивергенции затруднена отсутствием достаточно длинных рядов статистических данных, о чем говорилось в главе 1. Кроме того, изменение в системе статистического учета большинства городов нефтегазовых регионов (ХМАО, ЯНАО) и некоторых других регионов (Чукотского АО и Красноярского края), приводит к несопоставимости данных до 2004 года и после него. В этой связи представляется возможным провести анализ изменения демографических и социальных индикаторов развития по полной выборке городов, а по экономическим (промышленному производству и инвестициям) – только по ограниченной[11].

Население

Динамика численности населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в рассматриваемый период с последней Всесоюзной переписи населения до текущего момента была обусловлена, с одной стороны, процессами практически повсеместной естественной убыли городского населения, с другой стороны, активными

[11] Под ограниченной выборкой здесь и далее будем понимать все города без ЗАТО, городов ХМАО, ЯНАО и г.Анадырь. Для всех остальных городов, где наблюдались статистические аномалии, показатели были скорректированы вручную.

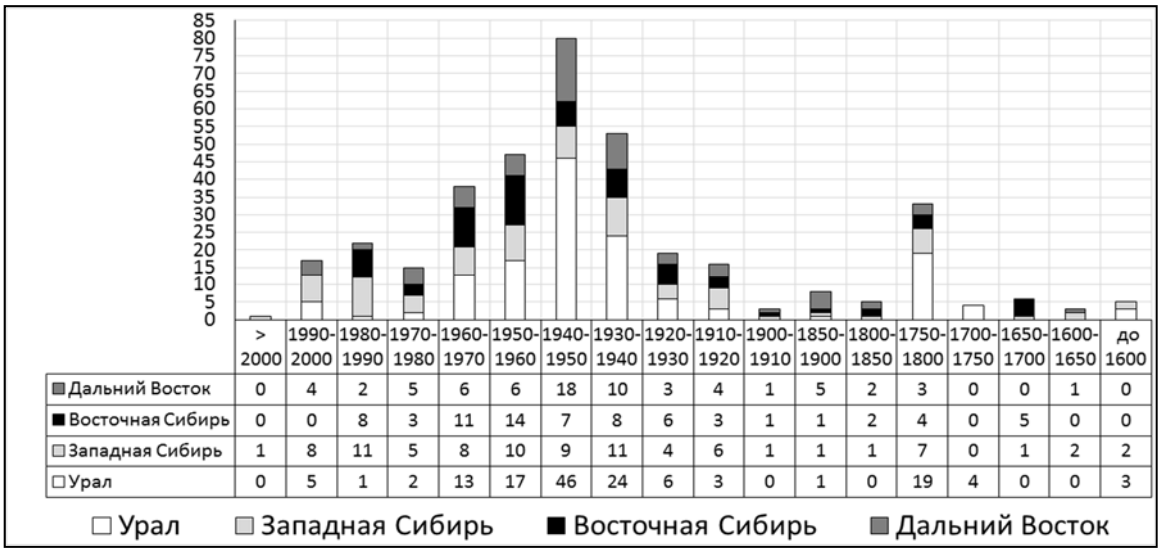
миграциями, дифференцированными как по территории, так и во времени. На динамику людности городов в период с 1991 года оказывала влияние уже сложившаяся к тому времени структура населения и ключевые характеристики его демографического поведения, а также, возможно даже в большей степени, кризисные явления переходного периода 90-х годов, приведшие к всплеску смертности и снижению рождаемости.

Процессы социальной модернизации городского и сельского населения в России уже в 70-80-е годы 20 века привели к установлению современного типа воспроизводства населения, снижению истинного коэффициента естественного прироста в область отрицательных и нулевых значений [Демографическая модернизация …, 2006, с.475]. Естественный прирост населения городов РСФСР в два последних десятилетия существования СССР был обеспечен в первую очередь структурными особенностями возрастного состава населения – наличием многочисленной когорты населения второй, а затем третьей послевоенной волны при относительно небольшой доле населения старших возрастов. Не были исключением и города рассматриваемой территории.

На демографическое развитие городов восточной части страны и Урала существенное влияние оказали особенности формирования их населения в военное и послевоенное время. Довоенная индустриализация, а затем эвакуация промышленных предприятий и населения во время Великой отечественной войны привели к быстрому росту городов Урала, южной части Западной Сибири, Дальнего Востока. В 50-70-х годах в процессе освоения природных ресурсов Тюменской области, Восточной Сибири и Дальнего Востока появились новые города – базы освоения, куда переселилось большое число молодого населения со всей страны (см. рис. 2.17) Эти несколько «волн» образования городов на рассматриваемой территории и сопровождаемых ими миграционных потоков населения привели к формированию различной структуры населения более «старых» и «молодых» городов.

Дифференцирующее влияние на показатели естественного воспроизводства населения городов оказывали и другие факторы, например, достигнутые значения урбанизации (или, иначе, демографический ресурс сельской местности) и этнический фактор. Так, наличие значительной доли сельского населения, вовлеченного в процессы урбанизации, но сохраняющего более высокие показатели рождаемости

даже при переезде в города, положительно влияло на естественный прирост населения городов республики Башкортостан, Курганской и Оренбургской областей. Этнический фактор, выражающийся в более высоких значениях рождаемости у титульных этносов национальных республик, позволял некоторым городам Бурятии, Тувы, Хакасии к 1990 году сохранить расширенное воспроизводство населения (см. прил. 2.1 рис.3).



	> 2000	1990-2000	1980-1990	1970-1980	1960-1970	1950-1960	1940-1950	1930-1940	1920-1930	1910-1920	1900-1910	1850-1900	1800-1850	1750-1800	1700-1750	1650-1700	1600-1650	до 1600
Дальний Восток	0	4	2	5	6	6	18	10	3	4	1	5	2	3	0	0	1	0
Восточная Сибирь	0	0	8	3	11	14	7	8	6	3	1	1	2	4	0	5	0	0
Западная Сибирь	1	8	11	5	8	10	9	11	4	6	1	1	1	7	0	1	2	2
Урал	0	5	1	2	13	17	46	24	6	3	0	1	0	19	4	0	0	3

Рис. 2.17. Получение статуса городов по периодам, единиц. Источник: составлено автором.

Различным было и демо-географическое положение городов разных регионов. К 1989 году урбанизационные процессы уже в основном были завершены в Пермском крае (за исключением Коми-Пермяцкого автономного округа), Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Иркутской и др. областях (см. прил. 2.1 табл. 2). В сельскохозяйственной полосе Южного Урала, юга Западной Сибири, Байкальском регионе, на юге Дальнего Востока все еще сохранялась значительная доля сельского населения, которая выступала демографическим ресурсом для роста городов за счет миграции. Таким образом, к началу масштабного социально-экономического кризиса 90-х годов города Урала, Сибири и Дальнего Востока уже были в значительной мере диверсифицированы как по текущим демографическим характеристикам, так и по факторам, которые должны были бы определять последующее развитие городов.

Демографический перелом, вызванный кризисными явлениями в экономике и получивший нарицательное имя «русский крест» [Вишневский, 2005, с.175], в явном виде проявился в городах рассматриваемой территории. Естественный прирост населения городов в основной своей массе был устойчиво отрицательным вплоть до се-

редины 2000-х и лишь к концу десятилетия стал положительным благодаря снижению смертности населения и вступлению в детородный возраст новых, более многочисленных поколений.

Естественное движение населения городов было сильно диверсифицированным как по территории, так и по группам городов, в зависимости от их численности (см. прил. 2.1. рис. 11). Наиболее глубоким был демографический кризис в малых городах, и он постепенно усиливался в связи со структурными изменениями населения вследствие миграции. Средние и крупные города (чья структура населения не нарушалась масштабным оттоком населения в детородных возрастах или даже несколько омолаживалась из-за миграционного притока) смогли быстрее улучшить показатели воспроизводства и показать заметный естественный прирост населения в последние 5 лет.

Итоговая естественная убыль населения городов за период 1991-2013 гг. составила около 1,7 млн. человек: население городов Урала сократилось на 956 тыс. чел., Западной Сибири на 370,2 тыс. чел., Восточной Сибири на 168,2 тыс. чел, Дальнего Востока на 205,2 тыс. (см. рис. 2.18).

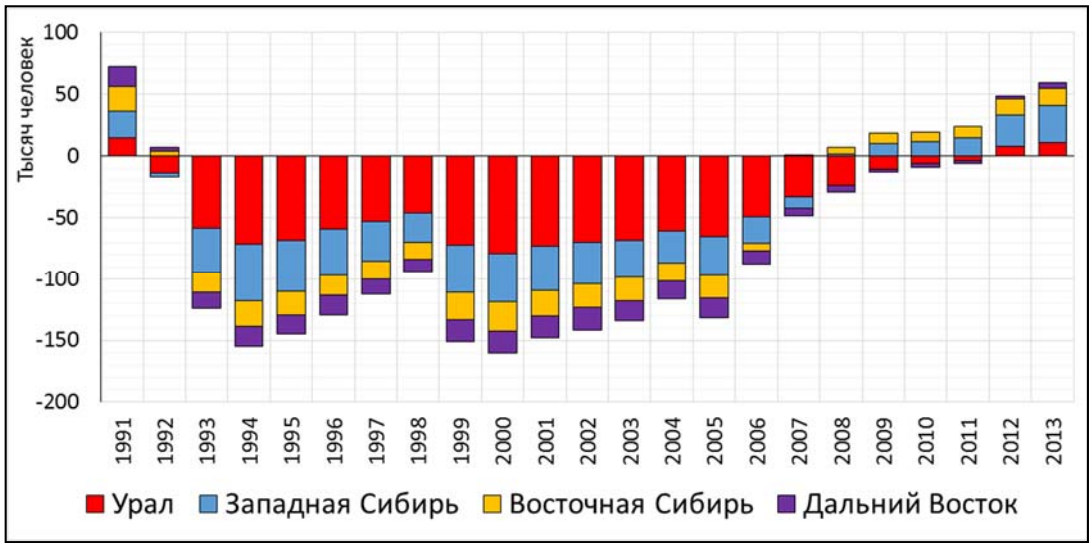


Рис. 2.18. Естественное движение населения (сальдо прирост/убыль) в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат.

Параллельно с процессами естественной убыли населения продолжался процесс роста городского населения за счет миграционного прироста. По официальным данным, суммарная численность населения городов выросла за счет миграции более чем на 730 тыс. чел. Однако более консервативные оценки миграционной динамики,

основанные на балансовом методе, показывают, что масштабы прироста в реальности оказались примерно на 50% ниже из-за недоучета выезда населения, в первую очередь из малых городов (согласно текущему учету населения, см. подробнее Приложение 2.2). В итоге, реальный миграционный прирост в городах смог компенсировать лишь 30% естественной убыли населения.

В первые годы кризиса (1991-1993 гг.), как и во всей России [Нефедова, Трейвиш, 2010], наблюдалось усиление миграционного оттока населения из городов (в первую очередь за счет эмиграции из городов Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также временного «бегства» населения из самых крупных городов в сельскую местность), однако это была лишь временная реакция населения на обострение экономических проблем. Миграционный отток сменился миграционным притоком в города всех районов, кроме Дальневосточного. В постсоветский период наиболее быстро население росло за счет миграции в середине 90-х годов и со второй половины 2000-х. Однако характер этих двух урабанизационных «волн» сильно отличался.

Механическое движение населения городов может происходить как за счет обмена населением с сельской местностью, так и между самими городами. Исходя из коэффициентов эффективности миграционного оборота (см. прил. 2.1 рис. 11) и динамики доли сельского населения (см. прил. 2.1 табл. 2), основу новых жителей городов первой миграционной волны середины 90-х, по всей видимости, составило именно сельское население. Важную роль в увеличении численности населения городов в этот период сыграли репатрианты из Казахстана и Средней Азии. К 1994 году во время пика возратных мигарций в Россию был достигнут относительный максимум числа городов, растущих вследствие миграционного прироста (почти 70% по всем городам рассматриваемой территории, см. прил. 2.1 рис. 15), даже с учетом массового выезда населения из городов Дальнего Востока. Если исключить их из рассмотрения (т.е. рассматривать механическое движение населения для городов Урала, Западной и Восточной Сибири отдельно), то можно сказать, что дифференциация городов разной людности хоть и имела место, но не была однозначной. В эти годы сельскому населению, по всей видимости, было все равно, в какой город переезжать, лишь бы покинуть сельскую местность.

Вторая миграционная волна[12] (см. прил. 2.1 рис. 12), имеющая место и сейчас, зародилась в середине 2000-х годов и была спровоцирована, по всей видимости, совокупностью социально-экономических факторов: экономической поляризацией, ростом привлекательности крупнейших городов (региональных столиц), отдельных промышленных центров, в первую очередь в нефтегазовых районах Западной Сибири. При этом число городов, привлекательных для мигрантов постоянно уменьшалось на всей территории (см. прил. 2.1 рис. 15), и различия между городами различной людности постоянно возрастали (см. прил. 2.1 рис. 14). Наибольшие изменения произошли в малых (до 50 тыс. чел.) и самых крупных городах (свыше 250 тыс. человек). Доминирование крупнейших городов и региональных столиц, как акцепторов мигрантов, по-всей видимости, является важнейшим итогом трансформаций в системы городского расселения не только азаитской части страны, но и всей России в XXI веке.

Итогом долговременного воздействия процессов естественного и механического движения населения стала трансформация возрастной структуры городов (см. прил. 2.1 рис. 16). Большинство из них на текущий момент имеют половозрастную пирамиду с суженным основанием молодых возрастов, как следствие кризиса рождаемости в 90-е годы. За счет активного привлечения молодежи лучшую демографическую структуру имеют региональные столицы (Ханты-Мансийск, Улан-Удэ, Томск). Малые, депрессивные и старопромышленные города, наоборот потеряли значительную часть своего трудоспособного населения, сильно постарели. В результате, миграционные процессы не только стали важным фактором, оказавшим влияние на текущую численность населения городов отдельных типов, но и заложили основу для воспроизводства различий между ними в будущем.

Географическую локализацию процессов естественного и механического движения населения демонстрируют рис. 26 А, Б, рис. 17-18 из Прил. 2.1 и карты в приложении (см. карты «Естественное движение население городов Урала, Сибири и Дальнего Востока», «Механическое движение населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока», «Население городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Во-

[12] Относительный «всплеск» миграционного сальдо в 2011 году также связан с изменением методики учета мигрантов, временной регистрации по месту пребывания.

стока»). Основным их итогом стала депопуляция восточных городов страны вследствие «западного дрейфа» населения, что проявилось в смещении демографического центра территории к западу почти на 1 градус долготы. Наибольшие демографические потери из-за естественной убыли понесли относительно «старые» города Урала, юга Западной Сибири и Дальнего Востока. В целом, демографическое развитие конкретных городов за рассматриваемый период происходило несинхронно, выделилось несколько их типов, исходя из механического и естественного движения (см. прил. 2.1 рис. 18).

Помимо собственно демографических процессов, существенное влияние на рост численности городов оказали многочисленные административно-территориальные преобразования, в результате которых в городскую черту были включены ближайшие поселения. К такому «инструменту» поддержания и увеличения численности населения прибегали в первую очередь региональные столицы (Тюмень, Омск, Томск, Новосибирск, Челябинск и др.). В итоге, административное приращение населения добавило к численности населения городов ещё около 414 тыс. человек, что позволило вместе с миграционным притоком компенсировать половину естественной убыли населения.

В конечном счете, за период после распада СССР городская система азиатской России потеряли лишь около 1% населения, при этом динамика сильно различалась как по территории, так и по группам людности (см. табл. 2.6). Наибольшее увеличение численности населения наблюдалось в региональных столицах и крупнейших городах (примерно на 6-7%), максимальное снижение – в малых (до 50 тыс. человек) и крупных городах (100-250 тыс. человек). Однако, такая простая оценка не дает понимания насколько равномерной была динамика численности городов внутри конкретных групп. Для этого прибегнем к оценке степени концентрации городского населения с помощью стандартного индекса Тэйла (см. рис. 2.19).

На полной выборке городов он показывает, что до середины 90-х годов не происходило ни значительной концентрации[13], ни деконцентрации в системе городов, что полностью согласуется с нашими предыдущими результатами: основу первой миграционной волны составляло в первую очередь сельское население, а также

[13] Концентрация населения происходит в случае роста индекса Тэйла (рост внутренней энтропии), деконцентрация – при его уменьшении (снижение энтропии, «сближение» городов)

репатрианты из Казахстана и Средней Азии, дифференциация миграционного притока была слабой, а естественное движение еще не было мультиплицировано миграцией населения в трудоспособных возрастах. С конца 90-х, однако, процессы территориальной концентрации по описанным причинам усилились и, по всей видимости, продолжаются с равномерной скоростью[14].

Таблица 2.6. Динамика численности населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока по группам численности населения (в тыс. чел.), в % к численности населения в 1991 году

Группы городов	2002	2010	2015
Всего, из них:	**97,0**	**96,9**	**98,9**
региональные центры	98,1	101,7	107,1
1000 и более	98,0	101,2	106,3
500-1000	95,8	96,8	97,0
250-500	97,5	100,3	103,7
100-250	98,7	94,5	93,4
50-100	98,2	101,2	106,8
25-50	98,6	94,7	93,5
менее 25	88,7	81,2	77,9

Источник: рассчитано по данным БД Мультистат, ВПН-2002, ВПН-2010, ГКС РФ.

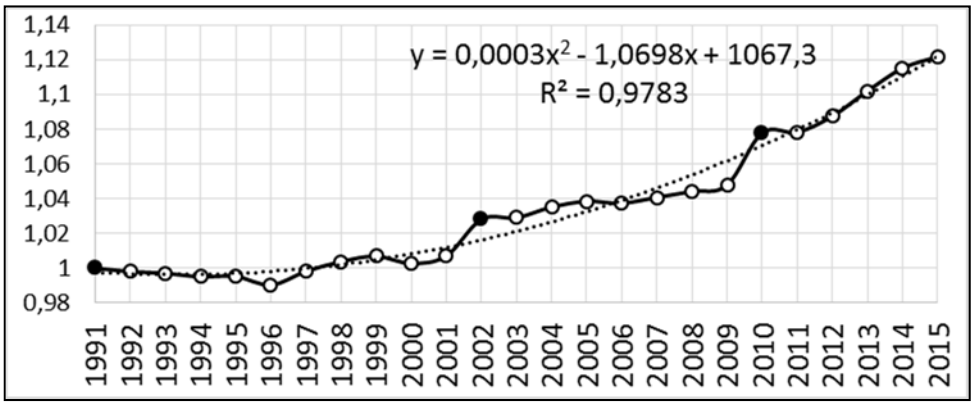


Рис. 2.19. Территориальная концентрация населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока (Индекс Тэйла, к уровню 1991 года)[15]. Источник: рассчитано автором.

Рассмотрение процессов территориальной концентрации населения по отдельным территориальным группам[16] и группам людности дает дифференцированный результат (см. прил. 2.1 рис. 19-20). В первый межпереписной период (1989-

[14] Аппроксимирующая кривая, тем не менее, имеет форму параболы, что может говорить об ускоряющейся во времени концентрации населения. Однако, очень малый коэффициент (0,0003) и недостаточная ненадежность данных по текущему учету населения, говорят, скорее о линейном процессе концентрации населения.

[15] Данные по текущему учету населения (белые пунсоны на графике) из-за недоучета миграций можно рассматривать лишь как весьма грубую оценку численности населения городов, поэтому ключевые выводы о скорости концентрации населения необходимо делать, исходя из данных Переписи населения (черные пунсоны)

[16] Территориальные группы городов выделены исходя из модифицированной нами сетки природно-хозяйственного районирования Сибири, предложенной коллективом авторов Института географии СО РАН [Абалаков и др., 2013]

2002 гг.) концентрация населения наиболее активно происходила в городах Северо-Востока, Восточной Сибири и в сельскохозяйственном поясе юга Западной Сибири. Практически синхронными были процессы изменения численности населения на Урале, промышленных регионах юга Западной Сибири и на юге Дальнего Востока. Единственной территориальной группой, где произошла относительная деконцентрация населения, были города нефтегазовых районов Западной Сибири, что было обусловлено более быстрым ростом небольших городов. В дальнейшем, после 2002 года концентрация населения происходила во всех территориальных группах. Таким образом, процессы территориальной концентрации населения городов являются общей тенденцией как для территории азиатской России в целом, так и для всех крупных её частей.

Различия в динамике численности населения городов по группам людности удается обнаружить лишь в группе самых малых городов, где на фоне сильного снижения численности населения (см. табл. 2.6) происходит его концентрация (см. прил. 2.1 рис. 20). Иными словами, выделяются группы городов с разнонаправленной динамикой, которые, вероятно, составляют характерные типы. Среди малых городов выделилась очень небольшая группа «избранных», которые несмотря на свою малую людность, но благодаря другим факторам[17], все же увеличивают численность населения. Равномерно растущими являются самые крупные города (свыше 500 тыс. человек, коэффициент Тэйла близок к 1), равномерно депопулирующими – города с численностью 25-50 тыс. человек. В остальных (промежуточных) группах городов по людности происходит их относительная гомогенизация, динамика численности населения в них изменяется с каждым годом все более синхронно, индекс Тэйла снижается. Стабильное уменьшение индекса Тэйла подчеркивает, что каким бы сильным не было воздействие иных факторов, изменение численности населения все равно задано некоторыми базовыми параметрами – прежде всего естественным движением населения.

Подводя итог данной части исследования, можно говорить, что среди всего многообразия городов азиатской части России и Урала выделяются несколько клю-

[17] Более подробно эти факторы рассматриваются в главе 3.

чевых групп по динамике численности населения: крупнейшие города (региональные столицы), малые города (до 50 тыс. чел.) и все остальные, изменение численности населения в которых происходило синхронно.

Промышленность

В официальной статистике отсутствуют данные по физическому объёму промышленного производства, поэтому для сопоставимой оценки динамики нами рассчитаны т.н. «приведенные объёмы промышленного производства» (см. §1.4.). Исходя из полученных значений по ограниченной выборке городов (без городов ХМАО, ЯНАО и г. Анадырь[18]), суммарное приведенное промышленные производство в них к 2012 году все еще оставалось ниже уровня 1991 года (см. прил. 2.1 рис. 21) и повторяло тенденции роста промышленного производства, установленные на уровне регионов. Соотношения долей различных групп городов в целом на всем рассматриваемом периоде остаются стабильными, что позволяет говорить, что фактор численности населения не оказывал существенного влияния на промышленное развитие городов, а успешность городов была связана с качеством экономической базы, которыми они обладали.

К моменту распада Советского Союза почти все города рассматриваемой территории обладали достаточно развитой промышленностью – лишь примерно в двух десятках из них среднедушевое промышленное производство составляло менее четверти от среднего (см. рис. 2.20). Это были города, выполнявшие транспортные (например, Ленск, Северобайкальск, Могоча, Карталы и др.), административные функции (Ханты-Мансийск), иные специальные функции (например, некоторые ЗАТО или центры рекреации), либо центры сельскохозяйственной местности (например, Чадан, Туран). В этих городах промышленность не составляла основы экономики (см. карту Промышленность в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991 году). Большинство же городов обладали комплексом градообразующих и градообслуживающих предприятий – более половины городов имели среднедушевое промышленное производство на уровне общероссийского.

[18] Эти города исключены из рассмотрения из-за сильных скачков показателей промышленного производства и инвестиций в основной капитал, связанные с изменением в администрировании деятельности

В условиях общеэкономического кризиса, разрыва производственных цепочек, схлопывания традиционных рынков и изменения издержек деятельности, значительная часть городов не просто утратила большую часть промышленного потенциала, но и фактически деиндустриализовалась[19]. Число таких городов достигло своего абсолютного максимума почти в 100 единиц к 2000 году (более трети от общего числа рассматриваемых). К этому моменту более чем в два раза уменьшилось число среднеразвитых (с душевым значением свыше 4 тыс. руб.) и крупнейших промышленных городов (с душевым значением свыше 16 тыс. руб. на человека). Дальнейшая восстановительная динамика 2000-2010-х годов привела к реанимации промышленности городов, однако значительная часть из них утратили эту функцию окончательно.

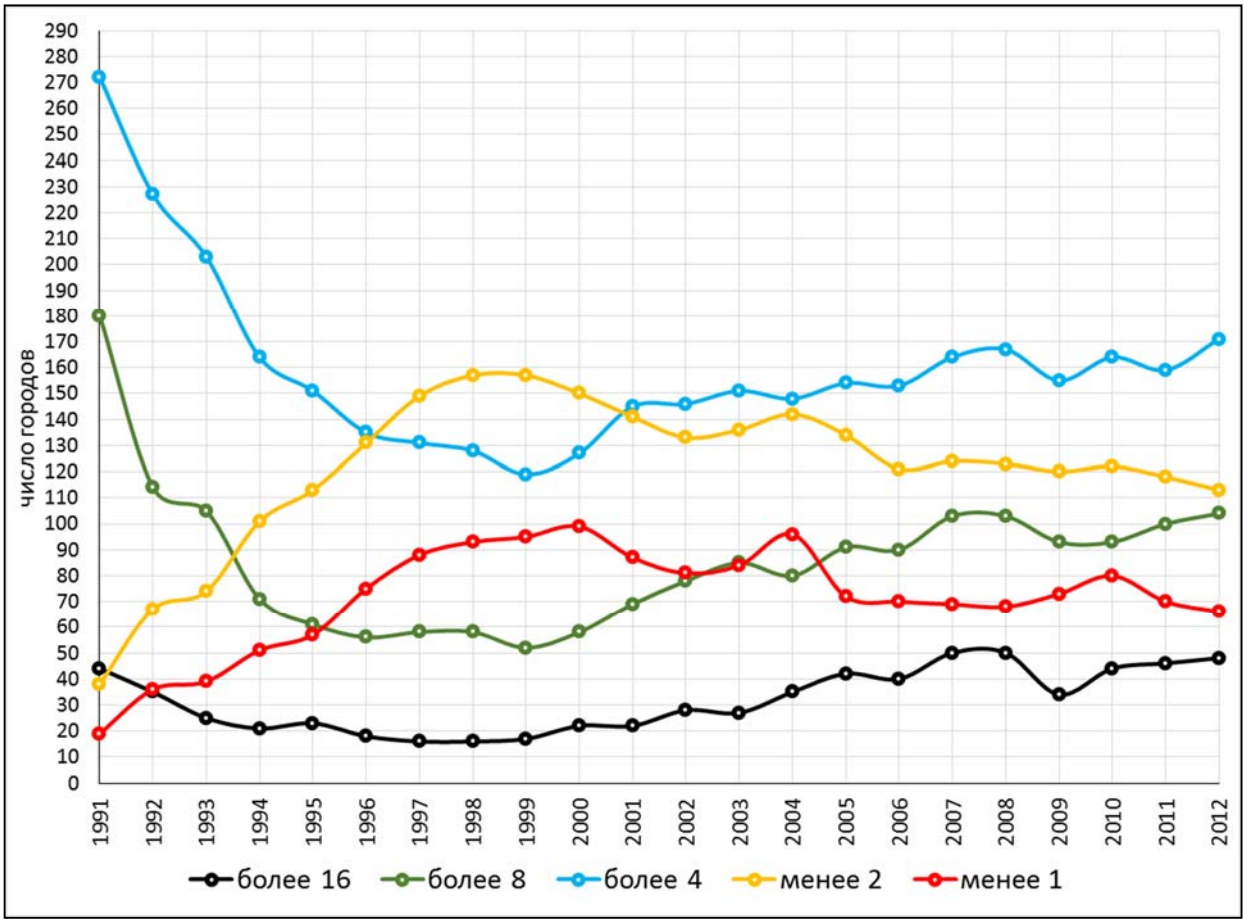


Рис. 2.20. Приведенное душевое промышленное производство в городах в ценах 1991 года, тыс. рублей на человека в год. Примечание: среднедушевой уровень промышленного производства по РСФСР в целом и по регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока составлял около 8 тыс. рублей/человека. Источник: рассчитано автором.

[19] Условным порогом, характеризующим наличие значимой промышленной функции в данном случае, принимается уровень в 2 тыс. рублей промышленной продукции в год на человека, что составляет четверть от средних докризисных значений для всей территории

В наихудшем положении оказались города, основу промышленности которых составляли различные отрасли легкой, деревообрабатывающей индустрии и машиностроения, а также те из них, в которых размещались небольшие предприятия местного значения, в том числе пищевой промышленности, промышленности строительных материалов. Многие предприятия этих отраслей не смогли найти своего места в рыночной экономике и были ликвидированы.

В ходе кризиса пострадали и города других отраслей специализации, однако затем они встроились в систему международного разделения труда в качестве поставщиков минерального сырья и топлива, продуктов первичной переработки. Те из них, которые относительно быстрее смогли преодолеть последствия кризиса 90-х (города с предприятиями черной и цветной металлургии, ТЭК), стали локомотивами восстановительного роста экономики, и их доля выросла.

Описанные процессы кризисной санации и избирательного роста промышленности привели к перераспределению промышленного потенциала между городами (см. Карту Промышленное производство в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991-2012 гг.). Наши оценки, основанные на расчете специальных индексов территориального неравенства, это подтверждают (см. рис. 2.21 А, Б).

Концентрация промышленного производства быстро возрастала вплоть до начала 2000-го года, и затем зафиксировалась на достигнутых уровнях. В этом отношении динамика территориального неравенства на уровне городов практически полностью повторяет ситуацию, которая наблюдалась на региональном уровне (см. §2.1).

В результате, можно говорить, что основные трансформационные процессы в промышленности городов Урала, Сибири и Дальнего Востока к текущему моменту уже завершились. Территориальное неравенство в размещении промышленного производства сильно возросло, во многом за счет значительного падения промышленности в подавляющем числе городов. Этот процесс, с учетом высокой значимости промышленной функции в экономике азиатских городов, должен быть привести к усложнению ситуации на рынках труда городов, особенно монопрофильных.

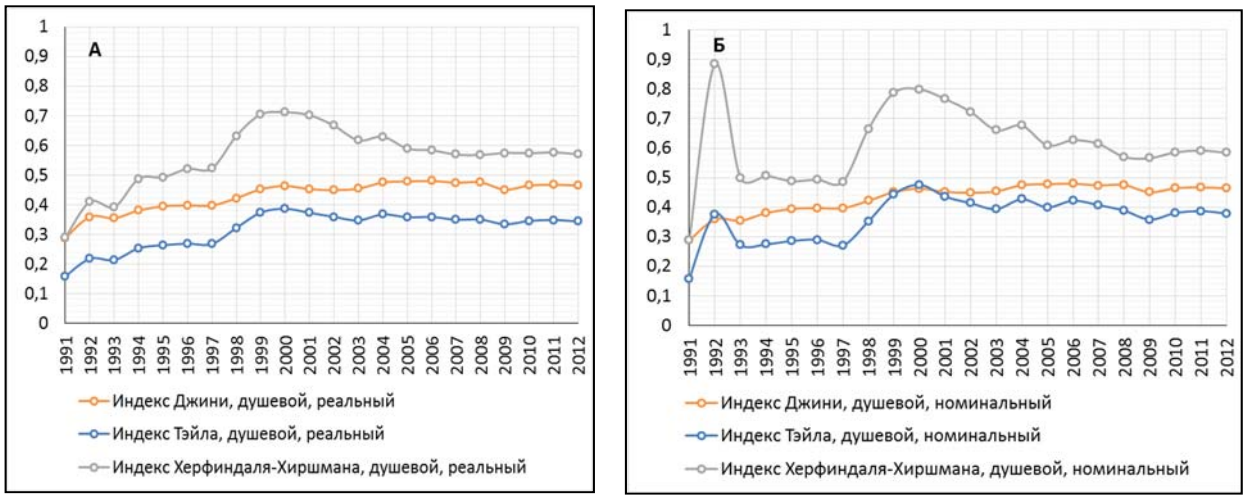


Рис. 2.21. Территориальное неравенство по промышленному производству по приведенному объёму (А) и в номинальных ценах[20] (Б). Источник: рассчитано автором.

Инвестиции

Совокупный объём приведенных инвестиций в основной капитал по ограниченной выборке городов имеет динамику, изображённую на рис.2.22, которая, в целом, повторяет тренд изменения физического объёма капиталовложений в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока (см. рис. 2.9.).

Максимум падения инвестиций пришелся на 1997 год (почти до четверти от объёмов 1991 года), затем они устойчиво увеличивались и даже после некоторой коррекции в 2009-2010 гг. превысили советские объёмы. Исходя из данных об источнике инвестиций[21], как и в случае с регионами, будем рассматривать распределение инвестиций между городами как в совокупности, так и по двум группам инвесторов: аффилированных с государством (условно «нерыночных»), и осуществляемых из средств частных, иностранных и смешанных российско-иностранных собственников (условно «рыночных»). В отличие от структуры инвестиций на уровне регионов, в городах частный капитал все еще уступает государственному. Это означает, что значительная часть «рыночных» инвестиций в регионах направляется на реализацию проектов вне городов (как правило, в отраслях ТЭК), а инвестиционная активность, связанная с государством, сфокусирована в первую очередь на городах.

[20] В случае оценок степени территориального неравенства по индикаторам, характеризующим экономическое развитие на уровне городов (промышленное производство и инвестиции), наиболее достоверным представляется индекс Джини и Тэйла, поскольку индекс Херфиндаля-Хиршмана оказывается слишком чувствительным к экстремальным выбросам душевых значений исследуемых параметров.
[21] Информация доступна с 1997 года.

Рис. 2.22. Приведенный объём инвестиций в основной капитал по городам Урала, Сибири и Дальнего Востока, в ценах 1991 года. Источник: рассчитано автором.

Соотношение капиталовложений, осуществляемых этими двумя группами инвесторов, вплоть до кризиса 2008-2009 гг. изменялось в сторону «рыночных» инвесторов, однако в последние годы их доля несколько снизилась - до 57,5%. Привлекательность городов для частного капитала в целом возрастала, но была сильно диверсифицированной (см. прил. 2.1 рис. 22). Так, в почти 40% городов основную часть (более 70%) инвестиций продолжают составлять различные виды «нерыночных».

Территориальное неравенство, оцененное в специальных индексах по приведенному и номинальному объёму инвестиций из всех источников, увеличилось, особенно в конце 1990-х и начале 2000-х (см. рис. 2.23 А,Б). Такой характер роста территориального неравенства на уровне городов не согласуется с динамикой, полученной нами при оценке трендов изменения неравенства на уровне регионов (см. § 2.1). Интерпретация этого результата состоит в том, что при усреднении душевых инвестиций между регионами (в том числе благодаря перераспределительной политике государства), внутри регионов инвестиции с каждым годом все более концентрировались в ограниченном числе городов, прежде всего в региональных столицах и в относительно «живых», промышленно развитых. За период 1991-2013 гг. доля региональных центров в суммарных объёмах капиталовложений выросла с 41,4% до 59,0%, а объём инвестиций, аккумулированных крупными городами с численностью населения более 250 тысяч человек, вырос с 44,9% до 51,3% (см. прил.2.1. рис. 23). Наиболее пострадавшими были малые города (до 50 тыс. чел.), доля которых за аналогичный период упала с четверти до 16%. Таким образом, имела место сильная внутрирегиональная дифференциация.

Вместе с тем, как и на региональном уровне, после пиков поляризации, достигнутых к концу 90-х – началу 2000-х, происходило постепенное снижение различий между городами по инвестициям частного капитала (см. рис. 2.24А). Асимметрия в их распределении все еще выше, чем для всех капиталовложений (индекс Тэйла в 2013 году составил соответственно 0,36 и 0,32).

Рост асимметрии в суммарных капиталовложениях при снижении различий в инвестициях частных собственников возможен лишь в случае, когда увеличивается неравенство инвестиций, связанных с государством. Это подтверждает расчет специальных индексов территориального неравенства (см. рис. 2.24Б).

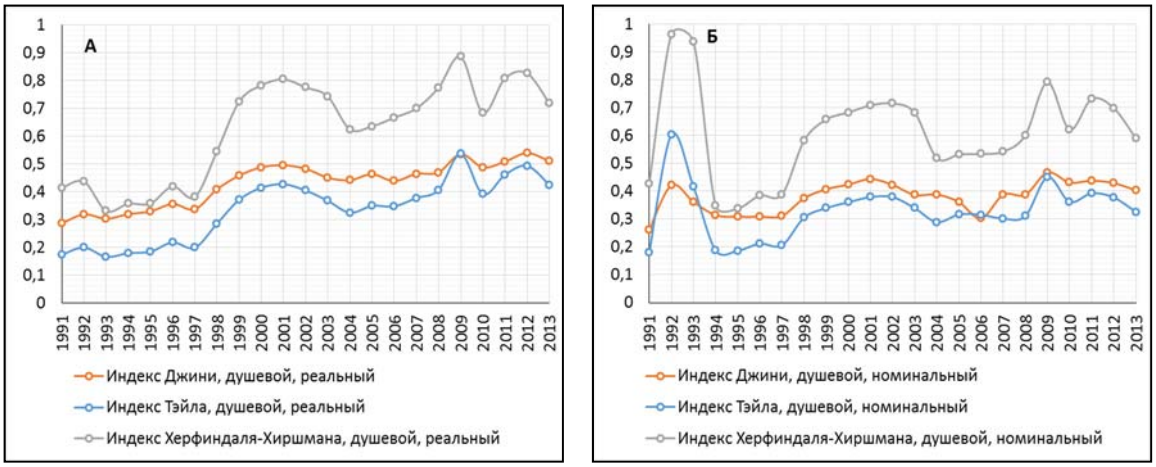


Рис. 2.23. Территориальное неравенство по инвестициям в основной капитал: (А) по приведенному, (Б) по номинальному объёмам, из всех источников. Источник: рассчитано автором.

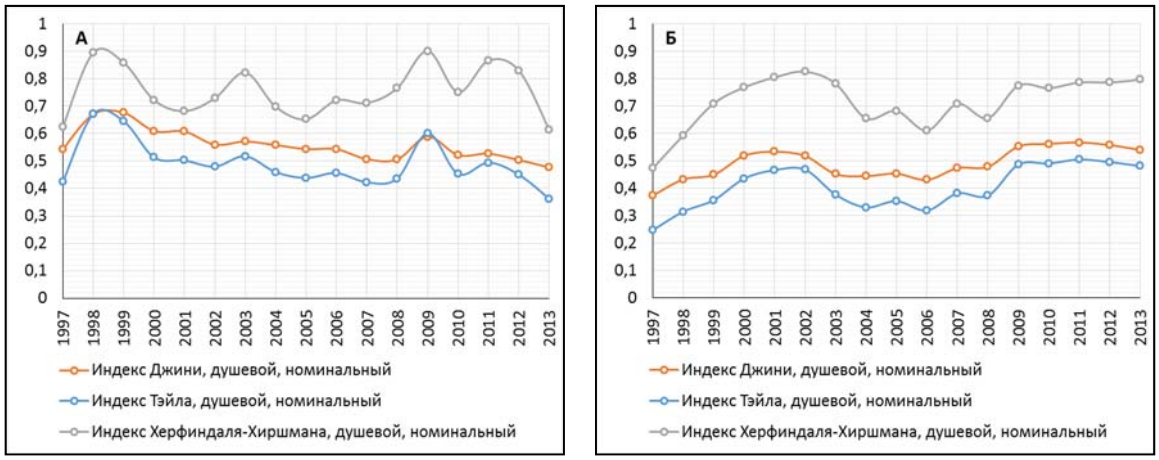


Рис. 2.24. Территориальное неравенство по инвестициям в основной капитал: (А) частных инвесторов российской, иностранной и смешанной российско-иностранной форм собственности; (Б) инвесторов, аффилированных с государством всего из всех источников. Источник: рассчитано автором.

Именно государственные инвестиции, а не рыночные, формируют тренд на рост общих различий между городами. Выходит, что государство на уровне регионов сглаживает межрегиональные контрасты своей политикой, а на уровне городов

это приводит к противоположному эффекту. Более того, общее неравенство, оценённое, например, по индексу Джини для рыночных инвесторов к началу 2010-х году опустилось ниже, чем неравенство в инвестициях, связанных с государством (0,47 против 0,54 соответственно за 2013 год.). Причиной роста неравенства, по всей видимости, является одновременно и рост доли капиталовложений, акцепторами которых выступают региональные столицы (по крайней мере, до 2011 года, рис. 2.25Б), и резкое увеличение объемов инвестиций в отдельных городах, связанное с реализацией крупных инвестиционных проектов, приуроченных к проведению статусных мероприятий.

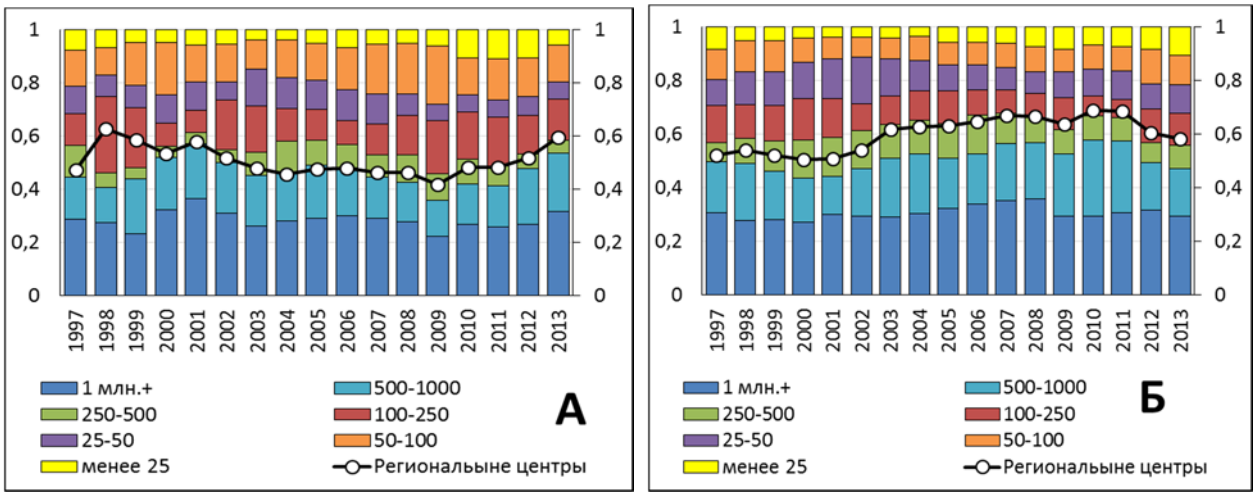


Рис. 2.25. Структура распределения номинальных инвестиций в основной капитал по городам различной людности (в тыс. человек) и региональным центрам из «рыночных» источников (А) и источников, аффилированных с государством (Б) в номинальных ценах соответствующих лет[22]. Источник: рассчитано автором.

Инвестиции населения в приобретение жилья, как и инвестиции в основной капитал, в значительной мере сконцентрировались в крупнейших городах (свыше 500 тыс. чел.) и региональных столицах (см. прил. 2.1 рис. 24). Доля введенного жилья в них выросла за период 1991-2013 гг. с 36,4% и 43,% до 59,5% и 67,9% соответственно. При этом доля малых городов (до 50 тыс. человек) за этот период упала в 2 раза (с 21,1% до 11,3%). Изменение территориального неравенства по жилищному строительству, как и в случае с инвестициями в основной капитал, отличается от региональной динамики: если на уровне регионов произошла некоторая конвергенция, то внутри них уровень территориального неравенства зафиксировался на относительно высоких значениях (см. рис. 2.26).

[22] По ограниченной выборке городов

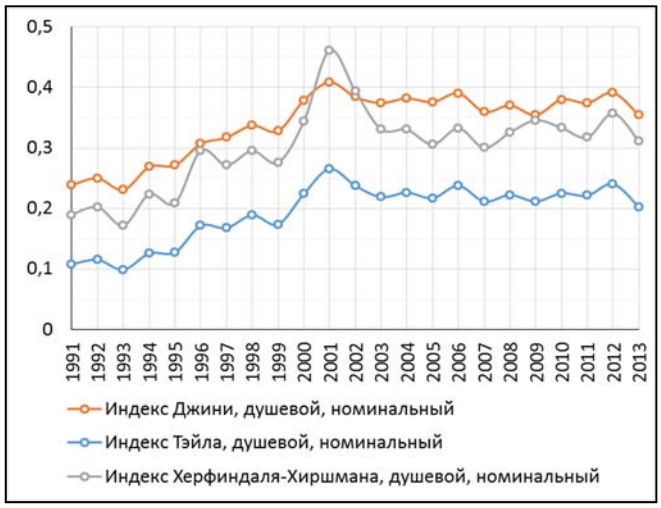


Рис. 2.26. Территориальное неравенство в жилищном строительстве по реальным объёмам. Источник: рассчитано автором.

Доходы населения

Оценка благосостояния населения городов и его территориального неравенства затруднена в силу отсутствия достоверной статистики. Для муниципальных образований не рассчитываются ни реальные располагаемые доходы населения, ни конечное потребление домашних домохозяйств. Имеющиеся сведения по размерам начисленной заработной платы могут не полностью коррелировать с доходами населения из-за ограниченного охвата занятых (в статистике учитываются только работники крупных и средних организаций, без малого бизнеса и неформального сектора). Уровень потребления населения, оценить которое представляется возможным только на основании величины розничного товарооборота, подвержен сильному искажению, особенно в крупных городах и региональных центрах, в которых покупки совершает не только местное население. Кроме того, для каждого города теоретически необходимо применять собственные поправочные коэффициенты, которые могли бы учесть различия в стоимости жизни. Однако, такие данные также отсутствуют в современной статистике, в связи с чем для корректировки приходится использовать региональные коэффициенты удорожания, которые также вносят свое искажение в конечный результат. В итоге, к результатам анализа имеющейся статистики по доходам и расходам населения необходимо подходить крайне осторожно, поскольку из-за своих недостатков они могут привести к ложным выводам. В этой связи, детального анализа динамики заработной платы населения и его территориального неравенства для всей выборки городов в данном параграфе не проводится.

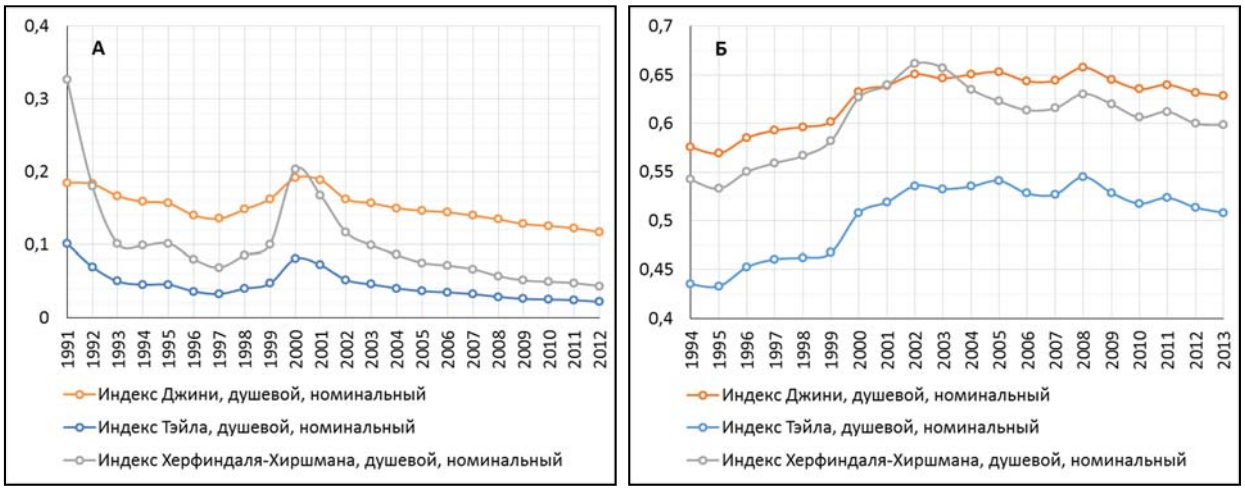


Рис. 2.27. Территориальное неравенство: (А) по заработной плате работников организаций, (Б) обороту розничной торговли в номинальных ценах, скорректированных на региональные коэффициенты удорожания. Источник: рассчитано автором.

Различия между городами, оцененные специальными индексами (см. рис. 2.27 А,Б), показывают противоречивую динамику. С одной стороны, различия в уровне заработной платы между городами по сравнению с 1991 годов несколько снизились (с локальным пиком в конце 1990-х – начале 2000-х годов). С другой стороны, степень территориальной концентрации розничного товарооборота, напротив, несколько увеличилась. Полученная таким образом оценка, с учетом вводных ограничений статистики, не позволяет сделать вывода ни о конвергенции, ни о дивергенции территориального неравенства в благосостоянии населения.

§2.3. Различия в динамике территориального неравенства и асимметрии развития на уровне регионов и городов

Проведенный анализ позволяет сравнить тенденции неравенства в регионах и городах рассматриваемой территории. Процессы демографической концентрации, наблюдаемые на уровне регионов и городов, за весь рассматриваемый постсоветский период хоть и имели примерно одинаковую интенсивность (см. рис. 2.28Б), но отличались по фазам. Основные процессы перераспределения населения между регионами Урала, Сибири и Дальнего Востока в основном произошли уже к началу 2000-х годов, после чего практически остановились. Процесс концентрации населения в городах, начавшийся в середине 90-х годов, продолжается с примерно одинаковой скоростью до настоящего времени и, исходя из демографического и миграционного поведения населения городов различной людности, будет, по всей видимости, лишь ускоряться.

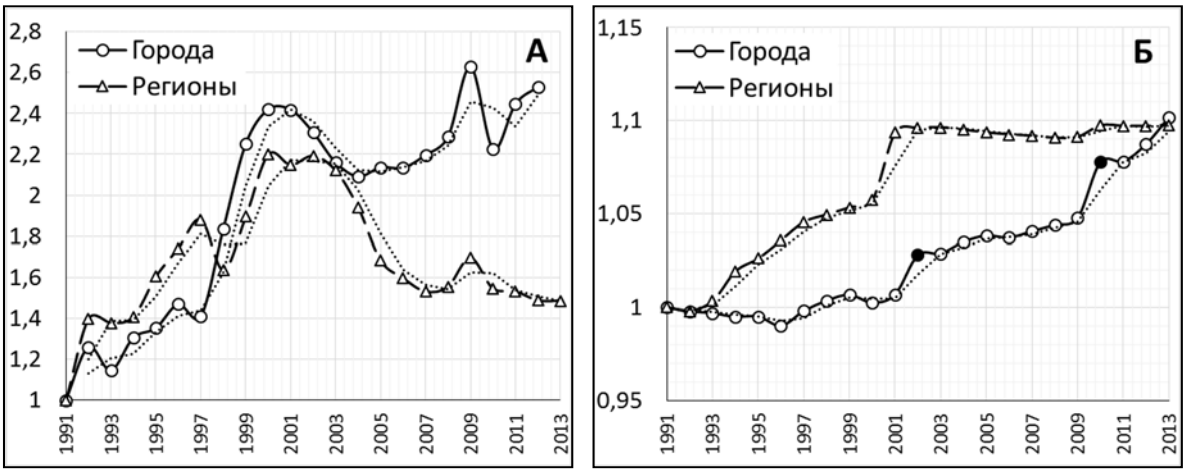


Рис. 2.28. Динамика индекса экономического неравенства (А) и территориальной концентрации населения (Б) в регионах и городах азиатской России, Индекс Тэйла к уровню 1991 года. Источник: рассчитано автором.

Индустриальное развитие городов, по всей видимости, несколько отстает от темпов роста промышленного производства регионов. К 2012 году удалось достигнуть лишь 90% от позднесоветских уровней промышленного производства, которое при этом сильно перераспределилось между городами. До трети городов рассматриваемой территории утратили значимые объёмы промышленного потенциала и деиндустриализовалась. При этом, выделилась группа городов с конкурентоспособными отраслями специализации промышленности, которые встроившись в международную систему разделения труда, сконцентрировали объёмы производства промышленной продукции. Степень территориального асимметрии в локализации промышленного производства существенного превышает советские уровни и при этом не снижается. Данная тенденция совпадает с итогами, полученными нами на уровне регионов.

Ключевые различия в тенденциях развития территориального неравенства на уровне регионов и городов обнаружены в распределении инвестиций в основной капитал. На фоне смягчения различий между регионами, внутри них территориальная асимметрия постоянно возрастает за счет преимущественной концентрации инвестиций в крупнейших городах и региональных столицах. Инвестиции, связанные с государственным сектором экономики, работающие на сглаживание межрегиональных контрастов, на уровне муниципалитетов, наоборот, усиливают неравенство. Инвестиции населения в новое жилье все в большей мере локализуются в ограниченном числе городов, прежде всего региональных столицах и их пригородах.

Итоговая оценка (индекс) экономического неравенства представляет из себя среднее значение неравенства в распределении промышленного производства и инвестиций в основной капитал (по полному кругу организаций), рассчитанное на основе модифицированного индекса Тэйла. Сравнение динамики индекса экономического неравенства между городами и регионами Урала, Сибири и Дальнего Востока показывает разнонаправленную динамику (см. рис. 2.28А). Экономическая поляризация городов, усиливается на фоне конвергенции, наблюдаемой на уровне регионов.

Этот процесс, по-видимому, отражает общую специфику поляризации российского пространства, когда на различных пространственных уровнях протекают разнонаправленные процессы.

§2.4. Территориальные эффекты социально-экономической поляризации городов на востоке России

Процессы концентрации населения в крупных городах, как было установлено, являются общей тенденцией для всего востока России. Рост территориальных различий между региональными центрами и периферией объективен. Данный процесс активно протекает и в Европейской части страны, однако в силу значительно более плотной сети городов имеет несколько иные последствия.

К востоку от Урала плотность и численность населения городов быстро убывает, а среднее расстояние между ними растет. Заметными на общероссийском фоне являются сгустки населения в городах юга Западной Сибири, юга Дальнего Востока, Прибайкалья (см. рис. 2.29). Среднее расстояние между городами в Западной Сибири в 2-3 раза больше, чем в Европейской части, а в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке еще выше (за исключением локальных концентраций городов в Красноярском крае и юге Дальнего Востока).

Демографические процессы постсоветского периода привели не только к общему западному «дрейфу» населения, но и локальным процессам сгущения на определенных широтных интервалах, которым соответствуют крупнейшие городские агломерации, и разрежению пространства за их пределами (см. рис. 2.30, линия с темным пунктиром).

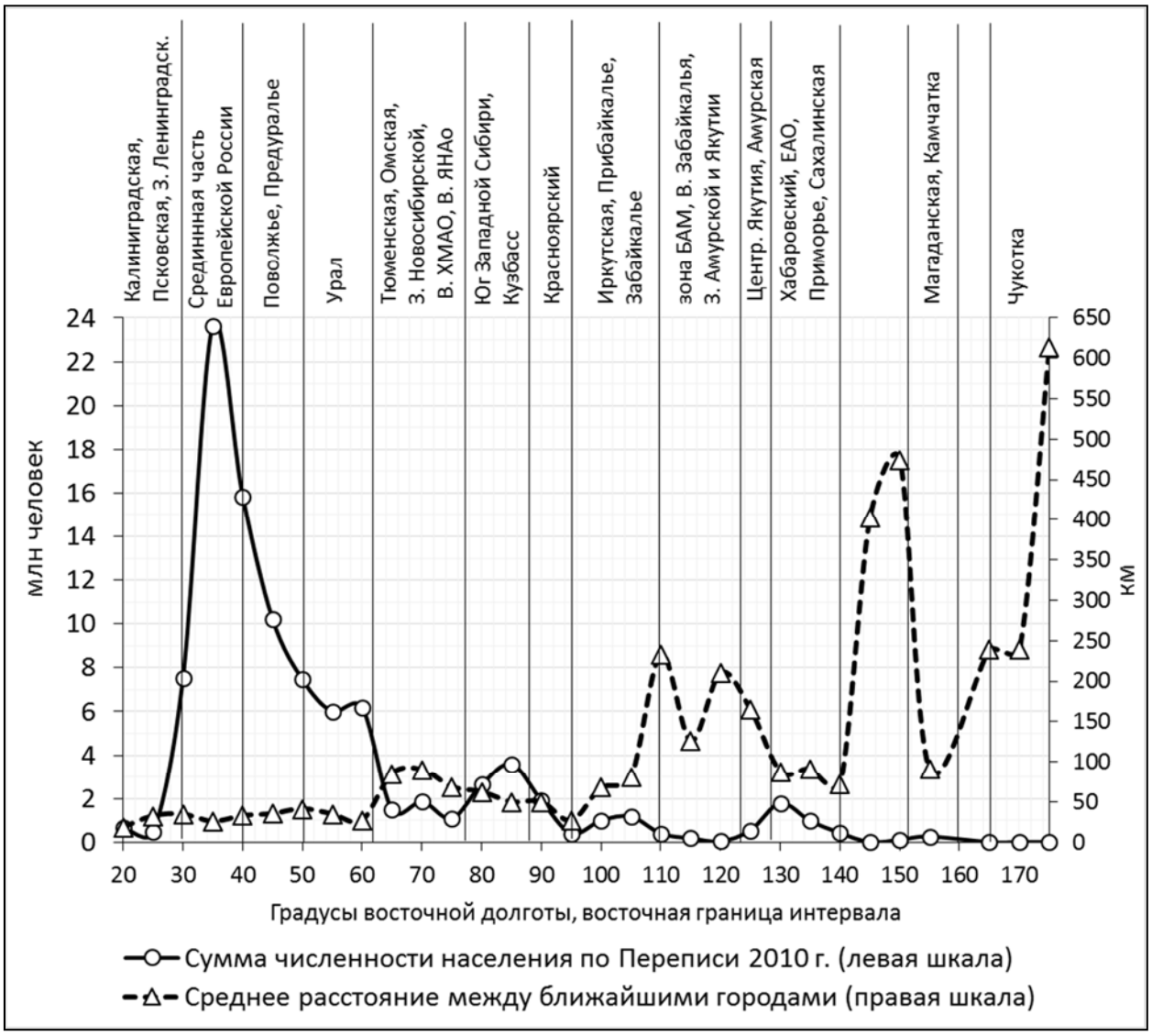


Рис. 2.29. Распределение населения городов России по широтным интервалам по данным ВПН-2010. Источник: рассчитано автором по данным ВПН-2010.

Так, за период 1989-2014 гг. численность населения городов выросла на интервалах 65-80 градусов восточной долготы и далее к востоку на интервалах 90-95, 105-110, 125-130 градусов соответственно. Расположенные в этих пределах агломерации Красноярска, Иркутска, а также Улан-Удэ и Якутск, являясь крупными акцепторами мигрантов, сформировали вокруг себя обширные демографические депрессии. В результате процессы, происходящие с демографическим полем расселения городов, привели не только к центр-периферийной концентрации на уровне регионов, но и образованию межрегиональных узловых городских агломераций и опустыниванию пространства между ними.

Демографические трансформации в городах сказываются и на экономической структуре территории. Согласно модели «ранг-размер», основанной на правиле

Ципфа, соответствие между ранговыми и демографическими характеристиками городов (в логарифмическом измерении) указывает на относительную развитость системы городов [Паттури, 2011]. Увеличение степени соответствия этому правилу, таким образом, должно говорить об усложнении внутренней организации территориальной системы и её органичном развитии. Напротив, уменьшение соответствия правилу может говорить об ухудшении структуры, её ассиметричном и несогласованном развитии.

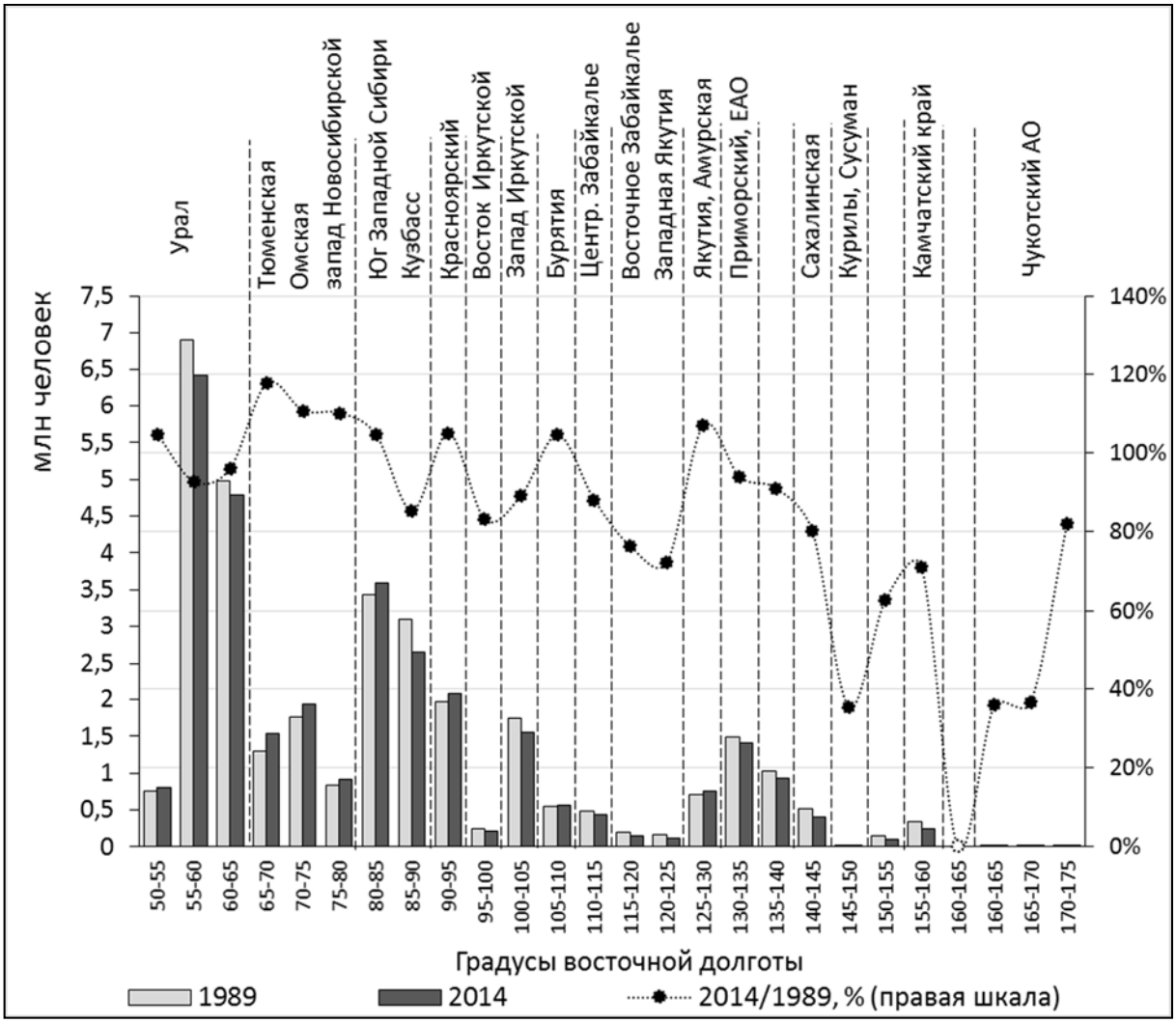


Рис. 2.30. Динамика численности населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока по пятиградусным широтным интервалам восточной долготы, 1989-2014 гг. Источник: рассчитано автором по данным ВПН-1989, ГКС РФ.

Соответствие демографической структуры городов Урала, Сибири и Дальнего Востока правилу «ранг-размер» за период 1989-2014 гг. снизилось (см. рис. 2.31). Об этом свидетельствует снижение главного коэффициента при аппроксимирующей логарифмической кривой с -0,84 в 1989 году до -0,77 в 2014 (см. табл.2.7). Снижение этого коэффициента произошло во всех экономических районах на востоке страны,

наиболее сильно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Во всех районах соответствие уменьшалось постоянно (кроме Западной Сибири, где за счет роста средних городов в нефтегазовых регионах оно несколько улучшилось к переписи 2002 года), при этом, по всей видимости, процесс трансформации структуры имеет некоторые признаки ускорения (что совпадает с выводами, полученными в §2.2).

Рис. 2.31.Соответствие городов Урала, Сибири и Дальнего Востока правилу Ципфа (ранг-размер). Источник: рассчитано автором.

Таблица 2.7. Динамика главных коэффициентов логарифмической кривой, описывающей соответствие системы городов Урала, Сибири и Дальнего Востока правилу Ципфа (правилу ранг-размер)

Территориальные группы	1989	2002	2014
Все города	-0,85	-0,81	-0,77
Урал	-0,89	-0,87	-0,84
Западная Сибирь	-0,78	-0,81	-0,77
Восточная Сибирь	-0,81	-0,78	-0,73
Дальний Восток	-0,75	-0,71	-0,64

Источник: рассчитано автором.

Оценка происходящих процессов концентрации населения, промышленности и инвестиционной активности является неоднозначной. С одной стороны, как утверждают некоторые экономические концепции, в том числе «новая экономическая география», концентрация ресурсов приводит к появлению агломерационных эффектов и росту экономической эффективности в «полюсах». Однако, с определенного момента территориальная концентрация начинает вызывать и негативные экстерналии (высокая конкуренция, ограниченность ресурсов, экологические и транспортные проблемы и др.), сдерживающие экономический рост [Кузнецова, 2016]. Более того, негативные эффекты усиливаются не только в месте концентрации, но и на периферии за счет недоинвестирования, экономического упадка и отрицательного миграционного отбора. В результате, кривая экономической эффективности региона приобретает колокообразную форму (перевернутой параболы), свидетельствующую о

прекращении роста или даже снижении общей эффективности системы из-за высокой концентрации. Положение о долгосрочной неэффективности сверхконцентрации экономической активности и населения находит эмпирическое подтверждение для наиболее развитых стран мира [Brulhart et al., 2009], душевой ВРП которых превышает условную границу в 10 тыс. долл. /чел. (в ценах 2006 года) [Кузнецова, 2016]. Наши расчеты (см. прил. 2.3.) показывают, что РФ в целом, как и большинство регионов азиатской России и Урала (кроме некоторых отстающих, таких как республики Алтай, Бурятия, Тыва и др.) преодолели этот порог в середине 2000-х годов, что может свидетельствовать о применимости данной концепции для исследуемой территории. В исследовании Е. Коломак [Коломак, 2015] получены и первые строгие эмпирические доказательства этой зависимости для России в целом: показано, что разнообразие городской структуры положительно влияет на темпы экономического роста регионов. Структурная концентрация в одном центре сверх некоторого порогового значения, наоборот, приводит к замедлению экономического развития всей региональной экономической системы, при возможно, ускоренном развитии центрального города.

Сочетание позитивных и негативных последствий концентрации зависит от конкретной территории. В европейской части РФ концентрация населения и экономики в региональных центрах (и городах федерального подчинения) при общей высокой плотности освоения территории оставляет населению «периферии» значительно больший набор вариантов для адаптации, в первую очередь за счет повышения его мобильности (как возвратной, так и невозвратной). В сети расселения Европейской России относительно стабильными узлами являются региональные центры, конфигурация которых позволяет поддерживать контроль над окружающей территорией и «транслировать» инновации в периферийные города и в сельскую местность.

Фрагментация пространства азиатской России (в большей мере в северных широтах и в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока) из-за значительно меньшей плотности освоения и суженного «коридора возможностей» для адаптации проходит интенсивнее. В слабозаселенных районах Сибири и Дальнего Востока сеть городского расселения, как было показано, ускоренно деградирует и фактически

сжимается к транспортному коридору запад-восток с концентрацией вблизи региональных столиц. Свертывание сети расселения приводит к образованию структуры, напоминающей в общих чертах структуру расселения Канады, когда основные экономические и демографические центры вытягиваются вдоль субширотного коридора.

Трансформация экономической и демографической структуры городов восточной России требует дальнейшего осмысления. Важнейшим, ограниченным в ближайшей перспективе ресурсом развития (или более общо ресурсом сохранения конкурентоспособности страны) будут являться не столько природные ресурсы, сколько факторы «второй природы», в том числе население России, его качество или человеческий капитал. Поляризация страны на уровне муниципалитетов создает неравные условия для его формирования. Относительно более низкое качество жизни на периферии по сравнению с региональными/федеральными центрами не позволяет воспроизводить и конвертировать «человеческий капитал» в конкурентоспособные на мировом и национальном рынке товары и услуги. С учетом негативных демографических прогнозов, человеческий капитал в ближайшее время будет неизбежно сокращаться (в абсолютном измерении), а значит нужно создать максимально благоприятные условия для его воспроизводства и использования. Деградация системы образования и производственных отраслей экономики в сельской местности и небольших городах при низкой пространственной мобильности населения приводит к выпадению значительной его части из системы общественного производства, а затем к маргинализации. Решить эту проблему можно либо за счет ускоренного процесса релокации населения в полюса роста, где оно повысит и реализует свой «человеческий капитал», либо за счет реанимации экономической базы и среды существующих населенных пунктов. Однако, по объективным причинам реализовать эти варианты в чистом виде оказывается невозможно, что требует синтеза двух этих подходов в каждом конкретном случае при руководящей роли государства.

Ключевой проблемой в этой ситуации является отсутствие осознанной и эффективной региональной политики как на уровне субъектов федерации, так и внутри них. Возникающие трудности отдельных территорий государство пытается решать симптоматично и бессистемно (например, программа поддержки моногородов) без реальной институциональной опоры. Отсутствующее понимание, каковым должно

быть пространственное развитие страны на разных уровнях, заменено геополитическими лозунгами о «сдвиге на восток» и укреплении границ страны. В результате, социально-экономические процессы в российских регионах и городах протекают во многом стихийно, без рефлексии со стороны органов власти относительно позитивных и негативных экстерналий, не говоря уже об управлении ими.

В последние два десятилетия российское государство неоднократно обозначало азиатские регионы в качестве ключевых объектов в региональной политике. Реализовывались программы создания особых экономических зон (республики Алтай, Бурятия, Магаданская область и др.), федеральные целевые программы (Сахалинская область), функционирует министерство по делам Дальнего Востока, заявлена к реализации программа создания территория опережающего развития (ТОР) и др. Целью этой политики является создание новых точек роста и стимулирование экономического роста, а в качестве инструментов, как правило, используются различные налоговые преференции или прямые государственные ассигнования в инфраструктуру (Приморский край, республика Саха (Якутия), зона БАМ и др.). Опыт показывает, что в существующей политико-экономической и институциональной системе эффективность этих мероприятий оказывается невысокой и вызванный мультипликативный эффект для территории быстро затухает [Зубаревич, 2016].

Проблема региональной политики в России также в том, что она излишне «региональная». Целевыми ориентирами при реализации мероприятий региональной политики являются социально-экономические индикаторы для всего региона в целом. При этом, процессы, вызываемые этой политикой (или скорее, не целенаправленной политикой, а «архитектурой» институтов и объективными факторам развития) на уровне муниципалитетов, вообще выпадают из поля зрения. Формальная цель конвергенции территорий на региональном уровне в какой-то мере достигается, но путем дивергенции на более низких – от муниципалитетов до конкретных домохозяйств[23].

[23] Так, например, никакой заметной конвергенции в доходах населения в масштабах страны за последние десятилетия не произошло: если в 1992 году коэффициент фондов для РФ в целом составлял около 8, то достигнув своего пика к 2007 году в 16,7 в последние годы лишь немного скорректировался до 16.

Глава III. Трансформация рынков труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в условиях дифференцированного развития: основные формы и модели

В главе II анализировались изменения в социально-экономическом положении российских городов в постсоветский период и был выявлен рост различий между ними. Эти изменения повлияли на рынок труда городов и потребовали от населения действий, направленных на адаптацию к изменившимся условиям. В качестве маркера, характеризующего интенсивность трансформационных процессов в экономике городов за весь постсоветский период, рассматривается их рынок труда.

§3.1. Сжатие занятости на крупных и средних предприятиях и организациях и стратегии адаптации населения

Численность занятых в крупных и средних предприятиях и организациях является одним из основных статистических показателей с достаточно длинным временным рядом, характеризующим рынок труда. В позднесоветское время и в начале рыночных реформ на предприятиях и в учреждениях данного типа была занята подавляющая часть работников. Именно крупные и средние предприятия и организации обеспечивали возможности трудоустройства в городе с адекватной оплатой труда и социальными гарантиями, поддерживали за счет налогов экономику города и местный бюджет.

Резкий спад экономики в 90-е годы привел к банкротству немалого числа крупных и средних предприятий (в т.ч. промышленных), сокращению численности занятых на них, сжатию локальных рынков труда. Уменьшение численности занятых за счет оптимизации продолжились и в 2000-е годы.

В городах Урала, Сибири и Дальнего Востока сокращение численности занятых в организациях происходило с начала 90-х годов (рис. 3.32) и к началу 2010-х годов составило примерно 35% (с более чем 14 млн. человек до 9,3 млн.).

Наибольшие численные и территориальные изменения происходили до конца 90-х годов (шоковая реакция на кризис) и с середины 2000-х (процессы рыночной оптимизации занятости и кризис 2008-2009 гг.). Наименьшее снижение численности занятых на крупных и средних предприятиях и организациях за весь период произошло в городах Западной Сибири (особенно до кризиса 2008-2009 гг., см. рис.2.2), наибольшее – на Урале и на Дальнем Востоке, однако оно было неравномерным во времени (см. рис. 3.33).

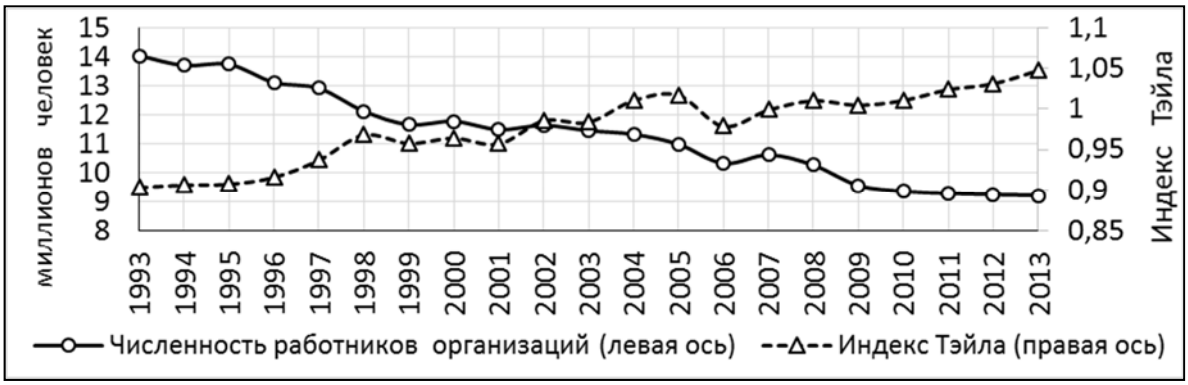


Рис. 3.32. Среднесписочная численность работников организаций в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат.

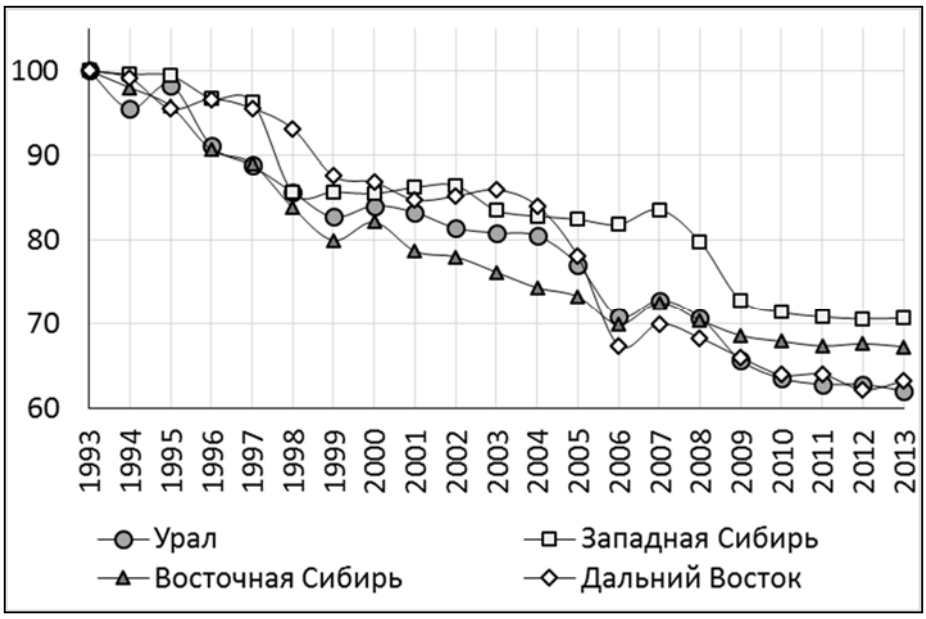


Рис. 3.33. Среднесписочная численность работников организаций в городах, к уровню 1993 года (1993=100%). Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат.

Помимо географической специфики, обнаруживается и прямая связь с численностью населения городов (см. прил. 3.1 рис.1). Наименьшее снижение численности занятых из-за особенностей структуры рынка труда (значительное количество государственных и бюджетных учреждений регионального уровня, здравоохранения, образования и т.д.) наблюдалось в крупнейших городах с численностью свыше 250 тысяч человек, а максимальное падение – в небольших (от 25 до 100 тыс. чел.).

Процесс концентрация рабочих мест в крупных и средних организациях различается в группах городов с разной людностью (см. прил. 3.1 рис.3). Если в крупных городах изменение численности работников происходило относительно синхронно, то малые города с численностью населения до 50 тысяч человек, судя по росту индекса Тэйла, поделились на группы с различной динамикой. Сокращение

численности занятых в организациях было характерно для подавляющего числа городов Урала, Сибири и Дальнего Востока и лишь в небольшой их части оно росло (см. рис. 3.34).

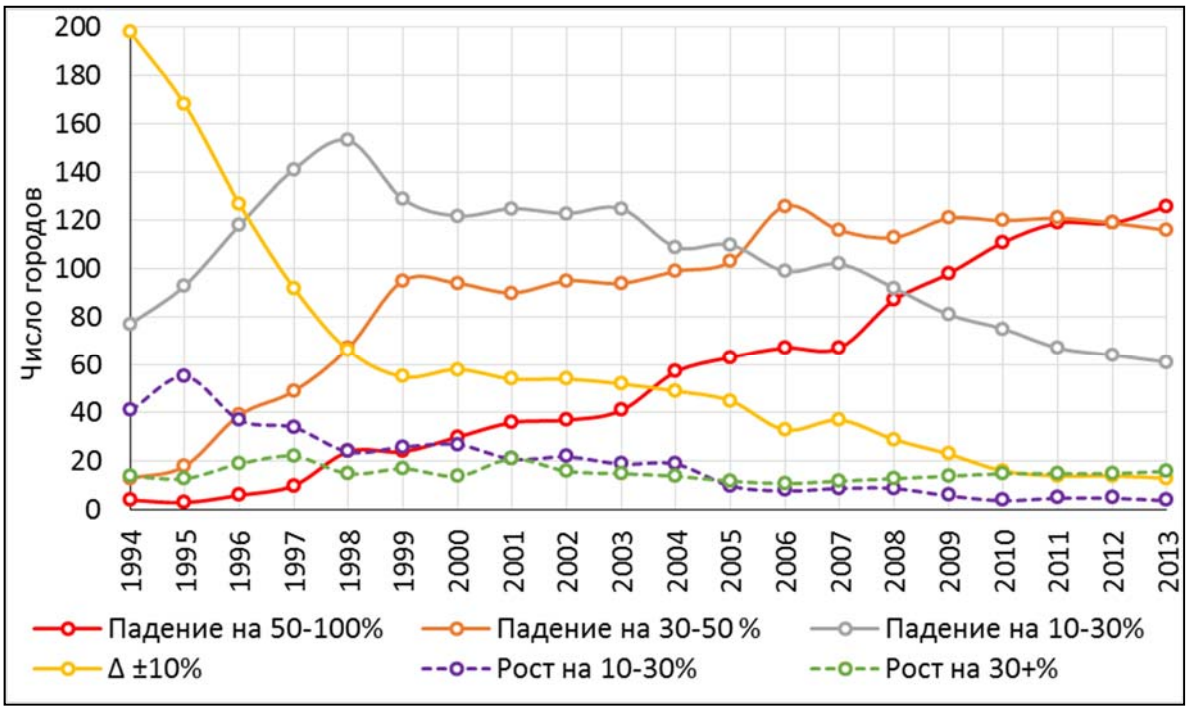


Рис. 3.34. Динамика среднесписочной численности работников организаций, в % к уровню 1993 года. Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат.

Костяк городов, показывающих рост численности занятых в крупных и средних организациях (около двух десятков, прежде всего города и столицы в нефтегазовых регионах) в основном сложился к середине 2000-х годов и с тех пор практически не менялся. Количество же городов с умеренным падением численности занятых постоянно уменьшалось. Можно заключить, что процессы трансформации рынков труда наиболее мягко и по сходному сценариям происходили в крупнейших городах, а наиболее активно и разнообразно – в малых.

Сокращение числа работников крупных и средних организаций, с одной стороны, может говорить как о кризисе экономики городов, так и о процессе оптимизации деятельности экономических агентов. В любом случае, оказавшись за пределами этих, по сути, корпоративных советских структур, работники оказывались перед сложным выбором дальнейших действий.

Среди различных стратегий адаптации населения к трансформационным процессам на рынке труда можно выделить несколько основных. Возможность их реализации зависит от множества факторов. Стратегии можно подразделить на два основных типа – активные и пассивные (см. табл. 3.8). К активному типу адаптаций

отнесены те, которые предполагают какие-либо действия, позволяющие населению остаться на рынке труда, к пассивным – приводящие к исключению из него. Следует учитывать, что различные формы адаптации часто сочетаются и дополняют друг друга[24]).

Потеря работы, как основного источника средств к существованию, создала стрессовую ситуацию для значительной части населения, поставив перед ним насущный вопрос выживания. В данном исследовании наиболее подробно рассмотрены формы адаптации населения, предусматривающие сохранение прежнего места жительства, поскольку они в лучшей мере поддаются формализованному описанию и в наибольшей степени влияют на развитие ситуации в городах. При анализе различных моделей адаптации ключевой исследовательской задачей будет изучение позитивных и негативных эффектов от них для населения и для стратегического развития городов.

Таблица 3.8. Варианты адаптации населения к кризисным явлениям на рынке труда и экономике города

<table>
<tr><td colspan="3">Активные</td><td>Пассивные</td></tr>
<tr><td>Адаптация на местном рынке труда</td><td>Переориентация на внешние рынки труда</td><td>Переезд на новое место жительства</td><td>Уход с рынка труда</td></tr>
<tr><td>Малый бизнес и предпринимательство</td><td>Коммьютинг</td><td rowspan="3"></td><td>Личное подсобное хозяйство</td></tr>
<tr><td>Теневая, неформальная занятость</td><td>Отходничество</td><td>Иждивение в семье</td></tr>
<tr><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td>Иждивение за счет государства</td></tr>
<tr><td>Безработица</td></tr>
</table>

Источник: составлено автором.

Среди активных форм адаптации населения, предусматривающих сохранение прежнего места жительства, прежде всего стоит выделить варианты адаптации на местном рынке труда и переориентацию на работу за его пределами. Приоритет в выборе той или иной формы адаптации зависит от множества факторов, в том числе

[24] Это относится и к населению в трудоспособном возрасте, и к работающим пенсионерам. Среди населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в трудоспособном возрасте единственным источником средств к существованию по переписи населения 2010 года (от трудовой деятельности или любой формы государственной или семейной поддержки, либо ЛПХ) обладали около 82% населения, двумя – 16%, тремя и более – 4% населения. В некоторых городах доля населения в трудоспособном возрасте с единственным источником средств к существованию может падать до экстремально низких значений 40% и менее (например, в г. Алзамай – 9,3%, г. Макушино – 26,4%, г. Куртамыш – 30,1% и т.д.), что говорит о сложных механизмах адаптации в них.

ЭГП города, его статуса, отрасли специализации, людности, институциональных условий, качества населения и др. Многообразие возможных сочетаний этих факторов, действие которых было неравномерно во времени за весь период трансформационных процессов, приводит к сложному сочетанию форм адаптации в городах. Тем не менее, можно выделить и некоторые типичные формы адаптации, свойственные для той или иной группы городов (например, с хорошим или исключительно плохим ЭГП, с конкурентоспособной отраслью специализации или, напротив, кризисной и т.д.).

§3.2. Малый бизнес, предпринимательство и неформальная занятость на местном рынке труда

Малый, средний бизнес и индивидуальное предпринимательство

После отказа от государственного регулирования экономики и провозглашения свободы предпринимательства предполагалась нормализация локальных рынков труда с помощью малого бизнеса. В условиях кризиса 1990-х и сокращения занятости на промышленных предприятиях значительная часть высвободившихся трудовых ресурсов переместилась в неформальный сектор экономики, прежде всего в торговлю. Малое предпринимательство, в значительной степени теневое, смягчило кризисные последствия для рынка труда городов, насытило городскую экономику минимальным набором товаров и услуг, но играло минимальную роль в формировании налогооблагаемой базы муниципального бюджета.

Формализованная оценка роли малого бизнеса и индивидуального предпринимательства в городах затруднена как отсутствием единого массива статистической информации за достаточно длинный период времени, так и неполнотой учёта деятельности малых предприятий в силу её значительной теневой составляющей. Общее представление о масштабах занятости, уровне оплаты труда, стоимости оказанных услуг и произведенных товаров дают сплошные наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства, но они впервые были проведены в 2010 г. В 2015 году прошло очередное подобное обследование, однако в разрезе муниципальных образований на данный момент есть данные только по обследованию 2010 года. Статистические индикаторы для подавляющего большинства регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока приводятся по муниципальным районам и городским округам (кроме Свердловской области), поэтому в нашем анализе

мы вынуждены ограничиться выборкой в 207 городских округов (без ЗАТО). Необходимо учитывать, что ситуация в городских поселениях, в силу их преимущественно небольшой людности, может отличаться, но является сходной с небольшими городскими округами (ГО).

Малый бизнес и индивидуальное предпринимательство с точки зрения предоставления рабочих мест в городах играют, без сомнения, важную роль (см. табл. 3.9). Во всех городских округах они дают 35,3% официальных рабочих мест[25]. Несколько больший процент характерен для крупнейших городов с населением свыше 500 тысяч человек и региональных столиц (37-40% в разных экономических районах, в среднем около 39%), несколько меньший - в малых городах (особенно в городах с людностью до 100 тысяч, где он составляет около 30%). В целом, доля рабочих мест в малом бизнесе несколько выше для городов Дальнего Востока.

Таблица 3.9. Доля рабочих мест в среднем и малом предпринимательстве (у индивидуальных предпринимателей и в организациях с образованием юридического лица) в общем числе официальных рабочих мест в городских округах в 2010 году

Группа	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток	Все города
Столицы	37,7	39,8	37,4	37,7	38,3
более 500 тыс.	37,8	39,8	39,2	37,9	38,8
250-500 тыс.	28,5	24,7	33,5	34,5	30,3
100-250 тыс.	30,5	31,1	29,6	39,3	32,7
50-100 тыс.	29,9	30,4	34,9	34,1	31,4
25-50 тыс.	30,8	26,5	33,9	38,0	30,7
до 25 тыс.	32,7	23,5	25,2	34,2	29,0
Все города	34,1	35,7	35,1	37,5	35,3

Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат, СНДСМП-2010, БД ПМО.

Массив городов по данному показателю распределен неравномерно. Начиная с городов величиной в 500 тысяч человек, по всей видимости, формируется критическая масса спроса на различные товары и услуги, которая приводит к формированию соответствующего предложения и увеличению рабочих мест в малом бизнесе и индивидуальном предпринимательстве (доля 35-45%). В городах людностью 250-500 тысяч человек доля малого бизнеса может падать до 25% и даже 20% в центрах с крупнейшими промышленными предприятиями с сохранившимися коллективами,

[25] Под официальными рабочими местами подразумевается число рабочих мест в организациях, предприятиях города и в сфере МСБ

например, в Магнитогорске (25,8%), Сургуте (24,6%), Нижнем Тагиле (21,6%). В городах с численностью населения менее 100 тысяч человек отклонения от медианного значения (31%) встречаются чаще всего. Полярными являются случаи, когда малый бизнес занимает либо доминирующую, либо малозначимую долю на рынке труда города. Ярким примером первого типа является город Агидель (республика Башкортостан), где запроектированное и фактически построенное градообразующее предприятие (Башкирская АЭС) так и не начало работать, и половину рабочих мест в малом бизнесе дает строительная индустрия. К городам второго типа относятся небольшие города, где на рынках продолжают доминировать крупные предприятия (Верхняя Салда, Когалым, Покачи, Новотроицк – в них МСБ дает менее 15% официальных рабочих мест), либо небольшие региональные центры с высокой занятостью в бюджетных секторах, в т.ч. государственном управлении (Кызыл, Салехард, Анадырь) и относительно низкой предпринимательской активностью.

Северные города в целом выделяются более низкой долей рабочих мест в малом бизнесе (см. карту Занятость в малом бизнесе в городах и регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока) по целому ряду причин. В городах нефтегазодобывающих регионов доля малого бизнеса ниже в первую очередь за счет сохранения занятости в крупных добывающих организациях. Для всех северных городов низкая предпринимательская активность также связана с высокими издержками деятельности при ограниченном рынке сбыта. Наконец, важнейшим фактором для них являются специальные нормы трудового законодательства, возлагающие на работодателя расходы, связанные не только с увеличением заработной платы пропорционально районному коэффициенту, но и из-за удлиненных отпусков (при том, что они наступают почти синхронно в летний сезон) при необходимости оплаты дороги до места его проведения. В итоге, в северных городах сочетаются условия, которые ограничивают развитие промышленного МСБ и «выталкивают» работников сервисных секторов и торговли в теневую занятость.

Некоторое представление о структуре малого предпринимательства в городах азиатской России дает соотношение занятых в нем по секторам экономики (разделам ОКВЭД, см. табл. 3.10). Ключевыми работодателями в подавляющем большинстве городов выступают предприятия розничной и оптовой торговли, общественного питания и средств размещения (разделы G и H ОКВЭД, в сумме около 42% рабочих

мест). На отрасли, производящие товары, на транспорт и связь приходится около 34% рабочих мест, оставшиеся 24% занятых трудятся в предприятиях по оказанию различных других услуг (разделы K и O). Эти три крупные группы предприятий имеют чёткую связь с людностью городов: от крупных к малым городам снижается доля промышленности, торговли и общественного питания, при одновременном росте занятости в предприятиях по предоставлению прочих услуг. Так, если в городах с людностью до 25 тыс. человек доля работающих в сфере МСБ состаляет около 15%, то в крупнейших городах и региональных центрах – около 25%. Поскольку именно малый бизнес предоставляет основную часть услуг для населения, такое соотношение указывает на дискриминацию малых городов по насыщенности услугами (из-за ограниченного рынка и низкой платежеспособности населения), что в конечном итоге приводит к невысокой удовлетворенности населения и является важной мотивацией для переезда в большой город, особенно для молодежи. Структура малого бизнеса в малых городах в среднем несколько проще (о чем свидетельствуют значения коэффициента Херфиндаля-Хиршмана, см. табл. 3.10), а значит, потенциально менее устойчива, чем в крупных.

Таблица 3.10. Структура занятости в организациях малого, среднего бизнеса и у индивидуальных предпринимателей по секторам экономики (разделам ОКВЭД) в 2010 году в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока, % от общей численности

Группа/раздел	**A**	**C**	**D**	**F**	**G**	**H**	**I**	**K**	**O**	**Всего**	**XX***
Столицы	0,47	0,35	13,19	11,64	37,71	4,16	6,76	22,65	3,08	100	0,24
более 500 тыс.	0,39	0,32	13,40	11,37	37,57	4,12	6,56	23,16	3,11	100	0,23
250-500 тыс.	0,76	0,55	12,24	14,16	37,33	4,44	6,98	20,40	3,12	100	0,23
100-250 тыс.	0,88	0,98	14,00	11,84	37,97	4,22	9,01	17,43	3,67	100	0,24
50-100 тыс.	1,56	1,08	16,08	10,41	39,39	3,41	8,54	15,67	3,87	100	0,25
25-50 тыс.	4,07	0,99	14,69	9,15	40,12	3,71	9,43	13,66	4,19	100	0,28
до 25 тыс.	3,64	2,26	13,56	10,89	41,10	4,21	8,88	11,15	4,30	100	0,31
Все города	0,89	0,59	13,70	11,48	37,98	4,08	7,40	20,52	3,36	100	0,26

Расшифровка разделов: A. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; C. Добыча полезных ископаемых; D. Обрабатывающие производства; E. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; F. Строительство; G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; H. Гостиницы и рестораны; I. Транспорт и связь; K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг

XX* - среднее значение коэффициента Херфиндаля-Хиршмана для городов группы.
Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010.

Несмотря на постепенные изменения структуры занятости по группам людности (от малых к большим), внутри самих групп различия между городами значительны (см. рис. 3.35).

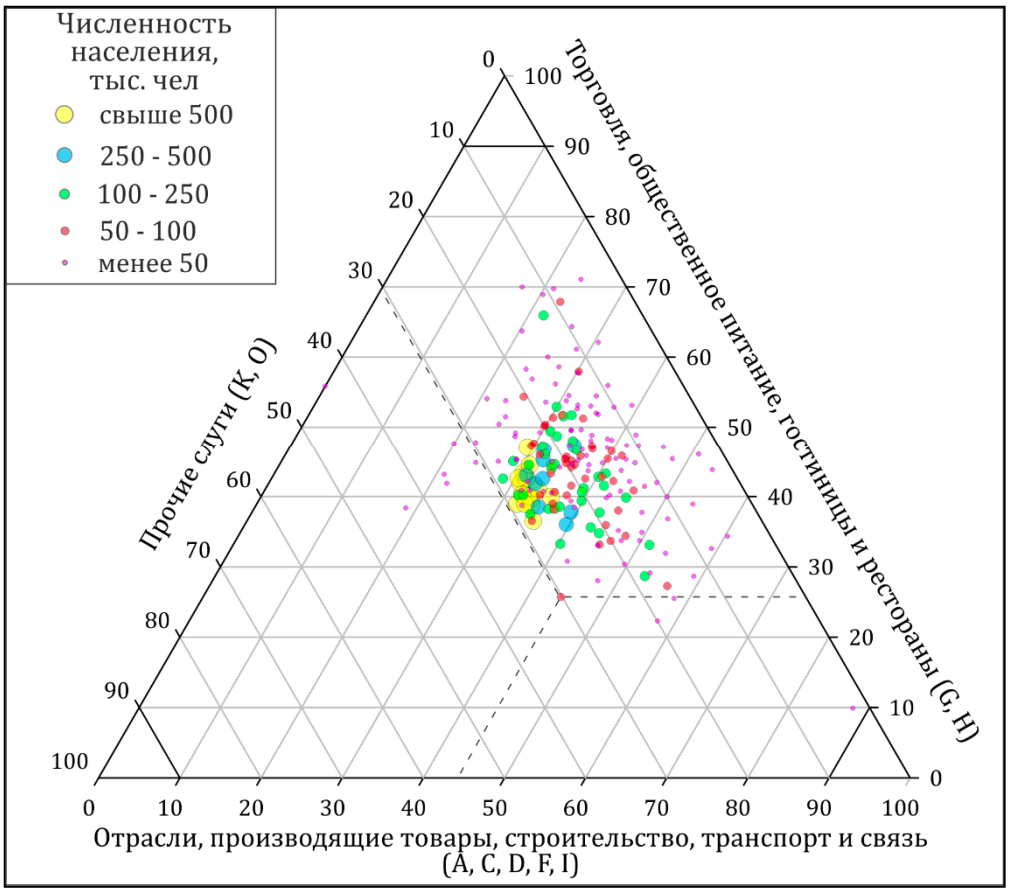


Рис. 3.35. Структура занятости в сфере МСБ по группам отраслей экономики (разделов ОКВЭД) по городским округам Урала, Сибири и Дальнего Востока в 2010 году, %. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010.

Структура занятости в сфере МСБ может сильно отличаться для каждого конкретного малого города, однако с увеличением его людности она постепенно стандартизируется (на рисунке визуально это выражается «сжатием» облака точек вокруг некоторой средней точки с ростом людности городов). Подобное распределение говорит об индивидуальной, неповторимой структуре экономики в малых городах, которая формируется во многом и по случайным причинам, в том числе из-за личностных качеств предпринимателей. В крупных городах, где больше количество активных людей, «заполняющих» своей деятельностью все сферы экономики города, структура МСП стремится к некоторому виду (или аттрактору, согласно закону больших чисел), определяемому текущим экономическим развитием города/региона/страны. Для крупнейших городов азиатской России эта структура-аттрактор (по группам отраслей, указанных, на рис. 3.35) смещена в сторону предприятий сферы

торговли и общественного питания (42%). Отрасли производящие товары, строительство, транспорт и связь дают около 32%, а все остальные отрасли сферы услуг – оставшиеся 26%.

Оценка роли отраслей малого предпринимательства в экономике города на основе данных по выручке, по всей видимости, не отражает реальной картины из-за значительной теневой составляющей их деятельности и особенностей учета. Так, существенный отрыв раздела G обусловлен как лучшим администрированием выручки (поскольку в предприятиях торговли обязательно наличие контрольно-кассовой техники), так и заложенной в выручку себестоимостью товара (отпускной ценой производителя). Тем не менее, наблюдается тенденция увеличения доли торговли и услуг от малых городов к большим при одновременном снижении доли отраслей, производящих товары (см. табл. 3.11).

Таблица 3.11. Структура выручки в организациях малого, среднего бизнеса и у индивидуальных предпринимателей по секторам экономики (разделам ОКВЭД) в 2010 году в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока, % от общей численности

Группа/раздел	**A**	**C**	**D**	**F**	**G**	**H**	**I**	**K**	**O**	**Всего**
Столицы	0,2	0,6	8,5	10,6	63,2	1,5	4,3	10,3	0,8	100
более 500 тыс.	0,1	0,7	8,7	10,3	63,4	1,4	4,2	10,4	0,8	100
250-500 тыс.	0,3	0,5	8,3	14,3	60,3	1,8	3,9	9,5	1,1	100
100-250 тыс.	0,3	1,0	9,7	11,2	59,0	1,9	6,7	8,9	1,2	100
50-100 тыс.	1,4	2,5	12,2	12,1	53,5	1,8	5,7	9,2	1,7	100
25-50 тыс.	2,1	1,6	12,8	13,1	51,6	1,9	7,1	8,2	1,4	100
до 25 тыс.	1,7	4,9	14,0	13,9	48,4	2,4	5,6	7,4	1,8	100
Все города	0,3	0,9	9,2	11,0	61,5	1,6	4,7	9,9	1,0	100

Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010.

Возникновение в городах малых предприятий сферы услуг и торговли в постсоветский период обусловлено необходимостью насыщения внутригородского рынка и закономерно. Малые предприятия и индивидуальные предприниматели формируют более гибкую, чувствительную и адаптирующуюся под запросы местного населения сферу обслуживания по сравнения с той, что существовала в городах в советскую эпоху. В этом отношении переход от нормативно зарегулированной советской сферы обслуживания к рыночной (конечно, если она совсем не деградировала, как это могло быть в сельской местности или самых малых городах) можно считать позитивным эффектом от данного вида адаптации.

Несколько иной представляется ситуация в других отраслях реального сектора экономики (сельское хозяйство, добывающая и обрабатывающая промышленность, строительство). Одной из целевых задач, решаемых на первоначальном этапе реформ посредством приватизации советских предприятий (помимо формирования института частной собственности), было повышение их организационно-хозяйственной эффективности в рамках рыночной экономики [Радыгин, 1995]. Предполагалось, что крупные советские промышленные предприятия, оказавшиеся неконкурентоспособными в новых экономических условиях, уступят место или трансформируются в менее крупные и более гибкие, которые в процессе конкуренции повысят качество и технологический уровень производства, что позволит им успешно закрепиться на внутреннем рынке и даже выйти за его пределы. В действительности многие приватизированные предприятия, особенно раздробленные на отдельные юридические лица и потерявшие единый контроль за всей производственной цепочкой, в конечном итоге просто прекратили свое существование в процессе передела собственности. Примеры успешной трансформации путем организации малых предприятий на базе крупных советских действительно существуют[26], но они являются скорее исключением из правила.

Приватизация и дробление крупных предприятий на мелкие, по всей видимости, не привели к ожидавшему повышению эффективности их деятельности, по крайней мере в обрабатывающей промышленности. Свидетельство этому – соотношение коэффициентов трудоотдачи (объёма произведенной продукции, приходящейся на одного занятого) на крупных предприятиях и у предприятий МСБ (см. рис. 3.36).

Небольшие предприятия не могут конкурировать с крупными организациями в производительности труда, которая значительно выше у последних благодаря концентрации и эффектам масштаба, а значит они менее конкурентоспособны в традиционных отраслях экономики низкого передела, в которых в основном и действуют предприятия МСБ (в первую очередь, в пищевой промышленности, промышленно-

[26] Например, в г.Свирск (см. рис. 3.36) Свирский аккумуляторный завод в середине 90-х годов был разделен на 3 независимых малых предприятия, одно из которых к настоящему моменту входит в число лидеров отрасли в России (http://www.aktex.ru/pub/img/Info/116/PrezentatsiyaNovaya16.pptx)

сти строительных материалов, заготовке древесины и её переработке). Лишь в небольшом числе городов Урала, Сибири и Дальнего Востока производительность труда (трудоотдача) у предприятий МСБ при относительно высоком абсолютном значении может конкурировать с крупными организациями. Достичь этого возможно, но лишь в отраслях высокого передела, по-настоящему инновационных и наукоёмких. База и среда для этого существуют лишь в некоторых относительно крупных городах, региональных столицах или их ближайших пригородах. В отличие от малых городов, где МСБ насыщает городскую экономику малооплачиваемыми низкопроизводительными рабочими местами (что уже хорошо в отсутствии иной альтернативы), в некоторых крупных городах (например, в Новосибирске, Екатеринбурге см. рис. 3.36 и рис. 5 из Прил. 3.1) предприятия МСБ уже сопоставимы по своей роли с крупными по валовым показателям деятельности при сравнимой производительности труда.

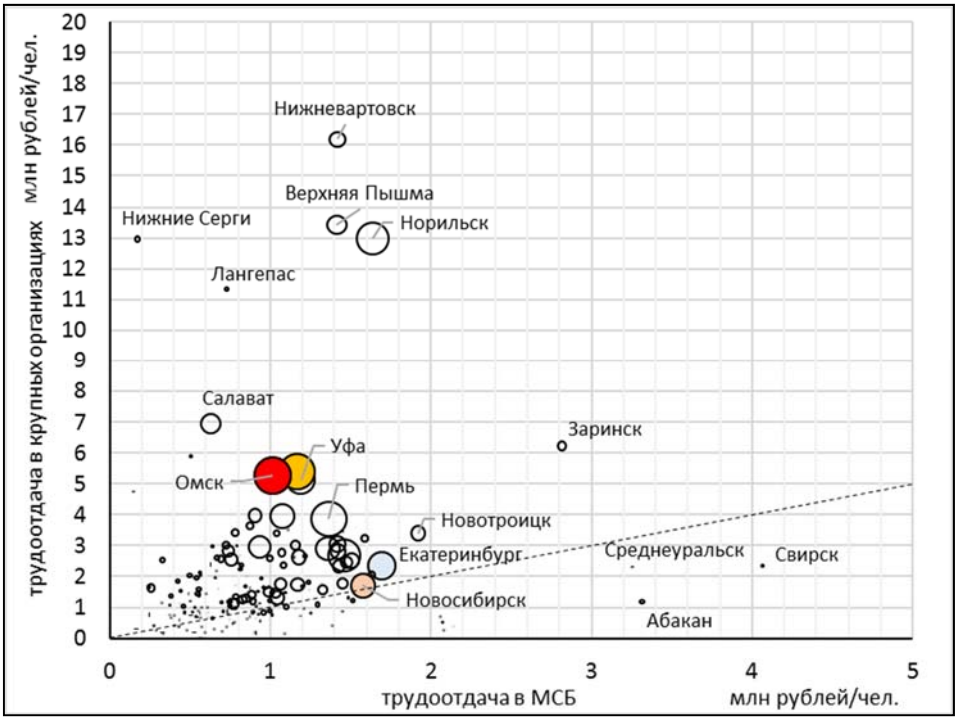


Рис. 3.36. Трудоотдача в обрабатывающей промышленности городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока по крупным организациям и в организациях малого, среднего бизнеса и индивидуальных предпринимателей в 2010 году. Площадь пунсона пропорциональная суммарной промышленной продукции всех организаций и предпринимателей в обрабатывающей промышленности. Источник: рассчитано по данным СНДСМП-2010.

От успешности функционирования предприятий в городах, помимо предоставления рабочих мест, насыщения экономики товарами и услугами прямо и косвенно зависит уровень жизни населения, состояние городской среды. Прямое влияние заключается прежде всего в формировании источника доходов населения,

заработной платы. Косвенное влияние состоит в наполнении местного бюджета налоговыми поступлениями от деятельности, а также неформальной, часто значительной финансовой помощи для реализации конкретных проектов городского развития.

Оценить реальные доходы населения от работы на предприятиях МСБ достаточно трудно из-за значительной т.н. «серой» составляющей оплаты труда работников (когда вся заработная плата или её часть сверх минимально установленной законом выплачивается неофициально). Данные по официальной заработной плате на предпритиях МСБ (за исключением ИП, для которых такая статистика отсутствует) показывают, что уровень оплаты на них значительно ниже (в среднем для всех городов на 43%), чем в крупных и средних организациях тех же городов (см. прил. 3.1 рис. 10). Лишь в трех городских округах заработная плата на предприятиях МСБ выше, чем на крупных предприятиях и организациях (точки, лежащие выше пунктирной диагонали на рис. 6 в прил. 3.1), но по некоторым северным городам отставание может достигать почти трех раз.

Наши наблюдения во время полевых исследований показывают, что, по всей видимости, даже с учетом «серой» составляющей оплата труда на предприятиях МСБ все же меньше, чем в крупных предприятиях и организациях, не говоря уже о такой важной составляющей трудовых отношений, как «социальный пакет», который на абсолютном большинстве предприятий МСБ отсутствует (сверх установленных законом гарантий). С этой точки зрения малый бизнес не может расцениваться как стабильный источник высоких заработков для местного населения и равноценной замене занятости в организациях.

Небольшой официальный фонд оплаты труда (ФОТ) предприятий МСБ ведет к недополучению муниципальным бюджетом важнейшей составляющей собственных доходов – НДФЛ. Если в городских округах Урала, Сибири и Дальнего Востока в МСБ (без учета ИП) трудится около 40% от численности работников организаций и крупных предприятий, то доля их фонда оплаты труда составляет в итоге всего 22,5%. Если учитывать при этом занятость у ИП, то это соотношение будет ещё ниже. Предприятия МСБ из-за своей преимущественной непроизводственной деятельности редко берут в аренду крупные земельные участки, а значит доходы бюджетов от земельного налога с них минимальны. В отдельных муниципалитетах, как

правило, крупных городах, бюджеты могут получать доходы также от сдачи муниципального имущества предприятиям МСБ (обычно это помещения в жилых домах, на рынках и т.д.), однако и в них данная статья доходов несопоставима с НДФЛ. В итоге, «переток» занятости в сферу МСБ приводит к недополучению городским бюджетом значительных средств, которые могли бы стать ресурсом для развития.

В отличие от крупных предприятий (особенно в моногородах), которые вынуждены вкладывать финансовые средства и оказывать спонсорскую помощь в местах своего присутствия, возможности МСБ в этой сфере ограничены, в первую очередь финансово. Общественное «требование» соучастия в жизни города (как со стороны населения, так и региональной власти или органов местного самоуправления) предъявляется к градообразующим предприятиям, которую такую помощь оказывали, будучи еще в собственности государства. Проекты городского развития, инициированные и полностью или частично профинансированные крупным бизнесом, часто являются едва ли не более заметными, чем проекты, финансируемые за счёт бюджета (например, программа «Газпрома» по строительству физкультурно-оздоровительных комплексов или культурных и спортивных объектов при поддержке УГМК). Ресурсов малого бизнеса, как правило, достаточно лишь для реализации разовых мероприятий (праздников, дней города и т.п.), не способных решить глобальные городские проблемы.

Модель адаптации, основанную на развитии малого частного предпринимательства в городах, в итоге можно охарактеризовать следующим образом. Важнейшим позитивным эффектом является его вклад в стабилизацию локальных рынков труда: в среднем до трети всех официальных рабочих мест в 2010 году давали предприятия МСБ, при том, что для отдельных городов эта доля может быть существенно выше и формировать доминирующую часть спроса на трудовые ресурсы. Качественная составляющая МСБ (в первую очередь с точки зрения разнообразия спектра оказываемых услуг) зависит от людности городов: наибольшие позитивные эффекты от МСБ наблюдаются в крупнейших городах, где при соответствующем объеме и платежеспособности спроса получают распространение различные услуги, делающие жизнь горожан более комфортной. В малых городах МСБ в основном работает в сфере торговли, производстве товаров (градообслуживающие производства низких уровней передела) и предоставлении бытовых услуг. В некоторых городах, особенно

крупнейших региональных столицах, в сфере МСБ появились и успешно функционируют промышленные предприятия высоких технологических уровней передела, успешно конкурирующие с крупными предприятиями и обладающие высокой эффективностью.

В итоге, можно говорить, что в небольших городах модель адаптации путем развития МСБ скорее отвечает задаче «выживания» населения, предоставления хоть каких-то рабочих мест для удовлетворения базовых потребностей населения и городской экономики. При этом влияние МСБ на стратегическое развитие городов минимально из-за низкой налоговой базы и ограниченных возможностей помощи. В крупных городах трансформация рынка труда и городской экономики за счет развития малых предприятий была более успешной, и позитивные эффекты для городской экономики и среды более значимы.

«Теневая» и неформальная занятость

Неформальная или «теневая» занятость в российской экономике представляется крайне многогранным и неоднозначным явлением, сочетающим набор негативных и, отчасти, позитивных эффектов [В тени…, 2014]. К важнейшим отрицательным экстерналиям неформальной занятости можно отнести снижение доходов работников и уменьшение (отсутствие) различных социальных благ, льгот и гарантий (например, пенсии), присущих формальной занятости. Это приводит к дискриминации «теневых» работников, создает риски бедности, нестабильности для них и членов их семей. Маргинальный в своем большинстве характер неформальной экономики определяет её невысокую экономическую эффективность по сравнению с формальным сектором и в принципе не подразумевает создание производительных и высокооплачиваемых рабочих мест. Неформальная экономика не оказывает какого-либо влияния на бюджеты муниципалитетов и не предоставляет никаких стратегических ресурсов для развития городов.

Распространение неформальной экономики и занятости в ней, по мнению коллектива авторов ЦеТИ НИУ ВШЭ [В тени…, 2014], является также ключевым индикатором качества функционирования государственных институтов. Существует прямая положительная связь: чем больше сектор неформальной экономики, тем хуже качество институтов, которые, в свою очередь, приводят к снижению эффективно-

сти и в формальном секторе. Наоборот, в соответствии с теориями институциональной экономики, отсутствие значительной по масштабам «теневой» экономики одновременно говорит о более рациональном использовании ресурсов (за счет большей эффективности формального сектора) и хорошем инвестиционном климате территории, что делает её привлекательной для капиталовложений и ускоряет экономический рост.

Несмотря на множество очевидных минусов адаптации населения путем его выхода в «теневую» экономику, в этом явлении можно усмотреть и некоторые положительные моменты. Основной из них – это механизм «выживания» населения в условиях отсутствия иных источников дохода и возможности формальной деятельности. Условия ведения бизнеса на некоторых территориях по целому ряду причин могут делать его неконкурентоспособным при соблюдении всех «правил игры», установленных государством. В этом случае уход бизнеса в «тень» резко снижает издержки и позволяет сохранить хоть какое-то количество рабочих мест и источников дохода для населения. Адаптация населения путем неформальной занятости очевидно помогает пережить кризисные периоды (например, связанные с внешними шоками или конъюнктурными колебаниями), избежать маргинализации. Другое дело, что в российской действительности такое выживание часто становится перманентным.

Существует большое число определений неформальной и «теневой» занятости в силу многообразия форм этого явления. В данном случае мы понимаем под ними те, которые по своему характеру являются легальными (т.е. не противоречат уголовному и административному кодексу), но осуществляются без надлежащего оформления согласно трудовому законодательству, а значит не попадают в поле зрения государственной статистики [Packard et al., 2012]. Мы будем учитывать неформальную занятость как в неформальном (т.е. у работодателей без официального статуса), так и в формальном секторах экономики [Синявская, 2005], а также самозанятость населения несельскохозяйственным трудом.

Оценка масштабов теневой занятости в городах затруднена отсутствием необходимых данных. Наиболее эффективные из существующих методик оценки масштабов теневой занятости базируются на сочетании количественных и качественных исследований, экспертных оценок. Оценка масштабов неформальной занятости на

основе статистических источников проводится путем сопоставления измеренной с помощью обследований занятости численности населения, занятого в экономике, с численностью официально задекларированных рабочих мест, которая подается предприятиями и организациями, и данных по зарегистрированному малому бизнесу (юридическим лицам и ИП). На региональном и национальном уровне такая оценка дает относительно удовлетворительный результат, однако для муниципальных образований она далеко не всегда применима. Дело в том, что на локальных рынках труда городов значительную часть рабочих мест могут занимать работники из соседних муниципальных образований, а некоторые крупные города (например, Москва и Санкт-Петербург) могут привлекать их из ближайших и даже отдаленных регионов. Для точной оценки неформальной занятости необходимо учесть этот «внешний» поток трудовых ресурсов в города, что в большинстве своем затруднено отсутствием официальной статистики и большим разбросом оценок трудовых миграций в различных авторских методиках (например, с использованием данных о транспортных потоках или налоговой статистики).

Оценка трудовой миграции в каждом городе представляет собой отдельную исследовательскую задачу, решить которую с высокой точностью возможно только в ходе полевых исследований. Для полного массива городов Урала, Сибири и Дальнего Востока привлечение этих данных невозможно. В связи с этим в работе использована оценка Росстатом масштабов теневой занятости, полученная в ходе выборочных обследований населения по проблемам занятости, репрезентативных на уровне субъектов РФ (см. прил. 3.1 рис. 7). Такой подход усредняет ситуацию по городам региона, но других способов нет. Использование усредненных оценок позволяет хотя бы приблизительно оценить полную ёмкость локальных рынков труда и балансы трудовой миграции (см.§ 1.4.).

В целом по РФ неформальная занятость в последние 10 лет имела тенденцию к росту: в 2010 году она оценивалась в 16,6%, в 2014 году – 20,1% от общего числа занятых в экономике. В некоторых регионах азиатской части РФ ее доля несколько превышала среднероссийский уровень: теневая занятость выше в южных, «аграрных» регионах, несколько ниже – в северных (см. прил. 3.1 рис. 7). Данная тенденция в целом согласуется с распределением регионов по доле занятости в сфере МСБ, что говорит о родственном характере двух типов занятости.

Структура занятости с учетом теневой позволяет судить о глубине трансформационных процессов в экономике регионов в постсоветский период (см. рис. 3.37). Наибольшие изменения произошли в южных и западных регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока, где в предприятиях МСБ и неформально заняты от 40 до 48% работников. В северных и большинстве дальневосточных регионов доля работников в организациях заметно больше, а доля работников, «перетекших» в малый бизнес и неформальную занятость, меньше. В этих субъектах, несмотря на более высокие темпы снижения занятости в организациях (см. прил. 3.1 рис.4), значительно более распространенными были другие модели адаптации активного типа, прежде всего переезд на новое место жительства (Восточная Сибирь и Дальний Восток) и переориентация на внешние рынки труда (Урал, отчасти юг Западной Сибири)

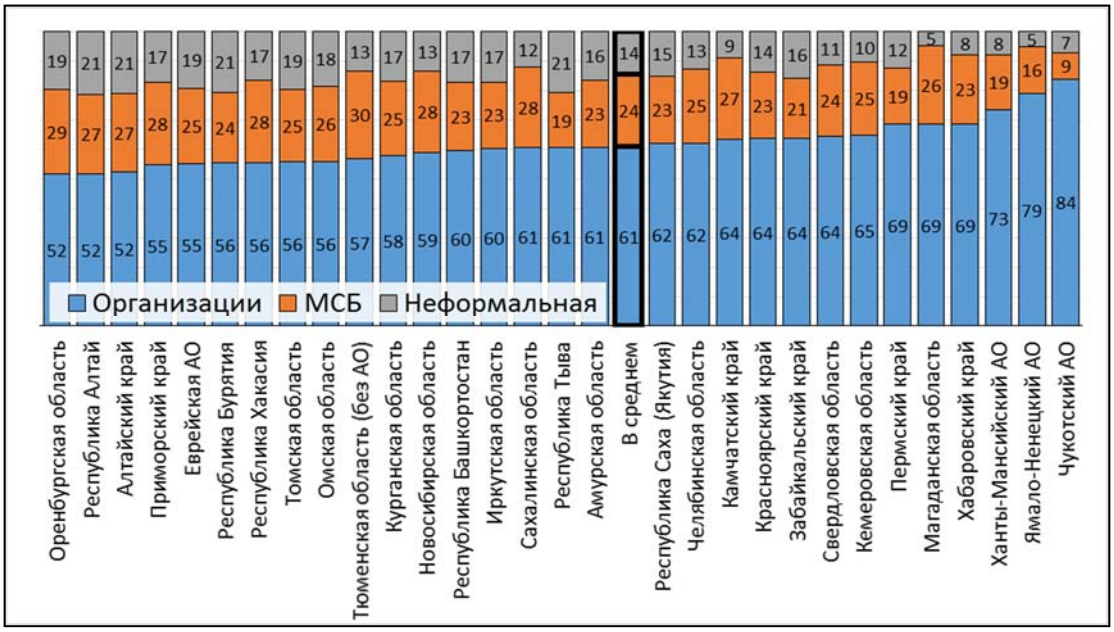


Рис. 3.37. Структура занятости по секторам в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока в 2010 году. Примечание: сумма секторов может несколько отличаться от 100% из-за округления. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010, КГС РФ.

§3.3. Переориентация на внешние рынки труда

Ресурс трудовой подвижности населения в период социально-экономической трансформации является важным фактором, сглаживающим негативные эффекты на локальных рынках труда. Возможность с приемлемыми издержками осуществлять трудовую деятельность за пределами места жительства позволяет избежать безработицы, либо отъезда со сменой места жительства. При этом дискуссионным остается

вопрос – трудовая мобильность в основной своей массе это инструмент для выживания, либо нормальная, прогрессивная практика с высокой экономической эффективностью без серьезных социальных последствий?

Кризис занятости и переориентация на «внешние» рынки труда привели к все более широкому распространению таких традиционных видов активности, как отходничество и маятниковая трудовая миграция [Нефедова, 2015]. Если внутрирегиональная миграция между крупными городами и их пригородами относительно интенсивно протекала и в советское время, то масштабы межрегиональных трудовых миграций, по всей видимости, существенно выросли в последние десятилетия (см. прил. 3.1 рис. 8). Таким образом, модель адаптации населения через рост трудовой мобильности имела место во всероссийском масштабе.

На возможности такого типа адаптации влияет множество факторов: пространственное положение населенных пунктов относительно внешних рынков труда и потенциальные уровни дохода на них, транспортно-географическое положение, уровень квалификации работников, фактор «традиций» и др. [Флоринская и др. 2015]. В соответствии с этими факторами в лучшем положении оказались регионы Европейской России с относительно высокой плотностью крупных городов, региональных столиц, окруженные городами-спутниками и сельскими пригородами. Важнейшими акцепторами трудовых мигрантов стали федеральные города (Москва и Санкт-Петербург) и окружающие их регионы, трудовой отход в которые частично смягчил кризис занятости на локальных рынках труда городов Европейской России.

Трудовая мобильность населения в азиатской части России существенно ниже в силу ряда причин (см. рис. 3.38, прил. 3.1 рис. 9). Основные из них – гораздо более низкая плотность крупных городов (см. Главу 2, §2.4), особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, при слаборазвитой транспортной инфраструктуре и лимитированной ёмкости рынка труда. Ближние трудовые миграции в такой ситуации становятся объективно возможными лишь для небольшой части населения, непосредственно проживающей в ближайших пригородах региональных столиц и индустриальных центров (см. приложение Карта трудовая мобильность населения Урала, Сибири и Дальнего Востока, прил. 3.1 рис. 10-12, прил. 3.5. таб.2). Для дальних (межрегиональных) миграций барьером становятся не только большие расстояния, но и ограниченная ёмкость рынков труда, нуждающихся в трудовых ресурсах.

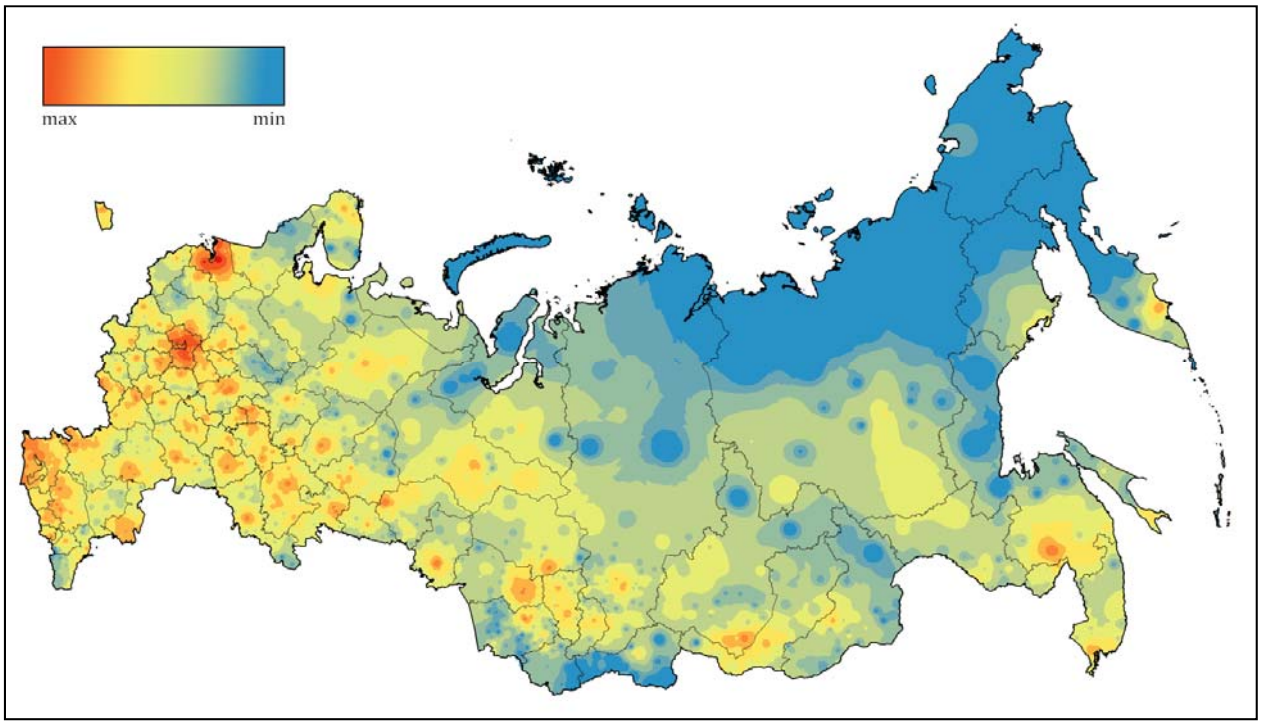


Рис. 3.38. Интенсивность трудовых миграций населения (в условной шкале) по результатам ВПН-2010 (по месту выезда). Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

Для регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока традиционно еще с советских времен существовал крупный («внешний» по отношению к основной полосе расселения) рынок труда «Северов»: нефтегазовых регионов Западной Сибири, сырьевых регионов Восточной Сибири и Северо-Востока. В настоящий момент «хинтерландом» нефтегазовых округов Тюменской области являются регионы Урала (частично и Поволжья) и юга Западной Сибири (см. прил. 3.1 рис.13-14), другие регионы-аттракторы привлекают трудовых мигрантов в основном из соседних субъектов федерации. В постсоветское время, несмотря на масштабное переформатирование добывающей промышленности, этот относительно ёмкий рынок труда «Северов» (третий по величине после Москвы и Санкт-Петербурга см. прил. 3.1. рис. 8) демпфировал кризисные явления и продолжает играть важное значение для трудоустройства населения в масштабах всей страны. Однако его размеры существенно уступают рынкам труда крупных агломераций и региональных центров: во внутрирегиональную миграцию в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока вовлечено по разным оценкам от 7 (Перепись населения 2010 года) до 5 раз (ОНПЗ 2014) больше населения[27], чем в межрегиональную (для России в целом эта разница составляет

[27] Данное значение приводится для всего населения. Для городов Урала, Сибири и Дальнего Востока по переписи 2010 года количество внутрирегиональных мигрантов примерно в 4 раза больше, чем межрегиональных.

около 3-х раз). Таким образом, в трудовых миграциях в азиатской части России гораздо большую роль играют именно ближние, внутрирегиональные миграции. А это в свою очередь говорит, что в азиатской России для такого типа адаптации, как внешняя трудовая мобильность, чрезвычайно важным фактором является конфигурация сети расселения.

Оценить масштабы и географию трудовой мобильности в муниципальных образованиях можно двумя методами. Первый из них основан на прямом опросе работников о месте их работы (что возможно лишь по данным Переписи населения) и подходит для всех городов. Второй подход основан на балансовом методе (см. § 2.4.), применимом только для городских округов из-за отсутствия статистики по городским поселениям. Сочетание двух методов позволяет получить оценку не только масштабов «исходящего» потока трудовых мигрантов (который дает Перепись населения, см. прил. 3.1 рис. 11-12), но и «входящего» потока в города (см. рис. 3.39).

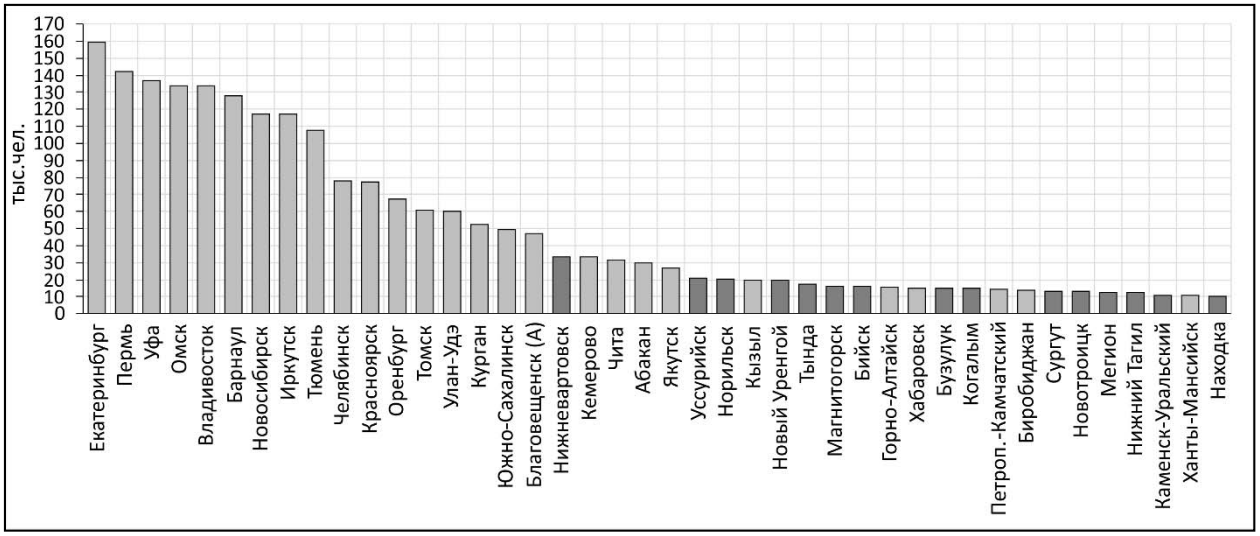


Рис. 3.39. Оценка притока трудовых мигрантов в городских округах Урала, Сибири и Дальнего Востока (для потоков свыше 10 тыс. человек). Темным тоном выделены города – не региональные центры. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010, ВПН-2010, БД ПМО, БД Мультистат.

Региональные столицы аккумулируют примерно 70-75% входящего потока трудовых миграций. Крупнейшими акцепторами являются столицы регионов Урала и юга Западной Сибири, как образующие крупные городские агломерации (Екатеринбург, Пермь, Барнаул, Новосибирск и др.), так и со слаборазвитыми агломерациями (Тюмень, Омск и др.), но значительным сельским населением пригородов. Среди нестоличных центров притяжения выделяются центры нефте- и газодобычи (Нижневартовск, Новый Уренгой, Бузулук, Когалым, Сургут и др.), металлургии

(Норильск, Магнитогорск, Новотроицк, Нижний Тагил). Центрами притяжения также могут быть и транспортные центры в относительно густонаселенных районах (например, Находка), и даже за их пределами, если город является важнейшим транспортным узлом (как, например, Тында, обслуживающая БАМ).

Далеко не все городские округа имеют положительный баланс трудовых миграций. В числе доноров трудовых мигрантов в основном пригороды крупных городов (Копейск, Калтан, Сосновоборск и многие другие), некоторые города-базы, обслуживающие добычу полезных ископаемых (Муравленко, Лангепас, Пыть-Ях). Заметную часть (по количеству) городов нетто-доноров трудовых мигрантов составляют небольшие города, испытывающие кризис локальных рынков труда, находящиеся за пределами ближних поясов агломераций, но не на экстремальном удалении от них (например, Сорск, Шарыпово, Карабаш, Реж и др.).

Трудовые миграции населения можно рассматривать под разным фокусом - с точки зрения экономических, социальных, бюджетных эффектов для населения и городов акцепторов/доноров трудовых мигрантов. Первостепенным представляется вопрос, что дают трудовые миграции собственно работникам и членам их семей: это вынужденный вариант адаптации для выживания, либо эффективный способ приложения труда в городах с высокопроизводительными рабочими местами, обеспечивающий достойных уровень жизни работнику? Ответ на этот вопрос, по всей видимости, неоднозначен и зависит, в первую очередь, от типа трудовой мобильности и вида занятости.

Если рассматривать города-доноры мигрантов, то наибольшие позитивные эффекты, по всей видимости, должно иметь население пригородов крупнейших региональных столиц, осуществляющее ежедневные маятниковые миграции (см. прил. 3.1 рис. 16). Это утверждение основано на предположении, что «позитивным» ответом населения на адаптацию данного типа в городах-донорах будет желание оставаться в них, располагая достаточными финансовыми ресурсами от трудовой деятельности за пределами города. Косвенным индикатором можно считать ввод жилья в городе: если жилье строится, то население, выражаясь фигурально, голосует и «ногами», и «рублем». Низкие душевые уровни ввода жилья могут одновременно означать как сравнительную непривлекательность такого рода инвестиций для населения, так и недостаточные уровни дохода для их осуществления.

Рассуждая аналогично, можно рассмотреть также сочетание миграционного прироста и интенсивности трудовых миграций (см. рис. 3.40).

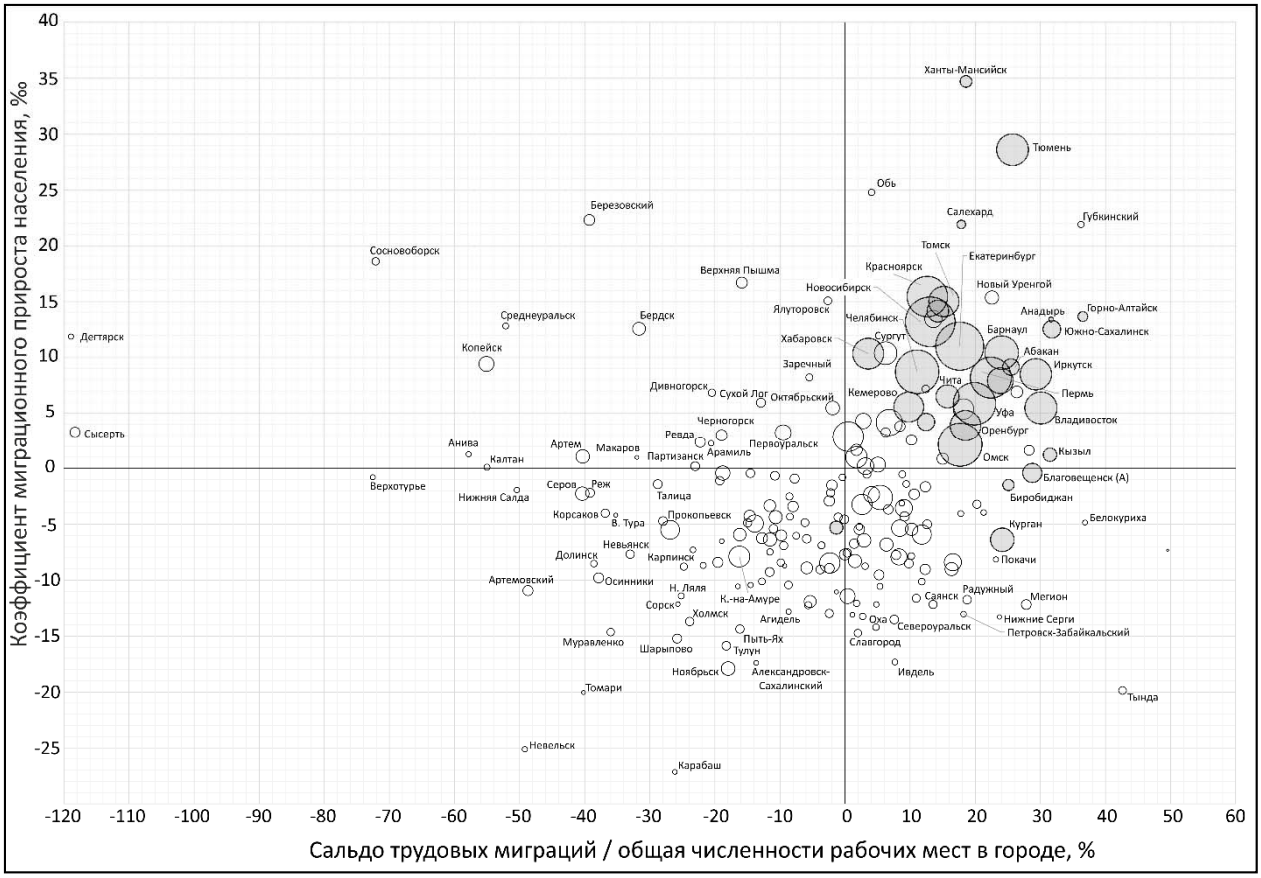


Рис. 3.40. Миграции населения и баланс трудовых ресурсов в ГО Урала, Сибири и Дальнего Востока (в среднем за период 2010-2013 гг.). Площадь пунсона пропорционально численности населения по данным ВПН - 2010 года. Темным тоном выделены региональные центры. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010, ВПН-2010, БД ПМО, БД Мультистат.

Среди всех городских округов - пригородов особо выделяются некоторые города из ближних поясов агломерации Екатеринбурга (Березовский, Верхняя Пышма, Среднеуральск, Арамиль и др.), Челябинска (Копейск), Новосибирска (Бердск), Тюмени (Ялуторовск, Заводоуковск), Красноярска (Дивногорск, Сосновоборск), Абакана (Черногорск), Южно-Сахалинска (Анива) и др. Эти города извлекают максимальную выгоду из своего близкого положения к быстроразвивающимся региональным столицам. Платежеспособный спрос, генерируемый относительно высокими заработками в крупном городе, обуславливает высокую инвестиционную активность населения на рынке недвижимости (с учетом более низкой стоимости «входа» на него в пригородах), этому способствует и миграционный приток из других муниципалитетов региона и даже из-за его пределов. В городах-пригородах, таким образом,

реализуется комбинированный тип адаптации через миграцию в них и трудоустройство на внешнем рынке труда.

Близость к региональной столице, однако, не всегда подобным образом влияет на пригороды. Если региональный центр относительно «слабый» (например, Курган, Биробиджан, Благовещенск), либо недостаточно развита транспортная инфраструктура (например, Южно-Сахалинск), это приводит к тому, что в большинстве городов, расположенных вблизи этих региональных столиц и связанных с ними интенсивными трудовыми миграциями, наблюдается заметный миграционный отток населения.

Для большей части остальных городов-доноров мигрантов, адаптация путем переориентации на внешние рынки труда, по всей видимости, является механизмом выживания населения, а его долгосрочной стратегией – переезд на новое место жительства. Основной причиной является их относительно удаленное положение от внешнего рынка труда за пределами 1 – 1,5 часовой транспортной доступности от региональной столицы (например, Невьянск, Артемовский) или невысокие емкость и уровень заработной платы в нестоличных городах-акцепторах (например, для жителей Карпинска в Краснотурьинске). Временны*е* и транспортные издержки в этих городах, в результате, существенно снижают привлекательность трудовых миграций и делают их конкурентными только в случае отсутствия иных вариантов адаптации.

При отсутствии возможностей для осуществления маятниковых и ближних трудовых миграций альтернативным видом адаптации на внешних рынках труда является т.н. «отходничество» или вахтовая трудовая миграция. Этот тип трудовой активности сопряжен с максимальными экономическими и социальными издержками для работников (более высокая стоимость проезда и жизни, оторванность от семьи и дома, потеря трудовых навыков, незащищенность от произвола работодателей на неофициальных рабочих местах и др.).

Ограниченная ёмкость рынка труда азиатских «Северов» (прежде всего Тюменской области с автономными округами) приводит к тому, что явление «отходничества» имеет заметное распространение и влияние только на территориях от Урала до юга Западной Сибири (см. рис. 3.41). Особенно велика роль отходничества, например, в Омской, Курганской областях, республике Башкортостан, имеющей исторические трудовые связи с нефтегазовыми регионами. В Восточной Сибири и на

Дальнем Востоке дальние межрегиональные трудовые миграции имеют место, но их роль в смягчении проблем локальных рынков труда муниципалитетов малозначима. Кризис локальных рынков труда муниципалитетов на этих территориях не ведет к «выталкиванию» избыточных трудовых ресурсов за пределы своих регионов из-за отсутствия ёмких акцепторов (см. прил. 3.2), что приводит к уходу населения с рынка труда (переходу к пассивным формам адаптации, см. табл.3.8) или постепенному выезду. Для регионов Европейской части РФ дальние межрегиональные трудовые миграции действительно являются «ответом» населения на кризис локальных рынков труда, что делает данный вид адаптации в них действенным, но в основной своей массе лишь инструментом выживания.

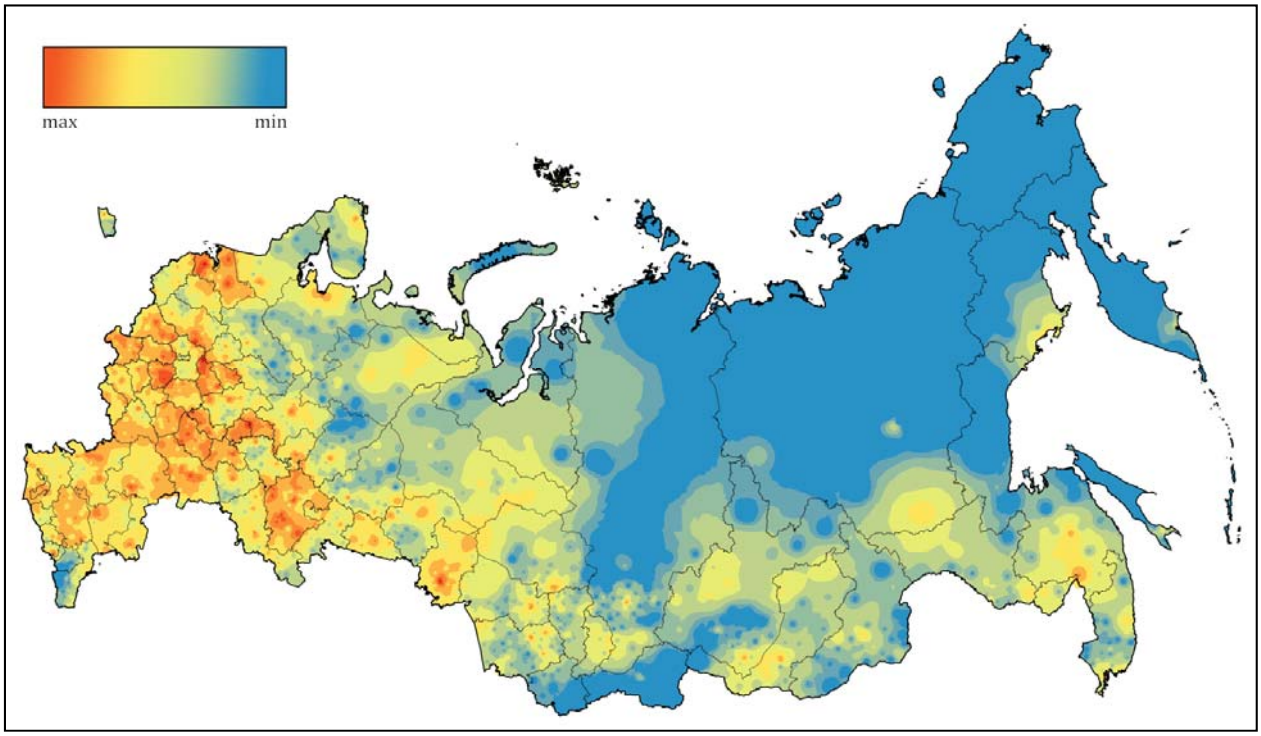


Рис. 3.41. Интенсивность дальних межрегиональных трудовых миграций населения (в условной шкале) по результатам ВПН-2010 (по месту выезда). Источник: рассчитано автором по данным ВПН-2010.

Позитивные эффекты от трудовой мобильности населения непосредственно для городов незначительны (по сравнению с занятостью на месте), особенно для городов-доноров мигрантов. Поскольку по существующему законодательству НДФЛ уплачивается по месту работы, а не проживания занятых, то муниципальный бюджет лишается доходов в виде НДФЛ. При этом горожанин продолжает пользоваться социальной, коммунальной, транспортной и прочей инфраструктурой по месту жительства, создавая дополнительную нагрузку на муниципальный бюджет. С другой стороны, для города хорошо, что человек имеет хоть какой-то источник доходов и

часть его тратит по месту проживания, создавая спрос в экономике. В целом же, позитивные эффекты от внешней занятости для бюджетов городов минимальны, как и в случае с теневой занятостью. Несколько большее положительное влияние от внешней занятости наблюдается в городах-пригородах, которые благодаря реализации комбинированного типа адаптации из миграции и внешней трудовой мобильности извлекают дивиденды от активного жилого строительства и быстрого роста оборота торговли и услуг благодаря платежеспособному спросу мигрантов.

Максимальный позитивный эффект наблюдается в городах-акцепторах трудовых миграций. Помимо налоговых поступлений, они локализуют дополнительный спрос на товары и услуги, приобретаемых и получаемых мигрантами во время своего пребывания в городе. Однако могут проявляться и негативные экстерналии, прежде всего связанные с обострением транспортной проблемы и, в ряде случаев, ростом социальной напряженности. Указанные отрицательные эффекты, однако не приводят к каким-либо попыткам ограничить трудовые миграции в крупные города со стороны их администраций, которые понимают очевидные плюсы от такого внешнего взаимодействия.

§3.4. Переезд на новое место жительства

Адаптация населения к кризису локального рынка труда путем смены места жительства является крайней, но одной из наиболее популярных мер[28] (см. прил. 3.4). С точки зрения индивидуальных жизненных стратегий переселенцев, такой вид адаптации является предпочтительным, поскольку позволяет минимизировать потенциальные негативные эффекты, связанные с уходом с рынка труда, потерей стабильного источника дохода, сломом устоявшегося образа жизни и сопутствующих этому негативных социальных явлений. Как правило, выездные миграции направлены в более крупные города, где возможности самореализации населения оказываются существенно выше, чем на депрессивной территории, а значит в них переселенец способен принести большую пользу национальной экономике и обществу.

[28] Основные черты миграционной динамики городов Урала, Сибири и Дальнего Востока рассмотрены в §2.2.

Выезд населения сопряжен с рядом трудностей, в основном финансового плана. Далеко не все жители депрессивных и кризисных городов, потерявшие накопления и работу в первые годы кризиса 90-х годов, обладали ресурсом для закрепления на новой территории – прежде всего для приобретения жилья. Наличие родственников на «большей земле», накопления и относительно высокие доходы в северных регионах при ограниченных возможностях альтернативной адаптации с сохранением места жительства сделали эмиграцию в северных городах практически безальтернативной.

Часть населения, оказавшаяся в кризисной ситуации, но не имевшая возможности выехать из городов с депрессивной экономикой, постепенно адаптировалось к новым условиям (в соответствии с той или иной моделью). Эта адаптация в форме «выживания» не позволяла в дальнейшем рассчитывать на реализацию эмиграционной стратегии для всей семьи и трансформировалась в «выталкивание» детей и подрастающей молодежи в крупные центры на учебу с перспективой дальнейшего закрепления в них. В результате миграций наиболее активной и обеспеченной части населения происходит отрицательный миграционный отбор, приводящий к постарению и снижению качества оставшегося населения.

Важной, относительно новой для городов России проблемой, сопутствующей выезду населения, является т.н. «омертвление» основных фондов, производственной, коммунальной и жилищной инфраструктуры. За рубежом этот феномен достаточно давно рассматривается в рамках изучения т.н. «сжимающихся городов» (англ. shrinking cities), в том числе с целью совершенствования стратегий территориального развития в рамках концепции «управляемого сжатия» [Ефремова, 2015]. В российской практике вопросы оптимизации управления городским хозяйством в условиях оттока населения на данный момент разработаны слабо, не встречают должной поддержки со стороны органов местного самоуправления, жилищно-эксплуатационных организаций[29]. Так, в большинстве городов даже при перспективе очевидной

[29] Инициативы по оптимизации расходов на коммунальное хозяйство и городскую инфраструктуру входят в конфликт с интересами предприятий в сфере ЖКХ, дорожного строительства, поскольку приводят к уменьшению объёмов муниципального заказа. Известны случаи, когда подобные инициативы блокировались заинтересованными сторонами путем уголовного преследования руководителей администраций (см. например, пример мэра г. Инты http://7x7-journal.ru/inta/). Высокая коррумпированность и аффилированность руководства городов и предприятий ЖКХ является одним из основных факторов, сдерживающих оптимизацию городского хозяйства.

депопуляции преобладают стратегии и программы развития, основанные на росте основных фондов в городах [Ефремова, 2015].

В реальности проблемы деградации коммунальной и жилищной инфраструктуры стоят очень остро. В ряде городов, испытавших мощный миграционный отток (например, на Крайнем Севере) происходит своеобразная «перфорация» пространства, как на уровне отдельных многоэтажных домов с брошенными квартирами, так и на уровне поселений с руинированными кварталами. Удельные издержки содержания инфраструктуры при этом резко возрастают, а механизмы оптимизации жилого фонда пробуксовывают из-за недостатка финансов, несовершенства законодательства[30], нежелания местных властей. Качество городской среды, внешний вид городов и общая комфортность проживания (в том числе в психологическом плане) при этом неминуемо снижается.

Основные затраты на возведение зданий и сооружений в депопулирующих городах пришлись на советское время, но убытки, связанные с разрушением и неэффективным использованием инфраструктуры, возрастают сейчас. В качестве оправдания процессу деградации часто используют довод об ошибках системы советского планирования, застроившей азиатскую Россию неперспективными населенными пунктами. Как бы то ни было, депопулирующие города (к которым относится подавляющая часть городов Урала, Сибири и Дальнего Востока) до сих пор обладают огромными по своим масштабам фондами с высокой остаточной стоимостью, в которых проживает многочисленное население. Перемещение жителей из «сжимающихся» городов в перспективные «полюса роста» требует огромных капитальных вложений, которые государство не в состоянии выделить, поэтому это объективно невозможно[31]. Это означает, что процесс «эвакуации» населения должен быть им же оплачен. «Сжатием» городов нужно управлять, стараться максимально полно использовать наследие советского периода, сочетая не только интересы экономии ресурсов, но и прежде всего населения.

[30] Так, например, судебные тяжбы с неопределенным исходом о переселении из расселяемых домов могут длиться годами, при условии, что выехавших, но сохранивших прописку еще нужно найти, часто в других регионах страны

[31] Немногочисленные по своему охвату государственные и корпоративные программы переселения населения на новое место жительство за весь постсоветский период не привели к решению глобальных проблем, а лишь показали действенность такого инструмента [Косоуров, 2008; Нуйкина, 2009]. Масштабная кампания переселения населения с кризисных территорий не реализуется из-за исключительно низких уровней ассигнований для этих целей.

Минимальный экономический ущерб, связанный с «омертвлением» основных фондов из-за выезда населения, наблюдается в небольших городах-селах (например, группа городов на западе Иркутской области или в аграрных районах юга Западной Сибири), внешним видом и уровнем благоустройства более похожих на сельскую местность, чем на города в современном понимании (см. прил. 3.3, Карта Индекс урбанности по городам и регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока, рис. 3.42).

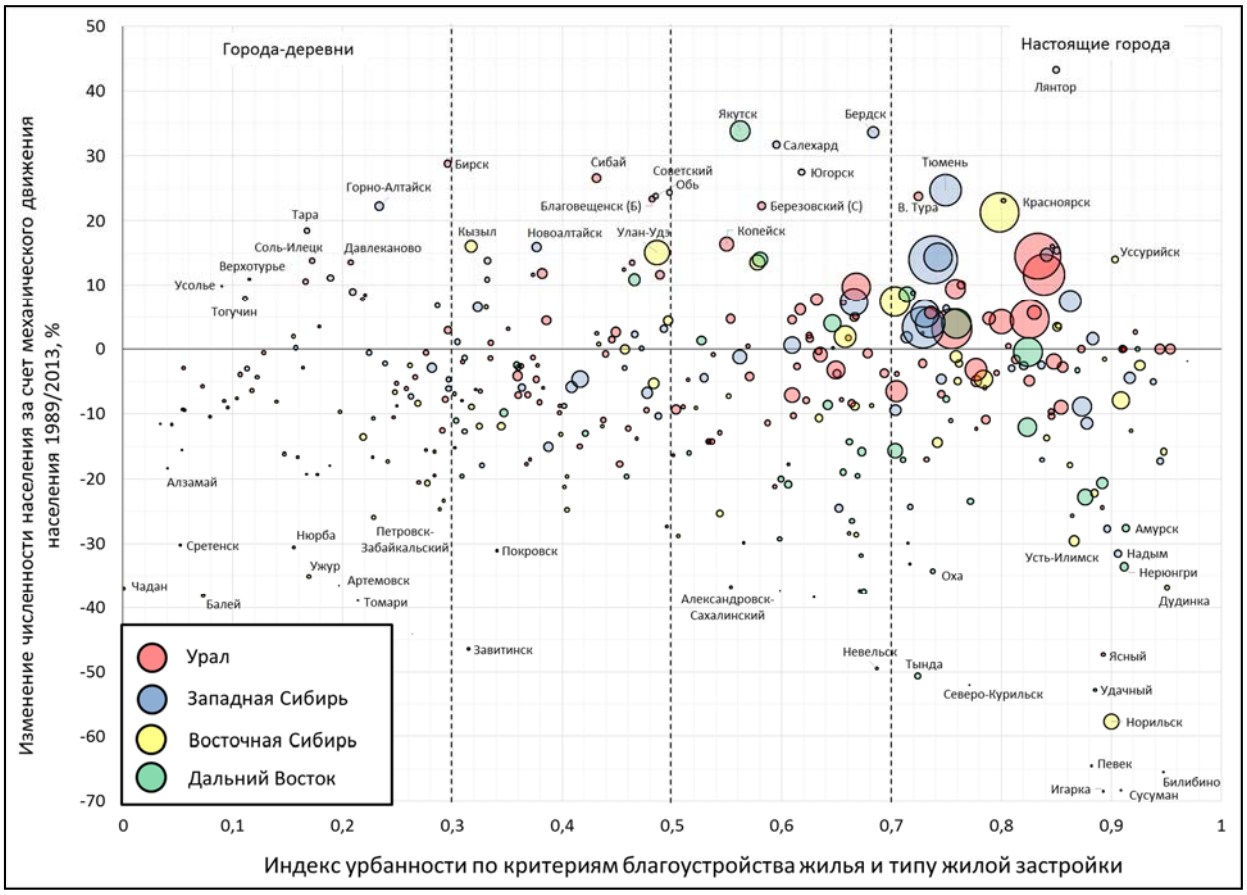


Рис. 3.42. Сочетание динамики численности населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока за счет миграционного движения населения с индексом урбанности по критериям благоустроенности жилья и типу жилой застройки. Источник: рассчитано автором по данным ВПН -2010, БД Мультистат

Отток населения из этих городов закономерен (а в какой-то мере является и позитивным процессом, поскольку позволяет людям переместиться в более комфортную среду), и вряд ли целесообразно направлять значительные финансовые ресурсы на реанимирование таких городов. Вместе с тем, в азиатской части РФ достаточно т.н. «настоящих», но сжимающихся городов с высоким уровнем благоустройства жилого фонда (например, Нерюнгри, Усть-Илимск, Амурск, города Сахалина и др., см. рис. 3.42). В этих городах потенциальные издержки, связанные с деградацией инфраструктуры, оказываются максимальными. Возможно, что по крайней мере для

некоторых из них особые нормы регулирования, государственной и муниципальной политики (в том числе «управляемого сжатия») могли бы снизить отток населения и избежать высоких издержек, связанных с «омертвлением» основных фондов в перспективе.

Таким образом, модель адаптации населения путем эмиграции, эффективная с точки зрения жизненной стратегии переселенцев, во многом лишь усугубляет проблемы депопулирующих городов. Негативные экстерналии, сопутствующие «сжатию», приводят к установлению положительной обратной связи: чем хуже социально-экономическая ситуация в городе, тем более интенсивным становится отток населения, что в свою очередь еще более ухудшает текущую и будущую ситуацию в городах.

§3.5. Пассивные формы адаптации

Под пассивными формами адаптации мы подразумевает те, которые связаны с уходом с рынка труда и сохранением места жительства в городе. Эти формы могут проявляться как в чистом виде, так и сочетаться с активными. Наиболее распространенными формами пассивной адаптации являются ведение личного подсобного хозяйства (только для личного потребления) и различные формы иждивения, как в семье, так и на содержании государства. Кроме того, к пассивной форме адаптации также отнесем безработных (вне зависимости, официален ли этот статус, или нет). Таким образом, к пассивным формам адаптации будут относиться все люди, не занятые трудовой деятельностью.

Поскольку формы пассивной адаптации зависят от возраста конкретного индивидуума, то для сопоставления их распространённости будем рассматривать только население в трудоспособном возрасте. Отсечение из рассмотрения населения моложе и старше трудоспособного возраста позволит избежать искажений, связанных со смещенной возрастной структурой населения в конкретных городах.

Всероссийская Перепись населения 2010 года содержала вопрос об основном источнике средств к существованию. Для городов азиатской России таковыми являлись трудовая деятельность (72,9%, здесь и далее указана доля от числа людей в трудоспособном возрасте, ответивших на этот вопрос), иждивение, помощь других лиц, алименты (18,7%), пенсия, кроме пенсии по инвалидности (3,1%), пенсия по инва-

лидности (2%), государственные пособия, кроме пособия по безработице (1%), пособия по безработице (0,8%), стипендия (0,6%). Остальные источники средств к существованию имели долю менее, чем в полпроцента.

Суммарная доля людей, для которых основным источником средств к существованию являлась помощь других лиц или выплаты со стороны государства, составляла в итоге около 26%, при этом для всей выборки городов этот показатель варьировался от 11,5% до 48,2% с заметными отклонениями на «хвостах» распределения (см. рис. 3.43) Минимальной долей иждивенцев (см. Карта иждивение в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока среди трудоспособного населения) отличаются индустриальные города Севера и Крайнего Севера (гг. Норильск, Мирный, Билибино и др.), где высоки издержки жизнедеятельности, а также пригороды больших городов (гг. Верхняя Пышма, Заречный) и ЗАТО (гг. Снежинск, Озерск, Лесной, Трехгорный, Железногорск, Фокино и др.). Низкие значения в последних объясняются более стабильной ситуацией на рынке труда, относительно высокой стоимостью жизни («выталкивающей» неустроившееся население) и барьерами миграции на ПМЖ, блокирующими проникновение маргинальных слоев населения из сельской местности.

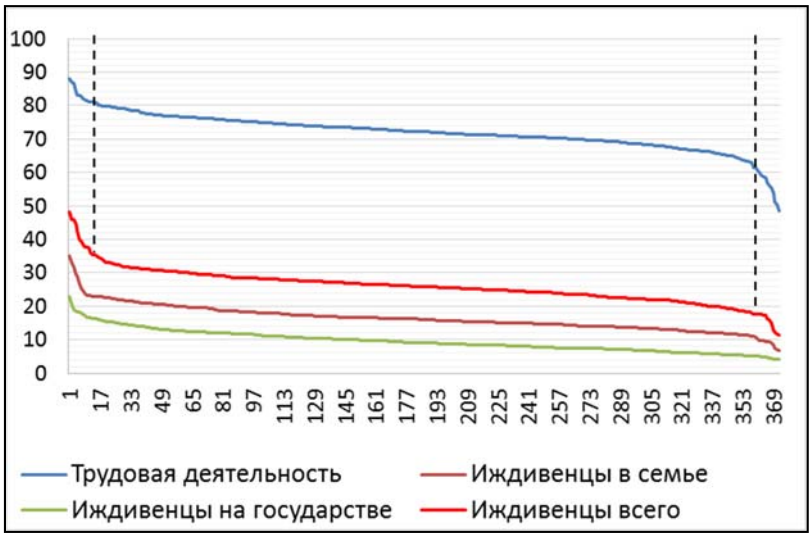


Рис.3. 43. Распределение городов Урала, Сибири и Дальнего Востока по доле населения с основным источников существования от трудовой деятельности и иждивения среди трудоспособного населения, %. Источник: рассчитано автором по данным ВПН -2010.

В городах с максимальной долей иждивенцев их численность в трудоспособном возрасте практически достигает численности работающего населения (а с учетом населения моложе и старше трудоспособного возраста значительно его превышает). Среди городов лидеров по этому показателю в основном небольшие «города-

деревни» депрессивных территорий (например, все города Тувы, Балей, Артемовск, Бирск, Вилюйск и др.). Распределение городов по доле иждивенцев не имеет очевидной взаимосвязи с численностью населения, статусом или положением в том или ином экономическом районе (см. табл. 3.12).

Таблица 3.12. Доля иждивенцев среди трудоспособного населения городов различных групп (региональные центры и города различной людности, тыс. чел.), %.

Группы	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
Рег. центры	25,9	27,3	29,4	25,0
1 млн.+	25,5	26,4	27,0	
100-250	25,2	25,3	27,0	23,9
250-500	24,9	22,9	31,1	29,1
25-50	26,4	25,5	26,6	26,0
500-1000	28,8	27,9	29,7	24,4
50-100	26,0	27,4	26,6	25,1
менее 25	26,6	27,5	30,0	26,7
Всего	25,8	26,6	28,1	25,5

Источник: рассчитано автором по данным ВПН -2010.

Вопрос Переписи об основном источнике существования выделяет лишь основную форму адаптации, но не указывает, какое количество людей практикует ту или иную его форму. Так, например, если нетоварное ЛПХ в среднем является источником средств к существованию лишь для 0,37% трудоспособного населения, то имеет ЛПХ значительно большая доля людей – около 6,1% в трудоспособном возрасте, при близких к нулю значениях в северных городах, где ведение ЛПХ в принципе невозможно, и максимальном значении для таких городов как Алзамай (87%), Макушино и Куртамыш (около 65%), Сорочинск (60%), Чердынь (58%), Змеиногорск (56%) и т.д. (см. приложение Карта «Личные подсобные хозяйства населения», прил. 3.5). В большинстве городов ЛПХ населения выполняют вспомогательную роль и являются дополнительным источником продуктов питания. Однако в некоторых городах ЛПХ действительно являются основной формой адаптации для части населения (имеется в виду нетоварные ЛПХ), позволяющей ему выживать: так, например, в г. Шумиха 64% всех подсобных хозяйств являются единственным источником средств к существованию для их владельцев, в городах Петухово – для 45%, Называевск и Балей – для 35% соответственно. Оценить достоверность переписной информации довольно сложно, но общий тренд очевиден – чем меньше и депрессивней город, тем выше роль доходов от ЛПХ для его населения. В целом,

при масштабном распространении ЛПХ в небольших городах основной полосы расселения, их роль постепенно снижается, хотя и продолжает играть важную функцию, демпфирующую кризис локального рынка труда.

Данные Переписи позволяют оценить масштаб незанятости населения, которая складывается из зарегистрированной (по числу людей, указавших факт получения пособия по безработице) и скрытой безработицы и доли экономически неактивного населения. К числу последних отнесем все неработающее население в трудоспособном возрасте, за исключением учащихся и инвалидов. Суммарная доля безработных в трудоспособном возрасте по всем городам азиатской России вместе с экономически неактивным населением приближается к 20%. Совокупная же доля тех, для которых основной является та или иная форма пассивной адаптации, в итоге составляет около 27% (см. рис. 3.44). Это незначительно меньше, чем доля занятых в предприятиях и организациях (38,7%), но заметно больше, чем в формальном секторе МСБ (21,1%). Таким образом, пассивные модели являются одними из основных форм адаптации населения.

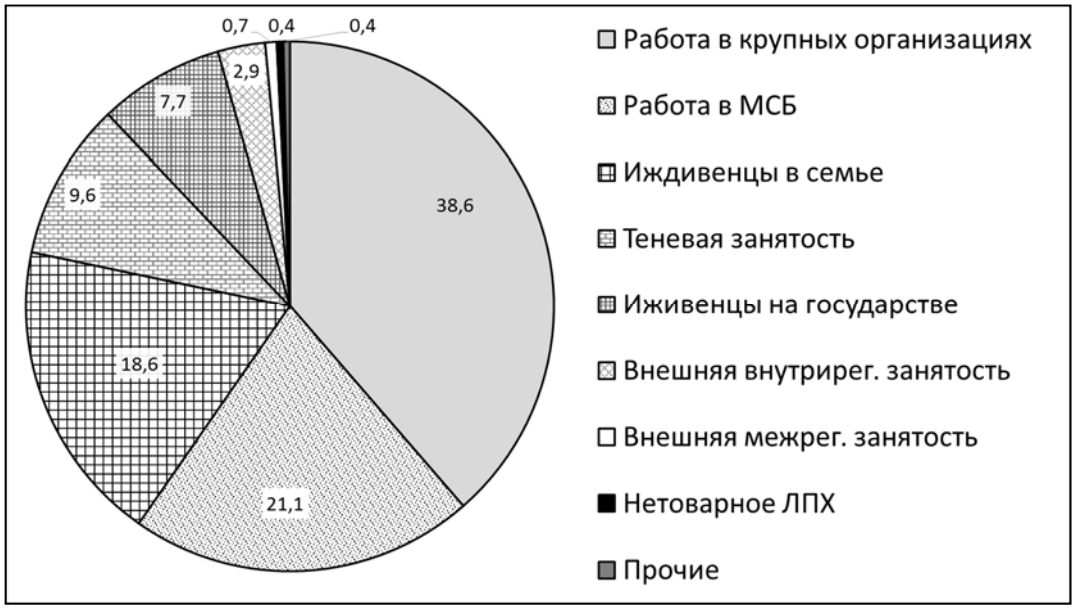


Рис. 3.44. Оценка структуры населения городов азиатской России и Урала по преобладающим моделям адаптации, предусматривающим сохранение места жительства, %[32].
Источник: ВПН -2010, БДПМО, ОНПЗ-2010, СНДСМП-2010.

[32] Без учета других источников средств к существованию, не связанных с трудовой деятельностью, таких как сдача в наем недвижимого имущества, использование процентов от вкладов и собственных накоплений и другие различные рентные источники доходов. В совокупности они составляют менее 0,5%.

Пассивные формы адаптации населения в большинстве случаев представляют из себя наиболее маргинальные социальные практики[33], сопряженные с массой отрицательных явлений, таких как бедность, безработица, социальные болезни, инвалидность и др. Минимальный источник дохода, необходимый для простого выживания населения, не ведет к росту накоплений и человеческого капитала, оказывает слабое влияние на локальную экономику[34]. С этой точки зрения, значительная доля населения, практикующая пассивные формы адаптации, является для городов своеобразным «балластом», потребляющим ресурсы, но практически ничего не дающих взамен. И хотя больша́я часть расходов на содержание этого «балласта» ложится на плечи государства, он так или иначе создает дополнительную нагрузку на работающее население, поглощая ограниченные ресурсы.

Важнейшей задачей всех уровней власти и органов местного самоуправления должно быть стимулирование отказа населения от пассивных форм адаптации в пользу активных. Это позволит решить множество проблем, прежде всего связанных с процессом маргинализации населения. Включение населения в рынок труда, во-первых, позволяет ему получить значительно больший и более стабильный источник доходов, снизить нагрузку на социальные фонды. Во-вторых, это безусловно даст позитивный эффект для экономики и бюджета, в том числе и муниципального. Долговременное сохранение пассивных форм, напротив, ведет к исключению населения из процесса общественного производства, утрате профессиональных навыков, мотивации и в конечном итоге к снижению качества населения.

§3.6. Модель трансформации локального рынка труда городов

Рассмотрение разных форм адаптации населения к трансформационным процессам, происходившим в постсоветское время на локальных рынках труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, позволяет обобщить их в виде модели (см. рис. 3.45).Возможности адаптации населения к кризису локального рынка труда обусловлены влиянием разных факторов, описанных в §1.1. Их влияние двояко – с одной стороны, они определяют глубину трансформационных процессов рынка труда (т.е.

[33] За исключением тех немногочисленных случаев, когда высокие доходы отдельных членов семей позволяют безбедно существовать всему домохозяйству

[34] Однако в наиболее депрессивных городах, где, например, велика доля пенсионеров и рынок труда испытал сильнейшее сжатие, домохозяйства, существующие на государственные пособия (например, пенсии по старости родителей), являются одними из наиболее финансово благополучных.

масштабы сокращения рабочих мест на предприятиях и в организациях), с другой стороны, влияют на возможности адаптации высвободившихся трудовых ресурсов.

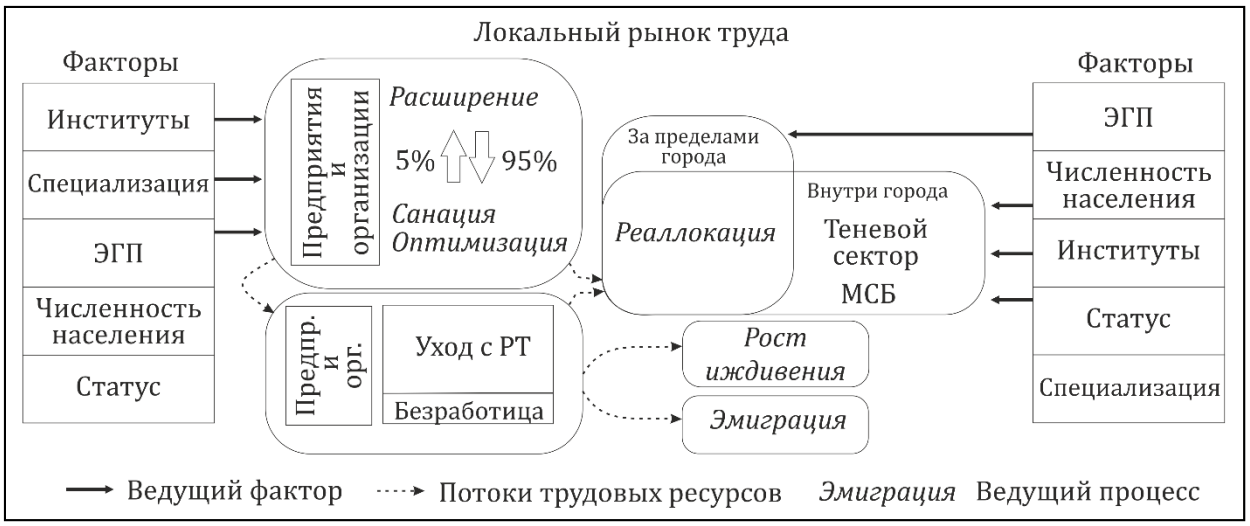


Рис. 3.45. Модель постсоветских трансформационных процессов на локальном рынке труда городов. Источник: составлено автором

В подавляющем большинстве городов (около 95% от общего числа на рассматриваемой территории) в процессе санации неэффективных предприятий и оптимизации деятельности оставшихся произошло сокращение численности занятых на крупных и средних предприятиях и организациях. Ведущими факторами при этом выступали факторы отраслевой специализации экономики города, а также экономико-географическое положение и институциональные факторы верхних уровней (см. §1.1.2 раздел «Институциональные факторы»). Высвобождение трудовых ресурсов сопровождалось двумя ключевыми процессами – с одной стороны, резко возросло количество незанятого населения, находящегося в состоянии безработицы или покинувшего рынок труда[35]. С другой стороны, постепенно запустился процесс реаллокации – т.е. перемещения трудовых ресурсов в первую очередь, во вновь созданные предприятия малого и среднего бизнеса, а также в неформальный сектор экономики. На возможности реаллокации оказывает влияние несколько иной набор факторов, которые определяют емкость рынка для вновь создаваемых предприятий. Важнее всего факторы численности населения города, платежеспособного спроса, определяемого состоянием градообразующей отрасли и структуры экономики, административного статуса. Ин-

[35] При этом, как отмечают исследователи трансформационных процессов рынка труда на национальном уровне, российской особенностью было пониженная доля безработных среди высвобождаемых трудовых ресурсов и повышенная доля лиц, покинувших рынок труда [Капелюшников, 2001]

ституциональный фактор влияет на соотношение формального и неформального секторов занятости. Фактор ЭГП оказывает влияние как на возможность реаллокации трудовых ресурсов внутри города (прежде всего за счет транспортно-сбытовых условий для действующих фирм), так и за его пределами, если вблизи него находится крупный акцептор трудовых ресурсов (крупная агломерация или трудодефицитный ресурсный регион).

В ходе исследования не было обнаружено прямого воздействия указанных факторов на процессы эмиграции и роста иждивения. Распространенность этих явлений можно объяснить невозможностью реализации других моделей адаптации. Иждивение и эмиграция как крайняя форма адаптации, таким образом, может подвергаться влиянию всех факторов в совокупности.

Для каждого конкретного города в соответствии с набором действующих факторов социально-экономического развития формируется «коридор возможностей» для адаптации, он отличается для городов разных типов. Чем уже «коридор возможностей» для адаптации населения в городе, тем сильнее реагирует миграционная динамика на сжатие локального рынка труда (см. рис. 3.46): населению чаще приходится выбирать миграцию из всех возможных моделей адаптации из-за отсутствия альтернатив в малых городах, городах Севера и Крайнего Севера (города в нижнем левом углу рисунка), Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Возможности для адаптации в крупных городах, городах со стабильной конкурентоспособной градообразующей отраслью, региональных столицах и в их пригородах выше, поэтому в них нет мощного миграционного оттока населения (а часто наблюдается и его приток) при сокращении рабочих мест в крупных и средних организациях. При прочих равных, «коридор адаптационных возможностей» оказывается выше в городах более густозаселенных районов Урала и Западной Сибири, в зонах с благоприятными климатическими и агроклиматическими условиями, позволяющими минимизировать стоимость жизни и при необходимости задействовать ресурс личных подсобных хозяйств.

Многообразие действующих факторов и сочетаний различных форм адаптации отражают таблицы из прил. 3.4. В них для различных групп городов приведена оценка структуры локального рынка труда и основные индикаторы, характеризующие социально-экономическое развитие городов в период 1991-2013 гг. Оценка

структуры рынка труда города основана на методике расчета его ёмкости (см. прил. 3.2.) и исходит из предположения, что работники распределяются между его частями (предприятиями и организациями, малым и средним бизнесов, теневым сектором) пропорционально размеру этих секторов. На основании преобладающих типов адаптации в городах, а также результатов представляется возможным оценить географическую специфику распространения различных форм адаптации, а также выявить ключевые эффекты, сопутствующие им для населения и городов (см. табл. 3.13).

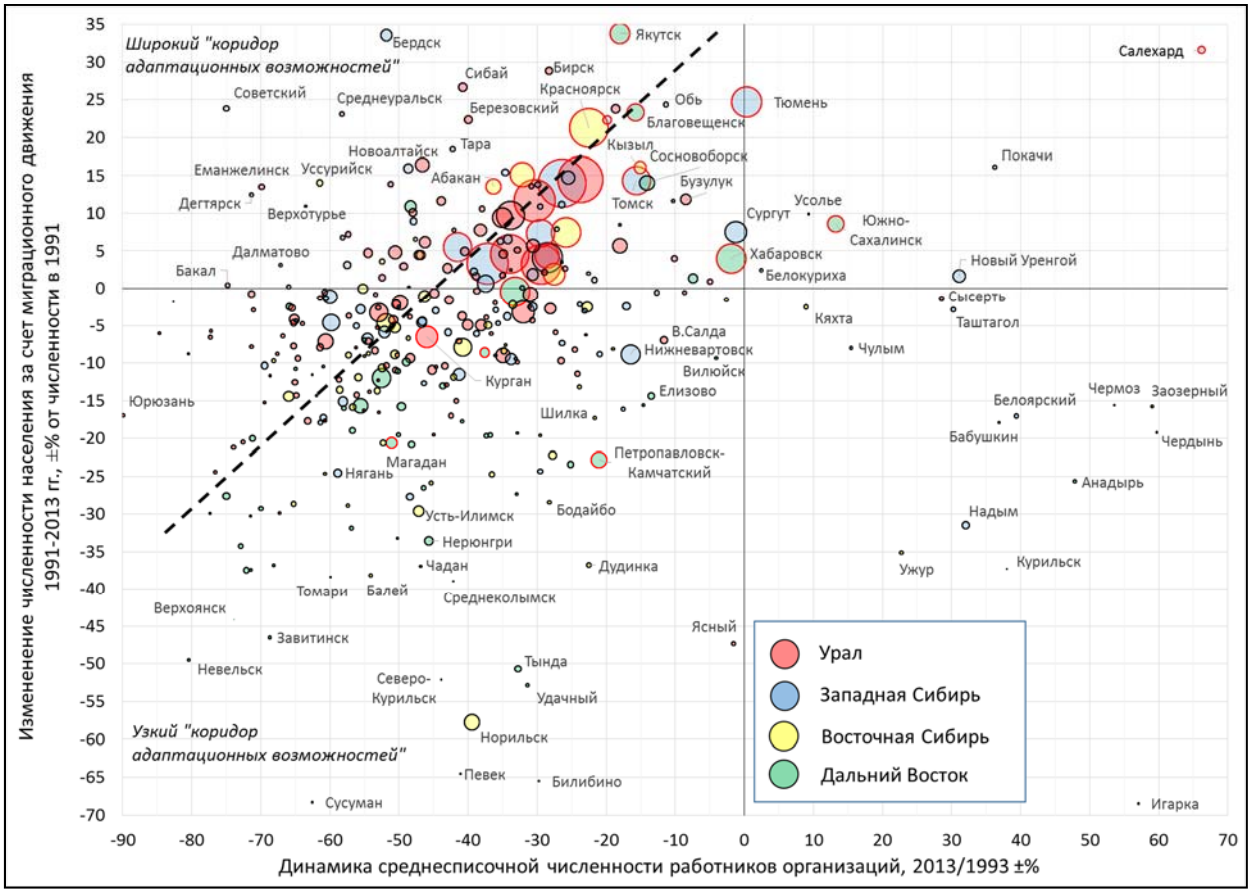


Рис. 3.46. Динамика численности занятых в организациях и вклада миграций в изменение численности населения в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Красным контуром указаны региональные центры.
Примечание: г. Ханты-Мансийск выходит за диапазон осей графика (+131,3/+141,6).
Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат.

***

Рассмотрение основных форм адаптации населения к трансформации локального рынка труда позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее распространенными формами адаптации населения являются его миграция, трудоустройство (реаллокация) на вновь созданных предприятиях в сфере МСБ и индивидуальное предпринимательство, а также пассивные формы, связанные прежде

всего с иждивением в семье или за счет государства. Переход населения к этим формам был вынужденным, а не самостоятельным решением, как ответ на кризис занятости на предприятиях и в организациях. Широкое распространение получила также неформальная занятость, а в городах, входящих в состав крупных агломераций, важнейшим видом адаптаций стала маятниковая трудовая миграция. Дальние межрегиональные трудовые миграции в азиатской России имеют ограниченное распространение, за исключением зоны влияния нефтегазовых округов Тюменской области.

Для большинства городов любая из активных форм адаптации, предусматривающих сохранение места жительства, позволяет решить тактические задачи по сглаживанию кризиса на локальном рынке труда, недопущению маргинализации населения и миграционному сжатию. Однако они не являются полноценной заменой крупным и средним предприятиям и организациям и занятости на них с точки зрения стратегических целей развития города. Переход к любой из этих форм адаптаций позволяет городу и населению пережить кризисный период, но приводит к сжатию ресурсной базы для будущего развития. Отказ от эмиграционных стратегий является вынужденной мерой, которая, однако не распространяется на новые поколения жителей, которых родители всеми силами стараются «вытолкнуть» из угасающих городов.

Исключение составляют лишь некоторые группы городов. Прежде всего, это относится к городам с конкурентоспособными отраслями специализации и региональным столицам, которые не испытали сокращение занятости в организациях, либо её увеличили (см. прил. 3.5., таб. 7). «Сильные» региональные центры потянули за собой и ближайшие пригороды, однако их число в сравнении с основной массой городов невелико. Эти три группы городов, пережив кризисный период трансформации, смогли относительно успешно адаптироваться. В них предприятия МСБ, ориентированные на ёмкий и платежеспособный спрос, смогли выйти на качественно иной уровень по сравнению с малыми городами, обеспечивая не только «выживание» для части населения, но и предоставляя новый спектр услуг, делающих жизнь горожан более комфортной. В крупнейших региональных столицах предприятия МСБ достигли масштаба и уровня, позволяющего говорить о них как полноценном дополнении крупных организаций.

Таблица 3.13. Характеристика основных форм адаптации населения. Источник: составлено автором.

<table>
<tr><td rowspan="2">Группа городов</td><td rowspan="2">Сокращение численности рабочих мест на предприятиях и в организациях</td><td colspan="2">Адаптация на локальном рынке труда</td><td colspan="2">Адаптация на внешнем рынке труда</td><td rowspan="2">Переезд на новое место жительства</td><td colspan="4">Уход с рынка труда</td></tr>
<tr><td>МСБ</td><td>Неформальная занятость</td><td>Маятниковые миграции</td><td>Отходничество и вахтовые миграции</td><td>ЛПХ</td><td>Иждивение в семье</td><td>Иждивение на государстве</td><td>Безработица</td></tr>
<tr><td>Максимальное распространение явления</td><td>Города с конкурентоспособной отраслью специализации Север и Крайний Север, малые города</td><td colspan="2">Нет строгой зависимости</td><td>Ближайшие пригороды крупных городов и региональных столиц</td><td>Зона «хинтерланда» нефтегазовых округов Тюменской области</td><td>Север и Крайний Север, города с «неудачной» отраслью специализации</td><td>города-деревни</td><td colspan="3">Депрессивные территории, города с «неудачной» отраслью специализации и наиболее сильным сокращением рабочих мест в организациях</td></tr>
<tr><td>Минимальное распространение явления</td><td>Города с неконкурентоспособной отраслью специализации, региональные центры и крупные города</td><td colspan="2">Города Севера и Крайнего Севера</td><td>Транспортно-изолированные, с низким уровнем развития транспортной инф-ры, вне агломераций</td><td>Восточная Сибирь и Дальний Восток</td><td>Региональные центры, города с «удачной» отраслью специализации</td><td>Север и Крайний Север, «настоящие города»</td><td colspan="3">Север и Крайний Север</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Позитивные эффекты от адаптации для населения</td><td colspan="2">Источник средств для выживания</td><td>Для большинства – источник средств для выживания; относительно высокий заработок для пригородов крупных городов</td><td>Источник средств для выживания</td><td>Перемещение в благоприятную среду, перспективы инд. развития</td><td colspan="4" rowspan="2">Источник для выживания</td></tr>
<tr><td colspan="5">Сдерживание маргинализации населения</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Позитивные эффекты от адаптации для города</td><td colspan="4">Мультипликативный эффект от расходов работающего населения</td><td rowspan="2"></td><td colspan="4" rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>Налоги</td><td colspan="3"></td></tr>
<tr><td colspan="2">Негативные эффекты от адаптации для населения</td><td>Низкая соц. защищенность</td><td>Соц. незащищенность</td><td>Высокие транспортные и временные издержки</td><td>Слом традиц. образа жизни, соц. незащищ.</td><td>Трудности адаптации</td><td colspan="4">Маргинализация населения</td></tr>
<tr><td colspan="2">Негативные эффекты от адаптации для города</td><td colspan="4">Недополученные налогов в муниципальный бюджет</td><td>«Омертвление» осн. фондов, уменьшение человеческого капитал</td><td colspan="4">Отсутствие налоговых поступлений и дополнительных, повышение рисков и дополнительные социальные расходы</td></tr>
</table>

Различия трансформационных процессов в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока приводят к формированию сильнейшего социально-экономического градиента между тремя вышеописанными группами городов и всеми остальными. Более того, адаптационные модели в отстающих городах, поддерживая в них жизнь, приводят к ухудшению ситуации в долгосрочной перспективе. В кризисных городах, попадающих в ловушку «депрессивности», начинает работать положительная обратная связь, все более усиливая их отставание. В результате, утверждаются пассивные формы адаптации, сопряженные с массой негативных эффектов для населения и городов.

Возникает вопрос, почему так происходит? Если в некоторых городах трансформационные процессы проходили относительно успешно, то почему этого не происходит во всех остальных? Возможно, ответ состоит в том, что в существующей политико-экономической системе и той институциональной среде, которая сформировалась в России, все описанные формы адаптации являются неэффективными. Исключение составляют те города, в которых адаптационные формы развиваются на базе рентной экономики – ренты от природных ресурсов, ренты географического положения и ренты особого статуса. Помимо институциональных причин, безусловно, имеются и многочисленные объективные, ограничивающие экономическое развитие. Однако факт остается фактом – в большинстве городов городская экономика и населения, адаптировавшиеся по любому из сценариев, имеют отрицательную эффективность, т.е. потребляют больше, чем производят. И если бы страна не обладала ресурсами природной ренты, то экономика большей части городов просто не могла бы существовать в том виде, в котором она находится в текущий момент.

Можно ли сделать адаптационные процессы более эффективными и на какие из них стоит сделать особую ставку? Однозначного ответа нет. Важно то, что универсального ответа не может быть в принципе. Многообразие факторов и условий, влияющих на развитие городов, делает «рецепт» их излечения сугубо индивидуальным. Однако в рамках существующей системы государственного управления такие инструменты не предусмотрены, либо неэффективны.

Очевидно, что часть городов Урала и востока страны уже прошла точку «невозврата» и их экономическая и демографическая динамика в долгосрочной перспективе будет устойчиво негативной. К числу этих городов относятся в основном небольшие

города-деревни, города с разрушенной неконкурентоспособной градообразующей отраслью, многие моногорода и пост-моногорода, в которые вряд ли придут крупные инвесторы из-за низкой инвестиционной привлекательности.

Вероятно, наилучшей стратегией для них была бы миграция населения в более крупные центры. Проблема в том, что стратегии адаптации в форме «выживания» не позволяют населению самостоятельно покинуть эти города, а часть жителей, ведущая иждивенческий образ жизни, теряет мотивацию для этого. Государство отказывается брать расходы по переселению населения из таких городов, но оно может хотя бы создать условия для того, чтобы жители городов сами заработали на свою «эвакуацию». Стратегия, направленная на стимулирование выезда населения, потребует разработки в реализации мероприятий «управляемого сжатия», направленных на оптимизацию хозяйства и инфраструктуры убывающих городов.

На востоке России демографическое сжатие испытывают не только города с депрессивной экономикой, но и относительно успешные. Миграционная убыль в них связана не столько с невозможностью трудоустроиться, сколько с низким разнообразием мест приложения труда и сравнительными недостатками по сравнению с региональными центрами. Первая причина в целом характерна для большинства городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, зародившихся и существующих как моноотраслевые поселения. Её решению могло бы способствовать модель диверсификации экономики, в том числе на основе МСБ.. Низкая удовлетворенность разнообразием и качеством услуг, состоянием городской среды является важной мотивацией для отъезда молодежи даже из крупных городов (например, из вторых по численности городах регионов - Магнитогорска, Нижнего Тагила, Комсомольска-на-Амуре и др.). Для успешной реализация трансформации экономики путем развития МСБ в этих городах не хватает главного – институциональной поддержки, а в относительно небольших – ещё и платежеспособного спроса.

Решение проблем кризисных городов за счет роста пространственной мобильности населения наиболее вероятно для ближайшей зоны пригородов крупнейших региональных столиц. Кроме того, развитие транспортной инфраструктуры в более густонаселенных районах Урала и юга Западной Сибири может сделать внешнюю трудовую мобильность успешной формой адаптации для населения и сгладить кризис локальных рынков труда.

Заключение

Неравномерность территориального развития является объектом исследования в экономической науке и экономической географии. Экономические теории фокусируются на динамике пространственных различий (конвергенции или дивергенции), мобильности основных факторов производства – капитала и трудовых ресурсов (населения), влияющих на территориальное развитие, но слабо учитывают географические факторы, не поддающиеся формализованному количественному описанию, что снижает их объяснительную силу, в том числе для исследований городов. Экономическая география отличается более разработанной системой факторов развития, ей не хватает строгой количественной формализации ключевых концепций. Более успешны в этом направлении теории и модели новой экономической географии. Для исследования развития городов наиболее эффективно сочетание географических и экономических концепций и методов.

Применение количественных методов, разработанных в экономике, позволило установить направление изменения асимметрии и неравенства в социально-экономического развитии городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока, а факторов территориального развития в экономической географии – объяснить эти процессы.

С начала 2000-х годов наблюдаются процессы конвергенции социально-экономического развития регионов азиатской части России и Урала, связанные с ростом природной ренты и активизацией перераспределительной политики государства. Однако, эта политика, направленная на смягчение межрегиональных различий, является одним из важнейших «драйверов» роста межмуниципального неравенства. Экономическая поляризация городов за 1991-2014 гг. значительно усилилась. Значительная часть городов фактически деиндустриализовалась. Различия в динамике инвестиционной активности стали ещё более значимыми – основная их часть сконцентрировалась в ограниченном числе городов: региональных и крупных промышленных центрах. Разнонаправленные процессы сокращения дифференциации на региональном уровне и роста диспропорций между муниципалитетами отражают специфику поляризации российского пространства.

Миграционные тенденции усиливают поляризацию городов. С середины 90-х годов в азиатской части РФ и Урала наблюдается устойчивый тренд концентрации

населения в крупных городах при общем снижении числа жителей городов на 1%. Этому способствовали две крупных миграционных «волны» (в середине 90-х гг. и с конца 2000-х гг.), вторая из них продолжается до сих пор: наиболее активно отдают население малые города, а увеличивают региональные столицы. Процессы территориальной концентрации проявляются повсеместно, за исключением городов нефтегазовых районов Западной Сибири, где они протекают относительно медленно. Скорость территориальной концентрации остается неизменной с конца 2000-х годов.

При заметном западном «дрейфе» населения и практически повсеместной естественной убыли наибольшие демографические потери понесли города Дальнего Востока и Восточной Сибири. Миграционный отток усугубил проблемы естественного воспроизводства населения малых городов, а миграционный приток, наоборот, сгладил убыль в крупнейших региональных столицах. В результате воздействия процессов естественного и механического движения населения возрастная структура городов стала более дифференцированной, что будет оказывать влияние на дальнейшее демографическое развитие, ускоряя процессы территориальной концентрации населения.

В азиатской части и на Урале более интенсивна фрагментация пространства по сравнению с европейской частью России из-за значительно меньшей плотности освоения и суженного «коридора возможностей» для адаптации. В слабозаселенных районах Сибири и Дальнего Востока сеть городского расселения ускоренно деградирует и фактически сжимается к транспортному коридору запад-восток с концентрацией вблизи региональных столиц. Территориальная концентрация населения и экономической активности в агломерациях и крупных городах азиатской России приводит к расширению и так обширных зон депрессии между ними. Отрицательные экстерналии расширения периферий снижают позитивные эффекты повышения экономической эффективности при концентрации населения в полюсах роста.

Процессы экономической поляризации дифференцируют ситуацию на локальных рынках труда городов. Устойчивое сокращение численности занятых в средних и крупных организациях (примерно на 35% за весь период) привело к высвобождению трудовых ресурсов и необходимости адаптационных действий. Ключевыми моделями адаптации населения стали трудоустройство на локальном рынке труда в малом бизнесе или в неформальном секторе, переориентация на внешние

рынки труда (маятниковые или вахтовые трудовые миграции), уход с рынка труда и переселение. Соотношение разных моделей адаптации в городах обусловлено в том числе географическими особенностями.

Наряду с переселением (эмиграцией), одной из доминирующих моделей адаптации населения к кризису локального рынка труда стала занятость в сфере МСБ. Распространенность данной модели существенно ограничена в городах Севера и Крайнего Севера, а ее структурные характеристики зависят и от размера населенного пункта. В малых городах возможность занятости в МСБ способствует выживанию населения, формированию низкопроизводительных рабочих мест для удовлетворения базовых потребностей населения и городской экономики. В крупных городах трансформация рынка труда и городской экономики за счет развития малых предприятий более успешна, позитивные эффекты для городской экономики и среды более значимы. Однако, роль МСБ для бюджетов всех городов невелика из-за низкой налоговой базы.

Использование данных всероссийской Переписи населения и разработка авторской методики оценки ёмкости и структуры локального (муниципального) рынка труда позволили оценить трудовую мобильность населения городов рассматриваемой территории и её географию на фоне всей России. Межрегиональные трудовые миграции населения на востоке России имеют сложившуюся территориальную структуру. Для регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока традиционно еще с советских времен существовал крупный рынок труда «Северов»: нефтегазовых регионов Западной Сибири, сырьевых регионов Восточной Сибири и Северо-Востока. Современным «хинтерландом» нефтегазовых округов Тюменской области, смягчающим кризисы локальных рынков труда, являются регионы Урала (частично и Поволжья) и юга Западной Сибири, другие регионы-аттракторы привлекают трудовых мигрантов в основном из соседних субъектов федерации. Два крупнейших межрегиональных рынка труда Москва, Санкт-Петербург и окружающие их регионы не оказывают существенного влияния из-за удаленности. Отсутствие устойчивого и ёмкого спроса на труд в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, неразвитость транспортной инфраструктуры и большие расстояния до крупных акцепторов трудовых мигрантов (агломераций и сырьевых регионов) ограничивает возможности адаптации населения через межрегиональную занятость.

Трудовая мобильность населения в основном локализована в ближайших пригородах крупных региональных центров. Лишь для части из них (не более 10%) модель адаптации населения через внешнюю занятость приводит к смягчению проблем локального рынка труда и делает их привлекательными для жизни. Для остальных городов внешняя трудовая активность является механизмом «выживания» и ресурсом для последующей реализации выездных миграционных стратегий.

В большинстве городов адаптационные модели, предусматривающие сохранение места жительства, не являются полноценной заменой занятости на крупных предприятиях и в организациях. Реализация активных форм адаптации позволяет решить тактические задачи обеспечения населения минимальным доходом на низкопроизводительных рабочих местах, но в долгосрочной перспективе приводит к усугублению экономической ситуации и росту отставания депрессивных городов от группы городов-лидеров.

Экономические и географические факторы развития, с одной стороны, определяют глубину трансформационных процессов в экономике городов, с другой стороны, влияют на возможности адаптации трудовых ресурсов. В итоге для каждого города формируется «коридор возможностей», он отличается для городов разных типов. Чем сильнее экономическое сжатие и уже «коридор возможностей» для адаптации населения в городе, тем сильнее миграционный отток. Наиболее широким этот коридор оказывается для региональных столиц и пригородов наиболее успешных региональных центров, а также городов с конкурентоспособными отраслями специализации. Меньшими возможностями для адаптации обладают небольшие города с плохим ЭГП, удаленные от крупных агломерационных центров и межрегиональных рынков труда, города с деградировавшей экономической базой. Различия «коридора возможностей» между востоком и западом России приводят к западному «дрейфу» населения, а внутри регионов азиатской части и Урала – к формированию миграционных потоков из периферийных городов в крупные центры, что типично для всей страны.

Список литературы

1. Абалаков А.Д. и др. Природно-хозяйственное районирование Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». 2013. Т.6. №2. С. 17-24.
2. Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Денисов Е.А., Фаддеев А.М. Территориальная структура городской системы севера Свердловской области // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 4. С. 24–38.
3. Аврамчикова Н.Т. Теоретические основы формирования поляризованного пространства и диффузии нововведений в экономике региона // Вестник сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2009. № 1–2. С. 114-116.
4. Агирречу А.А. Историко-географические особенности формирования наукоградов России: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2006. – 22 с.
5. Агирречу А.А. Наукограды России: история формирования и развития. – М.: Изд-во Моск. унт-та, 2009. – 192 с.
6. Агранат Г.А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки / Итоги науки и техники. Сер. теор. и общие вопросы геогр. М.: ВИНИТИ, 1992. – 190 с.
7. Агранат Г.А. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. – М.: Наука, 1984. – 263 с.
8. Агранат Г.А. Экономическая политика на Севере: особые проблемы // ЭКО. 1975. № 1. С. 73-78.
9. Агранат Г.А., Котляков В.М. Как лучше осваивать Север // Проблемы экологии. 1991. №9. С. 57-64.
10. Акимжанов Х.Р., Сафронов С.Г. Социально-экономическая трансформация территориальной структуры карагандинской агломерации // Региональные исследования. 2014. № 2 (44). С. 86–96.
11. Александров Е.Ю., Безруков Л.А., Воробьев А.Н., Воробьев Н.В., Галес Д.А., Григорьева М.А., Дугарова Г.Б., Емельянова Н.В., Заборцева Т.И., Ипполитова Н.А., Ишмуратов Б.М., Куклина В.В., Лещенко Я.А., Рыков П.В., Рященко С.В., Сараев В.Г., Туркина Н.Г., Хавина Л.А., Челембеева А.А. Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири, отв. ред.: Л.М. Корытный, Н.В. Воробьёв; Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО . – Новосибирск: Гео, 2011. – 213 с.
12. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. №11. С. 21-35.
13. Анимица Е.Г. Вопросы формирования городов Свердловской области. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1979.
14. Анимица Е.Г. Города Среднего Урала. – Свердловск, 1975. – 364 с.

15. Анимица Е.Г. Основные представления об экономике города как самостоятельном научном направлении // Известия Уральского государственного экономического университета. 1999. Т. 1.

16. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Дворядкина Е.Б., Новикова Н.В., Софронов В.Н. Закрытые атомные города России. – Екатеринбург, 2002. – 176 с.

17. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. Человеческий фактор в развитии крупнейших городов // Управленец. 2010. №7-8 (11-12). С. 13-15.

18. Анимица Е.Г., Дворядкина Е.Б., Некрасов В.Г. Экономическое развитие горнозаводских городов региона. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2005. – 266 с.

19. Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Проблемы и перспективы развития моногородов России // Управленец. 2009. № 1-2. С. 46-53.

20. Анохин А.А., Житин Д.В., Краснов А.И., Лачининский С.С. Современные тенденции динамики численности населения городов России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 7: Геология. География. 2014. № 4. С. 167-179.

21. Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А. Факторы размещения и конкурентный потенциал центров научно-технического развития в России // Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления: мат-лы Всеросс. межведом. научно-практ. конф. (Воронеж, 25–26 ноября 2011 г.). – Воронеж, 2011. С. 146-148.

22. Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М. Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке республики Коми // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2014. № 2. С. 55-61.

23. Арсеньев К.И. Гидрографо-статистическое описание городов Российской Империи с показанием всех перемен, происшедших в составе оных в течение двух веков от начала XVII века и доныне / Журнал МВД, 1832-1834.

24. Аузан А.А. «Эффект колеи»: проблема зависимости от траектории предшествующего развития - эволюция гипотез // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3-17.

25. Байдаров, Д.Ю. Особенности правового режима закрытых административно-территориальных образований в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – М., 2014. – 22 с.

26. Баканов С.А. Депрессивные города Урала в 1960-1980-е годы: анализ социально-экономических и демографических факторов. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2005. – 191 с.

27. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2009. –168 с.

28. Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии // Региональные исследования. 2014. №2 (44). С. 4-10.

29. Бакланов П.Я. Географические факторы в региональном развитии // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации росс. географов-обществоведов. 2013. № 1 (2). С. 4-14.

30. Бакланов П.Я. Заметки по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения производительных сил России»// Региональные исследования. 2012. №2 (36). С. 166-172.

31. Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. №3 (45). С. 12-19.

32. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. – М.: Географгиз, 1956.

33. Безруков Л.А. Дашпилов Ц.Б. Транспортно-географическое положение микрорегионов Сибири: методика и результаты оценки // География и природные ресурсы. 2010. № 4.

34. Безруков Л.А. Экономико-географическое положение Сибири в России и мире // География и природные ресурсы. 2014. № 3. С. 5-13.

35. Белобородов И.И. Всероссийская перепись населения: искажение этнической реальности // Семья и демографические исследования. Научный интернет-журнал. 31.03.2014. URL: http://riss.ru/demography/demography-science-journal/5271/

36. Белов А.В. Факторы экономической динамики Дальневосточных регионов России // Вестник ДВО РАН. 2004. №6. С. 14-25.

37. Богданова Л.П., Драгунова А.А. Маятниковая трудовая миграция на периферии Московского региона (на примере города Клин) // Вестн. ТвГУ. Сер. экономика и управление. 2015. № 1-2. С. 91–97.

38. Борисов К.Б. Комплексная оценка состояния и изменения территориального устройства муниципальных образований (на примере городов Приморского края): автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Владивосток, 2006. – 24 с.

39. Браде И., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Изменения в системе городов России в 1990-х годах // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 4. С. 64-73.

40. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М.Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 196 с.

41. Бурова Н.Б. Опыт изучения нелегальной деятельности на уровне региона// Вопросы статистики. 2006. №6. С. 70-71.

42. В тени регулирования: неформальная занятость на российском рынке труда. Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 535 с.

43. Варламов В.С. О количественной оценке ЭГП городов // Города мира / Вопросы географии. Сб. 66. – М.: Мысль, 1965. С. 130-140.

44. Варламов В.С. Экономико-географическое положение как фактор развития крупного города (на примере Оренбурга): автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 1962.

45. Вебер А. Теория размещения промышленности. Пер. с нем. – М.-Л., 1926.

46. Ведышева Т.В. Комплексная оценка факторов среды обитания и здоровья населения (на примере городов Иркутской области): автореф. дисс. … канд. мед. наук. – Иркутск, 2008. – 26 с.

47. Великий П.П. Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социол. исследования. 2010. № 9. С. 44–49.

48. Вельская Е.Э. Малые города: социально-экономические и демографические проблемы и перспективы развития (региональный анализ на примере Дальнего Востока): автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – Иркутск, 2005. – 24 с.

49. Вендина О.И. Невидимые сдвиги в развитии городов // Географическое положение и территориальные структуры. Сб. памяти И.М. Маергойза. – М.: Новый хронограф, 2012. С. 780-812.

50. Виноградова Н.А. Система показателей мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований и организация муниципальной статистики: автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Орел, 2006. – 24 с.

51. Власова Н.И., Кузнецова Г.Ю., Лычева Т.М., Любовный В.Я. Проблемы занятости в монопрофильных городах России // Материалы международной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы занятости и рынка труда России». – М., 1999.

52. Власова Н.Ю., Дворядкина Е.Б. Промышленные города в социально-экономическом пространстве региона // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. 2005. № 6. С. 84-94.

53. Власюк Л.И., Исаев А.Г. Мобильность факторов производства в Российской экономике // Пространственная экономика. 2012. №4. С. 10-27.

54. Волкова О., Соколов А., Терентьев И., Исследование РБК: как вымирают российские города / Сайт РосБизнесКонсалтинг. 2015а. URL: http://www.rbc.ru/special/society/22/01/2015/54c0fcaf9a7947a8f1dc4a7f

55. Волкова О., Соколов А., Терентьев И., Исследование РБК: самые богатые и самые бедные города России / Сайт РосБизнесКонсалтинг. 2015б. URL: http://www.rbc.ru/special/society/13/04/2015/552a6a419a79471fcb568dc8

56. Волкова О., Соколов А., Терентьев И., Исследование РБК: почему вымирают российские города / Сайт РосБизнесКонсалтинг. 2015в. URL: http://www.rbc.ru/special/society/17/03/2015/5506d6979a79471b5dcfdcee

57. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). – Иркутск, 1959. – 147с.

58. Воробьев Д.Н. Регулирование асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона: автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2005. – 25 с.

59. Воскобойников И.Б., Гимпельсон В.Е. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. 2015. № 11. С. 30-61.

60. ВЦИОМ Не переписали каждого десятого россиянина // Пресс-выпуск ВЦИОМ №1621, 8 ноября 2010 года. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13982

61. Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. №2. С. 45-62

62. Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального роста и развития // Корпоративное управление и инновационное развитие севера: вестник научно-иссл. центра корп. права, управл. и венчурного инвестирования сыктывкарского государственного университета. 2008. №1. С. 6-23.

63. Галенко М.В., Сергеева Е.Ю. Демографические факторы социально-экономического развития индустриального города // Социология города. 2009. №1 (2). С. 21-30.

64. Гимпельсон В. Е. Экономическая активность населения России в 1990-е годы. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2002. – 47 с.

65. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. «Поляризация» или «улучшение»? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 87-119.

66. Гимпельсон, В. Е., Жихарева, О. Б., Капелюшников, Р. И. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика [Электронный ресурс]: препринт WP3/2014/02 – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 46 с. URL: https://www.hse.ru/data/2014/04/14/1320874545/WP3_2014_02_fff.pdf

67. Глезер О.Б. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России. География населения и социальная география // География населения и социальная география / Вопросы географии. Сб. 135. М.: Изд. дом «Кодекс». 2013. С. 224–244.

68. Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 51–64.

69. Глотов Г. Л., Перцик Е.Н. Будущее городов Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во Кемерово. 1972. – 163 с.

70. Глотов Г.А. Проблемы развития Новокузнецкой городской агломерации // Известия высших учебных заведений. Сер. Строительство и архитектура. 1972. №9. С.65.

71. Глушко А.А. Приморское географическое положение как фактор развития экономики Дальнего Востока: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 1990. – 16 с.

72. Головина С.Г., Пугин С.В. Подходы к исследованию процессов конвергенции в региональном развитии // Аграрный вестник Урала. 2014. № 12 (130). С. 63-68.

73. Голубчик М.М. Экономико-географическое положение г. Саранска: характерные черты и проблемы использования потенциала // Региональные исследования. 2004. № 2. С. 99-102.

74. Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2013. №2. С. 54-60.

75. Гуриева Л. К. Теория диффузии нововведений // Инновации. 2005. №4 (81).

76. Гуськова Т.Н. Статистические ресурсы местного самоуправления // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2010. №1. С. 21-22.

77. Давидович В.Г. О закономерностях и тенденциях городского расселения в СССР // Города мира / Вопросы географии. Сб. 66. – М.: Мысль, 1965. С. 6-33.

78. Давидович В.Г. О развитии сети городов СССР за 40 лет //География городских и сельских поселений / Вопросы географии. Сб. 45. – М.: Географгиз, 1959. С. 37-72

79. Давидович В.Г. О типологии расселения в группах городов и поселков СССР // География городов / Вопросы географии. Сб. 38. – М: Географгиз, 1956. С. 27-77.

80. Дашинамжилов О.Б. Демографическое развитие малых городов Западной Сибири за 50 лет (1959–2010 гг.) // ЭКО. 2013. № 8 (470). С. 97-113.

81. Дворядкина Е.Б. Экономическое развитие городов традиционно-промышленного региона: теория, методология, практика: дисс. … доктора экон. наук / Уральский гос. экон. ун-тет. – Екатеринбург, 2005. – 373 с.

82. Дворядкина Е.Б., Голошейкин Е.В., Арагилян И.В. Инерционность как свойство экономического развития городов традиционно-промышленного региона // Управленец. 2014. № 5 (51). С. 72-78.

83. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А., Украинский В.Н. Российская пространственная экономика: библиометрический анализ // Пространственная экономика. 2012. №3. С. 111-134

84. Диденко Д.В. Конвергенция и дивергенция основных показателей человеческого капитала и уровня развития в странах бывшего Советского Союза (1920-2000 годы) // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 2. С. 36-57.

85. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. – М.: "Весь мир", 2009. С. 146-169.

86. Дронов В.П. Экономико-географическое положение как система рентных отношений // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. №2. С. 109-113.

87. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Нефедова Т.Г., Пилясов А.Н., Поросенков Ю.В., Трейвиш А.И., Чистобаев А.И. Шарыгин М.Д., Шупер В.А. Особенности процессов урбанизации и рурализации в российском пространстве. Изменения потенциала и влияния крупнейших городов в постсоветской России, их "плюсы" и "минусы" // Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. – М.: Вузовская книга, 2012. С. 154-167.

88. Емельянов С.С. Макроэкономические факторы динамики покупательной способности российского рубля // Проблемы прогнозирования. 2001. №3. С. 88-102.

89. Емельянова Н.В. Географическая оценка взаимодействия городов в рамках Иркутской агломерации: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – Иркутск, 2013. – 24 с.

90. Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследования // Региональные исследования. 2015. №3. С. 86-98.

91. Жихаревич Б.С., Русецкая О.В. Колебания в социально-экономическом развитии крупных городов России: методика и результаты расчета «вектора динамики» // Изв. Русского геогр. общ-ва. 2014. Т. 146. № 4. С. 1-12.

92. Заболотская К.А. Изменение численности населения в угледобывающих районах Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Тез. докл. всесоюз. науч. конф. Вып.2. – Новосибирск, 1989. – С.64-66.

93. Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б., Иванова Т.Д. Миграция и демографический кризис в России. / Под редакцией Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. М.: Макс Пресс. 2010. – 94 с.

94. Зайцева Ю.С. Какую погоду показывает «городской барометр» / Городской альманах. Вып. 2 – М. Фонд «институт экономики города», 2006. С. 227-239.

95. Зорин А.В. Тенденции и перспективы развития городов на нисходящей стадии жизненного цикла функциональной специализации: автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2007. –27 с.

96. Зотова М.В. Трансформация крупных городов России в центры макрорегионального влияния: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2007. – 20 с.

97. Зубаревич Н.В. Поляризация городов России как следствие кризиса 90-х годов // Вестник Евразии. 2001. №1. С. 5-29.

98. Зубаревич Н.В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса // Региональные исследования. 2010б. №1 (27). С. 45-54.

99. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010в. №2(28). С. 3-14.

100. Зубаревич Н.В. Регионы и города России: сценарии-2020 // Pro et Contra, январь—апрель 2011. С.57-71. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_51_57-71_all.pdf

101. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – Независимый ин-т социальной политики. – М., 2010а. – С. 160.

102. Зубаревич Н.В. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). С. 55-64.

103. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 261.

104. Зубаревич Н.В. Эволюция приоритетов региональной политики России // Проблемы регионального развития России // Проблемы регионального развития России / Вопросы географии. Сб. 141. отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С.151-165.

105. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. №6. С. 15-26.

106. Зурабова И.З. Трансформация функциональной специализации городов в условиях российского Севера (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа): автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2005. – 28 с.

107. Иванова В.И. Региональная конвергенция доходов населения: пространственный анализ // Пространственная экономика. 2014. №4. С. 100-119.

108. Игловская Н.С. Проблемы выделения границ и оценки экономико-географического положения Архангельской агломерации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки. 2014. № 1. С. 5-12.

109. Измайлов М., Подсчет закончен. Росстат подводит предварительные итоги переписи населения-2010 (интервью директора Росстата Александра Суринова) // Российская газета, 28.03.2011. URL: http://www.rg.ru/2011/03/28/surinov-site.html

110. Икингрин Е.Н. Особенности социальной защиты населения северных городов в условиях трансформации общества: автореф. дисс. … канд. социол. наук. – Уфа, 2000. – 24 с.

111. Илюшкина Л.М. Социально-экологические особенности развития Петропавловско-Елизовской агломерации: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – СПб., 2013. – 20 с.

112. Иофа Л. Е. Города Урала. М.: Географгиз, 1951. – 455 с.

113. Итоги переписи населения 2010 года. Пресс центр «Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады», 2010. URL: http://www.levada.ru/press/2010110101.html

114. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII—первая половина XIX вв.). – М.: Географгиз, 1949. – 220 с.

115. Каймашникова Е.Б. История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е – середине 80-х гг. XX в.: автореф. дисс. … канд. истор. наук. – Кемерово, 2004. – 28 с.

116. Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. 2014. №3. С. 36-61.

117. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.

118. Кармышев Ю.А., Доминирующие тенденции и факторы в социально-экономическом развитии монофункционального крупного города // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №11 (33). С. 99-110.

119. Кауфманн А., Лимонов Л.Э. К новой типологии крупных российских городов: результаты кластерного анализа / Городской альманах. Вып. 6 / Науч. ред. А.С. Пузанов. – М.: Институт экономики города, 2014. С. 7-26.

120. Коваль Л.В. Стратегия адаптации экономики закрытого административно-территориального образования к условиям рынка. На примере ЗАТО город Трехгорный Челябинской области: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2002. – 19 с.

121. Козлов В.А. Влияние экономико-географического положения территорий на их развитие // Вест. Самарского гос. эконом. ун-та. 2007. № 5. С. 93-96.

122. Козлов В.Н. Качество жизни населения закрытого административно-территориального образования // Вест. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 33. С. 155-162.

123. Колбина Е.О., Найден С.Н. Эволюция процессов урбанизации на дальнем востоке России // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 44-69.

124. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Региональная экономика. 2010. №1. С. 26-35.

125. Коломак Е.А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. 2014. №10. С.82-96.

126. Коломак Е.А. Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. 2015. №4. С. 59-74.

127. Коломак Е.А. Эволюция пространственного распределения экономической активности в Сибири и на Дальнем Востоке // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. Т. 3. № 1. С. 3-10.

128. Коновалова И.А., Ловянникова В.В. «Ловушка бедности» как фактор дестабилизации экономики и роль государства в регулировании доходов населения // Вест. Ростов. гос. экон. ун-та. 2008. №26. С. 30-35.

129. Константинов О.А. Динамика и размещение малых городов СССР // Ученые записки Ленинградск. гос. пед. ин-та. 1966. Т.279. С. 238-245.

130. Константинов О.А. Географическое изучение городских поселений в СССР // География населения в СССР. Основные проблемы. – М.-Л., 1964. С. 23-32.

131. Константинов О.А. Изучение сети городских поселений в советской экономико-географической науке / Мат-лы I Междуведомственного совещания по географии населения. Вып. 7. – Л., 1965.

132. Константинов О.А. О классификации городов в экономической географии // Экономическая география / Вопросы географии. Сб. 41. – М.: Географгиз, 1957. С. 65-92.

133. Константинов О.А. Типология и классификация городских поселений в советской экономико-географической науке / Мат-лы по геогр. населения. Вып. 2. – М.-Л.,1963.

134. Константинова А.Г. Закрытые города Урала в период социально-экономических трансформаций российского общества в 1990-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (48). С. 109-113.

135. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда в РФ в перспективе до 2030 года // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4. С. 79-96.

136. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 320 с.

137. Космачёв К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск: Наука, 1974. – 144 с.

138. Косоуров В.С., Бесхмельницын М.И. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проведение проверки эффективности и целесообразности использования займа МБРР за 2001-2006 годы на реализацию пилотного проекта социального реструктурирования районов Крайнего Севера» [Электронный ресурс] // Бюллетень Счётной палаты. 2008. №6 (126). С. 14-29.
URL: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/584/16004/

139. Костина О.Ю. Регулирование рынка труда малых городов России: автореф. дисс. … канд. экон. наук. – М., 2006. – 26 с.

140. Кротов А.В., Лавренюк М.В. Анализ экономико-географического положения Алтайской края с учетом современного влияния на его хозяйства постиндустриализации и глобализации // География и природоп-ние Сибири. 2014. № 17. С. 63-71.

141. Кузнецова Г.Ю. Географическое исследование монопрофильных поселений России: дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2003. – 285 с.

142. Кузнецова Г.Ю. Социально-экономические трансформации монопрофильных поселений в переходной экономике // Региональные исследования. 2004. № 1. С. 33-44.

143. Кузнецов С.В., Лачинский С.С. Современная трактовка категории «геоэкономическое положение» и её верификация на примере Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. 2014. №1 (19). С. 103-121.

144. Кузнецова О.В. Основы региональной политики: Учебное пособие. - М.: Географический факультет МГУ, 2012. –144 с.

145. Кузнецова О.В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 121-131.

146. Кузнецова О.В. Современный этап региональной политики в России в контексте зарубежного опыта // Проблемы регионального развития России / Вопросы географии. Сб. 141 / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 134-159.

147. Кузнецова О.В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География 2014. №2. С. 3-8.

148. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов. Теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 309 с.

149. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов/ под ред. О.В. Кузнецовой. изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 440 с.

150. Кузьмин А.И., Носов А.А., Давиденко А.Н., Илинбаева Е.А. Опыт теоретического и эмпирического исследования маятниковой трудовой миграции в регионах России // Журн. экон. теории. 2013. № 3. С. 259-264.

151. Куликов Г.К. Факторы финансового положения поселений российской федерации в период реформы местного самоуправления // Вест. Моск. ун-та. Серия 5: География. 2010. № 4. С. 55-60.

152. Куричев Н.К. Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. 2011. №4 (34). С. 3-16.

153. Кустова Н.Ф. Формирование и развитие малых и средних городов Кузбасса в условиях тоталитарной системы (конец 20-х - начало 50-х гг. XX века): автореф. дисс. … канд. истор. наук. – Кемерово, 2000. – 26 с.

154. Лаппо Г.М. География городов: Учебное пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 480 с.

155. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1983. №5. С.16-28

156. Лаппо Г.М., Листенгурт Ф.Н. О путях развития в СССР городов различного типа // Научные проблемы географии населения. –М.: Наука, 1967. С. 113-124.

157. Лейзерович Е.Е. Понятие об экономико-географическом положении в российской экономической и социальной географии XX века / Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии/Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 2001. С. 28-34.

158. Лейзерович Е.Е. Экономико-географическое положение как понятие // Основные понятия экономической географии. – М., 1975. С. 26-31.

159. Лейзерович Е.Е., Базовые составляющие экономико-географического положения стран и районов // Изв. РАН. сер. геогр. 2006. №1. С. 9-14

160. Лейзерович Е.Е., Тархов С.А. Второе рождение понятия экономико-географическое положение // Изв. РАН. сер. геогр. 2011. №4. С. 124-125.

161. Летаева Т.В., Федорова О.А. Оценка состояния внелегальной экономики закрытого административно-территориального образования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2012. Т. 4. № 56. С. 128-135.

162. Летаева, Т.А. Регулирование территориального инновационного развития (на примере закрытых административно-территориальных образований): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.

163. Листенгурт Ф.М., Смоляр И М. О разграничении понятий "малые" и "средние" города (по материалам изучения городов Центрального экономического района) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1965. №5. С. 74-76.

164. Любовный В.Я., Пчелинцев О.С. Макроэкономические факторы развития российских городов и задачи градостроительной политики // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 10-32.

165. Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю., Лычева Т.М. и др. Методические рекомендации по формированию территориальных специальных программ содействия развитию занятости в монопрофильных городах // Библиотека местного самоуправления. Вып. 41. – М.: МНФ, 2001. – 128 с.

166. Маергойз И.М. Географическое учение о городах. – М.: Наука, 1987. – 118 с.

167. Маергойз И.М. К экономико-географическому изучению городов // География городов / Вопросы географии. Сб. 38. – М.: Географгиз, 1956. С. 5-26.

168. Малкина М.Ю. Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения РФ // Пространственная экономика. 2014. №3. С. 44-66.

169. Мальцева Е.С. Региональный рынок труда и проблема маятниковой трудовой миграции // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2012. Т. 1. № 40-3. С. 41-44.

170. Мануйлова М.С. Методология статистического анализа экономического развития городов: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 1992. – 23 с.

171. Марков Е.М. Развитие малых и средних городов / Сер. Новое в жизни, науке, технике. Строительство и архитектура. – М.: Знание, 1983. – 63 с.

172. Мартьянов В.С. Стратегия городского развития в арктическом регионе России // ЭКО. 2013. № 5 (467). С. 124-137.

173. Матовых Е.А. Развитие городов-спутников как элементов региональных социально-экономических систем (на материалах регионов Сибирского федерального округа): автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Барнаул, 2012. – 27 с.

174. Матовых Е.А. Современные тенденции в развитии городов и городских систем // ЭКО. 2012. № 2. С. 135-150.

175. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная миграция расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.

176. Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Урбанистическая революция // География, общество, окружающая среда. Т. V. География социально-экономического развития. – М., 2004. С. 570—579.

177. Медведева И.А. Тенденции и стратегия социально-экономического развития малых и средних городов региона (на примере Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.

178. Мельникова Д.М. Крупные города как основа центро-периферийного развития регионов Приволжского федерального округа: автореф. дисс. … канд. экон. наук. – М., 2015. – 24 с.

179. Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города // Очерки истории Урала. Вып. 42. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 176 с.

180. Микрюков Н.Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2016. – 26 с.

181. Мильчаков М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов и городов России: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2012. – 25 с.

182. Минц А.А., Хорев Б.С. Некоторые вопросы экономико-географической типологии городов // Вопросы географии населения СССР. – М., 1961. С. 44-70.

183. Минц А.А., Хорев Б.С. Опыт экономико-географической типологии советских городов (по материалам центрально-промышленного района) //География городских и сельских поселений / Вопросы географии. Сб. 45. – М.: Географгиз, 1959. С. 72-87.

184. Мкртчян Н. В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центро-периферийных отношений // Научные труды: Институт народнохоз. прогноз. РАН. 2011. № 1. С. 416-430.

185. Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149–164.
URL: http://spero.socpol.ru/docs/N11_2009_08.pdf (дата обращения: 10.06.2015)

186. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центро-периферийной концепции пространственного развития (1989-2002 гг.) // ДемоскопWeekly. 2010. № 437-438. URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit04.php

187. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990-2010 гг.: ключевые факторы различий// Научные труды: Институт народнохоз. прогноз. РАН. 2013. С. 95-114.

188. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 103-123.

189. Моляренко О.А. Муниципальная статистика и проблемы сбора информации местной властью // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 125–140.

190. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47-67.

191. Некрасов В. Г. Тенденции и основные направления социально-экономического развития горнозаводских городов региона (на примере Челябинской области): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.

192. Некрасова Е.В. Оптимизация внутренней миграции как механизм решения проблем моногородов Свердловской области // Экономика региона. 2012. № 2. С. 315–320.

193. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / Отв. ред. А. Г. Махрова. — Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–86.

194. Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 93–100.

195. Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Изв. РАН. сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.

196. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Динамика и состояние городов в конце XX века / В кн. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. С. 196–225.

197. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Сильные и слабые города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. – М.: ИГ РАН, 1999. С. 136-142.

198. Новиков А.Н., Новикова М.С., Булаев В.М. Теоретико-методологические противоречия развития учения об экономико-географическом положении территорий // География в школе. 2010. №3. С. 30-33.

199. Носонов А.М. Теории пространственного развития в социально-экономической географии // Псковский регионологический журнал. 2011. №11. С. 3-16.

200. Нуйкина Е.В. Переселение на Российском севере: трудности реализации // Ф. Штаммлер, Г. Эйльмштейнер-Саксингер (ред.). Крайний Север: особенности труда и социализации человека. Биография, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе: Мат-лы научно-практ. конф. – Рованиеми: Арктический центр Университета Лапландии, 2009. С. 49–52.

201. Оглы Б.И. Перспективное расселение в зоне крупных городов Западной Сибири // Расселение и планировка населенных мест Сибири. – Новосибирск, 1975.

202. Ощепков А. Ю., Капелюшников Р. И. Региональные рынки труда: 15 лет различий. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – 73 с.
URL: https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/177933018

203. Паттури Я.В. Модель Ципфа и её роль при оценке степени развития системы городов Новгородской области // Вест. Института экономики и управления Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2011. № 2. С. 54-59.

204. Пашинцева Н.И. Муниципальная статистика. Интервью с заместителем начальника Управления сводных статистических работ, общественных и международных связей Федеральной службы государственной статистики Натальей Ивановной Пашинцевой // Бюджет. 2010, апрель URL: http://bujet.ru/article/75173.php

205. Пашинцева Н.И. Формирование системы муниципальной статистики // Вопросы статистики. 2005. №12. С. 32-37.

206. Перцик Е. Н. Город в Сибири. Проблемы, опыт, поиск решений. – М.: Мысль, 1980. –286 с.

207. Перцик Е.Н. Геоурбанистика (география городов). – М.: Высшая школа, 1991. – 319 с.

208. Перцик Е.Н., Питерский Д.С. Оценка потенциала развития городов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2000. №1. С. 12-17.

209. Петров Н., Титков А. Власть, бизнес и общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Н.Петрова и А.Титкова; Моск. Центр Карнеги. –М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 439 с.

210. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.

211. Пилясов А.Н. Новая экономическая география и её потенциал для изучения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. №1 (31). С. 3-32.

212. Пилясов А.Н. Ответ на заметку П.Я. Бакланова по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения производительных сил России» // Региональные исследования. 2012. №3 (37). С. 146-150.

213. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. –М.: Новый хронограф, 2013. – 373 с.

214. Покшишевский В.В. Населенные пункты местные центры и проблемы их соподчинения // География населения СССР / Вопросы географии. Сб. 56. – М.: Географгиз, 1962. С. 30-53.

215. Покшишевский В.В. Некоторые вопросы экономико-географического положения Ленинграда // География городов / Вопросы географии. Сб. 38. – М.: Географгиз, 1956. С. 105-130.

216. Полян П.М., Лаппо Г.М. Закрытые города в приоткрытой России // Проблемы расселения: история и современность. – М.: Ваш Выбор, 1997. С. 20-29

217. Пономарева А.И. Влияние миграций на региональный рынок труда (на примере Краснодарского края) // Труд и социальные отношения. 2013. №9. С. 60-71.

218. Пономарева Г.А., Куприянова Н.И. Факторы дифференциации муниципальной экономики в условиях севера // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №13. С. 28-32.

219. Принь О.Н. Исследование природно-ресурсного потенциала городского округа города Бор нижегородской области: проблемы и перспективы развития // Научное мнение. 2013. №11. С. 357-362.

220. Присяжный М.Ю. Экономико-географическое положение как ресурс особого рода при развитии хозяйства слабоосвоенных территорий (на примере Якутии) // Вестник СВГУ. 2011. Вып. 16. С. 129–136.

221. Пузанов А.С., Попов Р.А. Проблемы управления городскими агломерациями / Городской альманах. Вып. 4 / науч. ред. Г.Ю. Ветров. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2009. С. 147-164.

222. Радыгин А.Д. Приватизация как элемент системных преобразований в экономике: автореф. дисс. … докт. экон. наук. – М., 1995. – 50 с.

223. Раевская А. С. Факторы и динамика социально-экономического развития полупериферийных территорий России: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2009. – 25 с.

224. Региональная экономика. Теория, модели и методы. Учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. Л. Э. Лимонова. – М.: Юрайт, 2014. – 397 с.

225. Редюшев А.А. Проблемы социально-экономического развития закрытых административно-территориальных образований // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2008. № 3. С. 31-51.

226. Редюшев А.А. Управление социально-экономическим развитием закрытых административно-территориальных образований в рыночных условиях: автореф. дисс. канд. экон. наук. – Чебоксары, 2006. – 21 с.

227. Рисков С. А. Социокультурное развитие закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х – середина 1980-х годов): автореф. дисс. … канд. истор. наук. –Екатеринбург, 2004. – 26 с.

228. Романов М.А., Морева Л.А. Сравнительный анализ экономико-географического положения городов предгорно-горной полосы расселения Краснодарского Края // Географические исследования Краснодарского Края. Отв. ред. А.В. Погорелов. – Краснодар, 2008. С. 198-204.

229. Романов М.Т., Чурзина А.А. Развитие сети городов в приграничных регионах России в новых условиях // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (58). С. 40-45.

230. Рощина Т.Г. Работа на выезде как фактор повышения уровня жизни населения (на примере малых городов России): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2008. – 24 с.

231. Рыков П.В. Оценка социально-демографического развития городов в условиях переходного периода (на примере Иркутской области): автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – Иркутск, 2007. –21 с.

232. Рясков С.А. Социокультурное развитие закрытых городов Урала: Вторая половина 1940-х-середина 1980-х годов: автореф. дисс. ... канд. истор. наук.– Екатеринбург, 2004. – 24 с.

233. Сабанин С.С. Социально-географические условия развития городов Тюменской области: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – СПб., 1992. – 16 с.

234. Савельева И.Л. Минерально-сырьевые циклы производств Азиатской России. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 274 с.

235. Себенцов А.Б., Зотова М.В. Потенциал экономико-географического положения Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 113-131.

236. Седых Н.К. Управление социально-экономическим развитием промышленных городов с моноотраслевой структурой производственной системы: автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Кемерово, 2005. –25 с.

237. Семина И.А. «Транспортно-географическое положение» в региональных исследованиях // Проблемы региональной экологии. 2011. № 4. С. 131-137.

238. Сидоркина З.И., Цициашвили Г.Ш. Определение факторов стабильности в динамике численности населения городов Дальнего Востока // География и природные ресурсы. 2009. №4. С. 129-134.

239. Синявская О.В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. – М.: Поматур, 2005. – 56 с.

240. Славин С.В. К вопросу о методах и формах управления процессом социалистического освоения Севера СССР // Проблемы Севера. Вып. 1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 229-243.

241. Славин С.В. Освоение Севера. – М.: Наука, 1975. – 200 с.

242. Слепухина И.Л., Браде И. Поляризация пространства России: города и регионы // Проблемы регионального развития России / Вопросы географии. Сб. 141 / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 90-109

243. Смейле Ю.В. Новые города СССР и факторы их образования / Мат-лы I Междуведомственного совещания по географии населения. Вып. 3. – М.-Л., 1961.

244. Смирнов И.П., Ткаченко А.А. Опыт оценки экономико-географического положения городов центральной России // Известия Русского географического общества. 2015. Т. 147. № 5. С. 49-57.

245. Смирнов С.Н. Региональные аспекты социальной политики. – М.: Гелиос АРВ, 1999. – 317 с.

246. Социальный атлас российских регионов. Тематические обзоры. Региональные рынки труда. URL: http://atlas.socpol.ru/overviews/labor_market/

247. Спидченко К.И. Города Кузбасса (экономико-географический очерк). – М.: Географгиз, 1947. – 146 с.

248. Стоюшко Н.Ю. Тенденции развития предпринимательства в сфере услуг закрытого административно-территориального образования: на примере ЗАТО Большой Камень: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Владивосток, 2008. – 21 с.

249. Суковатова О.П., Терехин В.И. Демографическая ситуация как фактор развития города // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 2 (58). С. 171-176.

250. Суржиков В.И. Экономико-географическое положение муниципальных образований как фактор развития их внешнеэкономической деятельности (на примере Приморского края) // Региональные исследования. 2014. №1. С. 122-129.

251. Теблоев Р.А. Механизм институциональной ловушки депрессивности промышленного развития регионов федерального округа // Эконом. вест. Рост. гос. ун-та. 2008. Т.6. №4. Ч.3. С. 356-359.

252. Теплова И.Г., Жидких А.А. Алтайский биофармацевтический кластер: Предпосылки создания и задачи становления // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 4. С. 873-887.

253. Ткаченко Г.Г. Географические факторы интеграции российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – Иркутск, 2011. – 24 с.

254. Тольц М. Тайны советской демографии // ДемоскопWeekly. № 581-582. URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0581/analit06.php.

255. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.

256. Трейвиш А.И. Роль экономико-географического положения Дальнего Востока в формировании его территориально-хозяйственной структуры // Территориально-хозяйственные структуры Дальнего Востока. – Владивосток, 1982. С. 104–118.

257. Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция, инновации в развитии российского крупногородского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации / под. ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. – Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 54-71.

258. Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве // Региональные исследования. 2010. №2 (28). С. 42-57.

259. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 765 с.

260. Ушаков В.А. Тенденции и приоритеты развития крупного промышленного города как элемента территориальных социально-экономических систем: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Челябинск, 2010. – 26 с.

261. Флоринская Ю. Ф. Новые формы занятости населения малых российских городов // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». 2001. С. 67-78.

262. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда: Науч. докл. Вып. 8. – М.: РАНХиГС, 2015. – 106 с.

263. Флоринская Ю.Ф., Рощина Т. Г. Трудовая миграция как стратегия выживания населения малых городов России // Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: практика посткоммунистических стран / Отв. ред. Ж. Зайончковская. – Кишинев: Молд. ГУ. 2003. С. 196-201.

264. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии Пер. с англ. / Под ред. В.М. Гохмана и Ю.В. Медведкова. – М.: Прогресс, 1968. – 392 с.

265. Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). – М.: Мысль, 1968. – 256 с.

266. Хорев Б.С. Исследование функциональной структуры городских поселений СССР // Города мира / Вопросы географии. Сб. 66. – М.: Мысль, 1965. С. 34-58.

267. Хорев Б.С. Проблемы городов: Урбанизация и единая система расселения в СССР. –М.: Мысль, 1975. – 428 с.

268. Хорев Б.С. Территориальная организация общества: актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР. – М.: Мысль, 1981. – 320 с.

269. Цветкова О.В. Центр и периферия в региональном развитии. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов.: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 189-192.

270. Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В. Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов. Институты развития демографической системы общества: мат-лы V Уральского демографического форума под ред. А. И. Татаркина, А. И. Кузьмина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 184–187.

271. Чистова М.В. Моделирование и управление региональным рынком труда. – Пятигорск: изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2011. – 176 с.

272. Чурзина А.А. Территориальные особенности и приоритеты в образовании городских поселений на юге Дальнего Востока России // Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2008. С. 298-307.

273. Шавров А.В., Тюрин И.В. Внутренние оффшоры: российский опыт и дальнейшие перспективы внедрения // Право и образование. 2012. № 12. С. 42-48.

274. Шарунина А. В., Гимпельсон В. Е. Потоки на российском рынке труда: 2000-2012 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 19. № 3. С. 313-348.

275. Швецов А.Н. Государственная поддержка российских городов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 160 с.

276. Шевырова Н.И. Институциональный фактор в развитии городов Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2005. – 25 с.

277. Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах: автореф. дисс. … доктора экон. наук. – Дубна, 2010. – 51 с.

278. Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмосковье // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 112–122.

279. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. Консорциум по вопр. приклад. экон. исслед., Канадское агентство по международ. развитию. – М.: ИЭПП, 2007. – 164 с.

280. Ягольницер М.А., Марков Л.С., Теплова И.Г. Кооперационные взаимодействия в кластере и их эффективность (на примере интегрированного научно-производственного комплекса «Алтай») // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. № 4. С. 68-76.

281. Borts G.H., Stein J.L. Economic growth theory. – London: Macmillan, 1973.

282. Brulhart M., Sbergami F. Agglomeration and growth: Cross-country evidence // Journal of Urban Economics. 2009. №65. P. 48-53.

283. Carluer F. Dynamics of Russian Regional Clubs: The Time of Divergence. Regional Studies, 2005, vol. 39, Issue 6, P. 713–726. DOI: 10.1080/00343400500213564

284. Duranton G., Puga D The growth of cities? CEPR Discussion Papers 9590, August 2013. URL: http://econpapers.repec.org/paper/cprceprdp/9590.htm.

285. Friedmann J. Urbanization, Planning, and National Development. – Beverly Hills: Sage Publications, 1972. – 351 p.

286. Giesch H. Aspects of Growth Structural Change and Employment – A. Schumpeterian Perspective // Weltwirtschinafitiches Archiv. – 1979, Band 115. Hen. 4.

287. Glaser E., David C., Mar L. Cities and skills//Journal of labor economics. 2001. Vol. 19, №2 (April). P. 312-342.

288. Hagerstrand T. Diffusion of Innovation as The Arial Process // doct. thesis. – L., 1954.

289. Mikhailova T.¤Gulag, WWII and the long-run patterns of Soviet city growth. MPRA Paper No. 41758, posted 9 october 2012. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/41758/1/MPRA_paper_41758.pdf

290. Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. – London: Duckworth, 1957. – 175 p.

291. Packard T., Koettl J., Montenegro C. E . In From the Shadow: Integrating Europe's Informal Labor. – Washington D. C.: World Bank, 2012. – 176 p.

292. Richardson H.W. Regional Growth Theory. – London: Macmillan, 1973. – 274 p.

293. Seema D. Iyer Increasing Unevenness in the Distribution of City Sizes in Post-Soviet Russia // Eurasian Geography and Economics. 2003. № 44 (5). P. 348-367.

294. Siebert, Horst [Book Review of] Richardson, Harry W.: Regional growth theory, London, 1973, Weltwirtschaftliches Archiv, 1975. Vol. 111, Iss. 1. P. 177-179.

295. Turok I, Mykhnenko V. The trajectories of European cities, 1960–2005 // Cities. 2007. Vol. 24, No. 3. P. 165–182.

Приложение Карты

Карта «Население городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока» в 1989-2014 гг. 168

Карта «Естественное движение населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991-2014 гг.» 169

Карта «Механическое движение населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991-2013 гг.» 170

Карта «Города с особым статусом и моногорода Урала, Сибири и Дальнего Востока в 2015 году» 171

Карта «Муниципальный статус городов Урала, Сибири и Дальнего Востока» .. 172

Карта «Промышленность в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991 году» 173

Карта «Промышленное производство в городах и регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока 1991-2012 гг.» 174

Карта «Занятость в малом бизнесе в городах и регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока» Источник 175

Карта «Трудовая мобильность населения городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока» 176

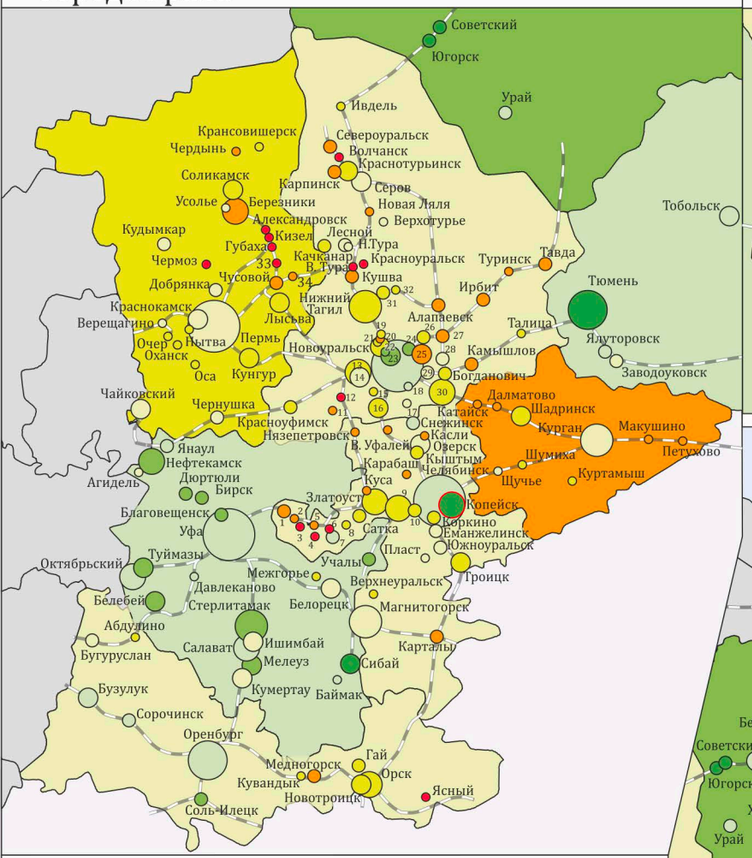
Карта «Личные подсобные хозяйства населения городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока» 177

Карта «Иждивение в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока среди трудоспособного населения» 178

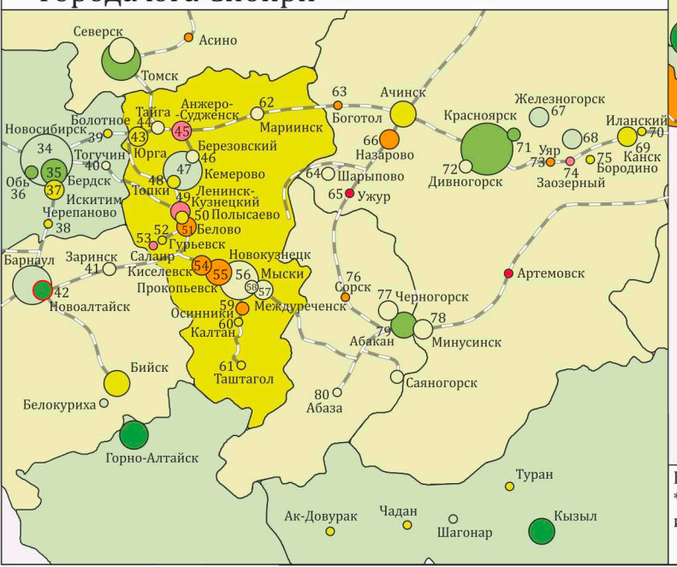
Карта «Индекс урбанности по городам и регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока» 179

Население городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1989-2014 гг.

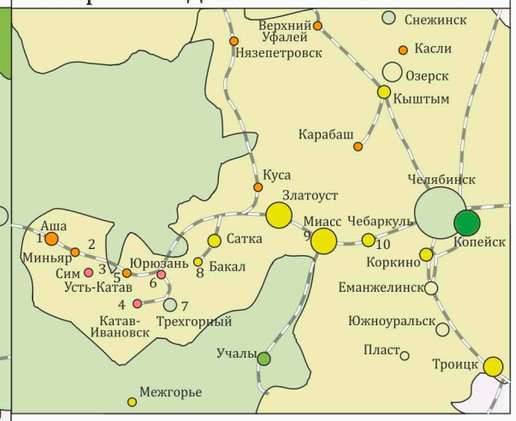
Города Урала



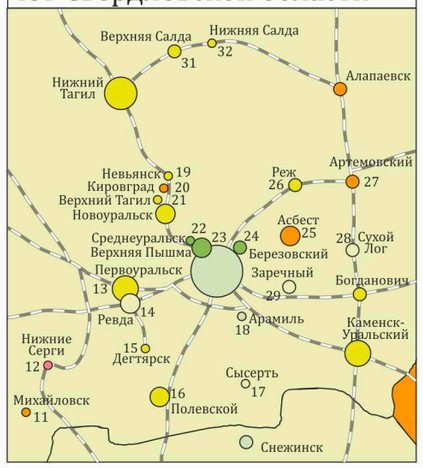
Города юга Сибири



Северо-запад Челябинской области

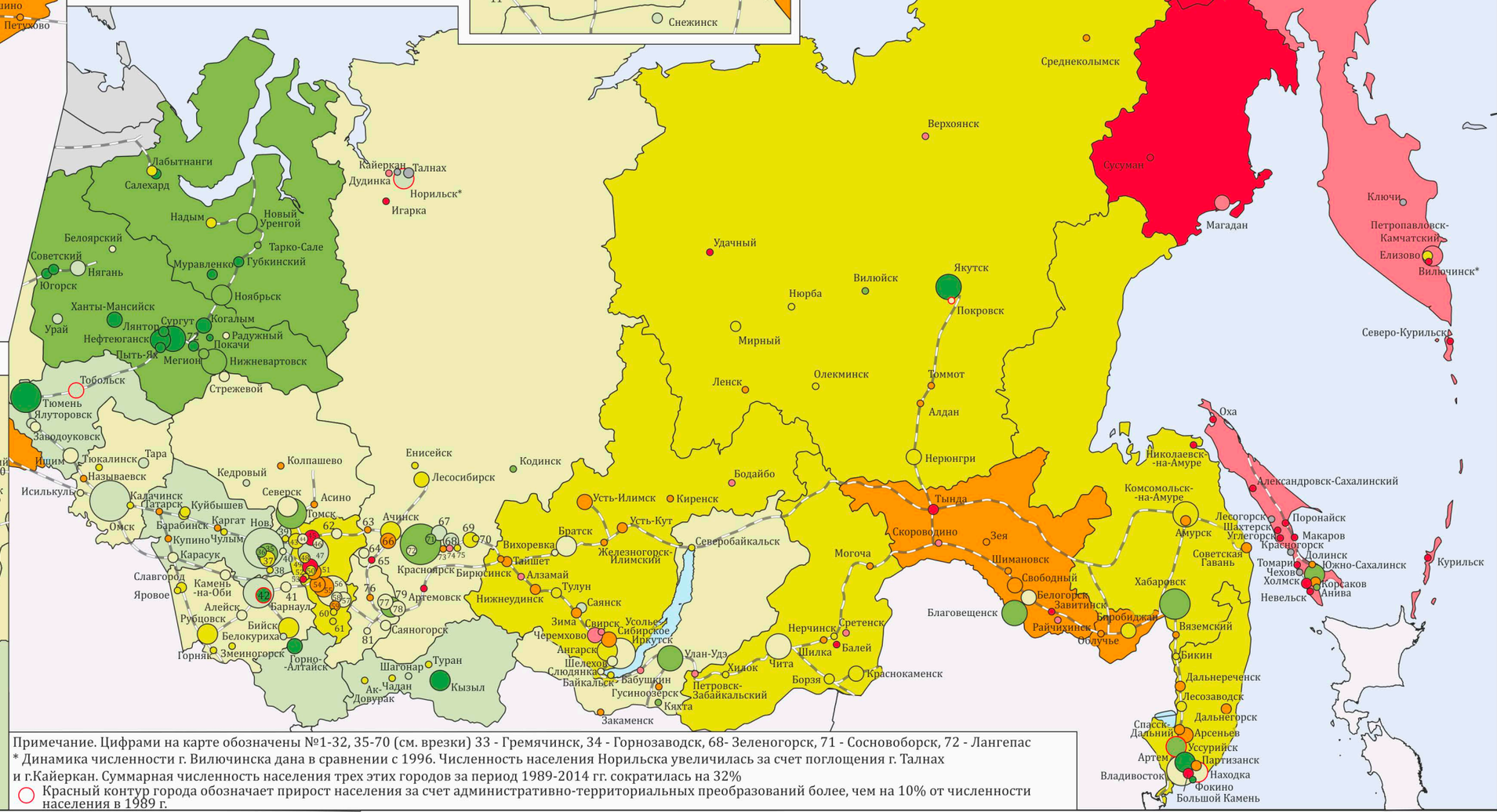


Юг Свердловской области



Условные обозначения

Численность населения городов на 01.01.2014, человек	Динамика численности населения 2014/1989, %
свыше 1 млн	более 130
500-1000 тыс.	110-130
250-500 тыс.	100-110
100-250 тыс.	90-100
50-100 тыс.	80-90
25-50 тыс.	70-80
менее 25 тыс.	60-70
	менее 60



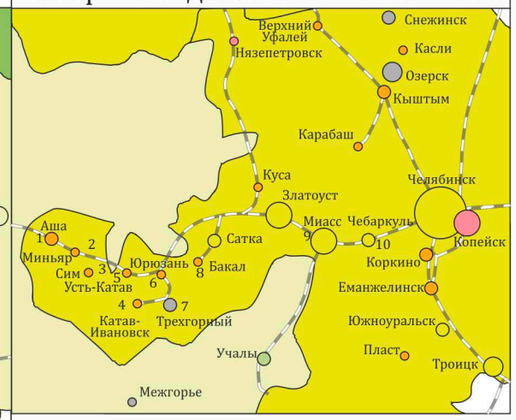
Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас

* Динамика численности г. Вилючинска дана в сравнении с 1996. Численность населения Норильска увеличилась за счет поглощения г. Талнах и г.Кайеркан. Суммарная численность населения трех этих городов за период 1989-2014 гг. сократилась на 32%

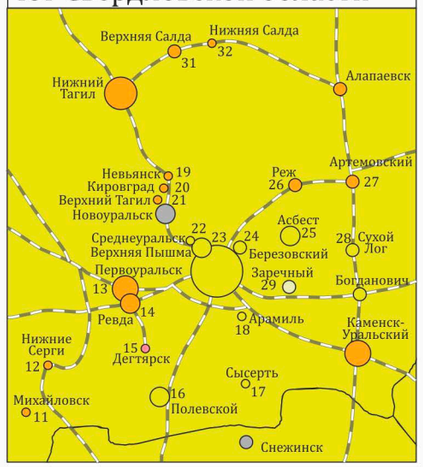
Красный контур города обозначает прирост населения за счет административно-территориальных преобразований более, чем на 10% от численности населения в 1989 г.

Естественное движение населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока 1991-2014 гг.

Северо-запад Челябинской области



Юг Свердловской области



Условные обозначения

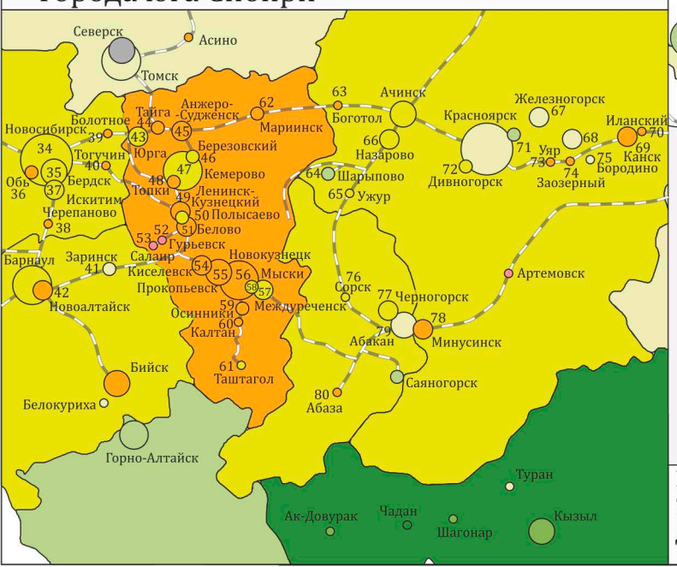
Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

Изменение численности населения за счет естественного прироста, в % от численности в 1991

- более +20
- +10 ... +20
- 0 ... +10
- 0 ... -5
- -5 ... -10
- -10 ...-20
- -20 ...-30
- менее -30
- нет данных

Города юга Сибири



Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас
Для регионов индекс рассчитан на основе данных по естественному движению всего населения

Механическое движение населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока 1991-2013 гг.

Города Урала

Северо-запад Челябинской области

Юг Свердловской области

Условные обозначения

Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.
- нет данных

Изменение численности населения за счет естественного прироста, в % от численности в 1991

- более +20
- +10 ... +20
- +5 ... +10
- 0 ... +5
- 0 ... -5
- -5 ... -10
- -10 ...-20
- -20 ...-30
- -30 ... - 50
- менее -50

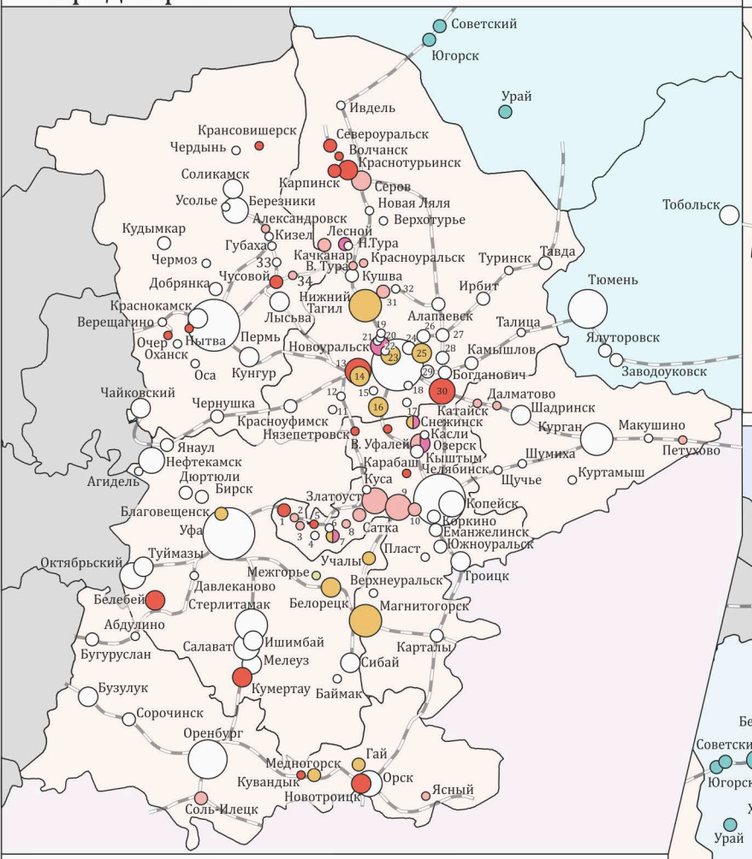
Города юга Сибири

Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас

Для регионов динамика рассчитана на основе данных по механическому движению всего населения

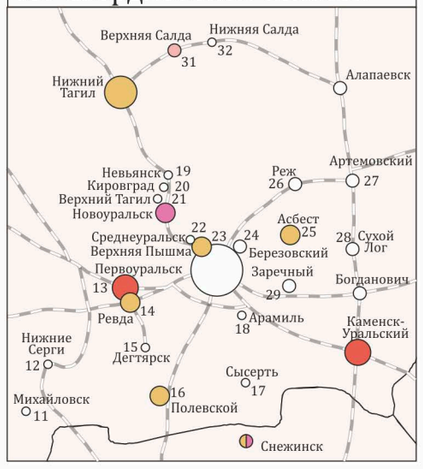
Города с особым статусом и моногорода Урала, Сибири и Дальнего Востока

Города Урала



Северо-запад Челябинской области

Юг Свердловской области



Города имеющие статус ЗАТО

- атомной промышленности
- министерства обороны

Наукограды

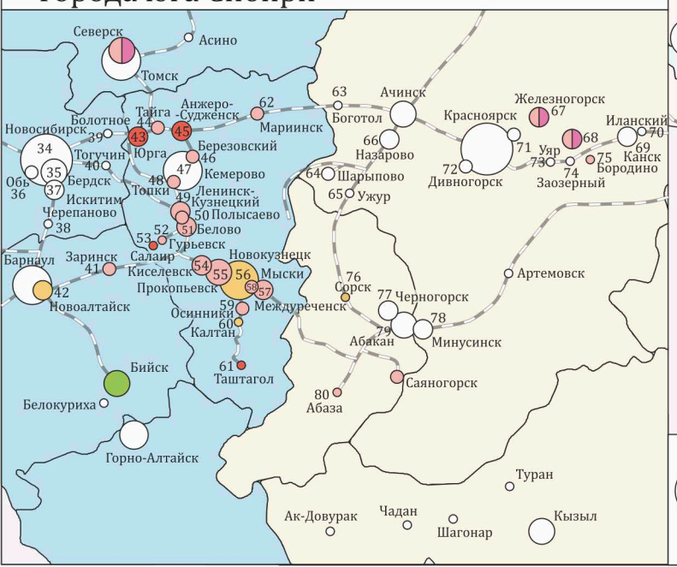
Города, отнесенные к зоне Севера

- в районах Крайнего Севера
- в районах, приравненных к Крайнему Северу

Моногорода

- со стабильной СЭ ситуацией
- с рисками ухудшения СЭ положения
- с наиболее сложным СЭ положением

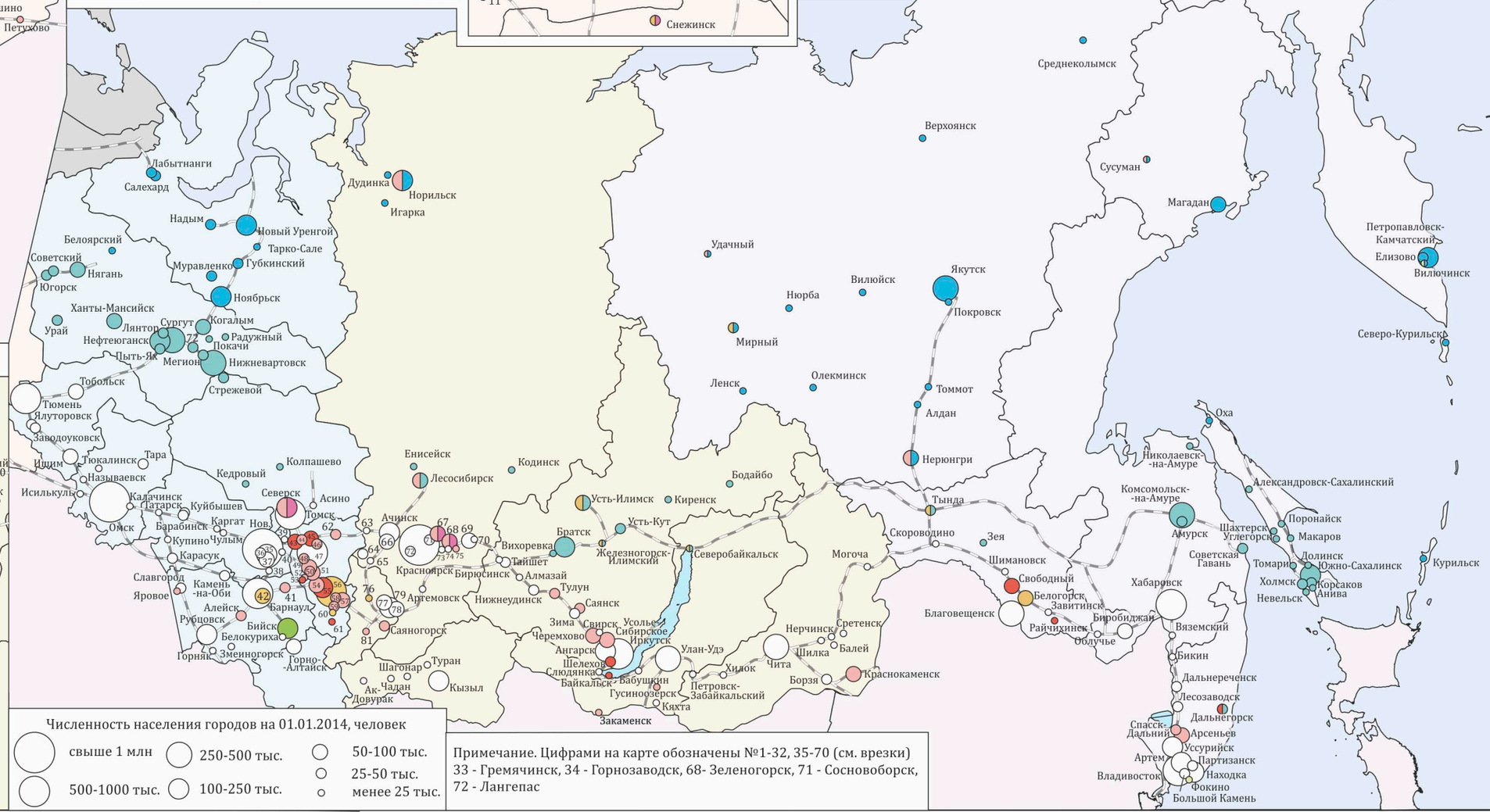
Города юга Сибири



Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки)
33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас



Муниципальный статус городов Урала, Сибири и Дальнего Востока

Города Урала

Северо-запад Челябинской области

Юг Свердловской области

Города юга Сибири

Доля центрального города в ГО по численности рабочих мест, %

- 98-100
- 95-98
- 90-95
- 80-90
- 70-80
- 50-70
- <50

ГО, образованный из одного поселения

городское поселение

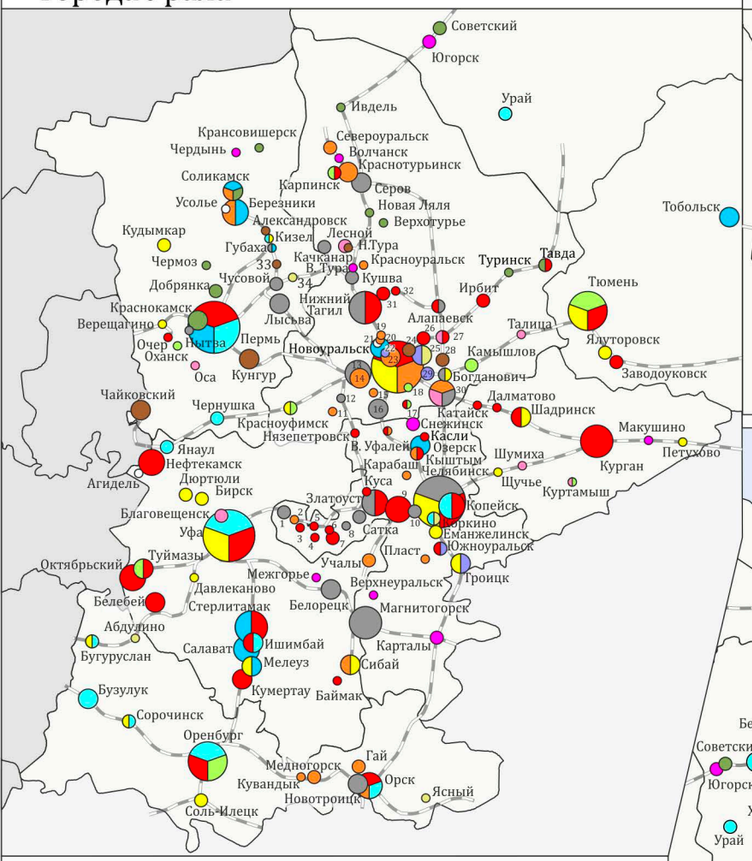
Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

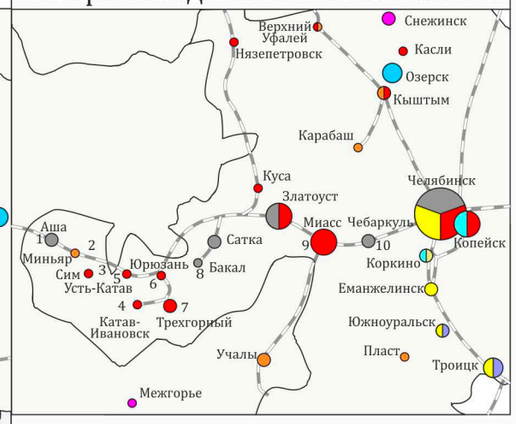
Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки)
33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас

Промышленность в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991 году

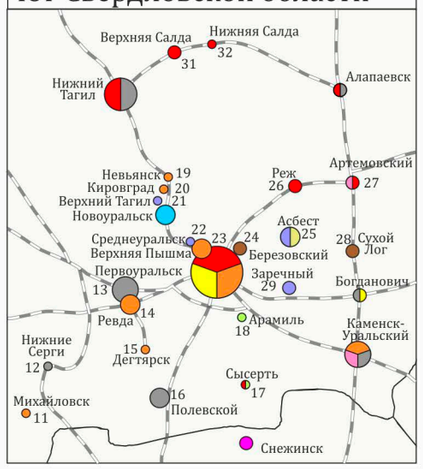
Города Урала



Северо-запад Челябинской области



Юг Свердловской области

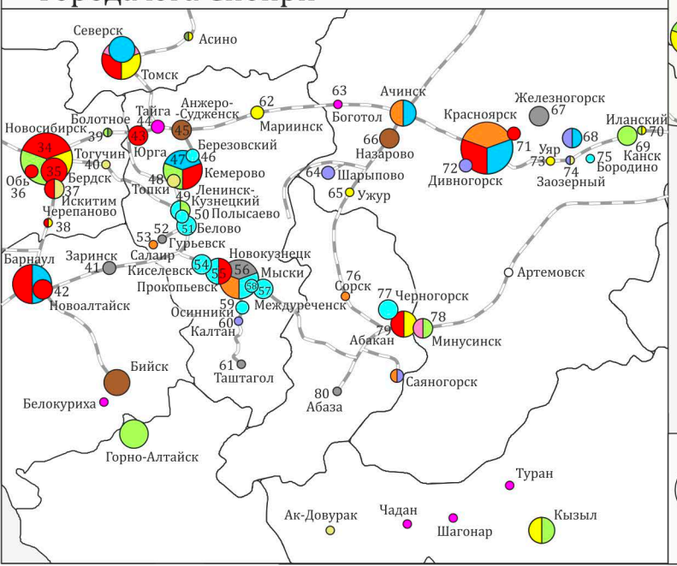


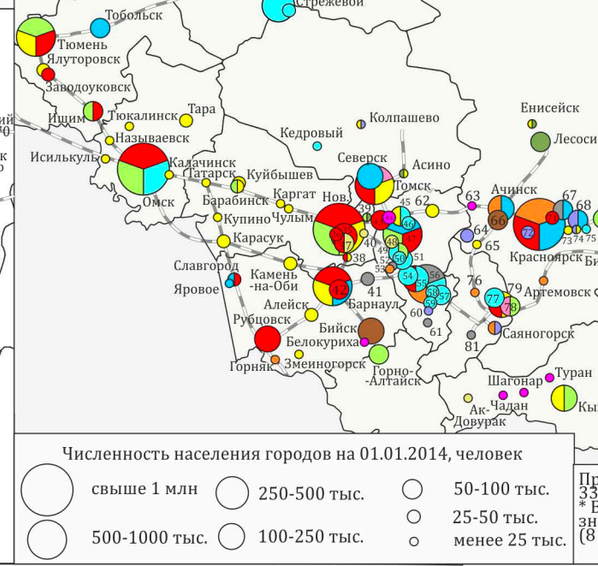
Условные обозначения

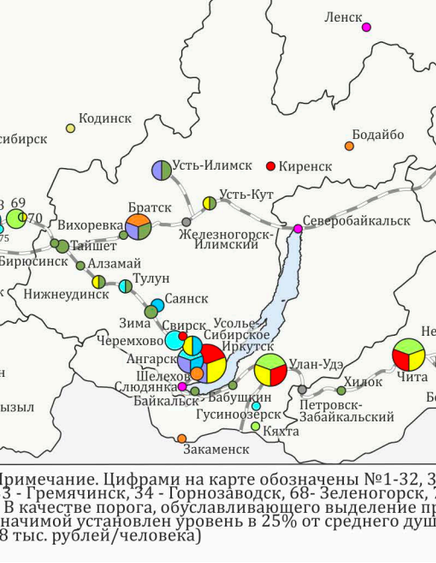
Ведущие отрасли специализиции промышленности к 1991

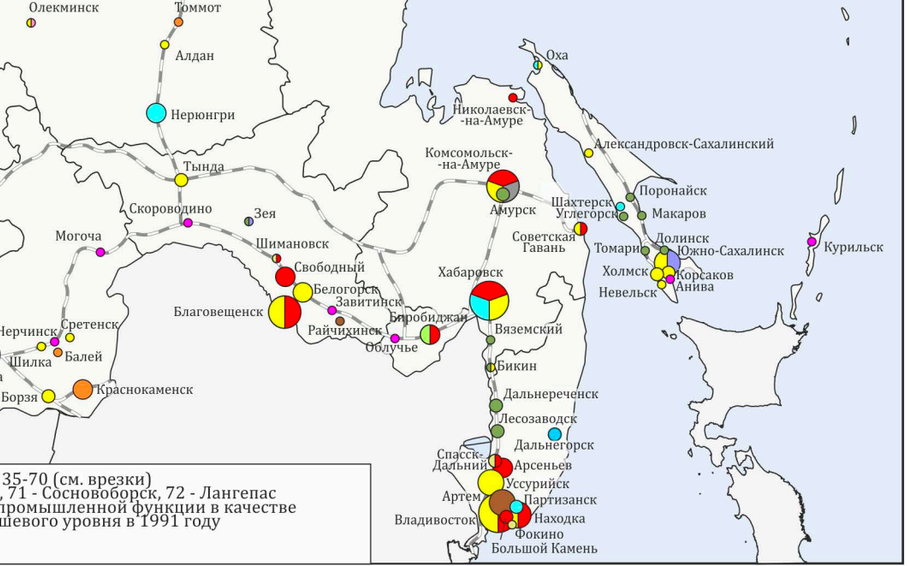
- пищевая
- легкая
- лесная, деревообр.
- промышленность строит. материалов
- машиностроение
- другие отрасли
- нет значимой промышленной функции*
- химия и нефтехимия
- топливная
- черная металлургия
- цветная металлургия
- электроэнергетика
- полиструктурная (доля ведущей <0,3)
- нет данных

Города юга Сибири









Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки)
33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас
* В качестве порога, обуславливающего выделение промышленной функции в качестве значимой установлен уровень в 25% от среднего душевого уровня в 1991 году (8 тыс. рублей/человека)

Промышленное производство в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока 1991-2012 гг.

Города Урала

Северо-запад Челябинской области

Юг Свердловской области

Условные обозначения

Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

красный контур обозначает, что значение пром. произв. дано оценочно

Изменение душевого приведенного промышленного производства в среднем за 2011-2012, в % от значения в 1991

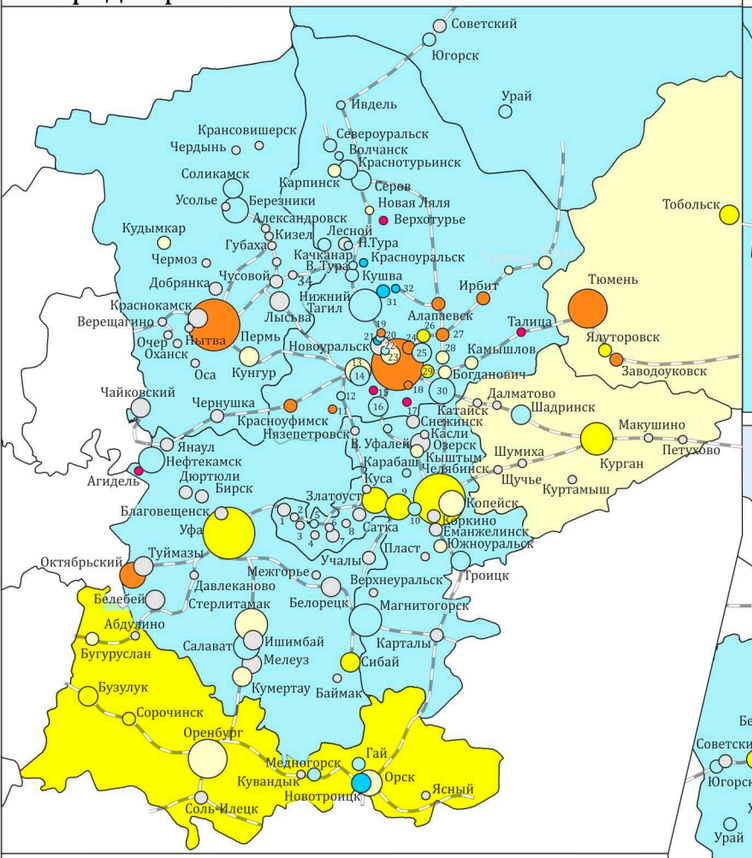
- более 150
- 120-150
- 100-120
- 80-100
- 50-80
- 20-50
- менее 20
- утратили промышл. функцию*
- не имели промышл. функции*
- нет данных

Города юга Сибири

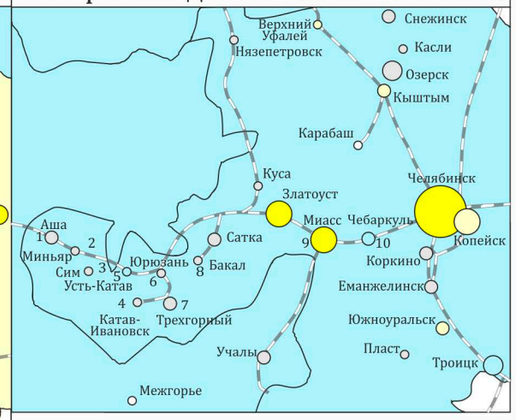
Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас
Для регионов значения рассчитано на основе данных по динамике душевого значения промышленного производства в физическом объёме между средним средним значением за 2011-2012 гг. и значением в 1991 г.
* В качестве порога, обуславливающего выделение промышленной функции в качестве значимой установлен уровень в 25% от среднего душевого уровня в 1991 году (около 8 тыс. рублей/человека)
Приведенный объём промышленного производства представляет собой оценку объёмов промышленного производства в ценах 1991 г. (см. подробнее в тексте)

Занятость в малом бизнесе в городах и регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока

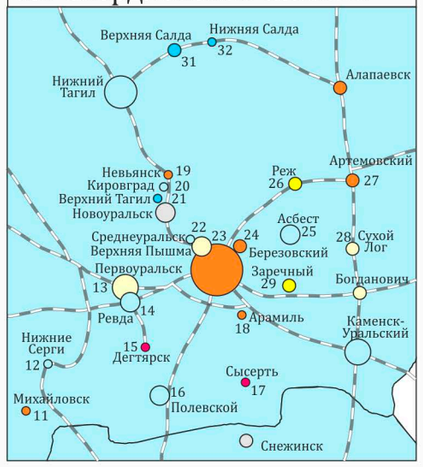
Города Урала



Северо-запад Челябинской области



Юг Свердловской области



Условные обозначения

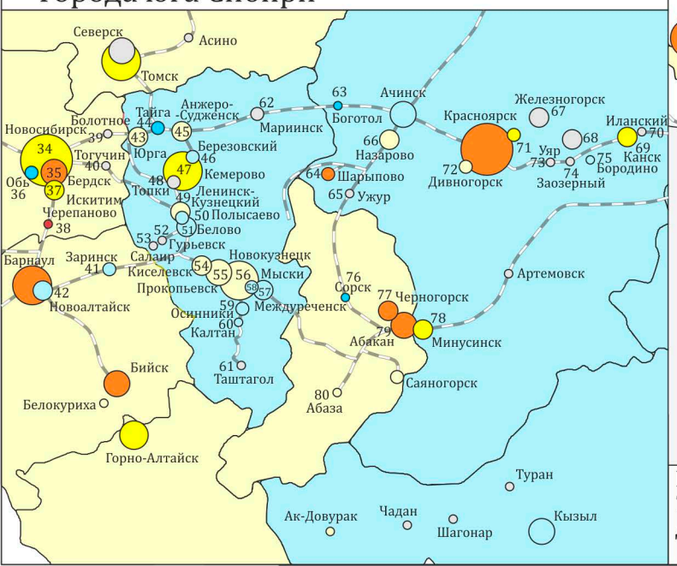
Численность населения городов на 01.01.2014, человек

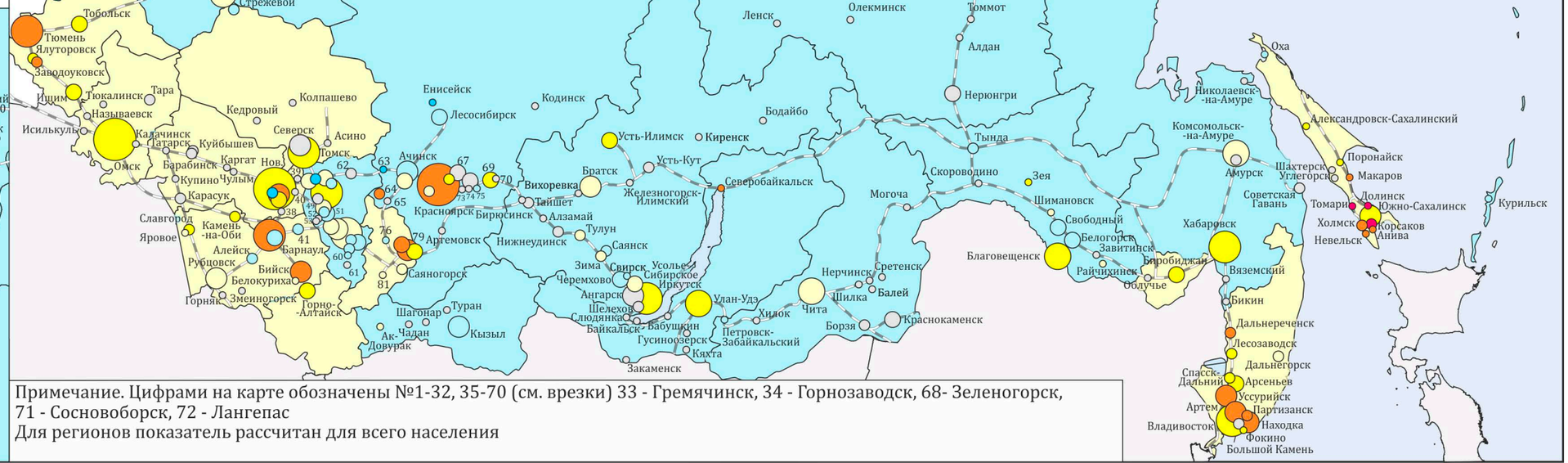
- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

Доля малого бизнеса в численности официальных рабочих мест, %

- более 50
- 40-50
- 35-40
- 30-35
- 20-30
- менее 20
- нет данных

Города юга Сибири





Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас
Для регионов показатель рассчитан для всего населения

Трудовая мобильность населения городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока

Города Урала

Северо-запад Челябинской области

Юг Свердловской области

Города юга Сибири

Условные обозначения

Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

Трудовая мобильность населения, %

- 30 - 60
- 20 - 30
- 10 - 20
- 5 - 10
- 2 - 5
- менее 2

Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас

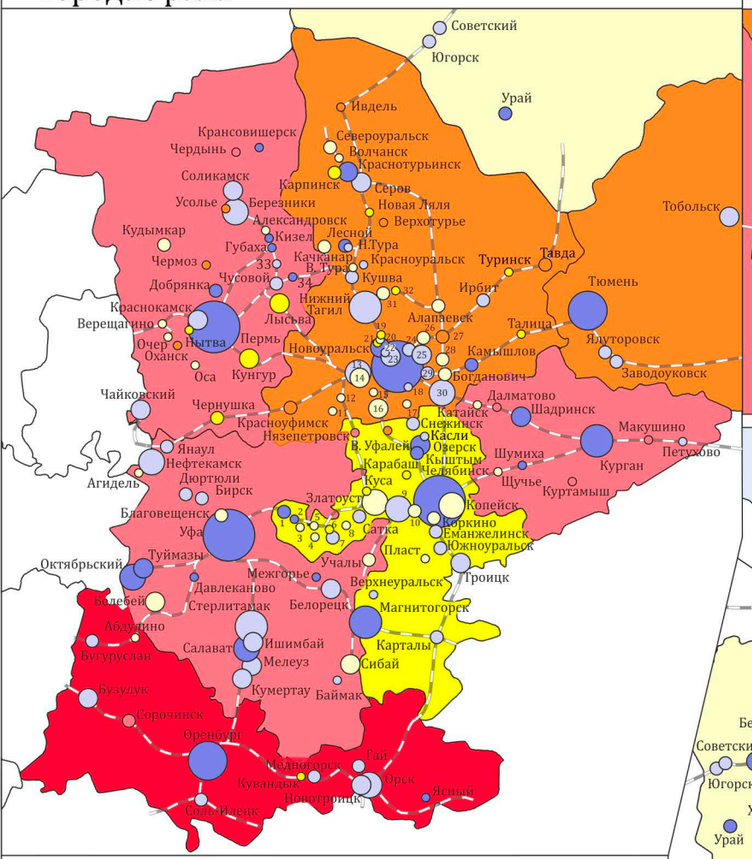
Трудовая мобильность населения оценивается через долю трудящихся, чья работа находится за пределами н.п. проживания

Для регионов индекс трудовой мобильности рассчитан для сельского населения

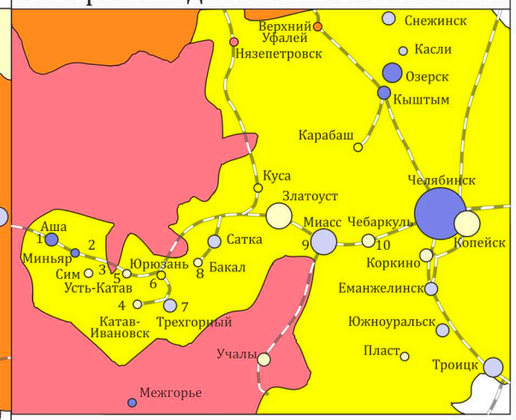
Источник данных: ВПН-2010

Личные подсобные хозяйства населения городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока

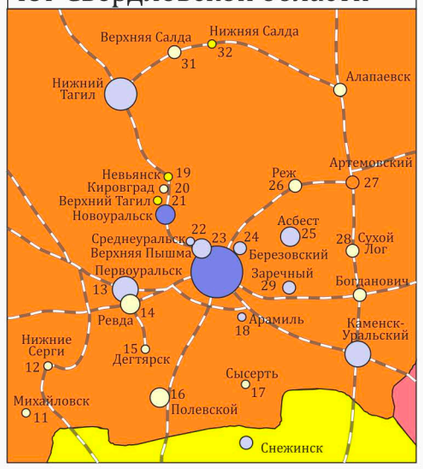
Города Урала



Северо-запад Челябинской области



Юг Свердловской области



Условные обозначения

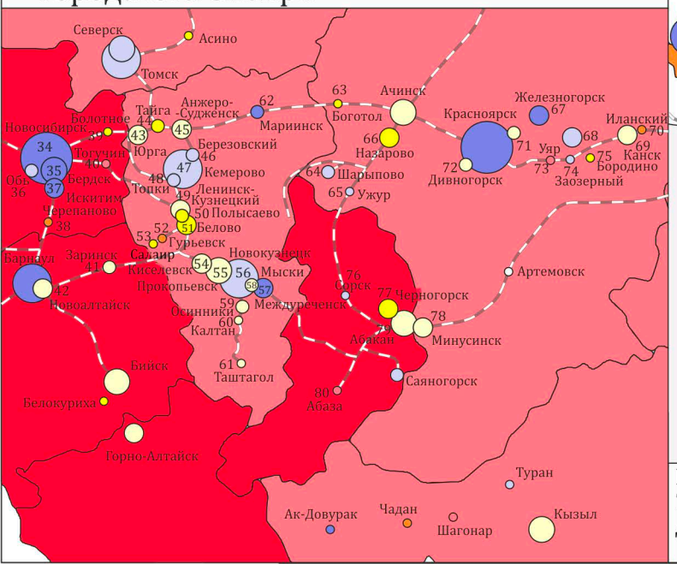
Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

Доля населения в трудоспособном возрасте с ЛПХ, %

- более 50
- 40-50
- 30-40
- 20-30
- 10-20
- 5-10
- менее 5

Города юга Сибири



Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас
Для регионов показатель рассчитан для сельского населения

Источник данных: ВПН-2010

Иждивение в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока среди трудоспособного населения

Города Урала

Северо-запад Челябинской области

Юг Свердловской области

Города юга Сибири

Условные обозначения

Численность населения городов на 01.01.2014, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

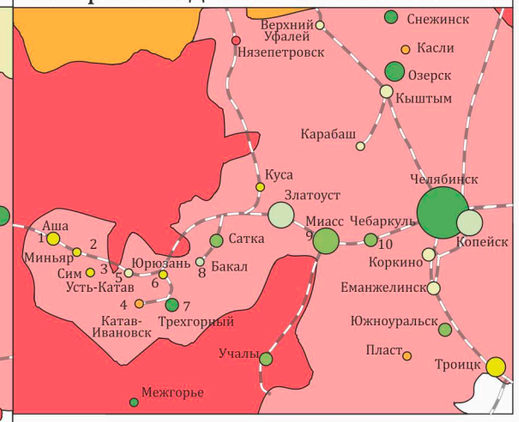
Доля иждивенцев среди населения трудоспособного возраста, %

- более 40
- 35 - 40
- 30 - 35
- 25 - 30
- 20 - 25
- менее 20

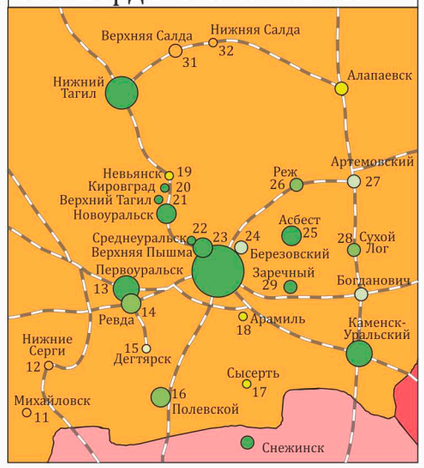
Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас
Для регионов доля иждивенцев среди трудоспособного населения рассчитана для сельского населения

Индекс урбанности по городам и регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока

Северо-запад Челябинской области



Юг Свердловской области



Условные обозначения

Численность населения городов на 01.01.2015, человек

- свыше 1 млн
- 500-1000 тыс.
- 250-500 тыс.
- 100-250 тыс.
- 50-100 тыс.
- 25-50 тыс.
- менее 25 тыс.

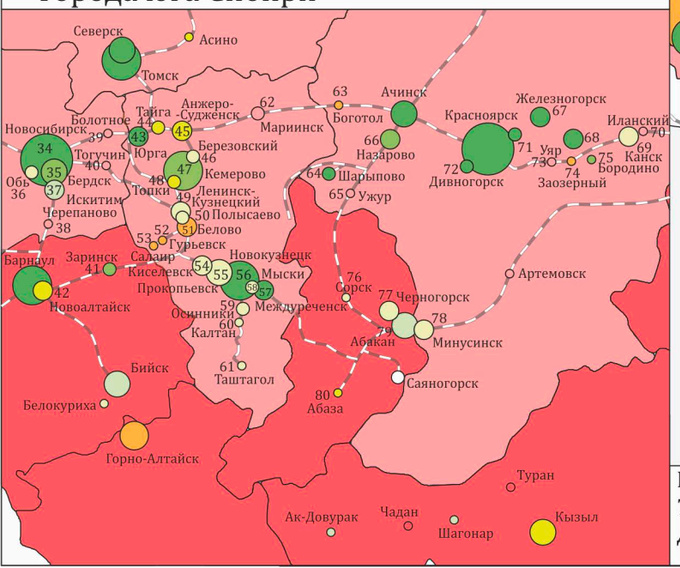
Индекс городского внешнего вида

- более 0,7
- 0,6-0,7
- 0,5-0,6
- 0,4-0,5
- 0,3-0,4
- 0,2-0,3
- 0,1-0,2
- менее 0,1

городской

сельский

Города юга Сибири



Примечание. Цифрами на карте обозначены №1-32, 35-70 (см. врезки) 33 - Гремячинск, 34 - Горнозаводск, 68- Зеленогорск, 71 - Сосновоборск, 72 - Лангепас

Для регионов индекс рассчитан на основе данных по сельским населенным пунктам

Источник данных: ВПН-2010

Приложение 1.1

Таблица 1. Количество городов по экономическим районам и регионам по состоянию на 01.01.2014, включенных в исследование с указанием количества городов, расположенных в зоне Крайнего Севера (в скобках)

Экономический район/регион	Численность населения, тыс. чел.								Примечание Изменение в количестве городов по сравнению с 1989 годом
	менее 25	25-50	50-100	100-250	250-500	500-1000	более 1000	Общий итог	
Уральский	**59**	**41**	**25**	**10**	**4**	**1**	**4**	**144**	
Курганская область	7		1		1			9	
Оренбургская область	3	5	2	1		1		12	
Пермский край	14	4	5	1			1	25	
Республика Башкортостан	4	5	7	3	1		1	21	
Свердловская область	19	16	8	2	1		1	47	
Челябинская область	12	11	2	3	1		1	30	
Западно-Сибирский	**25 (2)**	**32 (5)**	**14**	**8 (2)**	**2**	**5**	**2**	**88 (9)**	
Алтайский край	4	4	1	2		1		12	
Кемеровская область	4	7	6	1		2		20	
Новосибирская область	7	4	1	1			1	14	
Омская область	4	1					1	6	
Республика Алтай			1					1	
Томская область	3	1		1		1		6	
Тюменская область		2	2			1		5	
Ханты-Мансийский АО	2 (1)	8	3	1	2			16 (1)	
Ямало-Ненецкий АО	1 (1)	5 (5)		2 (2)				8 (8)	

продолжение табл. 1

Экономический район/регион	Численность населения, тыс. чел.								Примечание Изменение в количестве городов по сравнению с 1989 годом
	менее 25	25-50	50-100	100-250	250-500	500-1000	более 1000	Общий итог	
Восточно-Сибирский	**38**	**12 (1)**	**11**	**6 (1)**	**2**	**1**	**1**	**71 (2)**	
Иркутская область	9	7	3	2		1		22	
Красноярский край	11	3 (1)	6	2 (1)			1	23 (2)	г. Кайеркан, г. Талнах в 2005 году вошли в состав г. Норильска
Республика Бурятия	5				1			6	
Республика Тува	4			1				5	
Республика Хакассия	2	1	1	1				5	
Читинская область	7	1	1		1			10	
Дальневосточный	**38 (17)**	**13 (2)**	**6 (2)**	**6 (1)**	**2 (1)**	**2**		**67 (23)**	
Амурская область	5	1	2	1				9	
Еврейская АО	1		1					2	
Камчатский край	1 (1)	1 (1)		1 (1)				3	г. Ключи утратил статус города в 2004 г.
Магаданская область	1 (1)		1 (1)					2 (2)	
Приморский край	1	6	1	3		1		12	
Республика Якутия	10 (10)	1 (1)	1 (1)		1 (1)			13 (13)	
Сахалинская область	13 (2)	2		1				16 (2)	г. Чехов, г. Красногорск утратили статус города в 2004 г., г. Лесогорск утратил статус города в 1993 г. и не
Хабаровский край	3	2			1	1		7	
Чукотский АО	3 (3)							3 (3)	
Общий итог	**160 (20)**	**98 (7)**	**56 (2)**	**30 (4)**	**10 (1)**	**9**	**7**	**370 (34)**	

Таблица 2. Численность населения городов по экономическим районам и регионам на 01.01.2014 с подразделением на зону Крайнего севера

Экономический район/регион	Численность населения, тыс. чел.								
	менее 25	25-50	50-100	100-250	250-500	500-1000	более 1000	Общий итог	Рег. столица (столицы)
Уральский	**891,4**	**1438,9**	**1772,5**	**1537,0**	**1374,9**	**560,0**	**4705,0**	**12279,8**	**5590,7**
Курганская область	90,4	0,0	77,2	0,0	325,7	0,0	0,0	493,3	325,7
Оренбургская область	60,1	168,9	178,2	234,8	0,0	560,0	0,0	1202,0	560,0
Пермский край	187,2	142,5	363,3	150,7	0,0	0,0	1026,5	1870,1	1026,5
Республика Башкортостан	73,8	174,7	444,7	390,8	277,0	0,0	1096,7	2457,8	1096,7
Свердловская область	299,2	555,7	551,3	297,1	357,3	0,0	1412,3	3472,9	1412,3
Челябинская область	180,9	397,1	157,8	463,6	414,9	0,0	1169,4	2783,7	1169,4
Западно-Сибирский	**427,6**	**1165,4**	**1086,7**	**1113,8**	**598,3**	**2964,0**	**2714,0**	**10069,9**	**5330,7**
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	***41,4***	***179,3***	***0,0***	***223,2***	***0,0***	***0,0***	***0,0***	***443,9***	
Алтайский край	56,5	149,2	71,0	351,5	0,0	632,8	0,0	1261,0	632,8
Кемеровская область	76,9	254,3	522,9	202,7	0,0	1094,2	0,0	2151,0	544,0
Новосибирская область	116,6	129,7	57,9	101,7	0,0	0,0	1547,9	1953,9	1547,9
Омская область	68,8	27,8	0,0	0,0	0,0	0,0	1166,1	1262,7	1166,1
Республика Алтай	0,0	0,0	61,4	0,0	0,0	0,0	0,0	61,4	61,4
Томская область	49,9	41,6	0,0	109,0	0,0	557,2	0,0	757,6	557,2
Тюменская область	0,0	63,6	163,1	0,0	0,0	679,9	0,0	906,5	679,9
Ханты-Мансийский АО	37,7	319,7	210,5	125,9	598,3	0,0	0,0	1292,0	93,5
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	20,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	20,2	
Ямало-Ненецкий АО	*21,2*	*179,3*	*0,0*	*223,2*	*0,0*	*0,0*	*0,0*	*423,7*	47,9

продолжение табл. 2

Экономический район/регион	Численность населения, тыс. чел.								
	менее 25	**25-50**	**50-100**	**100-250**	**250-500**	**500-1000**	**более 1000**	**Общий итог**	**Рег. столица (столицы)**
Восточно-Сибирский	**525,8**	**452,5**	**765,1**	**1038,7**	**757,2**	**613,0**	**1035,5**	**5187,8**	**2692,9**
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	***5,3***	***0,0***	***0,0***	***176,6***	***0,0***	***0,0***	***0,0***	***181,9***	
Иркутская область	132,0	272,0	215,3	468,4	0,0	613,0	0,0	1700,7	613,0
Красноярский край	155,2	101,8	422,0	283,1	0,0	0,0	1035,5	1997,5	1035,5
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	*5,3*	*0,0*	*0,0*	*176,6*	*0,0*	*0,0*	*0,0*	*181,9*	
Республика Бурятия	83,9	0,0	0,0	0,0	421,5	0,0	0,0	505,3	421,5
Республика Тува	38,2	0,0	0,0	114,0	0,0	0,0	0,0	152,2	114,0
Республика Хакассия	27,7	48,9	73,2	173,2	0,0	0,0	0,0	323,0	173,2
Читинская область	88,8	29,8	54,6	0,0	335,8	0,0	0,0	509,0	335,8
Дальневосточный	**436,9**	**455,2**	**405,9**	**1021,2**	**549,1**	**1204,3**	**0,0**	**4072,5**	**2277,1**
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	*182,2*	*73,3*	*153,2*	*182,7*	*294,1*	*0,0*	*0,0*	*885,6*	
Амурская область	81,7	34,2	123,8	220,1	0,0	0,0	0,0	459,7	220,1
Еврейская АО	8,9	0,0	74,8	0,0	0,0	0,0	0,0	83,6	74,8
Камчатский край	*21,6*	*38,6*	*0,0*	*182,7*	*0,0*	*0,0*	*0,0*	*243,0*	182,7
Магаданская область	5,2	0,0	94,3	0,0	0,0	0,0	0,0	99,5	94,3
Приморский край	23,1	218,6	54,1	425,7	0,0	603,2	0,0	1324,7	603,2
Республика Якутия	*107,9*	*34,7*	*58,8*	*0,0*	*294,1*	*0,0*	*0,0*	*495,5*	294,1
Сахалинская область	113,1	61,8	0,0	192,7	0,0	0,0	0,0	367,7	192,7
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	23,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	23,3	
Хабаровский край	51,2	67,2	0,0	0,0	254,9	601,0	0,0	974,4	601,0
Чукотский АО	*24,3*	*0,0*	*0,0*	*0,0*	*0,0*	*0,0*	*0,0*	*24,3*	14,0
Общий итог	**2281,7**	**3511,9**	**4030,3**	**4710,7**	**3279,5**	**5341,3**	**8454,5**	**31610,0**	**15891,4**
Общий итог по городам Крайнего Севера	228,9	252,6	153,2	582,5	294,1	0,0	0,0	1511,3	

Таблица 3. Доля численности населения, проживающего в городах разной людности по экономическим районам и регионам на 01.01.2014

Экономический район/регион	Доля населения, проживающего в группе городов соответствующей людности по району/региону/зоне КС, %								
	менее 25	**25-50**	**50-100**	**100-250**	**250-500**	**500-1000**	**более 1000**	**Общий итог**	**Рег. столица (столицы)**
Уральский	**7,3**	**11,7**	**14,4**	**12,5**	**11,2**	**4,6**	**38,3**	**100,0**	**45,5**
Курганская область	18,3	0,0	15,7	0,0	66,0	0,0	0,0	100,0	66,0
Оренбургская область	5,0	14,0	14,8	19,5	0,0	46,6	0,0	100,0	46,6
Пермский край	10,0	7,6	19,4	8,1	0,0	0,0	54,9	100,0	54,9
Республика Башкортостан	3,0	7,1	18,1	15,9	11,3	0,0	44,6	100,0	44,6
Свердловская область	8,6	16,0	15,9	8,6	10,3	0,0	40,7	100,0	40,7
Челябинская область	6,5	14,3	5,7	16,7	14,9	0,0	42,0	100,0	42,0
Западно-Сибирский	**4,2**	**11,6**	**10,8**	**11,1**	**5,9**	**29,4**	**27,0**	**100,0**	**52,9**
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	**9,3**	**40,4**	**0,0**	**50,3**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**100,0**	**0,0**
Алтайский край	4,5	11,8	5,6	27,9	0,0	50,2	0,0	100,0	50,2
Кемеровская область	3,6	11,8	24,3	9,4	0,0	50,9	0,0	100,0	25,3
Новосибирская область	6,0	6,6	3,0	5,2	0,0	0,0	79,2	100,0	79,2
Омская область	5,4	2,2	0,0	0,0	0,0	0,0	92,3	100,0	92,3
Республика Алтай	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	100,0
Томская область	6,6	5,5	0,0	14,4	0,0	73,5	0,0	100,0	73,5
Тюменская область	0,0	7,0	18,0	0,0	0,0	75,0	0,0	100,0	75,0
Ханты-Мансийский АО	2,9	24,7	16,3	9,7	46,3	0,0	0,0	100,0	7,2
в т.ч. в зоне Крайнего Севера	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	
Ямало-Ненецкий АО	5,0	42,3	0,0	52,7	0,0	0,0	0,0	100,0	11,3

продолжение табл. 3

Экономический район/регион	Доля населения, проживающего в группе городов соответствующей людности по району/региону/зоне КС, %								
	менее 25	25-50	50-100	100-250	250-500	500-1000	более 1000	Общий итог	Рег. столица (столицы)
Восточно-Сибирский	**10,1**	**8,7**	**14,7**	**20,0**	**14,6**	**11,8**	**20,0**	**100,0**	**51,9**
в т.ч. в зоне Крайнего севера	**2,9**	**0,0**	**0,0**	**97,1**	**0,0**	**0,0**	**0,0**	**100,0**	
Иркутская область	7,8	16,0	12,7	27,5	0,0	36,0	0,0	100,0	36,0
Красноярский край	7,8	5,1	21,1	14,2	0,0	0,0	51,8	100,0	51,8
в т.ч. в зоне Крайнего севера	2,9	0,0	0,0	97,1	0,0	0,0	0,0	100,0	
Республика Бурятия	16,6	0,0	0,0	0,0	83,4	0,0	0,0	100,0	83,4
Республика Тува	25,1	0,0	0,0	74,9	0,0	0,0	0,0	100,0	74,9
Республика Хакассия	8,6	15,1	22,7	53,6	0,0	0,0	0,0	100,0	53,6
Читинская область	17,4	5,9	10,7	0,0	66,0	0,0	0,0	100,0	66,0
Дальневосточный	**10,7**	**11,2**	**10,0**	**25,1**	**13,5**	**29,6**	**0,0**	**100,0**	**55,9**
в т.ч. в зоне Крайнего севера	**20,6**	**8,3**	**17,3**	**20,6**	**33,2**	**0,0**	**0,0**	**100,0**	
Амурская область	17,8	7,4	26,9	47,9	0,0	0,0	0,0	100,0	47,9
Еврейская АО	10,6	0,0	89,4	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	89,4
Камчатский край	8,9	15,9	0,0	75,2	0,0	0,0	0,0	100,0	75,2
Магаданская область	5,2	0,0	94,8	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	94,8
Приморский край	1,7	16,5	4,1	32,1	0,0	45,5	0,0	100,0	45,5
Республика Якутия	21,8	7,0	11,9	0,0	59,4	0,0	0,0	100,0	59,4
Сахалинская область	30,8	16,8	0,0	52,4	0,0	0,0	0,0	100,0	52,4
в т.ч. в зоне Крайнего севера	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	
Хабаровский край	5,3	6,9	0,0	0,0	26,2	61,7	0,0	100,0	61,7
Чукотский АО	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	57,6
Общий итог	7,2	11,1	12,7	14,9	10,4	16,9	26,7	100,0	50,3
Общий итог по городам Крайнего Севера	15,1	16,7	10,1	38,5	19,5	0,0	0,0	100,0	

Приложение 1.2

Таблица 1. Основные теории территориального развития в экономике и факторы, определяющие территориальное неравенство

Макроэкономические модели	Основные положения	Последствия для регионов и городов	Факторы, влияющие на развитие
Неоклассические теории регионального развития			
Дж. Бортс, Х. Зиберт, Р. Холл, Ч. Джонс	Убывающая или постоянная отдача от масштаба, рост конкуренции при концентрации, межрегиональная мобильность факторов производства, капитала, рабочей силы, совершенная конкуренция	«Волны» развития, сглаживание различий	Природно-ресурсный потенциал, качество и количество трудовых ресурсов, капитал, технологический уровень, институциональная среда
Р. Солоу, Т. Сван, Г. Менкью, Д. Ромер, А. Уэйл, Р. Барро		Сходимость и конвергенция стран и регионов по уровню развития	
Теории кумулятивного роста			
Дж. Фридман, Г. Мюрдаль, А. Хиршман, Ф. Перру, Т. Хегерстранд, Ж.-Р. Будвиль, Д.Дарвент, Х. Гирш, П. Хаггет	Центр-периферийная модель развития, концентрация экономической активности, полюса роста и центры роста, трансляция нововведений и индукция экономического развития на периферию, мобильность факторов производства	Сохранение или увеличение разрыва в уровне экономического развития территорий, развитие периферии вслед за «полюсами» роста	Инновации и пространственная организация каналов их распространения, стартовые условия, предыдущее развитие (path dependency)
Новая экономическая география			
П. Кругман, М. Фуджита, Т. Мори, Дж. Харрис	Возрастающая отдача от масштаба, агломерационный эффект, несовершенная конкуренция, факторы первой и второй природы	Дифференцированное развитие, развитие полюсов роста, образование агломераций, концентрация экономической деятельности в городских агломерациях	Природно-ресурсный потенциал, транспортное положение, человеческий капитал, инфраструктура, институциональные условия, path dependency

Источник: составлено автором по [Кузнецова 2002, Гаджиев 2008, 2009; Аврамчикова 2009, Цветкова 2014, Лимонов 2014 и др.]

Приложение 1.3

Таблица 1. Основные научные организации и периодические научные издания, публикующие исследования, связанные с проблемами региональной экономики и городов Урала, Сибири и Дальнего Востока

Территориальный фокус	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток	Другие исследовательские центры ЕЧР
Ведущие научные организации, занимающиеся проблемами регионального и городского развития	Пермский государственный университет (Пермь); Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина (Екатеринбург); Уральское отделение академии наук (Екатеринбург); Институт степи УО РАН (Оренбург);	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск); Тюменский государственный университет (Тюмень); Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень); Новосибирский государственный университет (Новосибирск)	Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск) Научные институты Байкальского научного центра СО РАН (Улан-Удэ)	Институт экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск); Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (Владивосток); Северо-Восточный научный центр ДВО РАН (Магадан); Научные институты Якутского научного центра СО РАН (Якутск); Северо-Восточный Федеральный университет им. Аммосова (Якутск)	Институт географии РАН (Москва); Совет по изучению производительных сил (СОПС, Москва); Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва); Научные институты Коми научного центра УО РАН, в т.ч. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера (Сыктывкар); Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск); Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН (Апатиты); другие научные (в т.ч. академические) организации ЕЧР
Основные научные журналы	Экономика региона (Екатеринбург); Известия Уральского федерального университета (Екатеринбург); Вестник Пермского университета. Серия Экономика (Пермь)	Эко – всероссийский экономический журнал (Новосибирск); Регион: экономика и социология (Новосибирск); Интерэкспо Гео-Сибирь (Новосибирск); Вопросы географии Сибири (Томск)	География и природные ресурсы (Иркутск); Вестник Бурятского государственного университета (Улан-Удэ)	Пространственная экономика (Хабаровск); Регионалистика (Хабаровск); Вестник ДВО РАН (Владивосток); Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН (Магадан); Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова (Якутск).	Вестник Московского университета. Серия 5 География (Москва); Известия РАН. Серия географическая (Москва); Региональные исследования (Смоленск); Региональная экономика: теория и практика (Москва); Проблемы прогнозирования (Москва); Известия РГО (Москва);Вестник КНЦ (Апатиты) Известия региональных отделений РГО; Артика и Север (Архангельск); Север и рынок: формирование экономического порядка (Апатиты)

Источник: составлено автором с привлечением данных РИНЦ (elibrary.com) и [Демьяненко 2012]

Приложение 1.4

Эконометрические индексы для оценки территориальной асимметрии и неравенства

Индекс Тейла для расчета дифференциации показателей развития городов описывается формулами 1,2,3:

$$T = \sum_{r=1}^{R}(\frac{Y_r}{Y} * \ln\frac{Y_r}{Y/R}), \quad (1)$$

где

$$Y = \sum_{r=1}^{R} Y_r; \quad (2)$$

Y_r – значение показателя в городе r и Y – значение показателя на агрегированном уровне (в зависимости от оговоренных условий Y – региональное значение или простая сумма Y_r, R – число городов, попавших в выборку.

Индекс Тейла используется для определения степени концентрации явления. Чем выше значение индекса, тем больше различия между городами (теоретический максимум индекса составляет lnR), если значения индекса равно нулю (это достигается при Y_r= Y/R, т.е. если значения показателя в городе равно простому среднему), то это говорит об абсолютном равенстве значений между городами выборки. Индекс Тейла хорош тем, что его можно применять для отдельных подмножеств выборки и сравнивать эти подмножества между собой [Коломак 2014б]. В нашем случае это удобно, поскольку позволяет конструировать подмножества городов (и регионов), исходя из их географического положения (группы городов Урала, Сибири и Дальнего Востока) или людности, либо по любому другому признаку (например, функциональному типу).

Стандартный индекс Тейла хорошо подходит для оценки степени концентрации явления в абсолютных величинах, но имеет некоторые искажения при расчете относительных величин, поскольку не учитывает вес каждого элемента выборки (города или региона). Для взвешенной оценки каждого элемента выборки исходя из численности его населения предлагается использовать также модифицированный индекс Тэйла, рассчитываемый по формуле:

$$T_m = \sum_{r=1}^{R}(\frac{Y_r}{Y} * \ln\frac{Y_r}{Y*\eta_i}) \quad , \quad (3)$$

где $\eta_i = \frac{N_i}{\sum_{i=1}^{n} N_i}$ – доля населения i-го города в общем населении выборки городов, N_i– население i-го города.

Индекс Херфиндаля – Хиршмана (далее индекс ХХ) также рассчитывает степень концентрации явления среди элементов выборки, но он значительно проще и представляет собой сумму квадратов долей каждого элемента. Также как и стандартный индекс Тэйла, индекс Херфинадаля-Хиршмана хорош для оценок степени концентрации абсолютных величин (общей асимметрии), но не подходит для оценки неравенства в относительных (душевых) величинах. В этой связи также будем использовать модифицированный индекс Херфиндаля-Хиршмана, который включает вес каждого элемента выборки при оценке неравенства. Индекс ХХ удобно применять для всей выборки и сравнивать его значения за разные периоды.

$$HHI = \sum_{r=1}^{R} \left(\frac{Y_r}{Y}\right)^2 / \eta_i, \quad (4)$$

где Y_r/Yдоля города в общей сумме (сумме значений всех городов или регионального значения).

Коэффициент Джини имеет вид (5), по [Малкина 2014]):

$$G = 1 - [\sum_{i=1}^{n} (X_i + X_{i-1}) * \eta_i], \quad (5)$$

где i=1…n – все города выборки (n городов), ранжированные в порядке увеличения значений исследуемого показателя, $X_i = \sum_{i=1}^{i} x_i$ – кумулятивная доля показателя, приходящего на города с 1 по i город включительно;

$x_r = \frac{D_i}{\sum_{i=1}^{n} D_i}$ – доля i-го города в общем значении показателя по всем городам выборки; D_i – значение показателя в городе;

Индекс Джини позволяет учитывать дифференциацию показателя не просто для городов как равных между собой элементов выборки, но при этом учитывает численность населения, проживающего в них. Это позволяет добиться более взвешенной оценки дифференциации удельных значений (например, средней заработной платы, или оборота розничной торговли на душу населения). При этом индекс Джини неприменим для оценки концентрации явления по абсолютным значениям.

Теоретически все предложенные индексы (3,4,5) для оценки неравенства должны коррелировать между собой с достаточно высоким коэффициентом детерминации (свыше 0,9). Однако, они будут отличаться по размаху своего изменения. С целью унификации оценки, индексы 3 и 4 нормированы в пределах (0;1), где 0 означает абсолютное равенство, а 1 – абсолютное неравенство. Нормирование производится по следующим формулам (6,7):

$$HHI^* = 1 - \frac{1}{HHI} \qquad (6)$$

$$T_m{}^* = 1 - e^{-1*T_m} \qquad (7)$$

Индекс Джини уже изменяется в пределах (0;1), поэтому совместное использование индексов, рассчитанных по формулам (5,6,7) будет иметь значения в одном диапазоне, удобном для сравнения. При расчетах душевого неравенства показателей, если не указано иное, будем всегда пользоваться модифицированными индексами, а в случае необходимости оценки степени концентрации явлений по абсолютным значениям будем пользоваться стандартным индексом Тэйла.

Приложение 1.5

Проблемы статистического обеспечения исследования

Вопрос об источниках и качестве статистических данных занимает в ряду проблем исследования российских городов едва ли не центральное место в силу объективной недостаточности этих данных. Несмотря на позитивные сдвиги последних лет, общая ситуация со статистическим обеспечением исследований на муниципальном уровне оценивается нами и другими исследователями, как неудовлетворительная и неадекватная потребностям как со стороны органов местного самоуправления, так и для проведения серьезных социально-экономических исследований [Виноградова, 2006; Гуськова, 2010; Кузнецова, 2013, с.22].

Теоретические и методические подходы по анализу социально-экономического положения, динамики развития городов были отработаны в отечественной экономической географии и экономике еще с советских времен (для тех групп исследователей, кто имел доступ к информации) [Мануйлова, 1992]. Большое количество статистической информации в советское время разрабатывалось для уровня городов и издавалось в сборниках по итогам переписей населения. Большая часть этой статистической информации была предназначена для служебного пользования и была доступна только для работников специализированных (проектных, научных) учреждений. Тем не менее, статистика по городам характеризовалась высоким качеством, полнотой и большим разнообразием.

На постсоветском этапе отечественная система муниципальной статистики, особенно в 90-х годах, испытывала многочисленные проблемы. Низкий уровень оплаты труда, непрестижность профессии, с одной стороны, привели к «кадровому голоду» статистических управлений в регионах, ответственных за первичный сбор и обработку муниципальной статистики. С другой стороны, в России вплоть до конца 2000-х годов так и не была создана стабильно функционирующая система централизованного сбора статистической информации по муниципалитетам [Пашинцева, 2005], а полнота и достоверность собираемой информации напрямую зависели от положения в региональных отделениях Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Более того, до сегодняшнего дня в сферу

ответственности Росстата входит сбор и обработка статистических данных только для государственного уровня власти (т.е. федерального и регионального уровня), в время как на муниципальном уровне по действующему законодательству действуют органы местного самоуправления [Моляренко, 2014]. В результате, ответственность за первичный сбор информации на уровне городов легла на плечи самих муниципалитетов, часто не обладающих достаточными кадровыми и финансовыми ресурсами для этого и, что особенно важно, полномочиями.

Институциональные преобразования, связанные изменением прав собственности, либерализация надзора, контроля и статистического учета в отношении хозяйствующих субъектов (в особенности в отношении малого бизнеса, индивидуальных и частных предпринимателей) привели к снижению полномочий статистических ведомств и администраций на запрашивание информации, что сделало их сплошной статистический учет на уровне муниципальных образований невозможным [Пашинцева, 2010]. В последнее десятилетие из-за реформ, призванных обеспечить конфиденциальность информации и защиту личных персональных данных, была ограничена публикация даже той статистической информации, которую удается собрать. Фактически, система сбора муниципальной статистики предусматривает со стороны Росстата не её непосредственное использование для принятия управленческих решений на уровне муниципалитета, а лишь инструмент агрегации информация для получения обобщенных данных в разрезе субъектов федерации и страны в целом. Таким образом, система муниципальной статистики «заточена» под работу именно на органы государственной власти.

Современная система муниципальной статистики для конечного пользователя в данный момент представляет собой иерархическую структуру, в которой Росстат играет лишь роль агрегатора информации, полученной из региональных отделений, которые в свою очередь сводят статистику по единой методике из различных источников (органов местного самоуправления, Федеральной налоговой службы, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной миграционной службы, Пенсионного фонда и др.) с определенной периодичностью. Такая иерархия не позволяет повысить качество муниципальной статистики, устранить неточности и огрехи, оперативно вносить исправления. В

итоге, для конечного пользователя разобраться в сложных ситуациях, при наличии подозрений в достоверности (часто простых опечаток) информации бывает невозможно, поскольку Росстат ссылается на полученные от сторонних организаций данные, самостоятельно проверить которые не в силах. Часто можно встретить ошибки в муниципальной статистике, переходящие из отчета в отчет, несовпадение данных из разных источников (в т.ч. конечных, загруженных в базу для пользователей и первичных данных, размещенных на сайтах муниципальных образований), что говорит об отсутствии обратной связи и координации между всеми субъектами, принимающими участие в формировании муниципальной статистики.

При всем плачевном состоянии системы сбора, обработки и централизованного предоставления муниципальной статистики, реальное количество получаемой на уровне муниципалитета информации очень велико: и муниципальные органы самоуправления, и территориальные органы федеральных служб, и сами хозяйствующие субъекты тратят огромное количество усилий и времени на сбор и расчет статистики. Часто происходит дублирование функций, разными учреждениями производится расчет одних и тех же показателей по разным методикам, при этом методики Росстата не всегда являются лучшими (например, данные ПФР абсолютно точно указывают на уровень заработной платы; однако Росстат пользуется собственной методикой, считая лишь заработную плату по крупным и средним организациям, дооценивая малый бизнес через выборочное обследование) [Моляренко, 2014]. В итоге, в конечную базу данных муниципальной статистики попадает не самая качественная статистика из имеющейся, а первичные максимально точные данные, хранящиеся в ведомственных базах данных, используются только для расчета региональных и федеральных статистических показателей.

Тем не менее, стоит признать, что в последние годы присутствует значительный прогресс в области статистического учета на уровне муниципалитетов. Росстат в конце 2000-х годов создал и продолжает поддерживать единую базу данных показателей по муниципальным образованиям (БДП МО), качество которой, особенно для крупных городов (городских округов), в данный

момент позволяет использовать её для исследований, временных и территориальных сопоставлений.

Проблемы статистического обеспечения исследования городов существуют не только в плоскости системы сбора и обработки данных. Существенную погрешность в неё вносит и существующая система администрирования хозяйственной деятельности, налогооблажения, соотношения административно-территориального и муниципального деления территории.

Объектом географических исследований в рамках изучения городов (городских агломераций) служит сложившаяся территориальная система расселения, объединяющая города и окружающие населенные пункты и другие местообитания человека – т.е. реально существующая структура размещения населения. В то же время, эта структура далеко не всегда находит отражение в административно-территориальном делении территории, по ячейкам которой собирается статистическая информация. Например, не имеют статус населенного пункта и полностью отсутствуют в государственной статистике вахтовые поселки, прикутанные поселки, дачные поселки [Глезер, 2013], поселки оленеводческих бригад и др. В то же время численность временного (а иногда и постоянного по факту) населения в них может составлять сотни и даже тысячи человек[1], во много раз превышая средние значения по плотности населения окружающей территории. Этот дефект несоответствия административного статуса и реальной системы расселения оказывается особенно значимым для районов нового освоения, особенно в последние годы, когда форма вахтового освоения природных ресурсов (по крайней мере, вновь вовлекаемых в эксплуатацию) начинает превалировать над другими.

Отсутствует достаточная информация и по городским агломерациям, как важному элементу системы расселения, поскольку в административно-территориальном делении страны отсутствует такая категория. Отдельные оценки об агломерациях возможно сделать на основе данных по населенным пунктам, входящим в её состав, но объем и полнота информации в этом случае значительно ограничены, особенно для мелких поселений.

[1]Вахтовые поселки у мест. Бованенково и у строящегося порта Сабетта могут вместить до 6,5 тыс. и 6 тыс. человек соответственно, имеют современную инженерную и коммунальную инфраструктуру, аэродром.

Наиболее острая проблема, как видится не имеющая на данный момент решения, возникла после реформы о местном самоуправлении в соответствии с законом № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Итогом муниципальной реформы стало появление муниципальных образований - муниципальных районов и городских округов, по своим границам не полностью тождественных с сеткой АТД. В состав городских округов вошли ближайшие пригороды, сельские территории, численность которых в ряде случаев достигает десятков процентов от численности центрального города [Глезер и др., 2008]. Несмотря на то, что города формально сохранили административный статус и их непосредственная черта как поселения не изменилась (хотя известны случаи, когда происходило и включение пригородов в черту города), вся система сбора муниципальной статистики отныне стала ориентирована на формирование статистических массивов именно по городскому округу. С одной стороны, это привело к изменению территориальной ячейки сбора данных, что сделало статистику для городского округа несопоставимой с данными по прежней территориальной ячейке – только городу. Безусловно, это негативно сказалось на возможности проводить временные сопоставления. С другой стороны, полнота данных для городских округов в ходе последовавших инициатив совершенствования муниципальной статистики оказывается максимальной именно для городских округов (см. рис. 1).

Иная ситуация сложилась с городами, которые в ходе муниципальной реформы оказались включены в состав муниципального района, возглавив его. Для таких городов, наоборот, с одной стороны территориальная ячейка сбора статистической информации сохранилась (что позволяет по-прежнему использовать данные за предыдущие периоды для сопоставления без существенных оговорок), а с другой стороны существенно снизилась полнота доступных данных. Большая часть статистики отныне собирается для района в целом, а на более низком иерархическом уровне (к которому относится городские и сельские поселения), перечень доступных показателей значительно меньше. Таким образом, реформа местного самоуправления, наиболее активно протекавшая с 2004 года, коренным образом поменяла устройство муниципальной статистики.

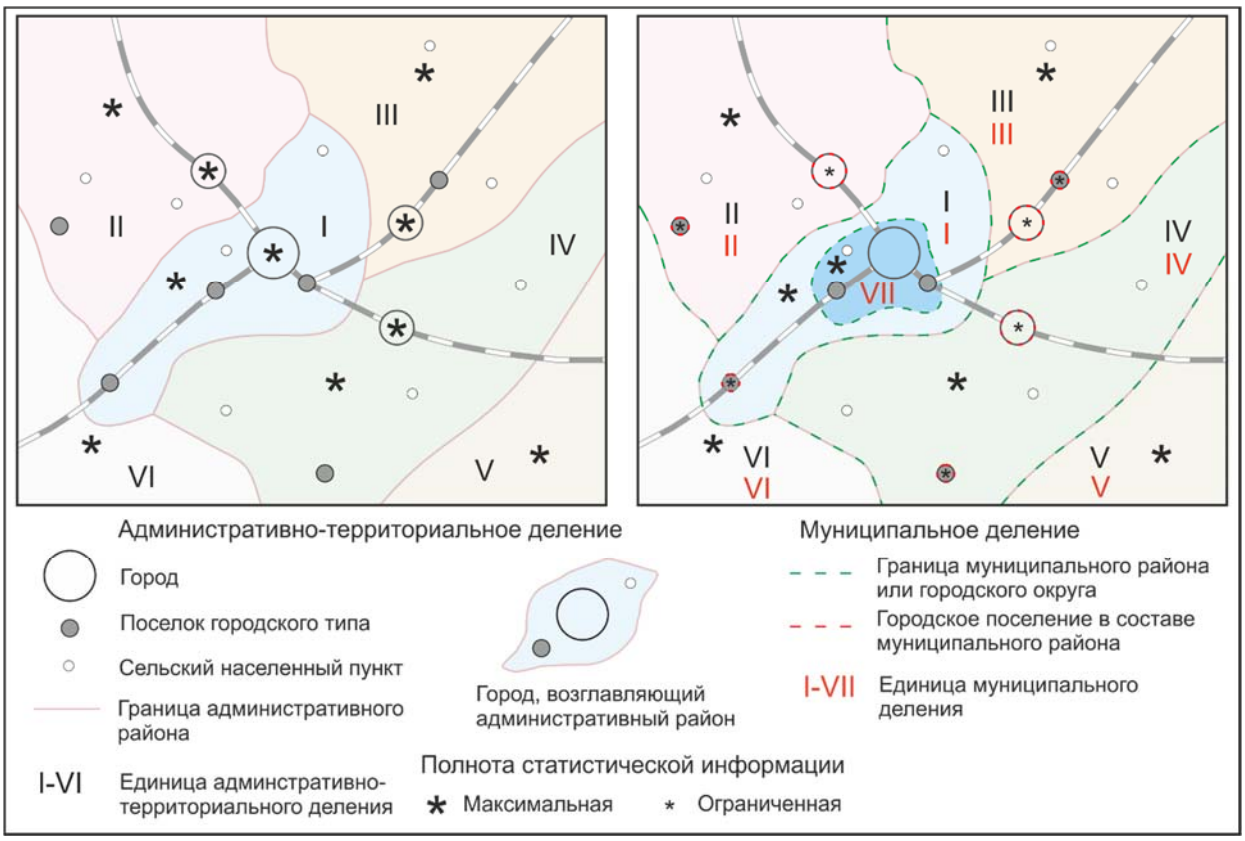


Рис. 1. Изменения в территориальной ячейке и полноте статистической информации, произошедшее в ходе реформы местного самоуправления. Источник: составлено автором
Примечание. Для упрощения ситуации все города и пгт, представленные на рисунке имеют статус городов районного подчинения. В случае, если бы город или пгт имели статус населенного пункта республиканского, краевого или областного подчинения, следовало бы отнести его к отдельной единице административно-территориального деления (на рисунке обозначены римскими цифрами)

Соотношение в числе городов, претерпевших муниципальные преобразования на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке по двум вышеописанным схемам оказывается в пользу городских округов. Какие-то регионы пошли преимущественно по пути создания ГО (например, Приморский край, Тюменская область без автономных округов, где все города получили статус городского округа), в каких-то в основном города были оставлены во главе муниципального района в статусе городского поселения (например, Омская область, Республика Якутия, где только региональные столицы образуют городской округ), но в основном города в регионах подверглись преобразованиям по смешанной схеме. Важно, что большая часть крупных городов получили статус городского округа; среди городских поселений лишь в Ангарске проживает больше 100 тыс. чел. Это означает, что для абсолютного большинства городов изменилась основная территориальная ячейка

сбора информации, а для большинства малых городов-городских поселений перечень доступных статистических данных является ограниченным.

Произошедшие изменения в муниципальной статистике требуют оценки возможной ошибки, расхождения со статистическими рядами по городам до муниципальной реформы, что само по себе составляет важную задачу для дальнейшего исследования. Проведенные нами расчёты показывают, что изменение численности населения городских округов в период между переписями 2002 и 2010 годов, не связанное с естественным и механическим движением населения (т.е. за счет административно-территориальных преобразований и перехода на статистику по ГО), составляет для большинства из них менее 10%. Однако есть целая группа крупных городских округов, особенно в ресурсных регионах, для которых изменение может достигать десятков процентов. Особенно актуально это для тех регионов, где образование муниципалитетов произошли с «прирезанием» почти всей территории к городским округам (как было, например, в Свердловской и Сахалинской областях). К ним, например, относятся Североуральск (за счет крупных поселков у шахт городской округ прирос почти на 70% относительно центрального города), Кизел и Губаха, в состав которых вошли относительно крупные угольные поселки и т.д. Таким образом, можно утверждать, что для целой группы городов построение временных статистических рядов по абсолютным показателям на период до 2004 года является некорректным для наблюдения какой-либо динамики. Вместе с тем, некоторые относительные показатели, по нашему мнению, вполне могут быть использованы, так как характеризуют общую ситуацию в городе и его непосредственном окружении, тесно связанным с центральным городом. К ним относится, например, уровень заработной платы работников организаций. С определенными оговорками допустимо использование и абсолютных показателей, таких как строительство жилья, оборот розничной торговли, поскольку соответствующие им явления в основном концентрируются в центральном городе городского округа.

В итоге, можно констатировать, что построение длинных временных рядов (1991-2013 гг.) для анализа динамики социально-экономического положения городов является невыполнимой задачей, кроме анализа динамики численности населения. Использование всех остальных показателей сопряжено с рядом

допущений и чревато выдвижением на их основе ложных суждений, особенно при рассмотрении отдельных городов. В случае относительной социально-экономической стабильности, ряды большинства показателей не будут показывать ничего, кроме «статистически-административного» шума. Однако, анализируя всю базу городов в совокупности или по достаточно большой выборке, равномерно распределяя имеющуюся ошибку между городами можно проследить общую тенденцию. Забегая вперед, стоит отметь, что масштабы социально-экономических трансформаций с 1991 года даже на фоне этих искажений являются ярко выраженными.

Выходом из положения является рассмотрение динамики развития городов на двух периодах – до 2004 года и после него, уже в новых муниципальных границах, учитывая, что во втором случае мы уже имеем в виду несколько более широкий объект изучения.

Другая важная проблема муниципальной статистики, особенно часто встречающаяся в городах ресурсных регионов заключается в администрировании экономической деятельности не по её фактической локализации, а по юридической. Особенно часто это происходит в отрасли добычи полезных ископаемых, когда физическая добыча осуществляется в одном месте, а статистически учитывается по месту регистрации хозяйствующего субъекта. В частности, крупнейшим городом по добыче полезных ископаемых (по стоимости) на протяжении многих лет остается г. Москва только из-за регистрации на её территории нефтегазовых компаний. Более того, даже по формам Федеральной налоговой службы в Москве сконцентрирован не только финансовый результат деятельности этих компаний, но и часть их физической добычи. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении «приписки» фактической деятельности добывающих предприятий по месту регистрации (часто в столицах регионов) в ХМАО, Красноярском крае, Кемеровской области и других регионах. Очистка статистики от данных искажений для полного набора городов представляет собой предмет отдельного исследования, и, несмотря на теоретическую достижимость и возможность осуществления, является очень трудозатратной. В этой связи такая коррекция в данном исследовании проводится только при рассмотрении отдельных городов, агломераций и регионов в рамках 3 главы.

В отечественной муниципальной и региональной статистике присутствуют и множество других проблем, связанных со сменой методик статистического учета: переход к системе национальных счетов, смена ОКВЭД на ОКОНХ, осуществляющийся переход на ОКВЭД2, изменение методик дооценки и др. Однако, проблемы проявляющиеся в связи с этим, поддаются коррекции, и ошибка оказывается значительно меньше, чем искажения, обусловленные другими причинами.

Источники данных

Практически все расчеты динамики развития и состояния российских городов базируются в данной работе на массиве социально-экономических данных, собранном из трех основных источников и нескольких дополнительных.

К основным источникам относятся массивы однотипных данных, собранных по единой методике и наиболее полно охватывающих все российские города. К ним относятся:

- база данных «Экономика городов России»[2], созданная и поддерживающаяся «ГМЦ Росстата», (далее БД Мультистат)
- база данных показателей муниципальных образований[3] (далее БДП МО) Федеральной службы государственной статистики
- деперсонифицированная база данных Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 года[4] (далее БД ВПН-2002, БД ВПН-2010 соответственно) Федеральной службы государственной статистики.

База данных «Экономика городов России» формируется и обрабатывается ГМЦ Росстата в БД Мультистат. Это единственный относительно полный массив данных, характеризующих различные аспекты социально-экономического развития городов, в котором содержится информация по демографии, промышленном развитии, рынке труда, инвестиционной активности, строительстве, состоянии ЖКХ, сферы обслуживания и др. на достаточно длительном временном отрезке. В силу специфики административного регулирования сбора статистики,

[2]http://www.multistat.ru/?menu_id=9310004
[3]http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm
[4]http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
Онлайн конструктор-запросов доступен по адресу
http://std.gmcrosstata.ru/webapi/opendatabase?id=VPN2002_2010L

многочисленных изменений в методике сбора информации и перечня показателей, лишь небольшая часть показателей доступна для организации временных рядов с 1991 или после 2004 года. Обрывочность информации дополняется многочисленными техническими погрешностями (например, искажения в разрядности), отсутствием показателей для расчета физических индексов, полным отсутствием показателей по городам - ЗАТО. Кроме того, для работы со статистикой требуется знание и учет многочисленных «подводных камней», возникающих в периоды изменения методик статистического учета (например, переход с ОКОНХ на ОКВЭД). В некоторых случаях при рассмотрении даже базовых показателей численности населения городов бросается в глаза очевидное изменение территориальных ячеек сбора информации, особенно после муниципальной реформы в соответствии с 131-ФЗ 2003 года[5]. Данные в базе данных в последние годы обновляются с лагом в 14-15 месяцев относительно конца отчетного периода.

С научной точки зрения использовать первичные данные БД Мультистат для серьезного эконометрического анализа оказывается практически невозможно, либо этот анализ сопряжен с большим количеством допущений (в первую очередь о неизменности территориальной единицы информации). Если при исследовании большого массива городов ошибки базы данных в соответствии с законом больших чисел компенсируют друг друга, то при рассмотрении динамики показателей по отдельным городам возможны значительные искажения. Тем не менее, из-за недостатка статистической информации более высокого качества, именно эта база данных используется с соответствующими оговорками (а иногда и без них) в подавляющем большинстве экономических и географических исследований в нашей стране уже более 10 лет (например, [Браде и др., 1999; Перцик, Питерский, 2000; Трейвиш, Нефедова, 2010; Белкина и др., 2011; Голубчиков, Махрова, 2013; Зубаревич, Сафронов, 2013; Коломак, 2014; Кауффманн, Лимонов, 2014; Волкова и др. 2015а, 2015б, 2015в]).

База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) начала формироваться с 2006 года и содержит в себе основные социально-экономические характеристики по муниципальным районам, городским округам, а также сельским

[5] № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

и городским поселениям, но по значительно ограниченному кругу показателей (в основном базовых – численности населения и показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления). Данные БД ПМО в значительной мере дублируют статистику БД Мультистат, однако в ней содержится ряд показателей, недоступных в других источниках (прежде всего структура занятости по обобщенным разделам ОКВЭД). Данные загружаются в базу данных региональными отделениями Росстата и часто появляются достаточно оперативно с временным лагом менее 3-х месяцев. Однако, некоторые региональные отделения Росстата затягивают публикацию данных в БД, делают это не в полном объеме, в связи с чем для ряда регионов и актуальная и архивная информация отсутствует.

Наиболее полную информацию о социальных характеристиках населения, его экономической активности, условиях жизни содержит деперсонифицированная база данных Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 года. Фактически она позволяет получить доступ к обобщенной информации по всем вопросам переписных листов до уровня отдельного поселения (деревни, села, города, иногда внутригородского района). Кроме того, инструментарий БД ВПН позволяет получить информацию по ячейке административно-территориального и муниципального устройства по отдельности (муниципальных районов, городских округов).

К недостаткам БД ВПН стоит отнести то, что она позволяет получить представление о социальных параметрах населения только на момент переписей, с момента проведения последней из которых прошло уже почти 5 лет. Кроме того, из-за изменения в составе вопросов переписных листов Переписей 2002 и 2010 года точное сопоставление данных по некоторым важным показателям невозможно (например, место работы, сфера занятости), что не позволяет проследить их динамику.

Несмотря на имеющиеся проблемы с охватом населения и качеством данных ВПН 2010 и 2002 годов [Левада-центр, 2010; ВЦИОМ, 2010; Измайлов, 2011; Андреев, 2012; Белобородов, 2013 и др.], эта статистика являются единственной и незаменимой по целому ряду социально-экономических характеристик городов.

Дополнительными статистическими источниками при исследовании городов в основном выступают данные, предоставляемые самими муниципальными

образованиями, характеризующие итоги социально-экономического развития за отчетный год, различные стратегии социально-экономического развития, документы муниципальных программ и генеральные планы городов. Эти документы, как правило, размещены на официальном сайте муниципальных образований и являются обязательными для публикации; часто они содержат справку о текущем социально-экономическом положении и её динамику за последние годы. К сожалению, эти документы практически не публикуются для городских поселений.

Ключевые показатели, характеризующие социально-экономическое положение крупных российских городов (с населением более 100 тыс. чел.) публикуются в ежегодном статистическом сборнике «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов»[6]. Данные этого сборника не содержат информации, новой по сравнению с тремя указанными основными источниками, поэтому используются в качестве дополнительных для верификации.

Важным дополнительным источником данных является ведомственная статистика – различных федеральных служб (налоговой, занятости, миграционной и др.). Она представляет собой массив открытых данных, структурированной по муниципальным образованиям. Как было указано выше, эта статистика часто более точная и репрезентативная, чем данные, публикуемые Росстатом. К сожалению, в отрытом доступе находится лишь ограниченный перечень материалов (к наиболее важным данным ведомственной статистики, находящейся в открытом доступе относятся данные о налогоплательщиках, налогооблагаемой базе, доходах, деятельности предприятий, в т.ч. малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей).

В исследовании также используются статистические данные для регионов России, большая часть из которых содержится в официальных статистических сборниках ФСГС серии «Регионы России»[7] и БД единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ[8].

[6]http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656
[7]http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
[8]http://sophist.hse.ru/hse/nindex.shtml

Приложение 2.1

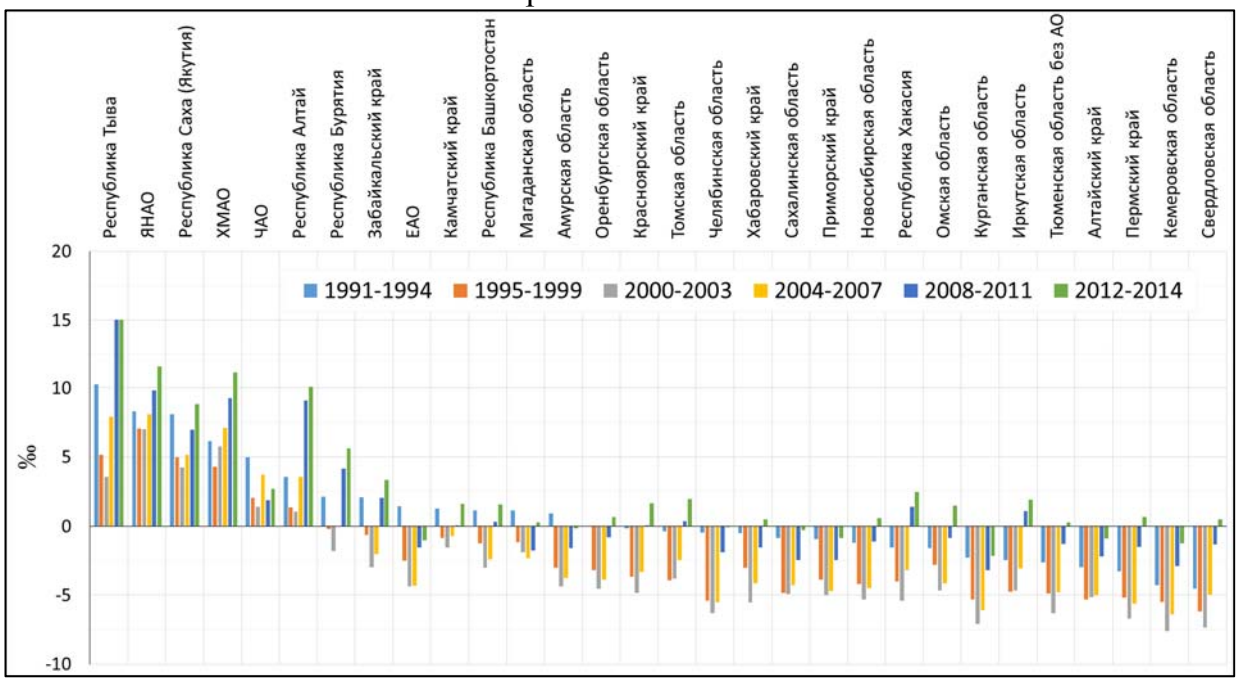


Рис. 1. Коэффициент естественного прироста населения регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока, в среднем на периоде. Источник данных: ГКС РФ.

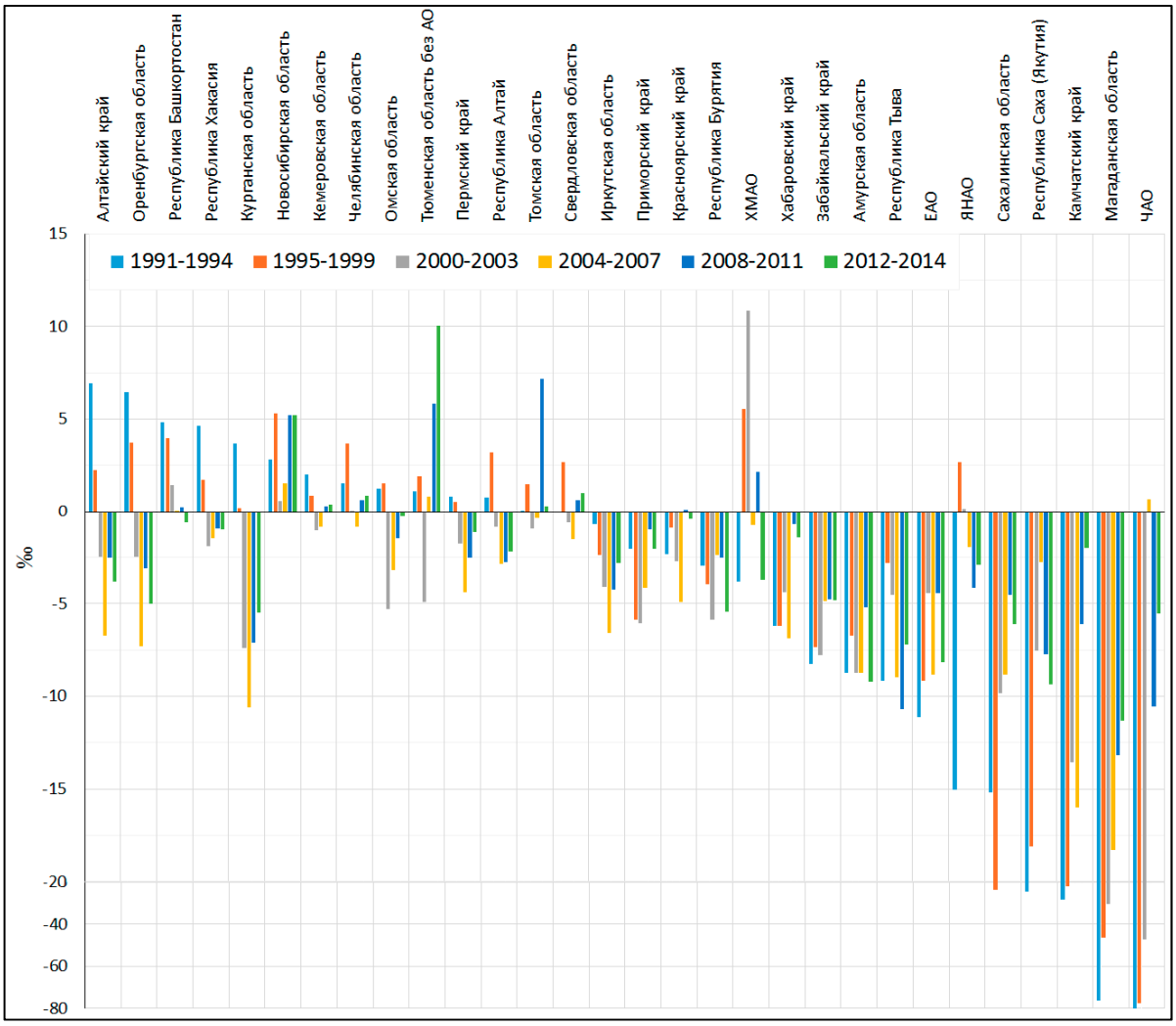


Рис. 2. Миграционный прирост населения регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока (сортировка по первому периоду). Источник данных: ГКС РФ.

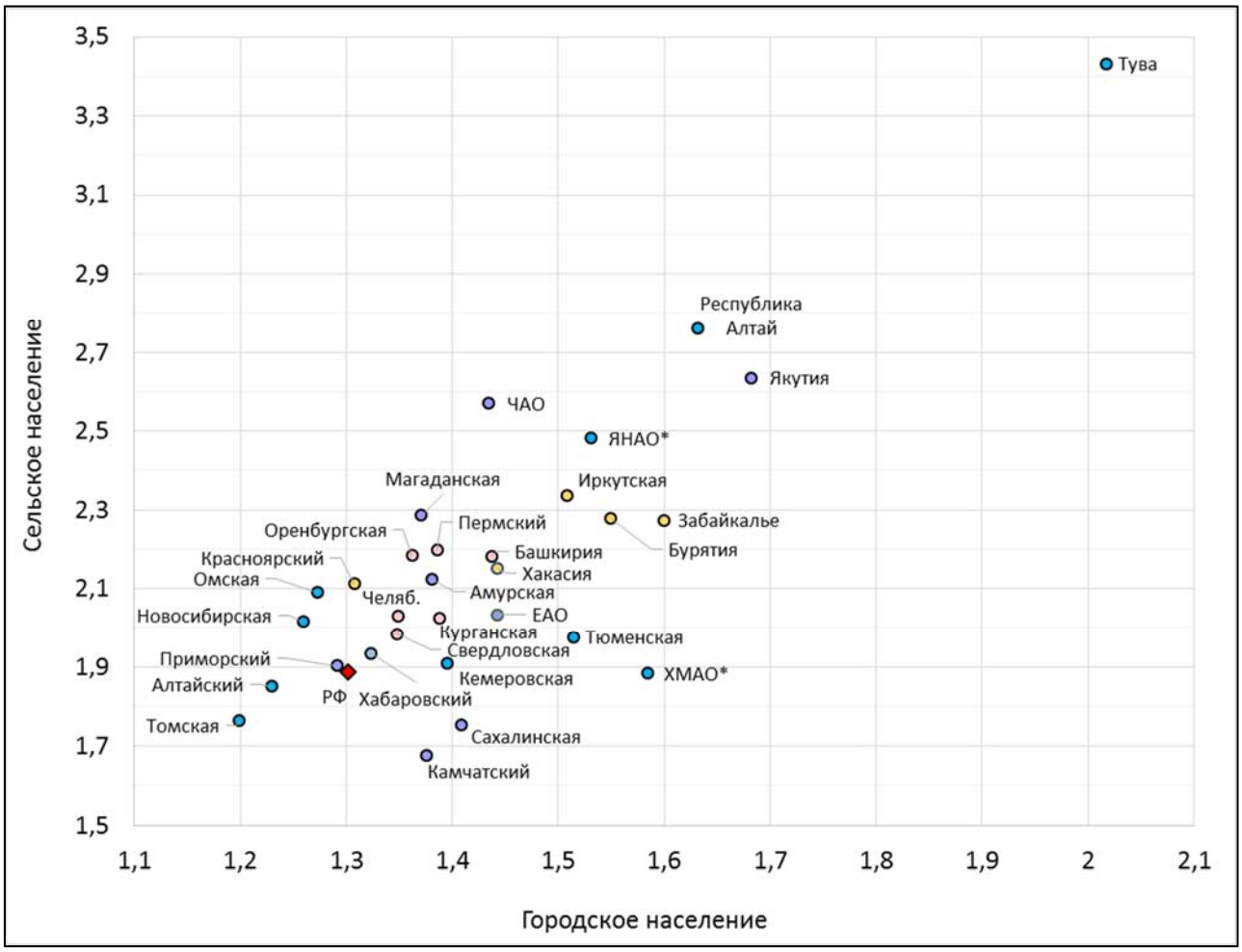


Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости по регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока в среднем за период 1990-2014 гг. по-городскому и сельскому населению. *Примечание: за период 1993-2014 гг. Источник данных: ГКС РФ.

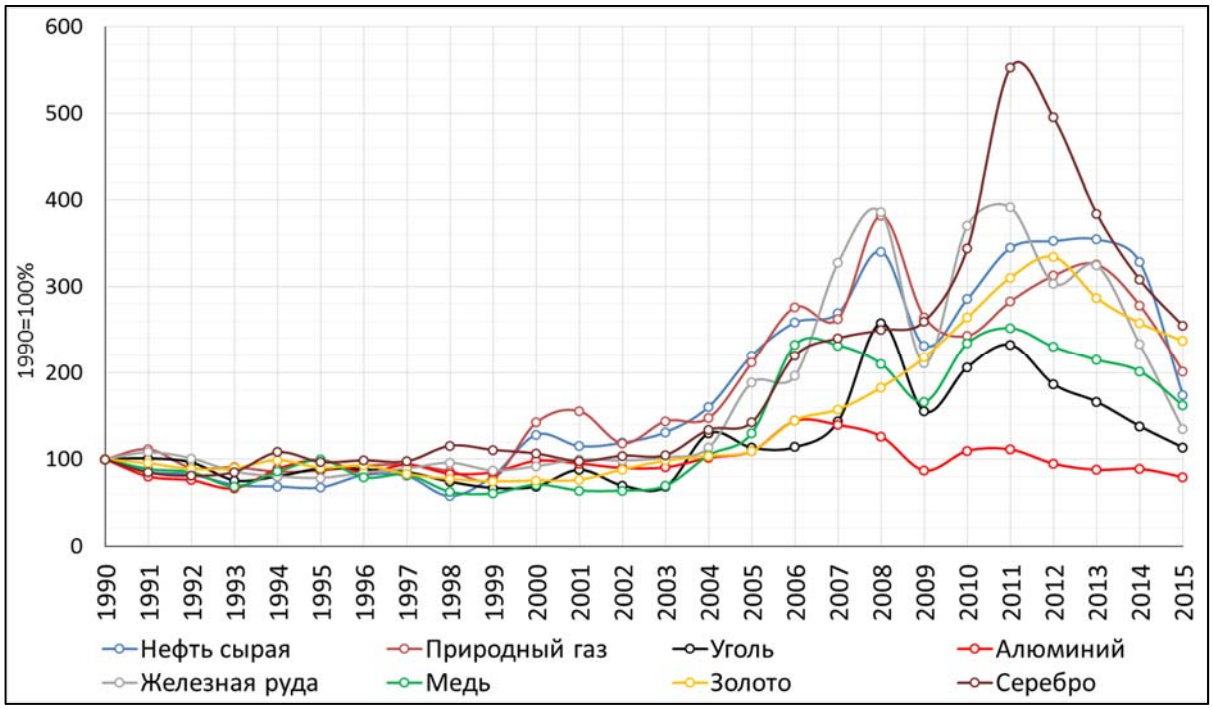


Рис. 4. Индекс средних реальных цен на основные минерально-сырьевые ресурсы (с учетом инфляции). Источник: Всемирный банк. Примечание: цена на уголь даны для АТР, на природный газ в среднем на Европейском рынке, на цветные металлы - на лондонской бирже цветных металлов. Источник данных: World Bank.

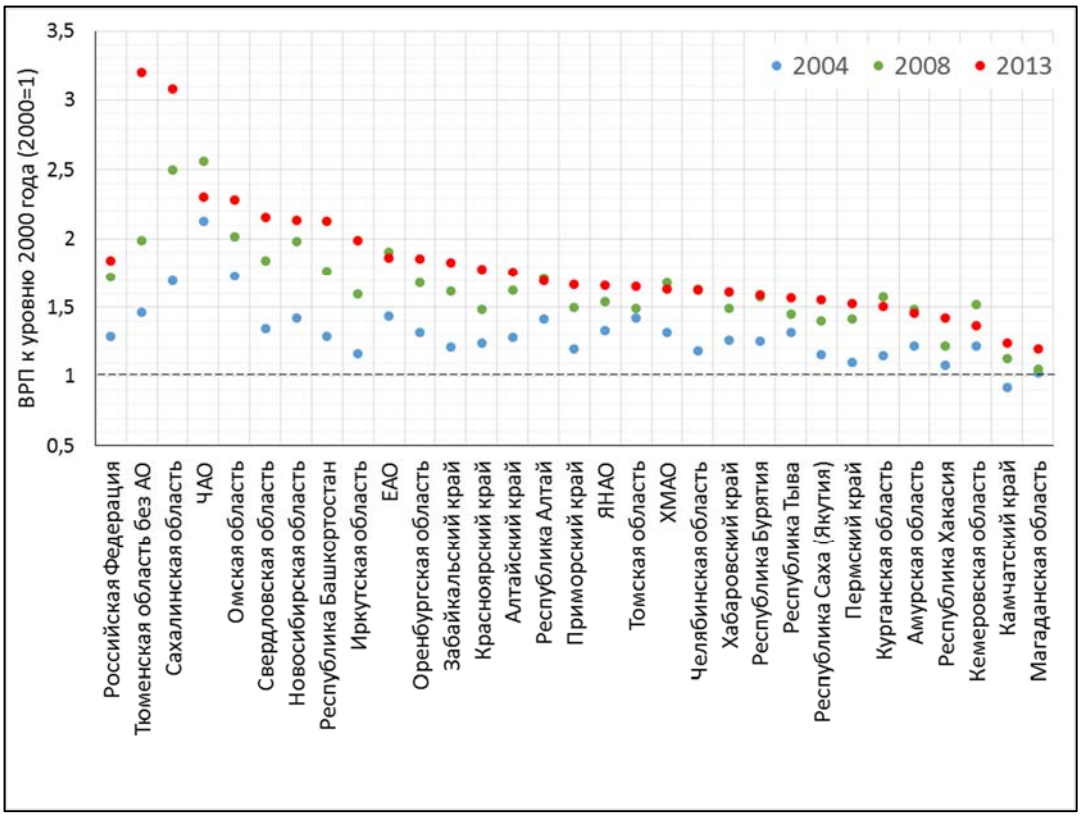


Рис. 5. Динамика реального ВРП регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока по отношению к уровню 2000 года. Источник данных: ГКС РФ.

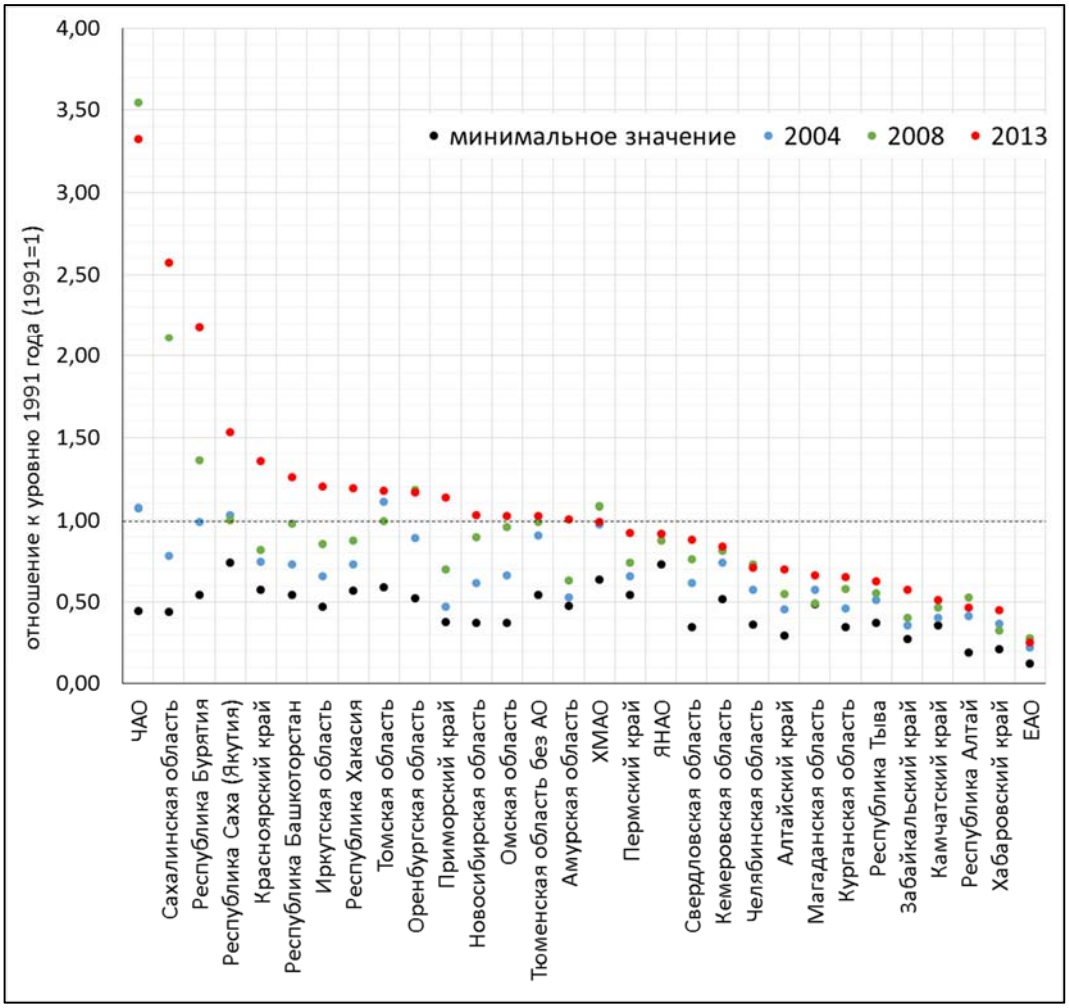


Рис. 6. Динамика физического объёма промышленного производства, в ценах 1991 года/ Источник данных: ГКС РФ.

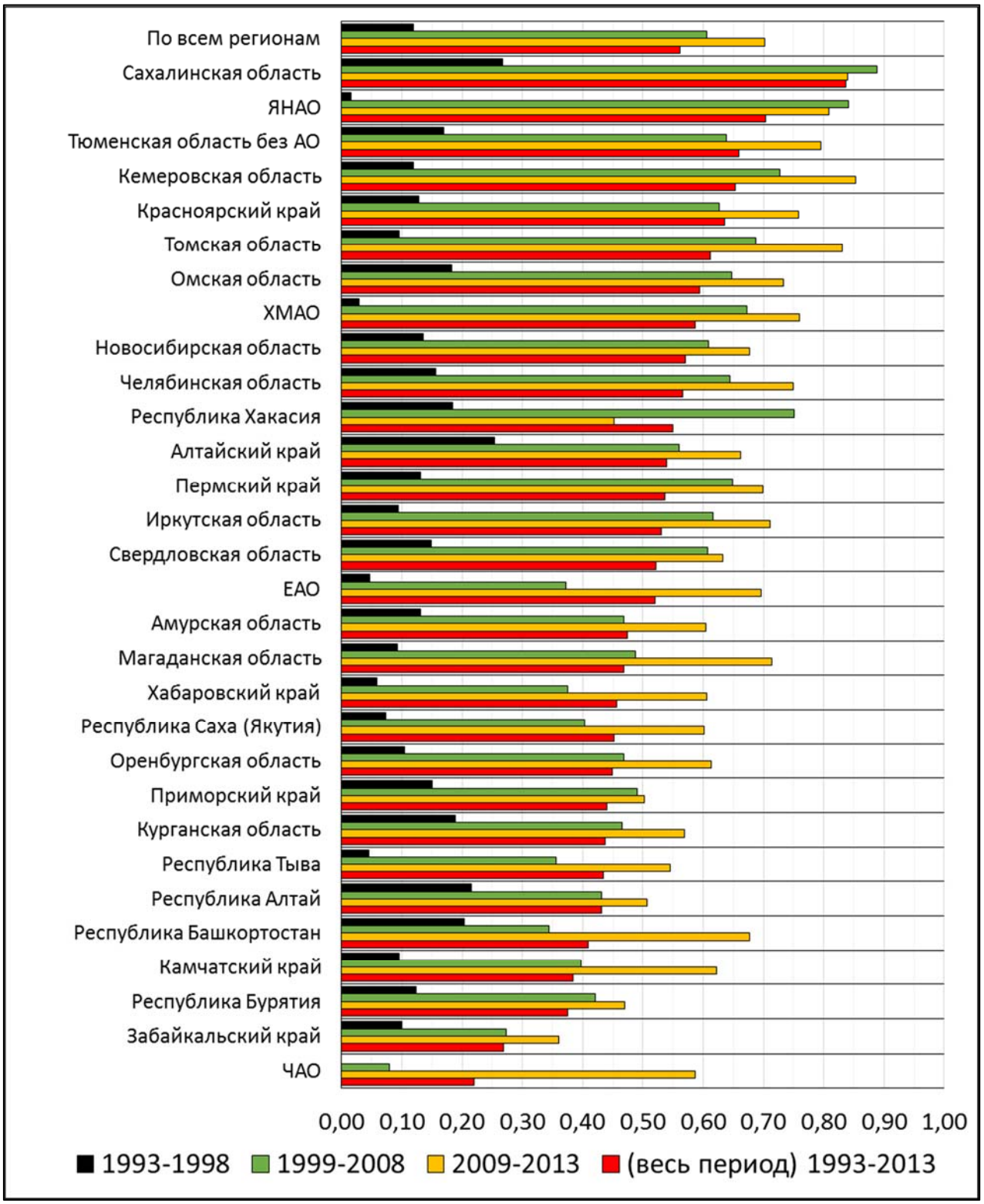


Рис. 7. Доля суммарных инвестиций частной российской, иностранной и смешанной российско-иностранной форм собственности в общем объёме инвестиций в основной капитал в среднем на периоде (по физическому объёму). Источник: собственная оценка по данным Росстата[1]

[1] В официальной статистике публикуются только данные по физическому объёму всех инвестиций, поэтому оценка физического объёма инвестиций со стороны субъектов частной, иностранной и смешанной российско-иностранной форм собственности производилась исходя из деления всего физического объёма на доли, пропорциональные номинальным в соответствующих годах

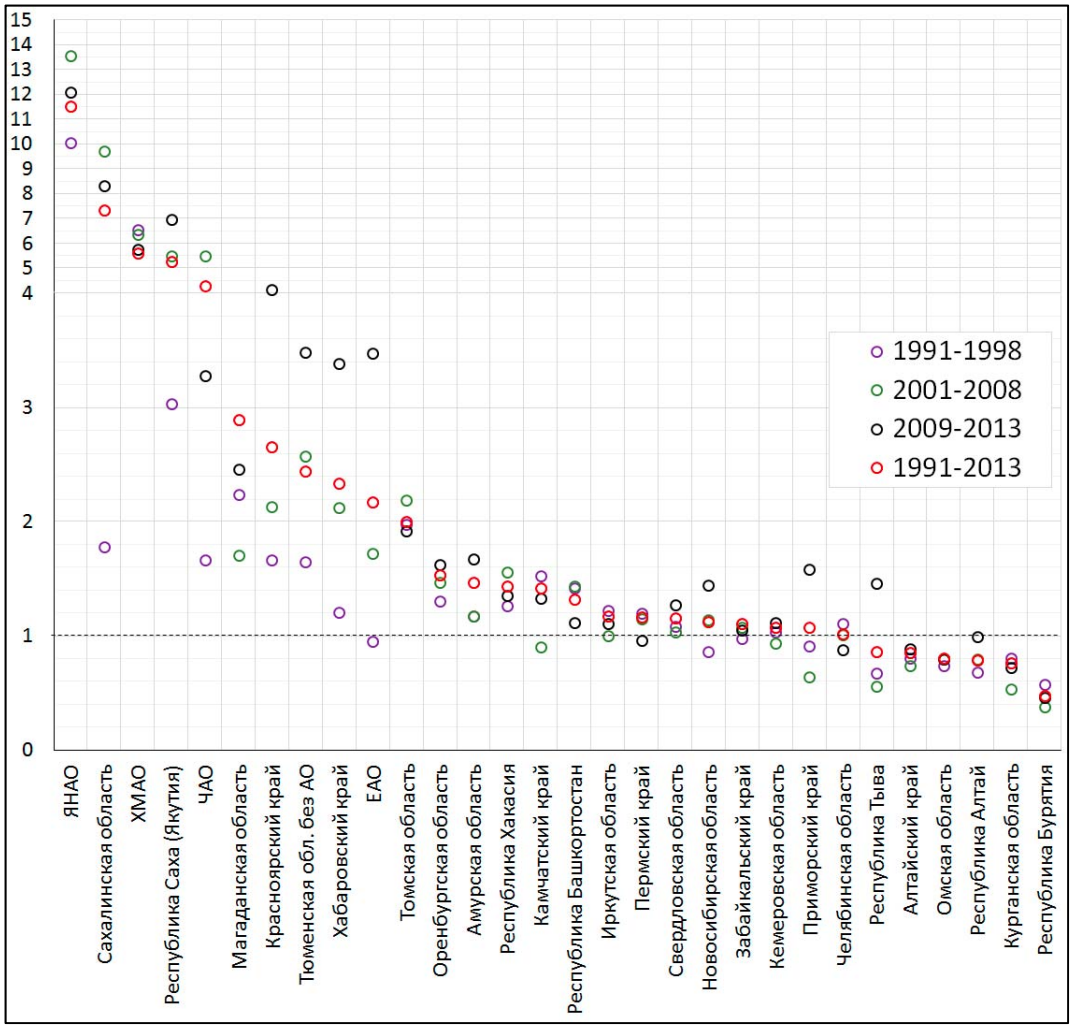


Рис. 8. Реальные накопленные среднедушевые инвестиции в основной капитал в среднем на периоде по отношению к среднероссийскому уровню (1), в физическом объёме в ценах 1991 года. Примечание: средний объём инвестиций на всем периоде отнесен к численности населения в 2013 году. Источник данных: ГКС РФ.

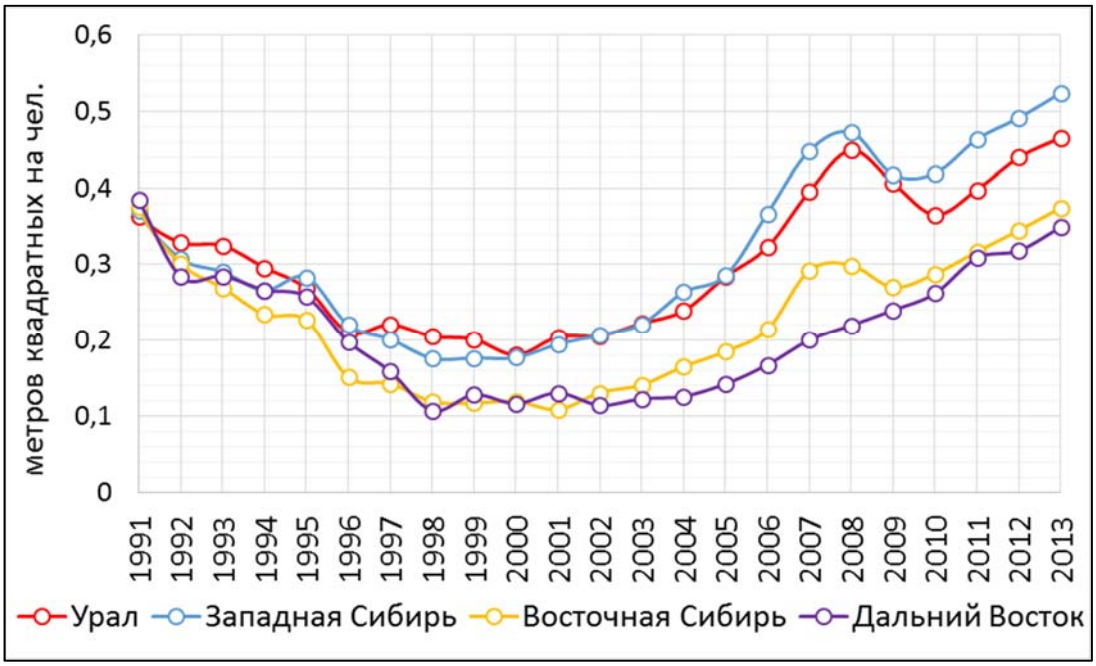


Рис. 9. Жилищное строительство в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока (по экономическим районам). Источник данных: ГКС РФ.

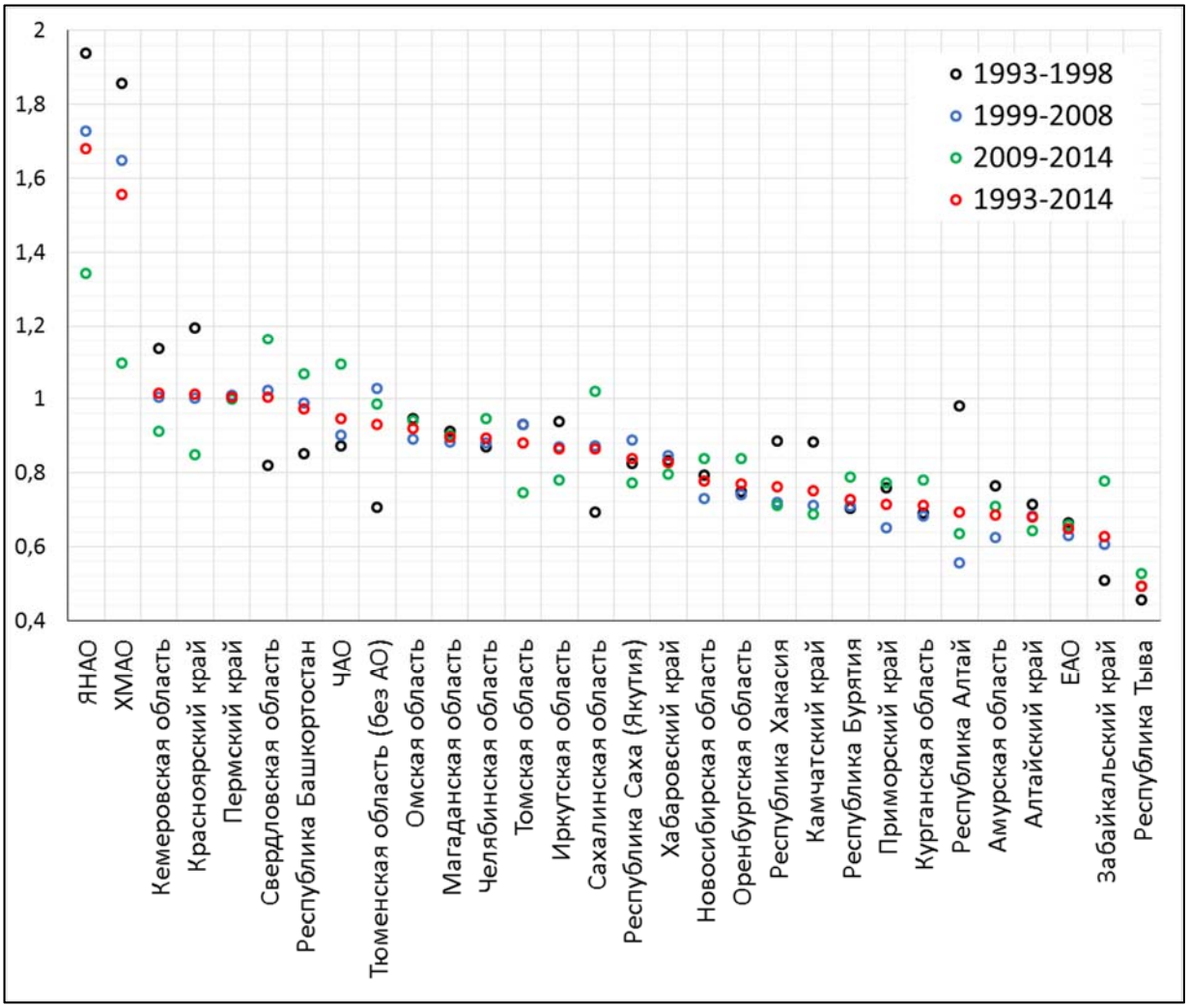


Рис. 10. Душевые денежные доходы населения в номинальных ценах по отношению к среднероссийскому уровню (1) в среднем за период, с учетом коррекции на региональные коэффициенты удорожания[2]. Источник данных: ГКС РФ.

[2] Региональные коэффициенты удорожания рассчитаны исходя из отношения региональных значений величины прожиточного минимума к общероссийскому. Для регионов, в которых в отдельные годы не устанавливалась на законодательном уровне величина прожиточного минимума, коэффициент удорожания оценивался самостоятельно исходя из значений за ближайшие годы. Выбор величины прожиточного минимума для оценки удорожания обусловлен максимальным временных охватом доступных данных, относительно других методик (например, по стоимости фиксированного набора товара и услуг, который рассчитывается лишь с 2002 года)

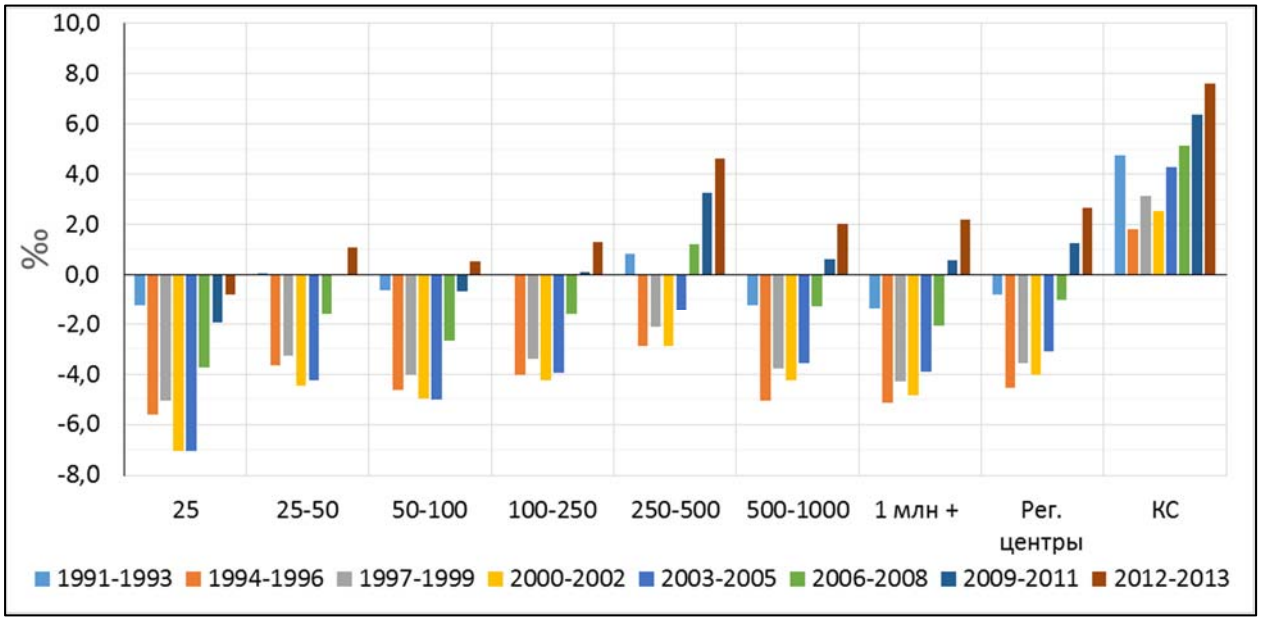


Рис. 11. Коэффициент естественного прироста населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, в среднем на периоде (на 1000 человек населения). Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

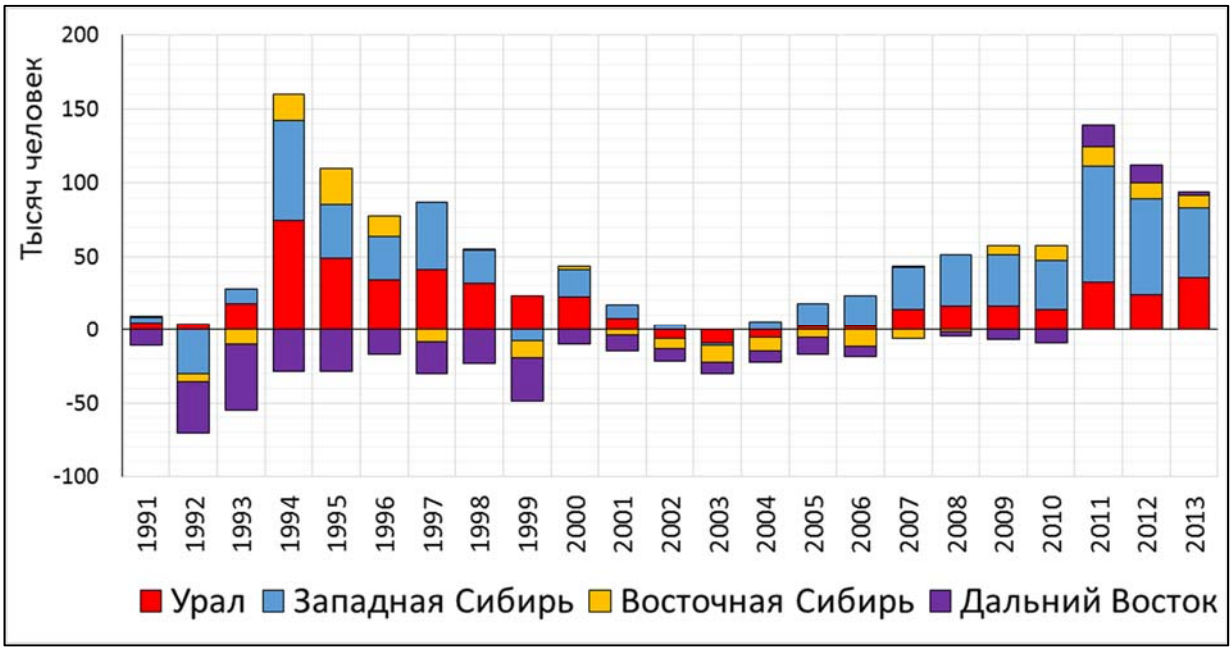


Рис. 12. Механическое движение население (сальдо прирост/убыль) в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока согласно статистике по текущему учету населения. Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

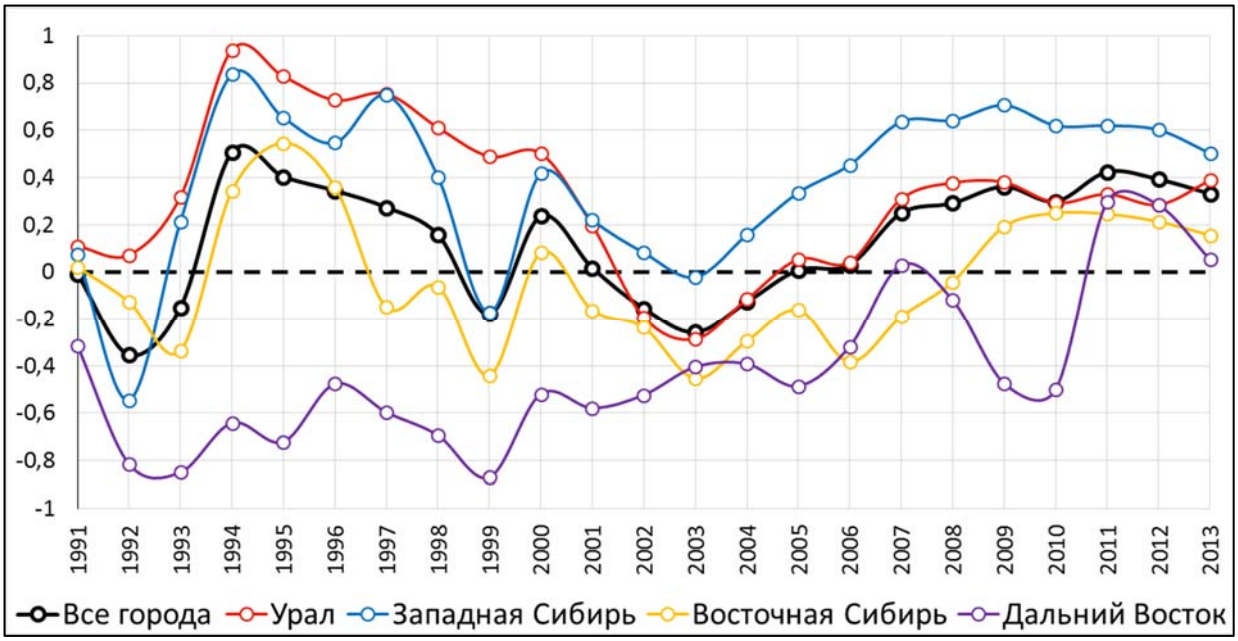


Рис. 13. Коэффициент эффективности миграционного оборота[3] населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

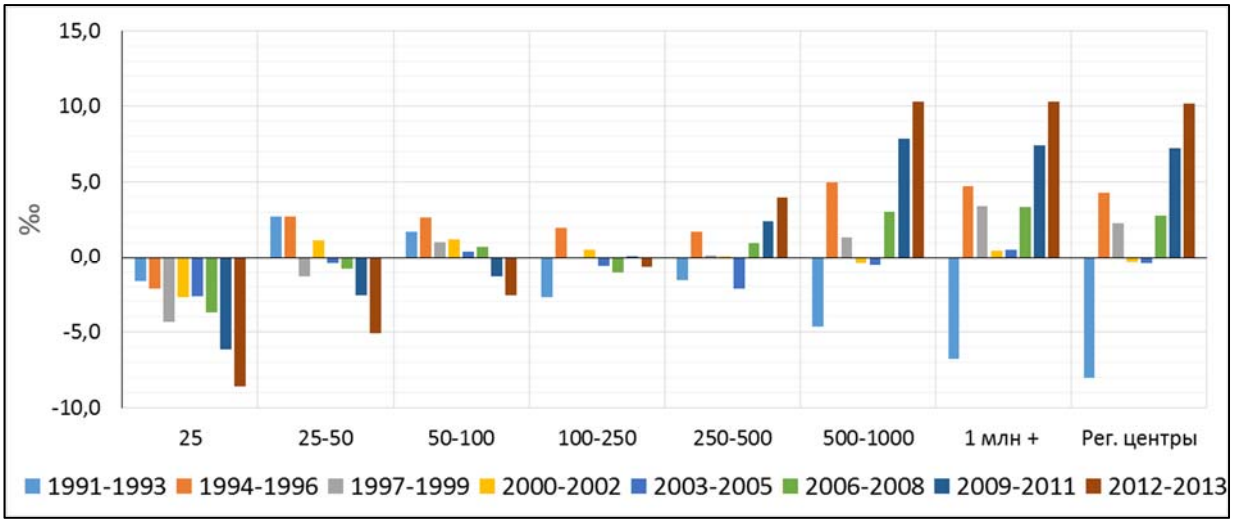
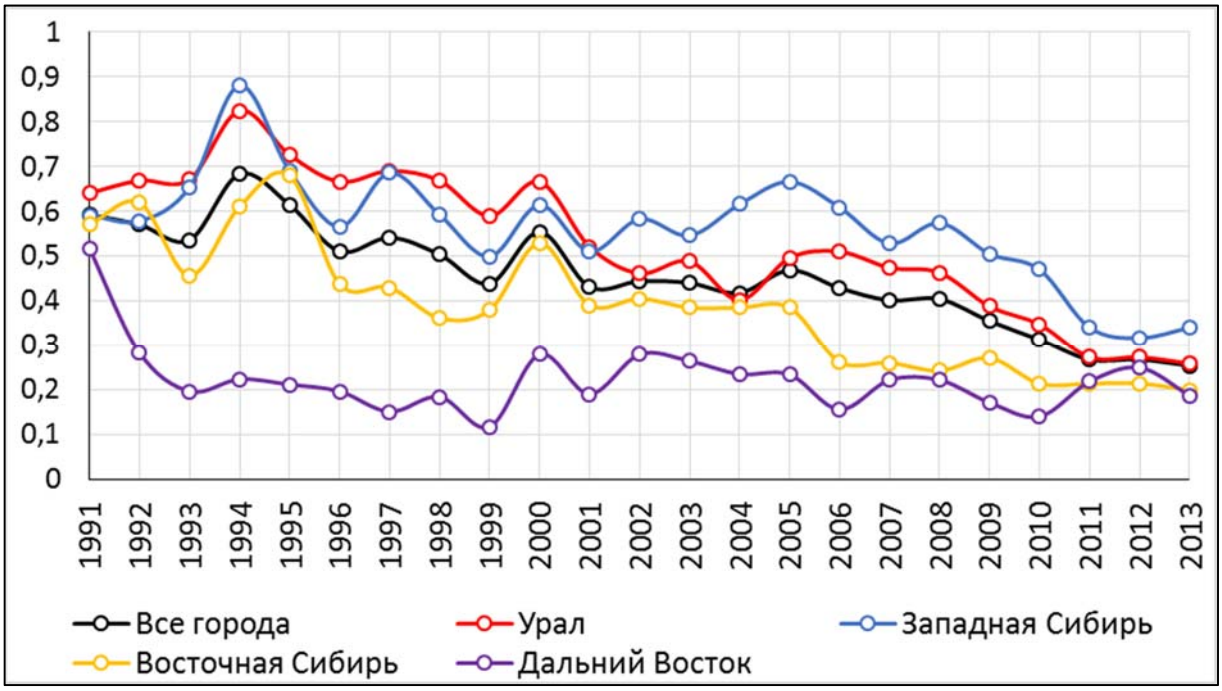


Рис. 14. Механическое движение населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, в среднем на периоде (чел. на 1000 населения). Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

[3] Коэффициент эффективности миграционного оборота указывает, в каком направлении происходила миграция населения. В случае, если коэффициент приближается к 1, это означает, что миграционный поток является однонаправленным, в данном случае - в города. В случае, если он приближается к -1, это означает, что поток практически полностью направляется из городов. В случае, когда коэффициент принимает промежуточные значения, близкие к 0, это говорит, миграционный поток в равной степени состоит из двух противоположных по направлению миграций – в города и из них.



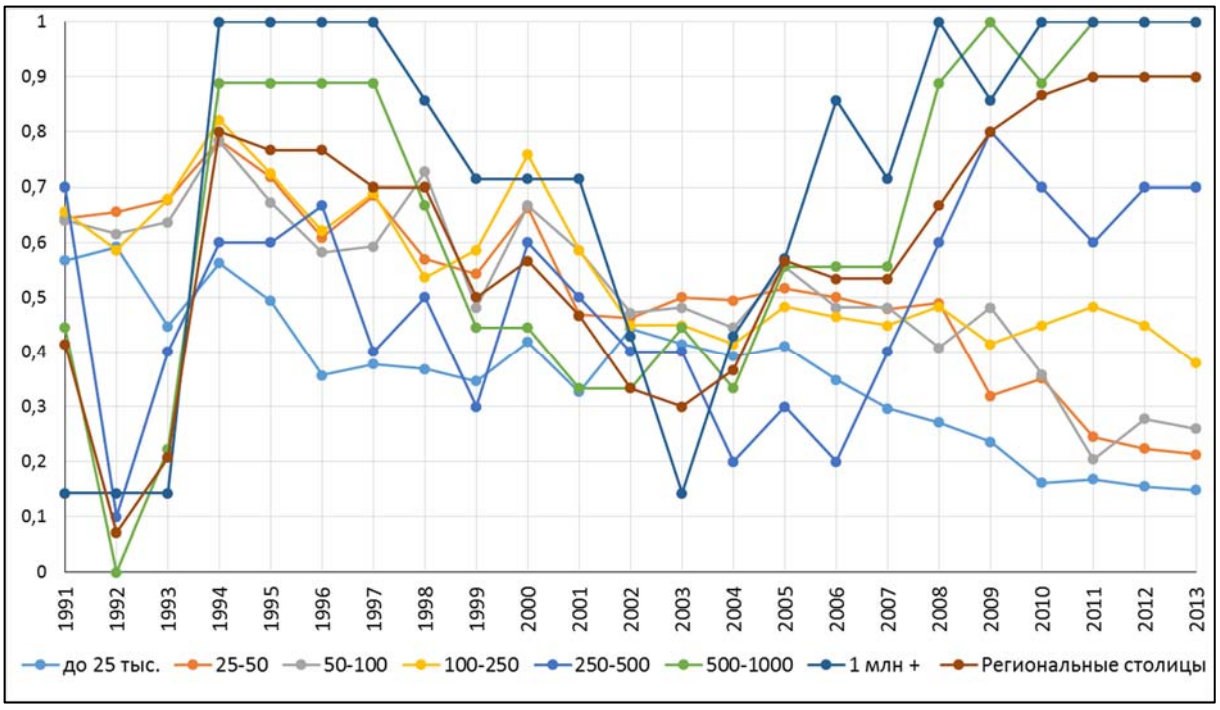


Рис. 15. Доля городов (от 1) с положительным миграционным приростом населения.
Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

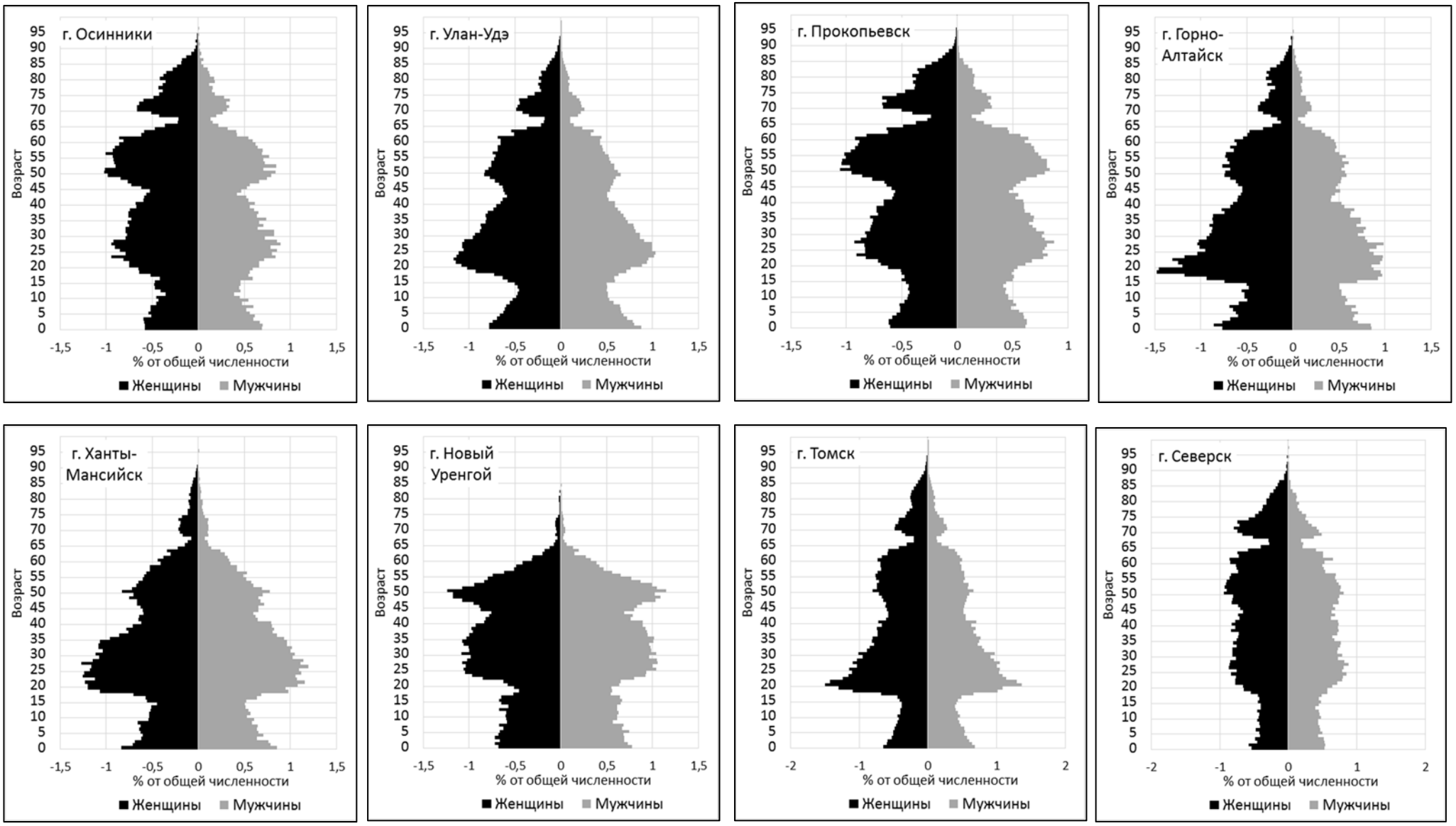


Рис. 16. Половозрастные пирамиды населения городов. Источник: рассчитано по данным ВПН-2010.

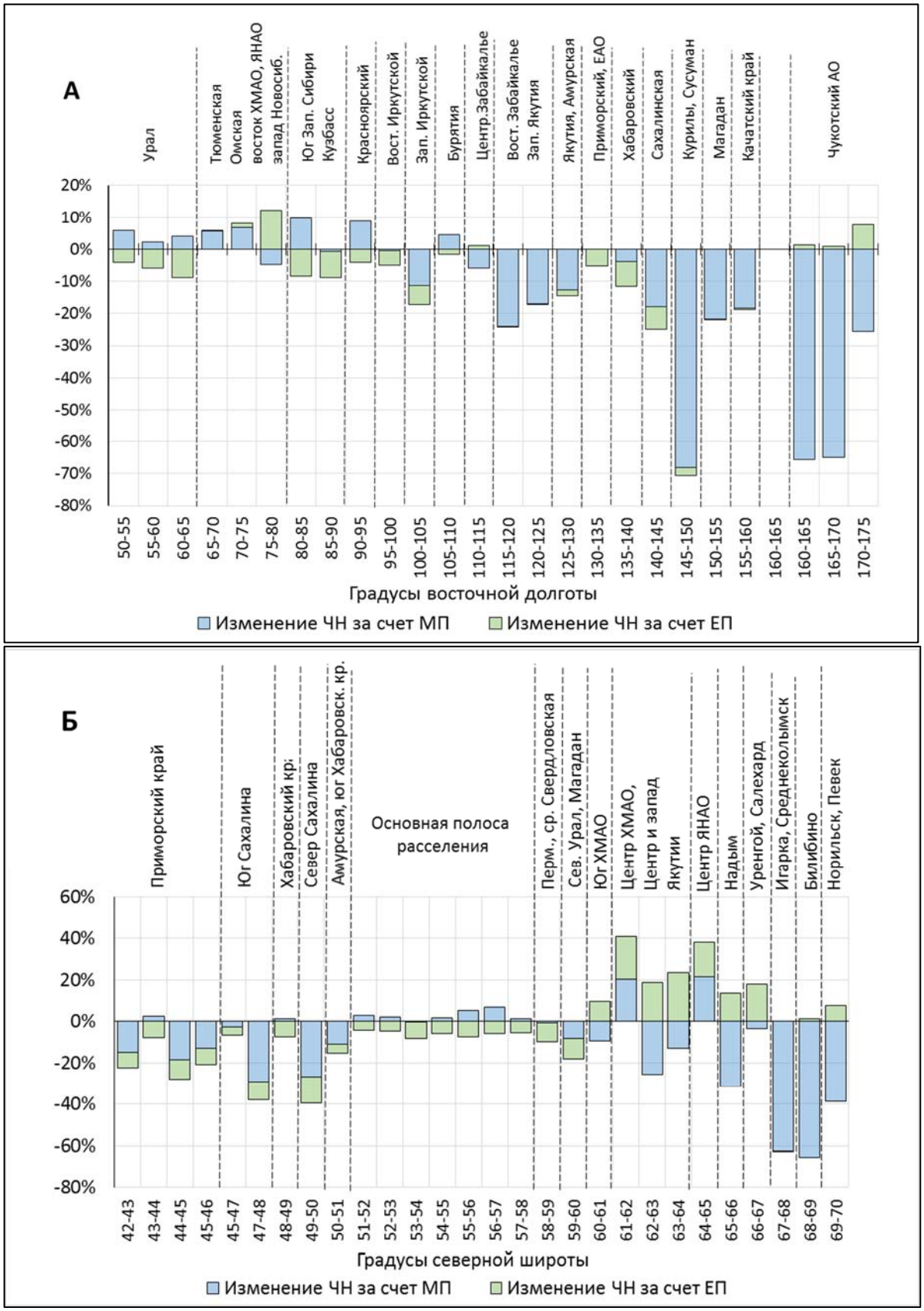


Рис. 17. Изменение численности населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока за 1991-2013 гг. по 5 градусным интервалам восточной долготы (А) и градусным интервалам северной широты (Б) за счет миграционного и естественного прироста, в % к численности населения в 1991 году. Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

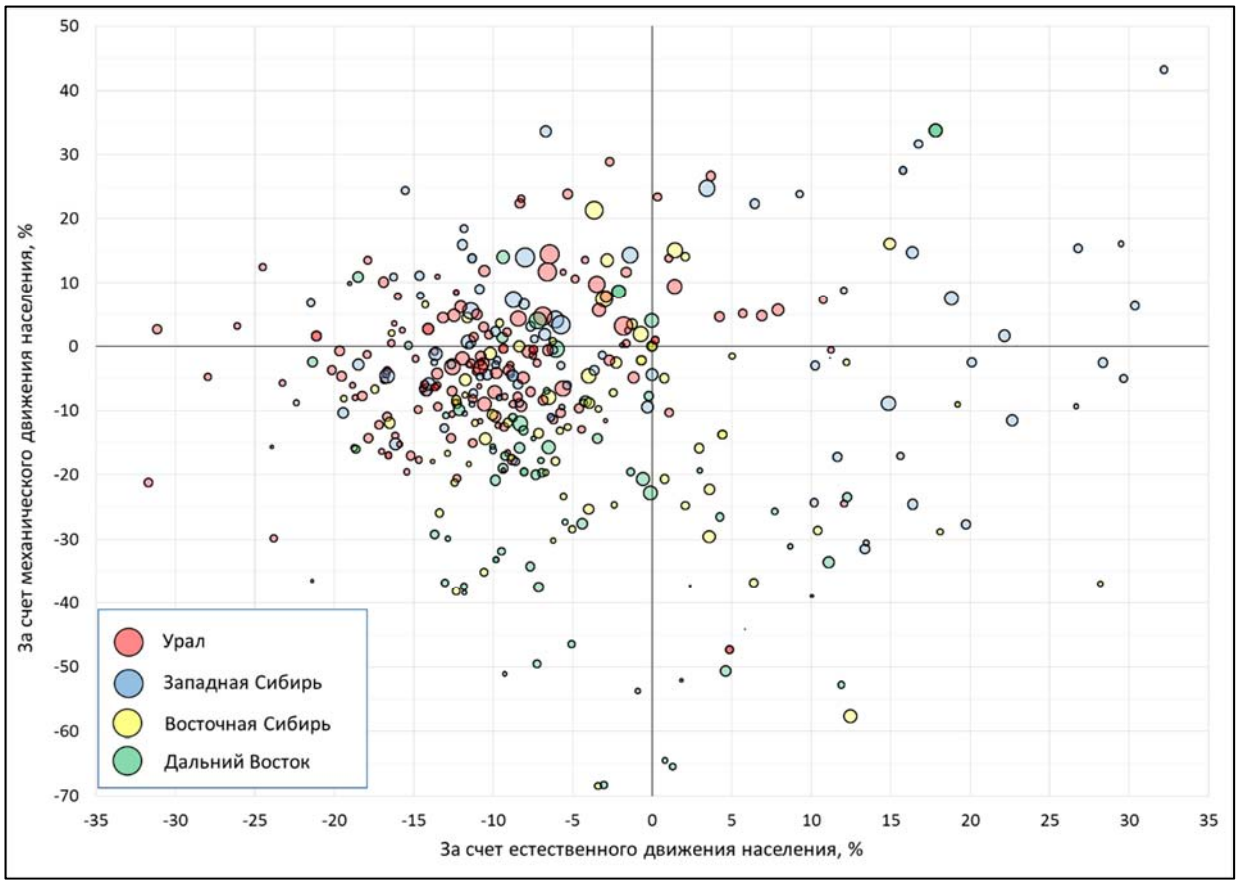


Рис. 18. Изменение численности населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока за счет естественного и миграционного прироста за период 1991-2013 гг., в % от численности в 1991 году. *Примечание*: г. Губкинский (+38,2; +123,97), г. Ханты-Мансийск (+25,8; +141,3) выходят за границы диапазона осей графика. Размер кружка пропорционален численности населения города в начале 2014 года (по логарифму). Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

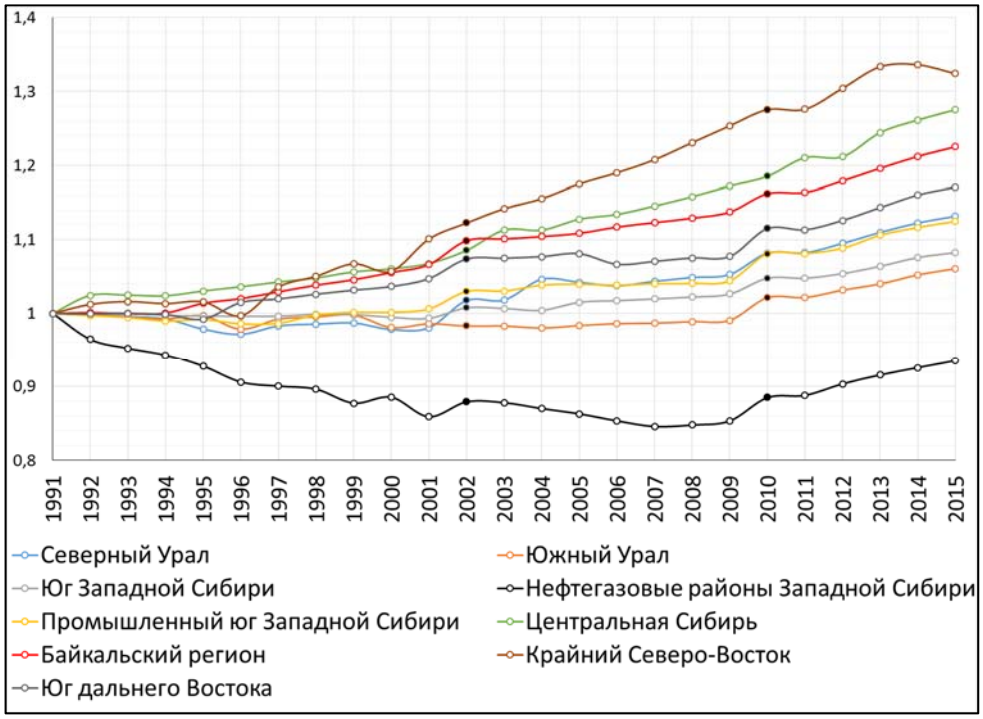


Рис. 19. Динамика концентрации населения (стандартного индекса Тэйла) городов по территориальным группам, к уровню 1991 года (1991=1). Источник: рассчитано автором.

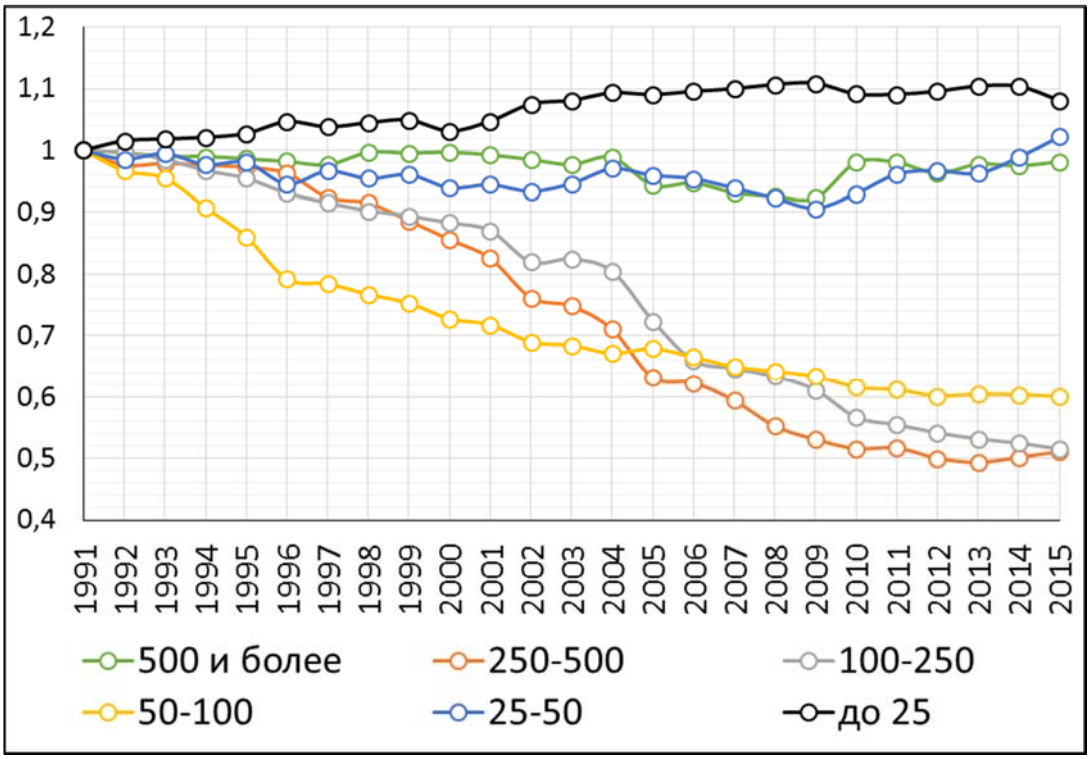


Рис. 20. Динамика концентрации населения (стандартного индекса Тэйла) по группам численности населения (в тыс. человек), к уровню 1991 года (1991=1). Источник: рассчитано автором.

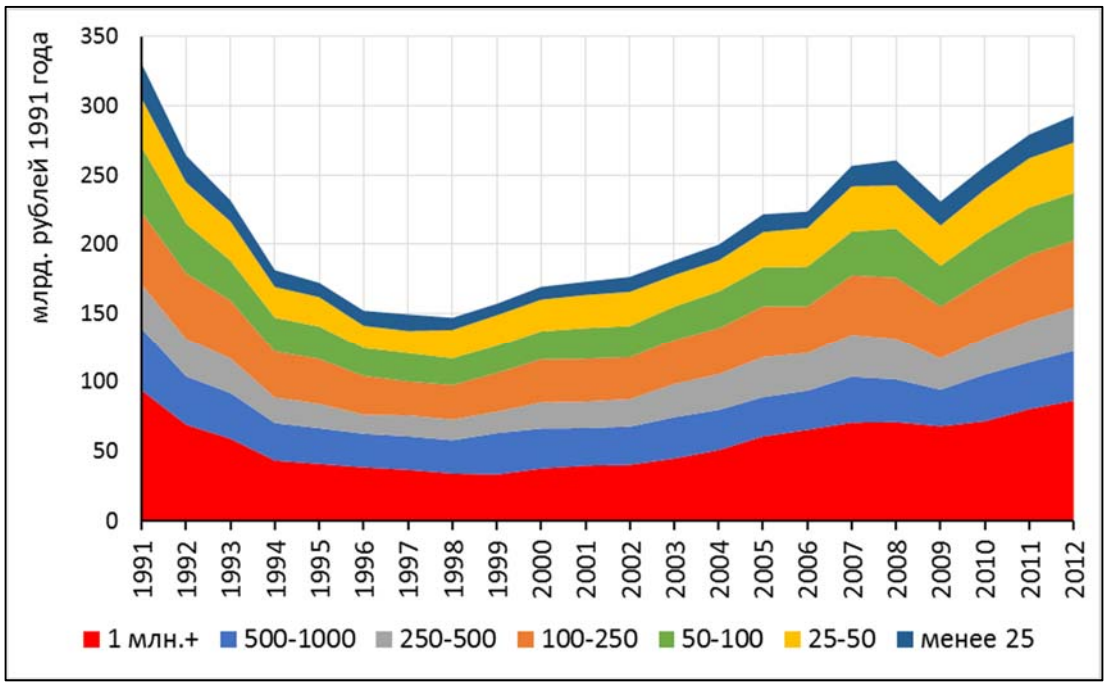


Рис. 21. Динамика приведенного промышленного производства в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока по группам численности населения. Источник: рассчитано автором.

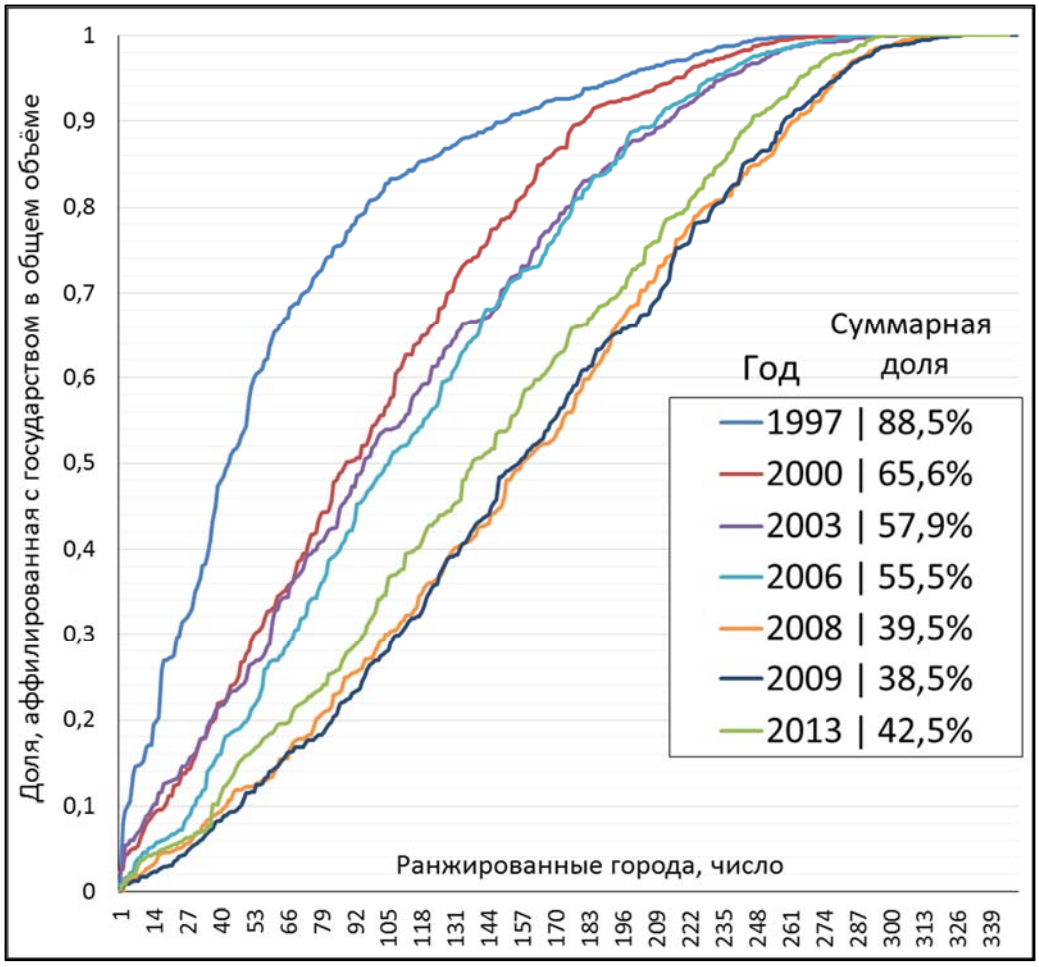


Рис. 22. Доля инвестиций в основной капитал, осуществляемых из источников, аффилированных с государством в общем объёме инвестиций в номинальных ценах соответствующих лет. Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат.

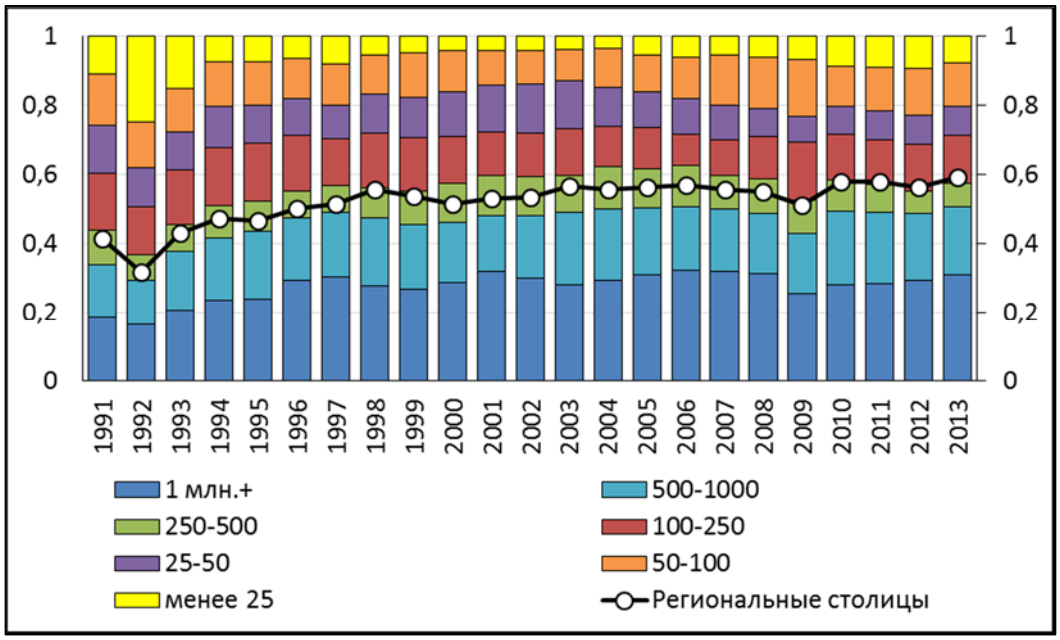


Рис. 23. Структура номинальных инвестиций в основной капитал по городам различной людности (в тыс. чел.) и региональным центрам в номинальных ценах соответствующих лет[4]. Источник: рассчитано автором.

[4] По ограниченной выборке городов

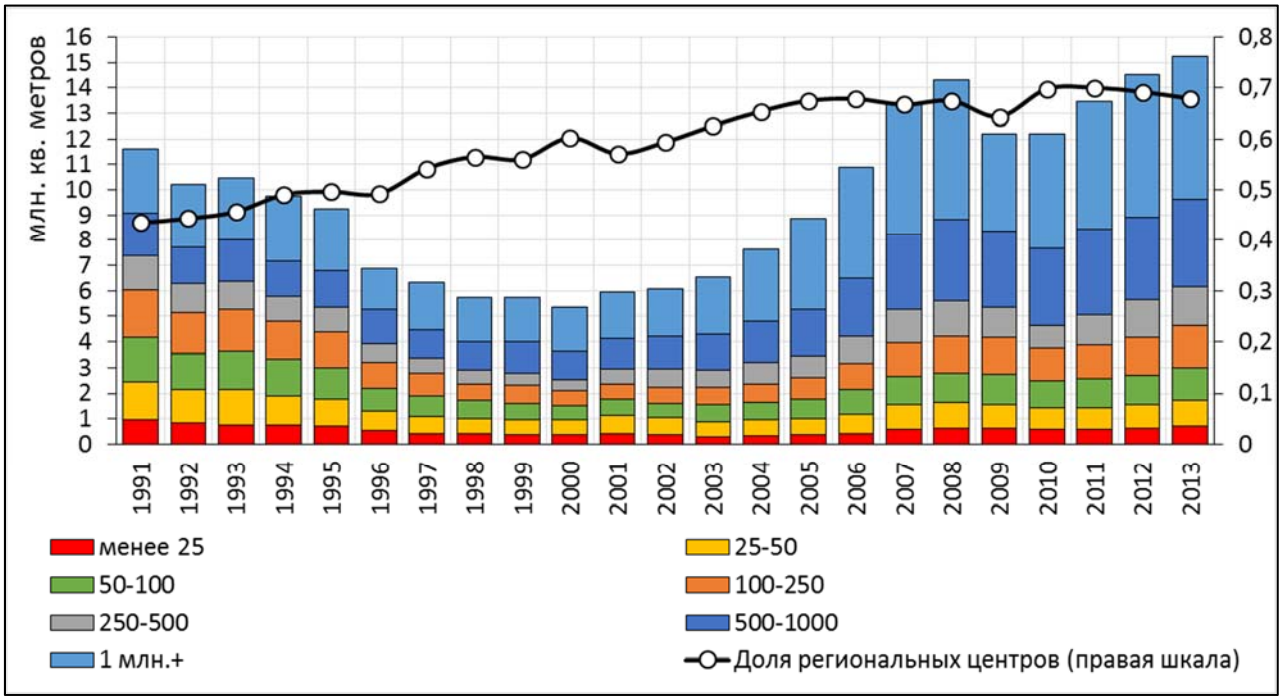


Рис. 24. Жилищное строительство в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока по группам численности населения. Источник: рассчитано автором по данным БД Мультистат.

Таблица 1. Доля промышленности и отраслей, производящих товары в ВРП регионов в номинальных ценах

Регион	Доля отраслей, производящих товары (промышленность, сельское хозяйство, строительство) в ВРП, %					Доля промышленности в ВРП, %			
	1995	2000	2004	2008	2013	2000	2004	2008	2013
Российская Федерация	**53,3**	**47,6**	**48,0**	**44,1**	**43,1**	**32,9**	**36,0**	**32,7**	**32,1**
Республика Башкортостан	62,0	61,4	62,4	58,4	54,8	43,7	45,2	43,5	41,4
Пермский край	50,2	56,5	53,9	59,6	57,3	42,2	44,0	50,5	50,4
Оренбургская область	56,4	64,9	64,8	69,6	69,0	41,5	51,2	54,8	56,6
Курганская область	64,2	48,3	42,5	44,2	44,9	28,8	21,4	21,6	27,0
Свердловская область	53,2	55,9	54,4	48,5	39,2	43,5	43,7	40,0	31,9
Челябинская область	58,7	59,1	61,1	56,8	49,3	46,9	50,0	42,9	36,0
Тюменская область, из них:	58,2	67,3	75,0	69,9	69,5	53,5	68,0	61,3	61,5
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	н/д	68,0	77,9	75,3	76,1	59,3	73,5	70,3	70,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	н/д	75,7	76,7	69,5	65,9	46,6	63,5	53,6	56,2
Тюменская область (без автономных округов)	н/д	40,2	60,0	48,0	53,7	20,5	51,6	35,9	41,4
Республика Алтай	37,7	33,1	40,5	40,1	37,5	5,0	6,1	9,5	8,0
Алтайский край	59,0	54,1	49,8	42,4	42,3	21,2	22,6	22,5	23,6
Кемеровская область	57,6	56,5	59,8	60,5	52,0	44,4	50,9	52,5	43,7
Новосибирская область	52,4	46,5	36,4	34,2	28,4	23,2	22,2	22,3	18,0
Омская область	52,4	44,0	70,8	57,3	53,9	21,2	55,6	41,9	39,7
Томская область	55,0	51,3	62,8	53,9	51,6	36,8	52,4	42,7	42,4
Республика Бурятия	49,8	44,9	38,0	31,5	34,5	24,4	22,0	20,7	22,9
Республика Тыва	34,6	36,1	32,8	23,7	22,9	11,0	11,5	9,7	9,1
Республика Хакасия	66,4	64,8	48,7	49,4	47,0	48,1	34,6	38,6	35,5
Забайкальский край	38,9	41,6	29,8	28,0	28,1	16,8	15,3	13,5	19,2
Красноярский край	68,0	76,3	66,7	60,0	59,2	66,0	56,4	46,3	49,1
Иркутская область	56,4	52,1	47,8	42,3	48,9	41,1	32,8	26,8	36,7
Республика Саха (Якутия)	59,0	60,0	57,9	58,4	58,9	49,7	47,0	41,5	48,4
Камчатский край	54,6	58,8	35,5	26,3	28,0	46,3	25,4	16,5	19,8
Приморский край	50,8	39,0	26,7	23,3	23,9	29,6	17,1	13,4	13,8
Хабаровский край	43,8	55,7	41,6	34,9	29,6	45,9	28,1	21,4	18,4
Амурская область	43,0	38,2	41,5	36,2	36,4	16,5	20,9	17,0	23,2
Магаданская область	47,2	60,6	56,8	35,7	38,6	52,5	50,3	27,5	29,3
Сахалинская область	54,0	65,8	60,5	72,0	73,2	49,9	29,6	55,4	66,1
Еврейская автономная область	54,2	29,9	35,3	38,9	32,0	14,6	12,0	12,7	12,0
Чукотский автономный округ	36,2	45,9	53,5	58,1	51,1	36,7	18,6	47,1	46,2
Всего по регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока	**56,2**	**60,1**	**60,5**	**56,6**	**54,1**	**45,5**	**48,9**	**44,8**	**44,1**

Источник: рассчитано автором по данным ГКС РФ.

Таблица 2. Доля городского населения регионов по данным переписей населения (1959 - 2010 гг.) и текущего учета населения (на начало 2015 г.)

Регионы	1959	1970	1979	1989	2002		2010		2015	
Городское население	всего	всего	всего	всего	всего	в городах	всего	в городах	всего	в городах
Российская Федерация	**52,4**	**62,1**	**69,1**	**73,4**	**73,3**	**66,1**	**73,6**	**69,6**	**74,2**	
Регионы Урала	**59,0**	**65,1**	**71,4**	**75,1**	**74,0**	**67,9**	**72,4**	**69,7**	**73,2**	**71,2**
Республика Башкортостан	38,4	48,0	56,8	63,8	64,0	58,5	60,3	59,5	61,4	60,7
Оренбургская область	45,1	52,9	60,2	64,8	57,8	57,2	59,4	59,1	59,8	59,7
Пермская область	59,0	67,2	73,9	77,4	75,2	68,7	74,8	70,0	75,3	71,2
Курганская область	32,8	42,5	50,3	54,6	56,3	51,8	59,9	55,0	61,1	56,2
Свердловская область	76,0	80,6	85,0	87,0	87,9	78,6	83,7	79,8	84,2	82,4
Челябинская область	76,4	77,8	81,2	82,5	81,8	75,9	81,9	79,2	82,4	80,1
Регионы Западной Сибири	**50,9**	**61,2**	**67,5**	**72,7**	**71,9**	**64,5**	**73,0**	**67,5**	**74,3**	**69,2**
Тюменская область с АО	31,7	49,0	60,8	76,2	77,4	68,5	77,9	72,3	79,8	74,9
ХМАО	26,6	62,7	78,1	91,0	90,9	78,7	91,4	80,7	92,0	81,9
ЯНАО	35,5	43,2	50,3	78,0	83,4	74,1	84,7	77,9	83,9	78,5
Тюменская область без АО	32,2	45,9	53,7	61,2	60,5	55,3	59,9	55,0	64,3	63,8
Республика Алтай	19,1	24,3	27,3	27,2	26,6	26,4	27,3	27,8	28,9	29,5
Алтайский край	33,7	47,2	53,8	57,9	53,2	49,0	54,3	51,5	55,8	52,8
Кемеровская область	77,1	82,2	86,1	87,3	86,7	75,6	85,3	78,0	85,6	78,6
Новосибирская область	55,5	65,2	71,3	74,5	75,1	68,3	76,9	70,6	78,2	72,3
Омская область	43,2	55,2	62,9	67,6	68,7	59,5	71,2	63,1	71,9	64,3
Томская область	48,2	59,2	65,6	69,0	67,8	67,0	70,0	70,0	71,6	71,5
Регионы Восточной Сибири	**54,9**	**64,6**	**73,0**	**77,1**	**77,3**	**61,0**	**77,1**	**62,5**	**77,8**	**63,7**
Республика Бурятия	41,0	44,5	56,8	61,7	59,6	45,6	57,8	50,5	58,8	52,4
Республика Тыва	29,1	37,7	41,9	46,8	51,3	46,8	52,4	48,3	53,8	48,9
Республика Хакасия	54,0	59,5	68,1	72,3	70,9	58,6	67,7	59,4	68,2	61,1
Красноярский край	48,7	62,1	69,6	72,9	75,7	67,0	76,0	68,7	76,4	70,5
Иркутская область	62,1	72,2	77,4	80,5	79,3	70,0	79,4	70,2	79,4	70,2
Забайкальский край	54,4	57,3	62,8	65,0	63,9	43,5	65,5	45,4	67,1	46,8
Регионы Дальнего Востока	**67,5**	**71,4**	**74,3**	**75,8**	**75,9**	**61,5**	**74,7**	**64,2**	**75,3**	**64,7**
Республика Саха (Якутия)	49,1	56,4	61,3	66,9	64,3	46,0	64,3	50,0	65,2	52,2
Приморский край	67,2	72,8	75,6	77,3	78,3	62,8	76,0	67,0	76,7	68,4
Хабаровский край	74,7	79,1	80,9	80,2	80,6	70,1	81,8	71,6	81,6	72,9
Амурская область	59,7	61,7	65,0	68,0	65,8	54,3	66,6	55,6	67,1	50,6
Камчатский край	63,8	76,4	82,5	81,4	81,1	75,4	78,3	76,8	77,5	77,0
Магаданская область	86,8	75,9	80,4	83,7	92,3	58,6	95,0	64,0	95,3	65,3
Сахалинская область	75,3	78,3	82,2	82,3	86,7	72,2	79,4	73,8	81,3	74,0
Еврейская автономная область	71,8	68,8	67,7	65,9	67,5	46,2	67,4	47,6	67,8	48,9
Чукотский автономный округ	57,4	68,9	68,6	72,6	66,7	41,5	64,7	44,5	66,7	48,3

Источник: рассчитано автором по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения.

Таблица 3. Индексы, характеризующие территориальное неравенство регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока

Показатель	**Счёт**	К.	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	MAX	MAX/2013, %	Последний год к перв., %
Население	реальн.	T	0,273	0,274	0,279	0,281	0,291	0,286	0,287	0,288	0,289	0,299	0,300	0,300	0,299	0,299	0,299	0,299	0,298	0,298	0,300	0,300	0,300	0,300	0,301	0,301	0,0	10,2
Все инвестиции в основной капитал	ном.	T*	0,200	0,316	0,306	0,284	0,333	0,370	0,410	0,326	0,414	0,516	0,503	0,509	0,491	0,440	0,366	0,344	0,316	0,311	0,328	0,303	0,309	0,300	0,295	0,516	-42,9	47,8
		D	0,279	0,361	0,355	0,334	0,366	0,393	0,419	0,377	0,433	0,504	0,509	0,502	0,477	0,460	0,417	0,399	0,379	0,371	0,416	0,402	0,414	0,391	0,385	0,509	-24,4	38,2
		HHI*	0,457	0,621	0,608	0,597	0,658	0,703	0,732	0,632	0,727	0,804	0,784	0,796	0,796	0,734	0,649	0,624	0,604	0,605	0,602	0,579	0,576	0,590	0,569	0,804	-29,2	24,5
	реальн.	T*	0,200	0,202	0,187	0,171	0,223	0,224	0,263	0,224	0,286	0,365	0,371	0,380	0,368	0,377	0,326	0,288	0,265	0,262	0,299	0,259	0,274	0,279	0,277	0,380	-27,0	38,9
		D	0,279	0,294	0,287	0,268	0,314	0,332	0,364	0,347	0,396	0,449	0,460	0,450	0,439	0,443	0,410	0,389	0,378	0,379	0,419	0,396	0,413	0,411	0,410	0,460	-10,9	47,2
		HHI*	0,457	0,443	0,415	0,398	0,483	0,481	0,535	0,453	0,547	0,648	0,646	0,675	0,664	0,666	0,607	0,551	0,503	0,497	0,530	0,465	0,480	0,491	0,482	0,675	-28,6	5,4
Частные инвестиции российской формы собственности	ном.	T*			0,131	0,132	0,143	0,143	0,119	0,168	0,116	0,744	0,734	0,724	0,677	0,566	0,474	0,413	0,379	0,376	0,375	0,355	0,359	0,367	0,371	0,744	-50,2	183,2
		D			0,291	0,281	0,310	0,303	0,280	0,311	0,266	0,665	0,669	0,651	0,602	0,533	0,487	0,464	0,434	0,420	0,449	0,433	0,446	0,438	0,427	0,669	-36,3	46,8
		HHI*			0,221	0,240	0,245	0,252	0,194	0,252	0,210	0,925	0,898	0,902	0,891	0,839	0,759	0,705	0,682	0,691	0,662	0,655	0,638	0,674	0,689	0,925	-25,5	211,1
Инвестиции иностранные и смешанные российско-иностранные		T*					0,644	0,591	0,565	0,831	0,885	0,774	0,759	0,727	0,681	0,708	0,656	0,730	0,648	0,629	0,637	0,548	0,455	0,404	0,397	0,885	-55,2	-38,4
		D					0,690	0,662	0,649	0,797	0,803	0,751	0,746	0,720	0,692	0,704	0,660	0,692	0,646	0,634	0,625	0,581	0,542	0,516	0,507	0,803	-36,8	-26,5
		HHI*					0,817	0,771	0,747	0,944	0,966	0,925	0,912	0,896	0,871	0,888	0,877	0,913	0,867	0,854	0,856	0,802	0,724	0,642	0,643	0,966	-33,5	-21,3
Инвестиции остальные, аффилированные с государством		T*					0,365	0,404	0,459	0,426	0,520	0,385	0,287	0,285	0,301	0,242	0,234	0,199	0,195	0,180	0,197	0,194	0,297	0,267	0,261	0,520	-49,8	-28,4
		D					0,249	0,282	0,335	0,329	0,374	0,267	0,163	0,234	0,213	0,198	0,198	0,190	0,204	0,174	0,153	0,139	0,201	0,198	0,173	0,374	-53,7	-30,4
		HHI*					0,691	0,736	0,769	0,735	0,817	0,670	0,505	0,527	0,591	0,502	0,463	0,386	0,390	0,369	0,373	0,354	0,550	0,521	0,485	0,817	-40,6	-29,8
Валовый региональный продукт	ном., 28 рег.	T*					0,107	0,148	0,146	0,146	0,160	0,214	0,225	0,214	0,215	0,224	0,270	0,240	0,209	0,195	0,192	0,185	0,191	0,192	0,193	0,270	-28,4	80,0
		D					0,234	0,259	0,259	0,271	0,288	0,334	0,339	0,315	0,315	0,321	0,352	0,334	0,317	0,300	0,298	0,304	0,309	0,308	0,309	0,352	-12,1	32,3
		HHI*					0,229	0,320	0,312	0,306	0,328	0,419	0,441	0,430	0,431	0,446	0,513	0,469	0,417	0,396	0,388	0,369	0,379	0,381	0,384	0,513	-25,1	68,0
	ном.	T*										0,272	0,278	0,268	0,268	0,258	0,298	0,270	0,238	0,226	0,221	0,210	0,215	0,220	0,221	0,298	-25,8	-18,7
		D										0,346	0,348	0,324	0,324	0,326	0,357	0,339	0,322	0,306	0,305	0,310	0,315	0,314	0,316	0,357	-11,6	-8,8
		HHI*										0,551	0,560	0,556	0,552	0,530	0,580	0,542	0,491	0,476	0,464	0,437	0,444	0,456	0,461	0,580	-20,5	-16,2
	реальн.	T*						0,148	0,155	0,167	0,160	0,160	0,165	0,168	0,166	0,163	0,171	0,165	0,153	0,150	0,149	0,148	0,140	0,135	0,136	0,171	-20,8	-8,6
		D						0,259	0,265	0,278	0,275	0,276	0,280	0,282	0,279	0,278	0,283	0,277	0,266	0,262	0,263	0,265	0,260	0,261	0,264	0,283	-6,5	2,0
		HHI*						0,320	0,330	0,354	0,338	0,336	0,346	0,350	0,348	0,341	0,356	0,345	0,320	0,315	0,313	0,310	0,292	0,278	0,280	0,356	-21,5	-12,5
Промышленное производство	ном.	T*	0,102	0,206	0,186	0,184	0,208	0,208	0,236	0,247	0,287	0,344	0,328	0,334	0,324	0,351	0,365	0,363	0,334	0,322	0,341	0,300	0,301	0,316	0,315	0,365	-13,7	208,1
		D	0,229	0,345	0,332	0,330	0,346	0,338	0,354	0,379	0,419	0,452	0,438	0,436	0,427	0,443	0,438	0,441	0,435	0,426	0,437	0,417	0,422	0,429	0,425	0,452	-5,9	85,4
		HHI*	0,179	0,375	0,324	0,322	0,369	0,383	0,442	0,443	0,492	0,581	0,567	0,577	0,566	0,597	0,621	0,612	0,562	0,548	0,581	0,513	0,507	0,530	0,537	0,621	-13,4	199,7
	реальн.	T*	0,102	0,106	0,110	0,142	0,151	0,156	0,158	0,167	0,158	0,147	0,145	0,153	0,149	0,146	0,142	0,138	0,146	0,158	0,184	0,164	0,154	0,149	0,153	0,184	-16,8	49,9
		D	0,229	0,226	0,232	0,277	0,293	0,299	0,304	0,316	0,310	0,298	0,296	0,301	0,299	0,297	0,289	0,284	0,290	0,290	0,307	0,299	0,289	0,287	0,290	0,316	-8,3	26,5
		HHI*	0,179	0,191	0,206	0,265	0,276	0,284	0,286	0,302	0,280	0,263	0,260	0,283	0,271	0,263	0,259	0,248	0,269	0,348	0,421	0,354	0,319	0,301	0,317	0,421	-24,7	77,0
Денежные доходы на душу населения	ном.*	T*			0,031	0,033	0,038	0,034	0,034	0,037	0,035	0,038	0,038	0,027	0,025	0,025	0,024	0,020	0,022	0,020	0,019	0,016	0,013	0,014	0,014	0,038	-63,6	-54,6
		D			0,124	0,132	0,145	0,131	0,134	0,143	0,141	0,143	0,138	0,114	0,120	0,122	0,122	0,111	0,119	0,115	0,109	0,099	0,088	0,095	0,093	0,145	-36,0	-25,3
		HHI*			0,066	0,073	0,078	0,073	0,071	0,076	0,072	0,080	0,084	0,059	0,053	0,051	0,046	0,039	0,043	0,040	0,036	0,030	0,025	0,028	0,028	0,084	-67,0	-58,2
Среднемесячная начисленная з/п плата работников организаций	ном.*, 28 рег.	T*	0,015	0,032	0,032	0,031	0,027	0,022	0,020	0,027	0,033	0,047	0,052	0,036	0,035	0,031	0,026	0,022	0,020	0,019	0,015	0,015	0,015	0,014	0,011	0,052	-79,3	-27,3
		D	0,097	0,138	0,134	0,136	0,129	0,113	0,107	0,125	0,140	0,158	0,160	0,131	0,126	0,119	0,114	0,107	0,106	0,102	0,091	0,090	0,090	0,084	0,075	0,160	-52,9	-22,6
		HHI*	0,028	0,065	0,060	0,061	0,056	0,044	0,039	0,056	0,068	0,100	0,114	0,081	0,079	0,069	0,058	0,048	0,042	0,038	0,031	0,031	0,031	0,028	0,022	0,114	-80,5	-22,1
Оборот розничной торговли	ном.*	T*	0,019	0,018	0,020	0,022	0,032	0,028	0,027	0,029	0,026	0,021	0,016	0,017	0,021	0,024	0,029	0,029	0,034	0,037	0,034	0,033	0,027	0,029	0,031	0,037	-17,2	60,6
		D	0,109	0,099	0,107	0,111	0,136	0,133	0,124	0,129	0,120	0,109	0,101	0,097	0,112	0,123	0,133	0,133	0,146	0,154	0,148	0,145	0,131	0,136	0,138	0,154	-10,4	26,0
		HHI*	0,037	0,033	0,036	0,041	0,062	0,052	0,047	0,051	0,046	0,038	0,031	0,031	0,038	0,045	0,052	0,053	0,062	0,068	0,063	0,061	0,051	0,055	0,059	0,068	-13,2	58,9
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	ном.	T*												0,012	0,014	0,016	0,017	0,016	0,019	0,021	0,018	0,016	0,014	0,015	0,017	0,021	-21,7	37,8
		D												0,085	0,094	0,100	0,103	0,101	0,111	0,118	0,107	0,101	0,096	0,097	0,103	0,118	-12,7	20,9
		HHI*												0,023	0,027	0,030	0,032	0,031	0,036	0,041	0,034	0,030	0,028	0,029	0,032	0,041	-20,1	39,3
Жилищное строительство	реальн.	T*	0,015	0,021	0,03	0,043	0,066	0,081	0,098	0,096	0,091	0,099	0,132	0,116	0,092	0,09	0,076	0,075	0,064	0,068	0,06	0,052	0,048	0,052	0,052	0,132	-60,3	250,3
		D	0,09	0,107	0,134	0,159	0,189	0,21	0,242	0,241	0,232	0,252	0,289	0,27	0,242	0,24	0,217	0,22	0,201	0,21	0,194	0,175	0,166	0,175	0,172	0,289	-40,6	91,2
		HHI*	0,032	0,042	0,061	0,088	0,132	0,163	0,186	0,183	0,171	0,178	0,244	0,218	0,168	0,161	0,129	0,131	0,114	0,125	0,117	0,107	0,098	0,106	0,106	0,244	-56,5	234,5
Строительная индустрия	ном.	T*			0,112	0,139	0,156	0,225	0,247	0,209	0,32	0,387	0,468	0,486	0,484	0,404	0,337	0,317	0,298	0,302	0,338	0,328	0,266	0,248	0,225	0,486	-53,7	100,4
		D			0,215	0,233	0,252	0,307	0,325	0,3	0,365	0,418	0,48	0,481	0,473	0,431	0,416	0,401	0,382	0,369	0,414	0,42	0,382	0,365	0,348	0,481	-27,8	61,4
		HHI*			0,274	0,356	0,387	0,513	0,543	0,472	0,644	0,697	0,775	0,798	0,799	0,733	0,622	0,592	0,57	0,599	0,642	0,622	0,516	0,49	0,446	0,799	-44,2	62,7

Примечание. К. – коэффициенты: T – стандартный индекс Тэйла, T* – модифицированный индекс Тэйла, D – индекс Джини, HHI* - модифицированный индекс Херфиндаля-Хиршмана. Реальн. – физический объём, ном. – номинальный

Источник: рассчитано автором

Приложение 2.2

Особенности миграционного учета населения

Оценка динамики численности населения, а также вклада составляющих изменения численности населения (естественного и миграционного прироста) проводилась двумя способами. Первый подход состоит в использовании официальных данных по естественному приросту населения, а также зарегистрированного миграционного движения за каждый из годов на периоде 1991-2013 гг. Путем сложения естественного и искусственного движения населения (в абсолютных значениях) в целом за период рассчитывалась динамика численности населения каждого города, которая сравнивалась с результатами динамики населения между Переписью 1989 года и текущим счетом населения по состоянию на 1 января 2014 года с учетом коррекции от изменения численности населения городов, связанного с административно-территориальными преобразованиями. Недостаток такого метода состоит в том, что при относительной достоверности данных по естественному движению населения (ссылающихся на строгие данные ЗАГС), миграционная статистика по городам оказывается неполной. Это связано с неполным учетом фактически выехавшего населения (которое могло, например, сохранить прописку) и недоучетом населения, прибывшего в города, но по тем или иным причинам не зарегистрированных по новому месту пребывания. Недоучет выехавшего населения в первую очередь характерен для малых городов, теряющих население, недоучет наличного населения свойственен крупным городам, региональным столицам. Несмотря на данный очевидный недостаток, годовые данные миграционной динамики являются единственным источником данных, позволяющим оценить временную изменчивость миграционных потоков в городах.

Второй подход основан на использовании балансового метода расчета миграционных потоков. Суть его состоит выделении составляющей миграционного баланса между двумя датами исследуемого диапазона за вычетом естественного движения населения и коррекции на изменение численности, вызванной административно-территориальными преобразованиями. В итоге, второй подход позволяет достаточно точно оценить миграционный отток или приток населения, но не дает представления о временной изменчивости этого явления.

В целом, численность населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока за счет миграционного притока населения выросло на 1,82 млн. человек (см. табл. 1), в значительной мере компенсировав общую естественную убыль населения.

Таблица 1. Миграционное движение населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока за период 1991-2013 гг.

Метод счета	<25	25-50	50-100	100-250	250-500	500-1000	>1000	Рег. центры	Всего
	тыс. человек								
Приток балансовый	26,8	137,2	148,0	240,6	188,6	404,7	829,9	1456,3	1975,8
Приток официальный	65,8	196,8	205,4	168,9	139,5	358,3	589,4	1052,6	1724,1
Отток балансовый	-455,6	-344,5	-288,5	-289,9	-97,9	-2,8	0,0	-124,2	-1479,2
Отток официальный	-294,3	-237,4	-158,7	-174,2	-90,3	-25,3	0,0	-141,7	-980,2
Сальдо балансовый	-428,8	-207,2	-140,5	-49,4	90,7	401,8	829,9	1332,0	496,5
Сальдо официальный	-228,6	-40,6	46,7	-5,3	49,2	333,0	589,4	910,9	743,8

Источник: рассчитано автором.

Приложение 2.3

Таблица 1. ВВП РФ и ВРП регионов азиатской части РФ по ППС с учетом региональных коэффициентов удорожания, тыс. долл. США

	1995	1996	1997	1998	1999	2002	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Порог	7,5	7,8	7,9	8,1	8,3	8,9	9,4	9,7	10,0	10,3	10,7	10,7	11,0	11,1	11,5	11,7	11,8
ВРП по ППС на душу населения с учётом регионального коэффициента удорожания																	
Российская Федерация	6,3	6,0	6,0	5,9	6,6	7,0	8,4	9,9	12,5	14,1	16,7	16,0	16,7	18,3	19,3	20,4	21,1
Уральский ЭР	**6,9**	**6,6**	**6,8**	**6,2**	**6,6**	**5,9**	**7,4**	**9,2**	**11,6**	**12,8**	**14,6**	**13,6**	**14,2**	**15,8**	**17,5**	**18,2**	**18,5**
Курганская область	4,1	4,0	4,0	4,2	4,0	3,5	3,9	4,6	6,5	6,9	8,5	9,5	9,2	9,8	10,1	11,3	11,1
Оренбургская область	5,0	6,3	6,9	6,1	6,8	5,7	8,0	9,7	14,2	14,6	16,4	16,7	16,5	18,2	20,1	22,7	22,8
Пермский край	8,4	7,2	7,4	7,2	7,7	6,8	7,7	9,8	10,7	12,1	14,6	13,8	14,5	17,5	18,4	18,7	19,1
Республика Башкортостан	8,1	8,2	8,4	7,4	7,7	6,7	8,1	9,5	11,5	12,4	15,1	13,6	13,3	15,2	18,2	19,4	18,2
Свердловская область	7,1	6,1	6,0	5,7	6,1	5,4	7,1	9,1	12,0	13,7	14,8	13,5	15,3	16,3	18,5	19,8	20,5
Челябинская область	6,3	6,6	6,8	5,4	5,8	5,6	7,5	9,2	11,8	13,2	14,3	12,8	13,5	14,3	14,8	14,1	15,3
Западно-Сибирский ЭР	**8,2**	**8,4**	**7,8**	**7,6**	**7,9**	**9,7**	**13,0**	**17,3**	**19,4**	**19,1**	**21,6**	**20,7**	**21,7**	**24,4**	**25,7**	**26,7**	**27,0**
Алтайский край	4,4	4,0	3,4	3,4	3,4	3,9	4,6	5,5	6,8	7,4	7,9	8,1	8,1	8,4	9,1	10,4	10,7
Кемеровская область	7,5	6,7	5,7	5,6	5,4	5,0	7,6	9,4	11,2	12,4	16,4	15,8	17,5	19,0	17,3	14,2	15,5
Новосибирская область	5,9	5,0	4,5	4,0	4,1	4,9	6,0	7,2	8,6	9,5	11,4	10,9	11,2	12,4	13,0	15,8	15,9
Омская область	7,1	6,8	6,9	5,7	4,6	6,0	9,1	9,8	10,6	10,7	12,4	12,7	13,7	15,5	16,5	17,4	17,9
Республика Алтай	4,1	2,9	2,9	3,3	3,1	3,5	3,6	3,4	4,1	4,6	5,2	5,3	6,9	7,7	8,2	9,1	9,8
Томская область	7,6	7,4	7,1	7,3	6,7	8,1	9,7	11,6	14,0	14,6	16,3	15,3	16,2	17,3	18,6	19,2	19,5
Тюменская область вся	14,4	16,7	16,1	16,0	17,8	22,6	30,1	42,6	46,0	42,9	47,3	44,6	46,2	52,8	56,3	58,2	58,0
Тюменская область (без АО)						6,5	15,2	25,9	25,7	23,3	24,7	23,0	26,7	30,4	30,0	32,4	26,8
ХМАО						27,7	36,6	54,0	56,9	52,6	56,7	54,6	53,4	62,1	65,3	64,4	64,1
ЯНАО						36,3	34,9	37,7	47,5	46,7	55,4	51,2	55,5	62,7	74,2	83,5	92,5
Восточно-Сибирский ЭР	**6,4**	**5,7**	**5,8**	**6,1**	**6,7**	**5,7**	**6,7**	**8,3**	**10,8**	**12,1**	**12,4**	**13,3**	**15,3**	**15,9**	**16,3**	**17,2**	**18,0**
Забайкальский край	3,3	2,8	2,8	2,7	3,0	3,4	4,0	5,0	6,1	6,8	8,7	9,9	9,8	10,9	11,5	12,1	11,0
Иркутская область	6,5	6,3	6,7	6,7	6,9	5,9	6,4	8,3	10,7	11,7	12,4	13,3	14,5	15,7	17,4	18,5	19,1
Красноярский край	10,3	8,4	7,9	9,0	10,7	7,5	9,3	11,2	14,9	17,4	15,9	16,5	20,9	21,2	20,4	21,5	23,4
Республика Бурятия	4,3	3,8	4,2	4,4	4,1	4,1	4,7	5,6	7,2	7,5	9,1	9,5	8,9	9,2	9,5	10,1	9,9
Республика Тыва	1,8	1,5	1,5	1,7	1,8	2,3	2,5	3,0	4,0	4,5	5,4	6,2	6,4	6,4	6,9	6,8	7,4
Республика Хакасия	5,8	4,4	4,8	4,5	4,8	4,9	5,2	6,5	8,4	9,0	9,9	11,8	12,0	12,9	14,3	15,1	16,0
Дальневосточный ЭР	**4,7**	**4,4**	**4,7**	**4,9**	**5,6**	**5,2**	**6,0**	**7,0**	**8,5**	**9,8**	**11,6**	**13,5**	**14,9**	**17,0**	**17,1**	**17,4**	**19,4**
Амурская область	4,8	4,6	5,1	4,4	4,3	4,7	4,9	5,8	6,8	7,3	8,7	10,5	11,0	12,7	12,6	11,5	13,0
Еврейская автономная область	3,0	2,8	2,8	2,5	3,4	3,3	4,2	5,1	6,8	7,9	7,9	8,6	9,7	11,3	11,3	9,4	10,3
Камчатский край	4,5	3,8	3,6	5,0	4,3	3,8	4,9	4,9	6,6	7,0	7,5	11,2	9,4	10,4	10,7	11,3	12,2
Магаданская область	4,4	4,4	4,6	4,3	4,3	7,3	7,5	8,2	9,4	9,7	11,5	12,9	15,0	16,8	17,0	16,9	18,6
Приморский край	4,2	4,0	4,1	4,3	5,4	3,9	4,9	5,7	6,7	7,2	8,7	10,8	12,9	14,3	13,4	12,5	13,6
Республика Саха (Якутия)	6,0	5,0	5,1	5,7	7,4	7,7	8,2	9,7	11,0	10,9	14,3	14,8	15,9	18,7	19,5	20,8	22,6
Сахалинская область	4,0	3,8	4,1	4,5	7,1	5,5	8,3	10,8	14,7	23,9	28,7	34,7	39,7	44,8	46,9	50,3	58,1
Хабаровский край	4,6	5,5	6,5	5,9	5,9	5,5	5,5	6,5	7,8	8,6	9,1	9,5	11,0	12,1	12,6	14,1	15,6
Чукотский автономный округ	4,1	3,5	2,8	2,8	2,7	8,2	7,8	7,9	10,1	12,8	20,0	30,4	24,7	28,1	28,9	27,3	32,5

Источник: расчеты автора на основе данных ФСГС и [Емельянов, 2001]

Приложение 3.1

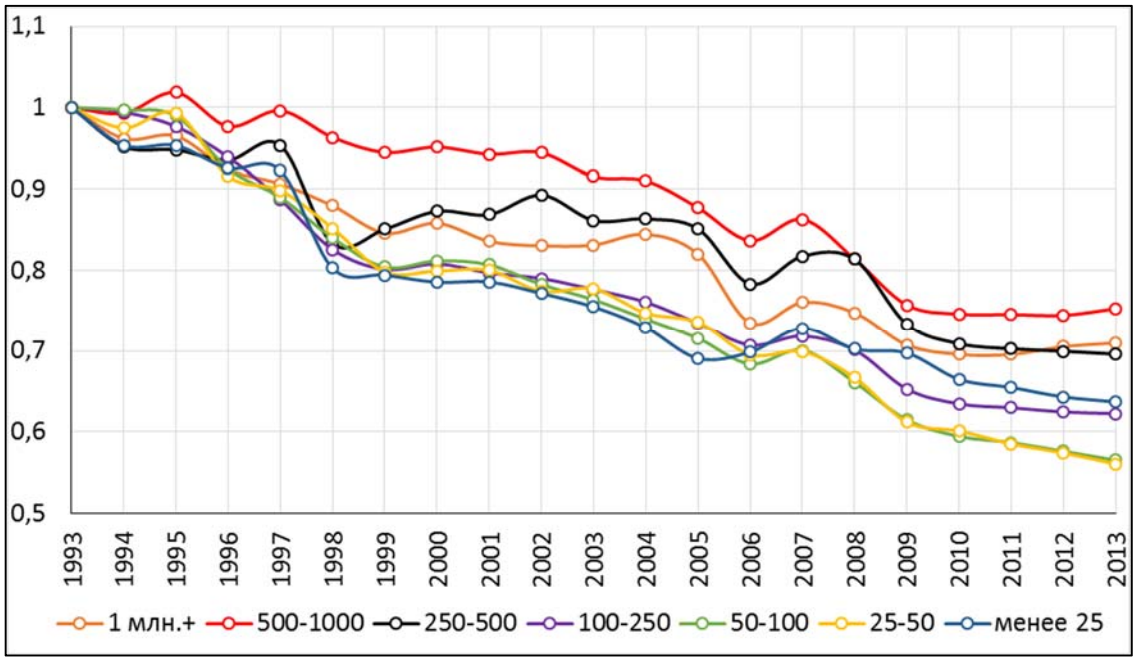


Рис. 1. Среднесписочная численность работников организаций в городах, по группам численности населения к уровню 1993 года (1993=1). Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

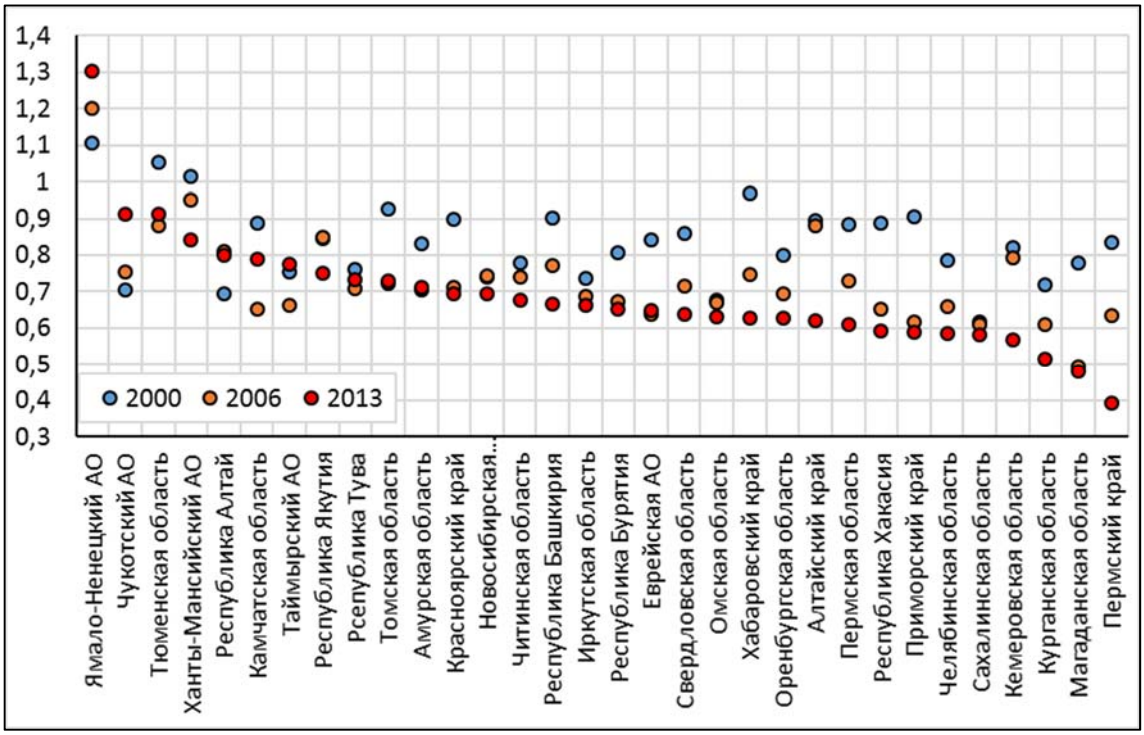


Рис. 2. Динамика среднесписочной численности работников организаций в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока, по регионам по отношению к уровню 1993 года (1993=1). Источник: рассчитано по данным БД Мультистат.

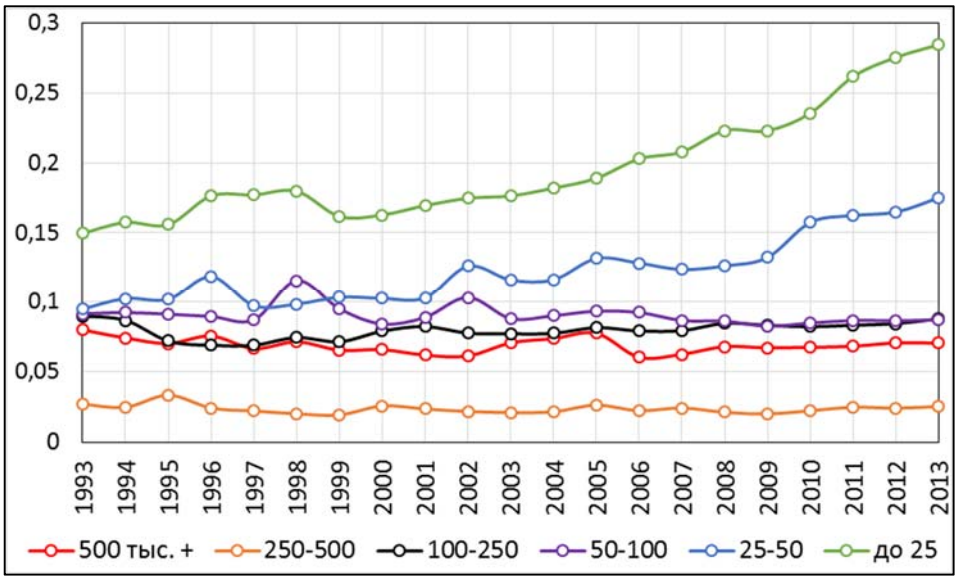


Рис. 3. Индекс Тэйла по группам численности населения городов. Источник: рассчитано автором.

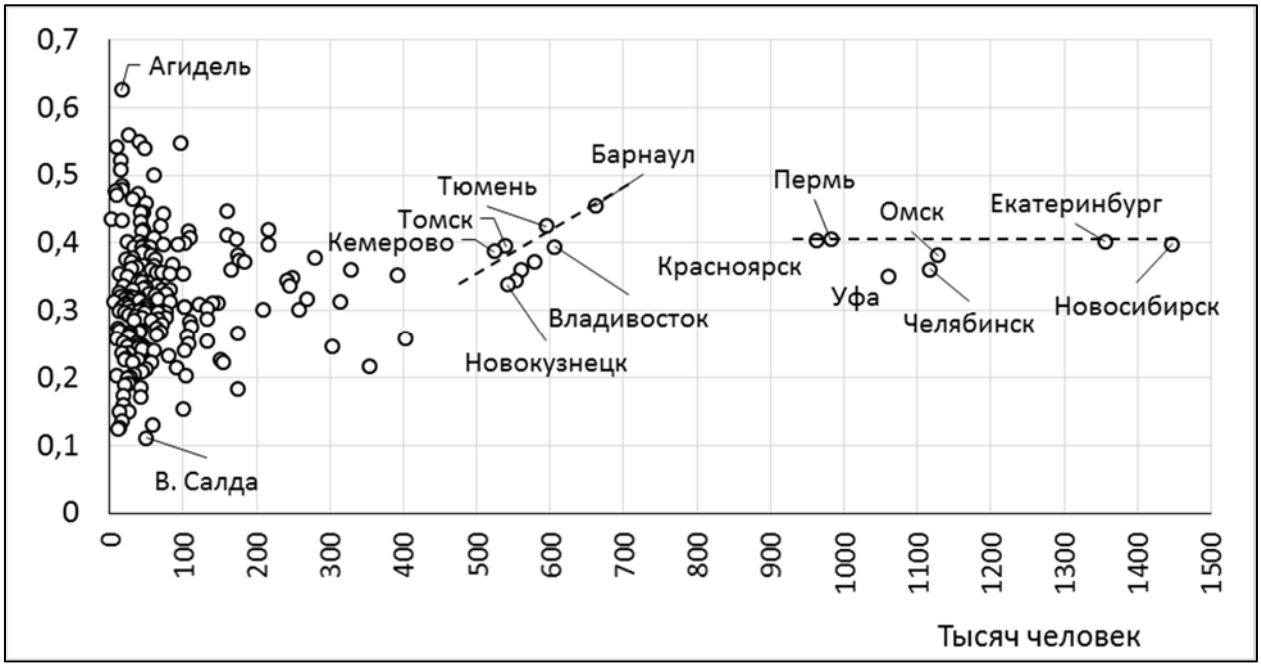


Рис. 4. Доля рабочих мест (от 1) в среднем и малом предпринимательстве (у индивидуальных предпринимателей и в организациях с образованием юридического лица) в общем числе официальных рабочих мест[1] в городских округах в 2010 году. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010, БД ПМО, БД Мультистат.

[1] Под числом официальных рабочих мест понимается сумма рабочих мест в предприятиях малого и среднего бизнеса, у индивидуальных предпринимателей и в организациях города

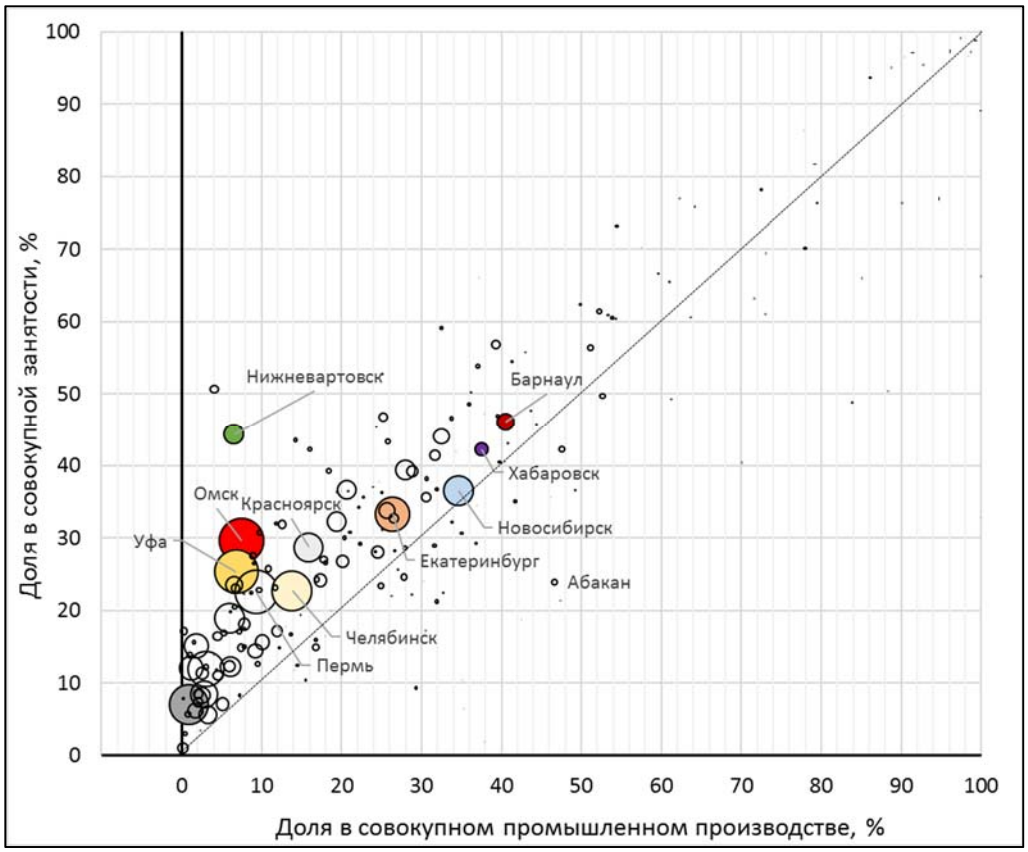


Рис. 5. Роль в МСП в обрабатывающей промышленности городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Площадь пунсона пропорциональная суммарной промышленной продукции всех организаций и предпринимателей в обрабатывающей промышленности в 2010 году. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010, БД ПМО, БД Мультистат.

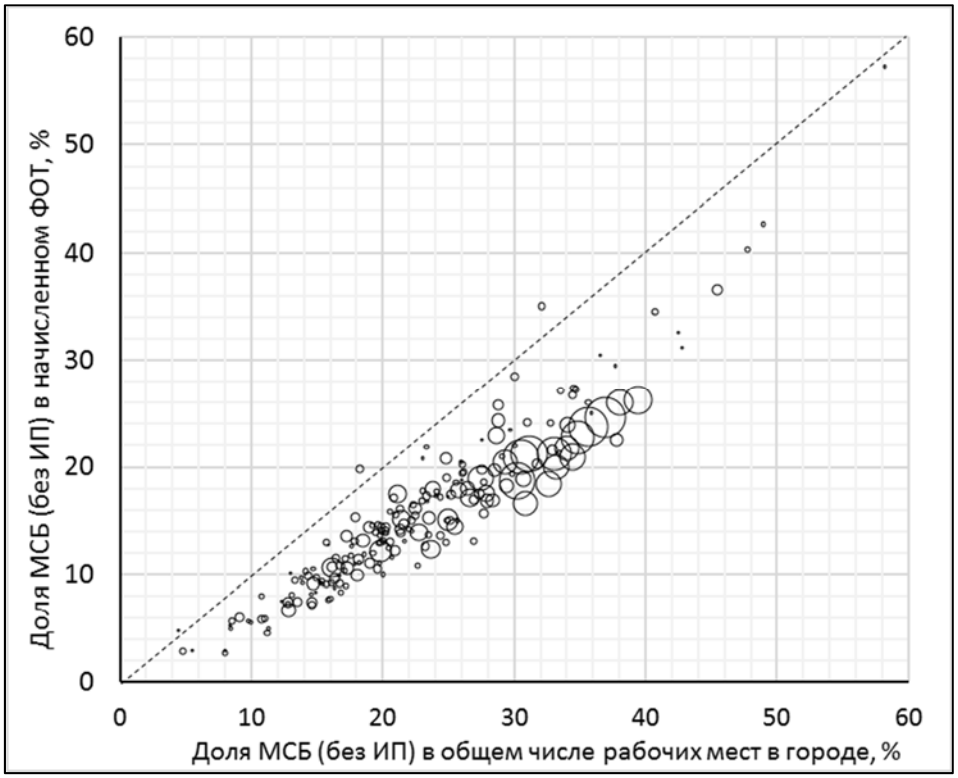


Рис. 6. Фонды оплаты труда (ФОТ) в МСБ (без ИП) в городских округах Урала, Сибири и Дальнего Востока в 2010 году. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010.

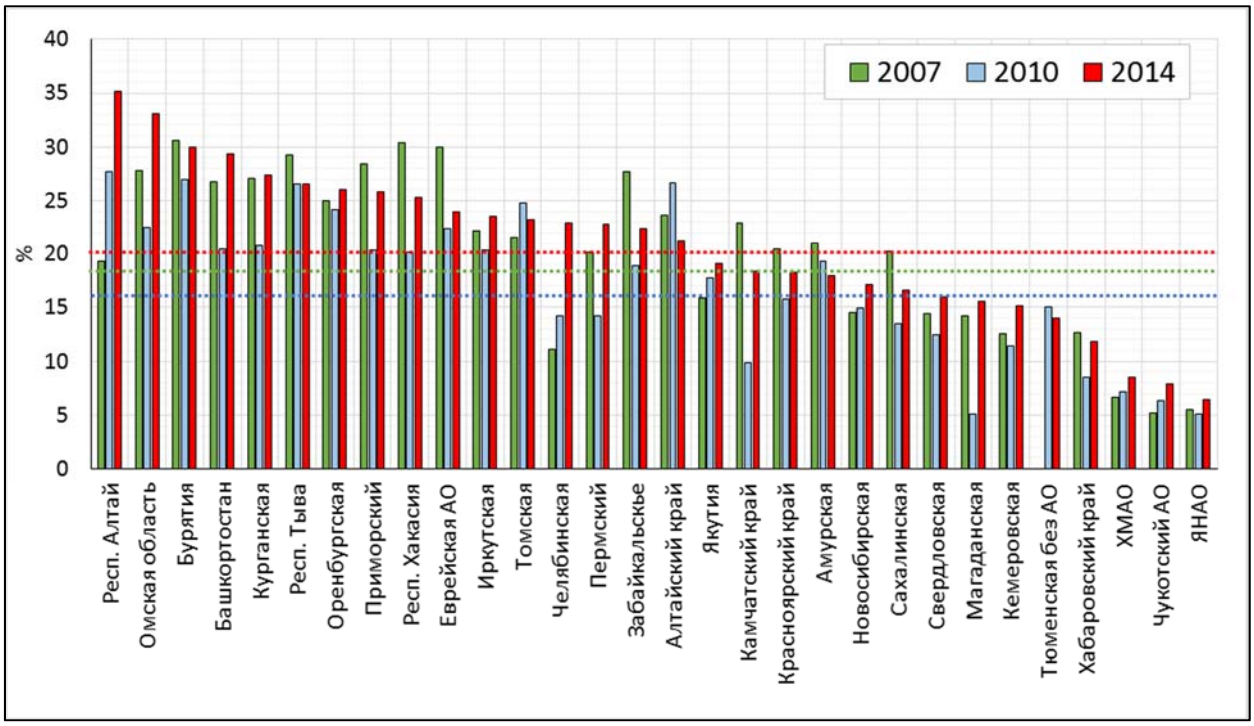


Рис. 7. Доля работников в неформальном секторе занятости от общей численности работающего населения по регионам азиатской части РФ. Источник: обследования населения по проблемам занятости 2007, 2010 и 2014 годов. Пунктирной линией показано среднее значение по РФ в соответствующем году. Источник: рассчитано автором по данным СНДСМП-2010, ГКС РФ, ОНПЗ.

Переориентация на внешние рынки труда

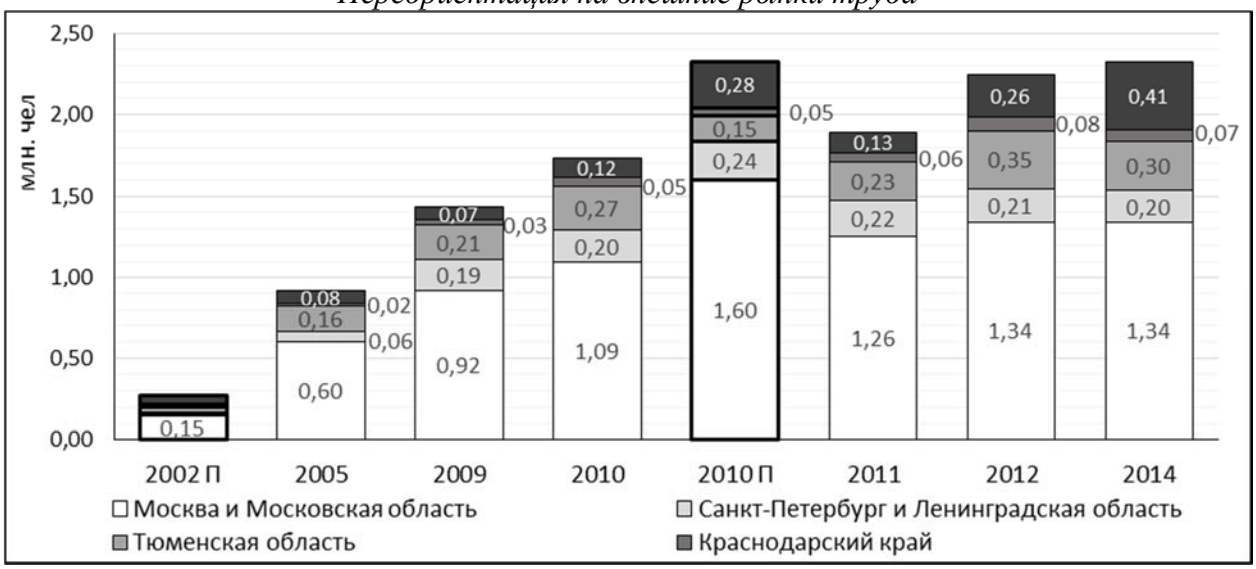


Рис. 8. Основные регионы-реципиенты трудовых мигрантов из субъектов РФ. Источник: данные выборочных обследований населения по проблемам занятости (2005, 2009,2010, 2011, 2012, 2014), Всероссийская перепись населения 2002 и 2010 годов

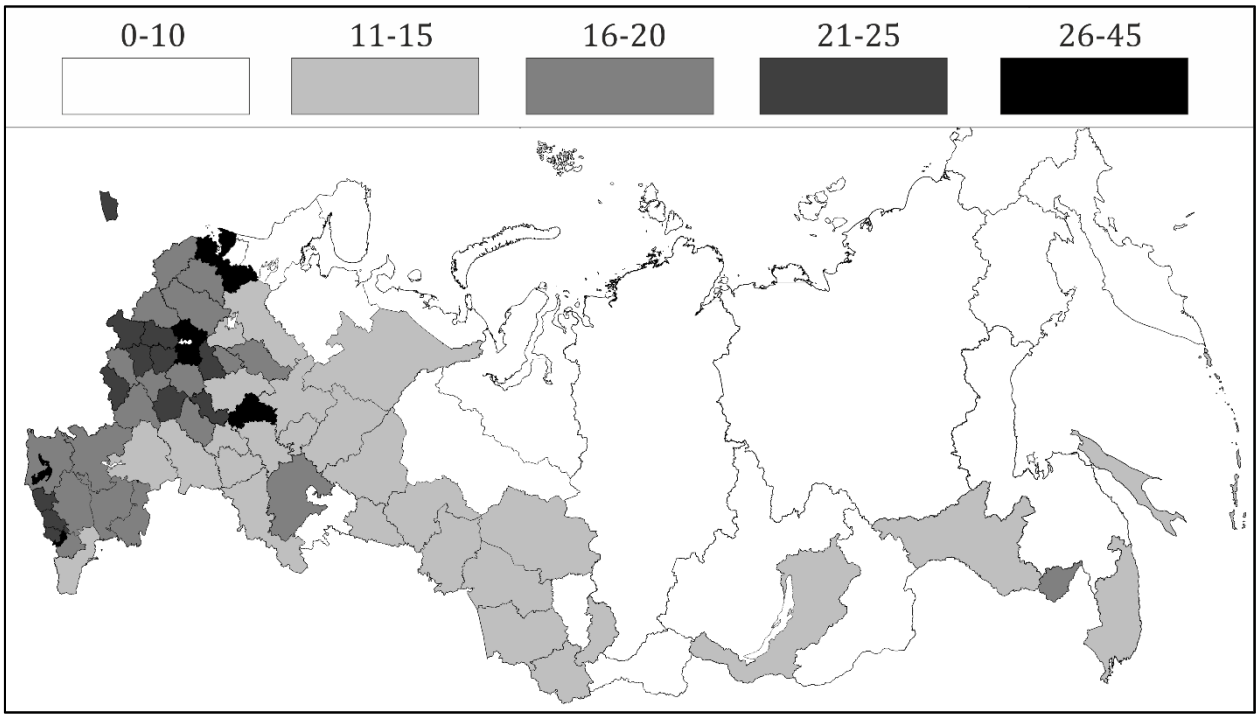


Рис. 9. Трудовая мобильность населения регионов России. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

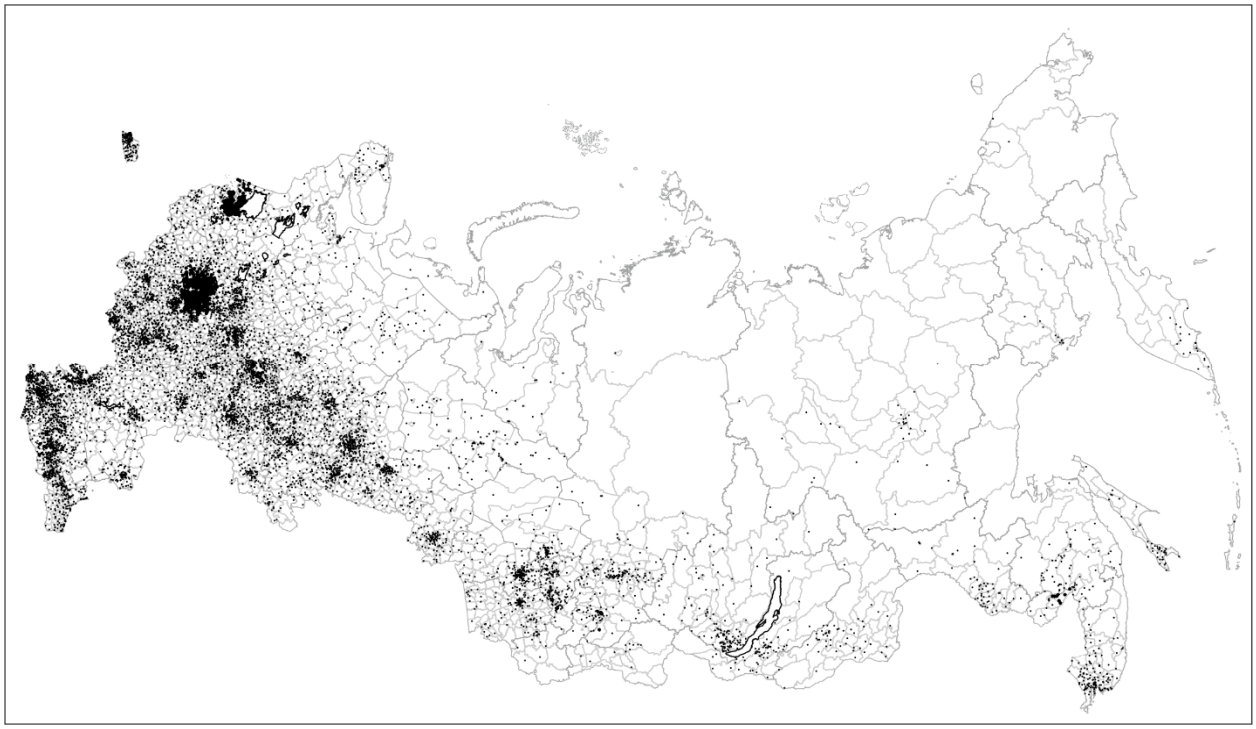


Рис. 10. Маятниковые трудовые миграции населения (внутрирегиональные и пограничные межрегиональные). Одна точка соответствует 700 человек маятниковых мигрантов. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

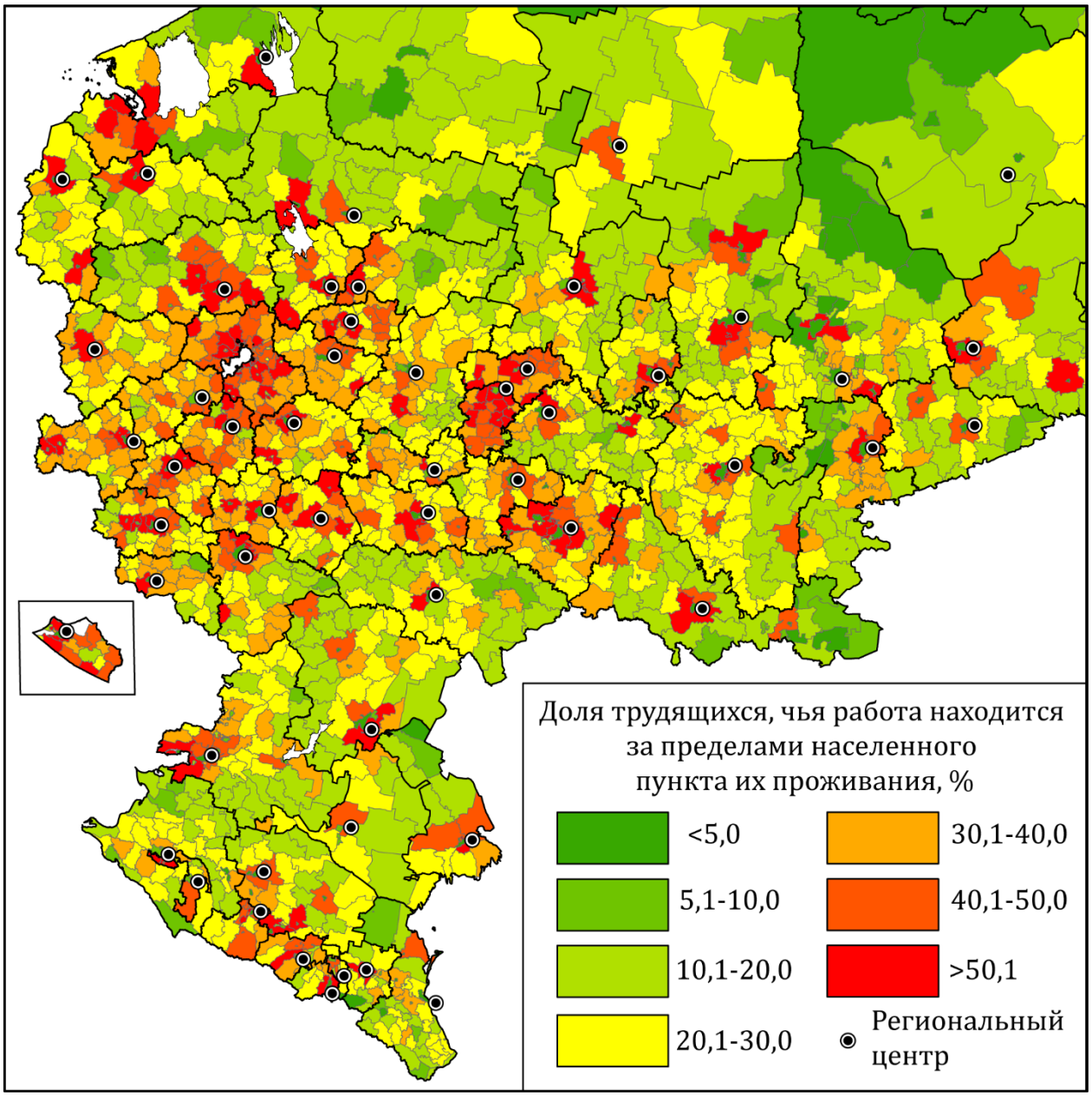


Рис. 11. Трудовая мобильность населения западной части РФ. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

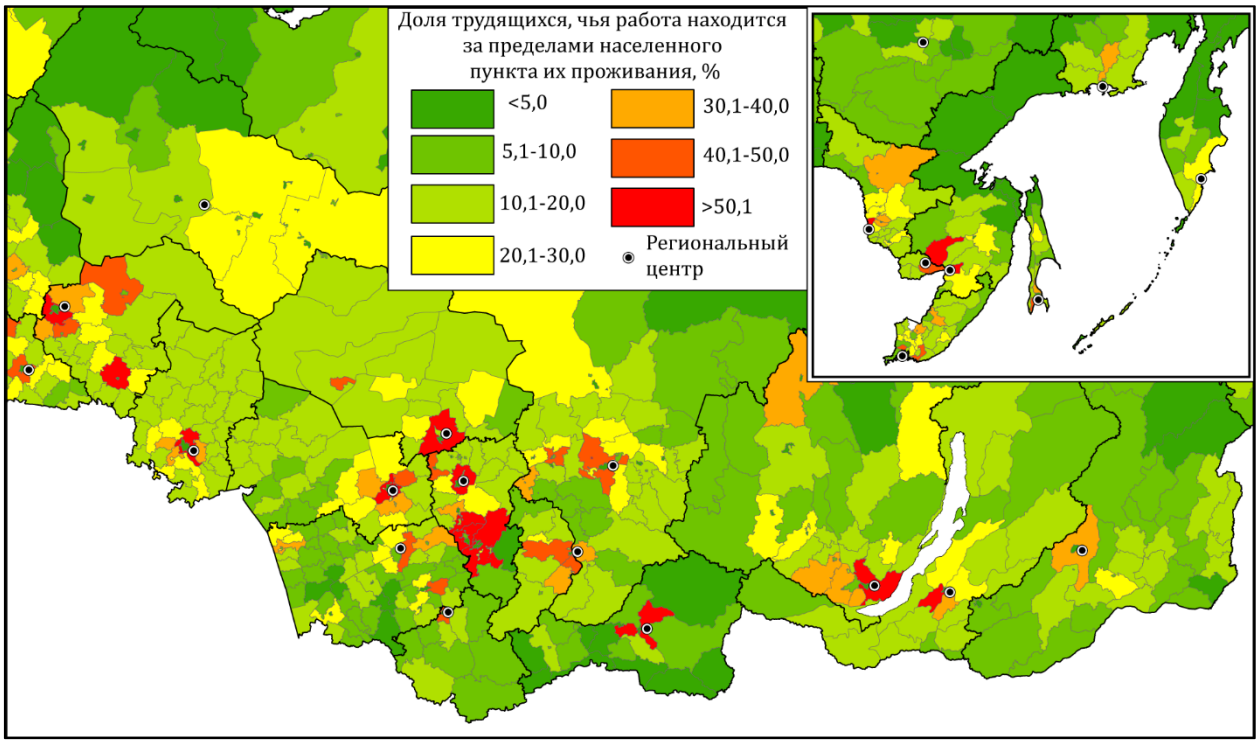


Рис. 12. Трудовая мобильность населения восточной части РФ. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

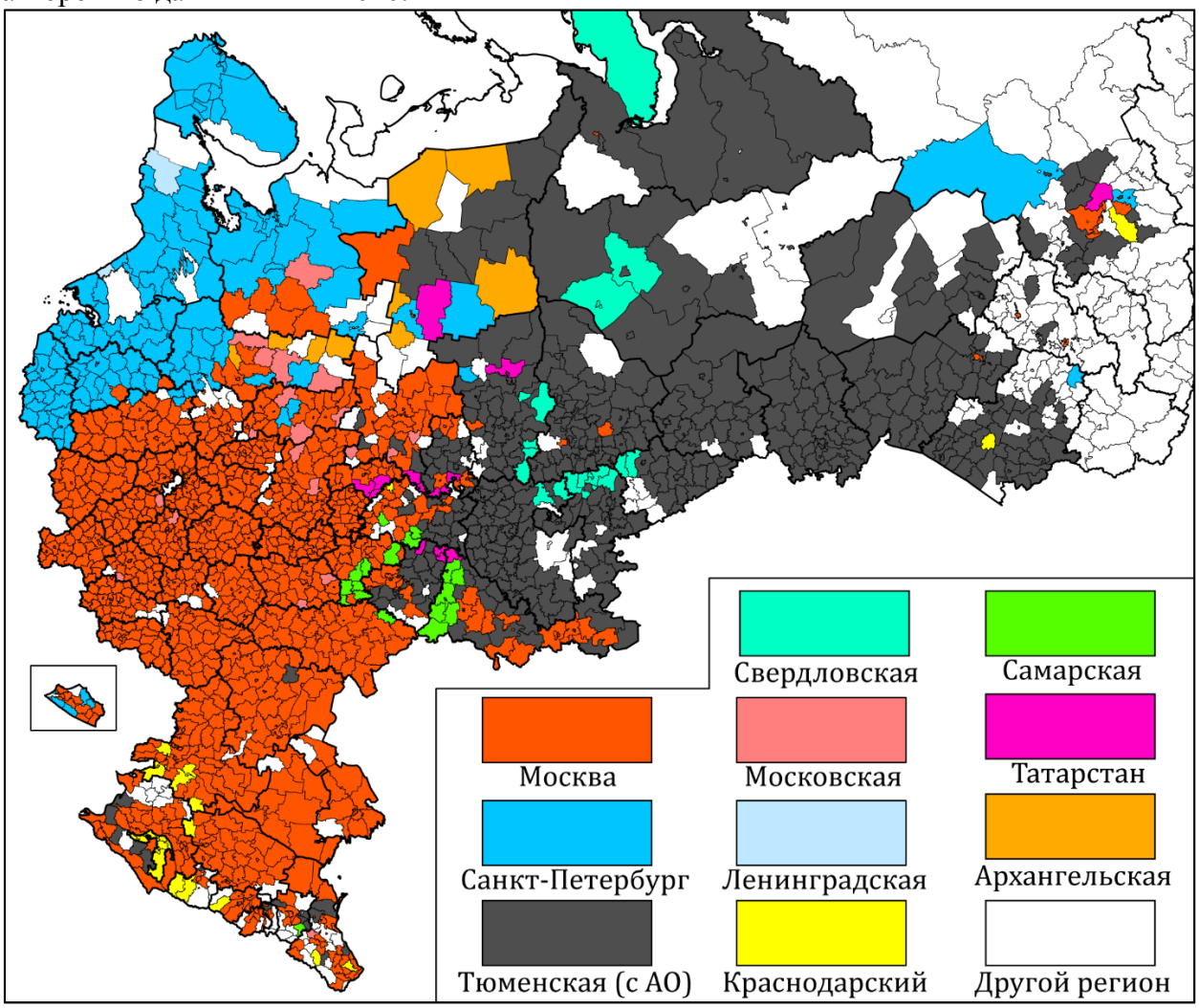


Рис. 13. Первые места по направлению выезда трудовых мигрантов из муниципальных образований западной части РФ. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

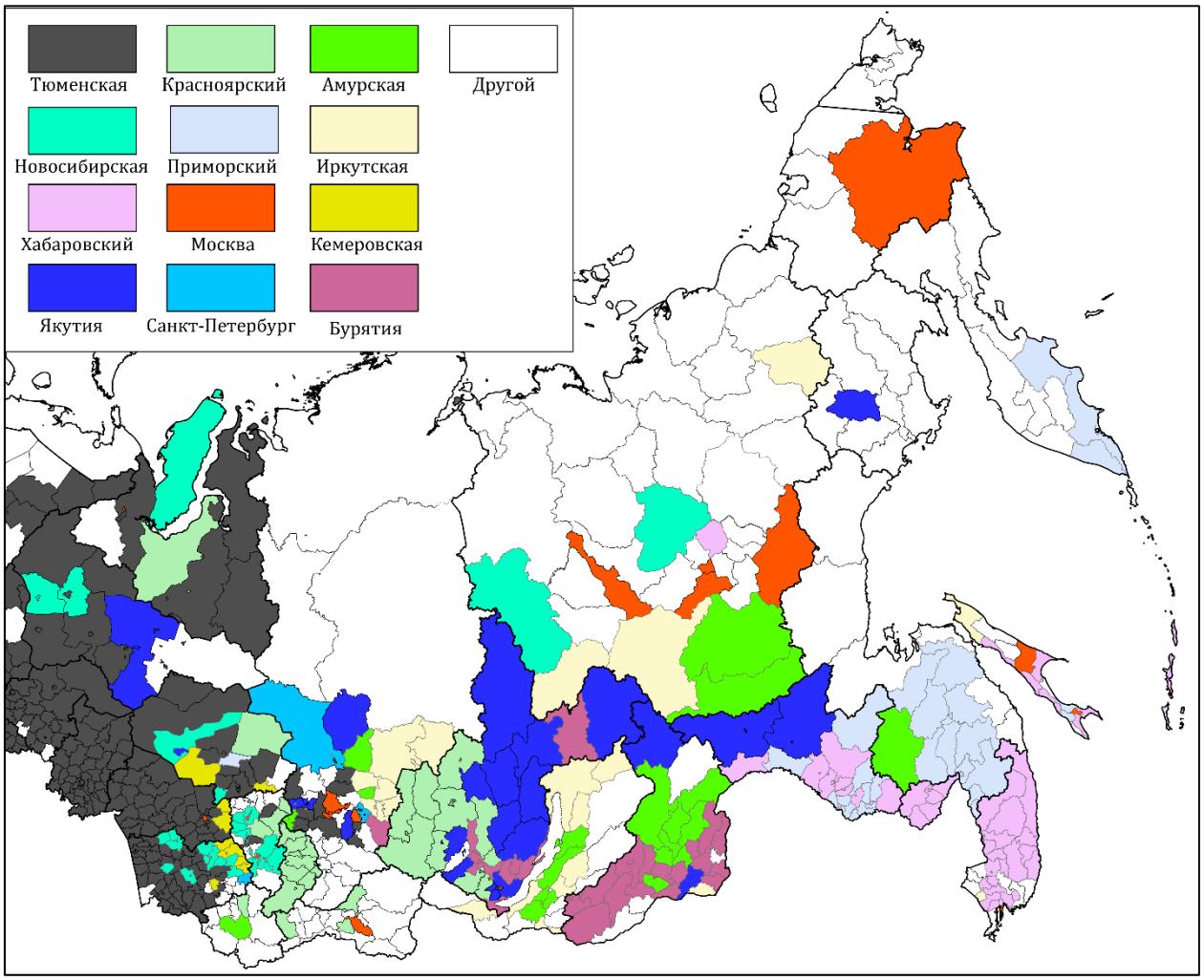


Рис. 14. Первые места по направлению выезда трудовых мигрантов из муниципальных образований восточной части РФ. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

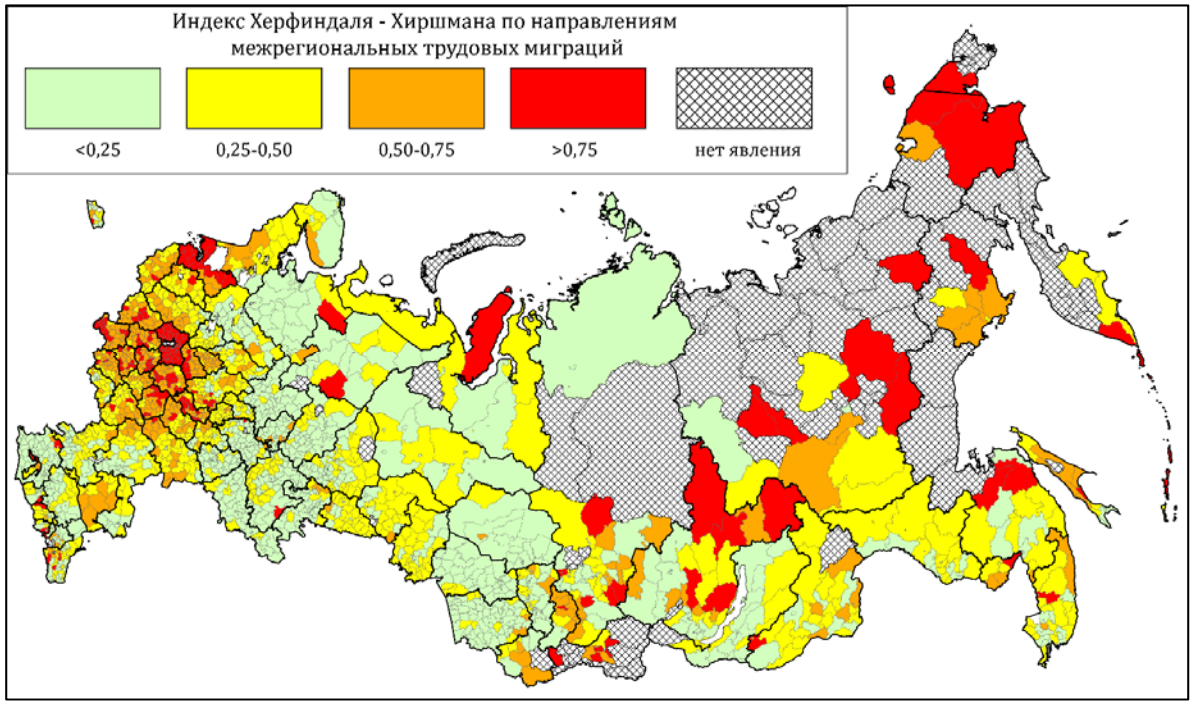


Рис. 15. Индекс Херфиндаля-Хиршмана по направлениям межрегиональных трудовых миграций. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

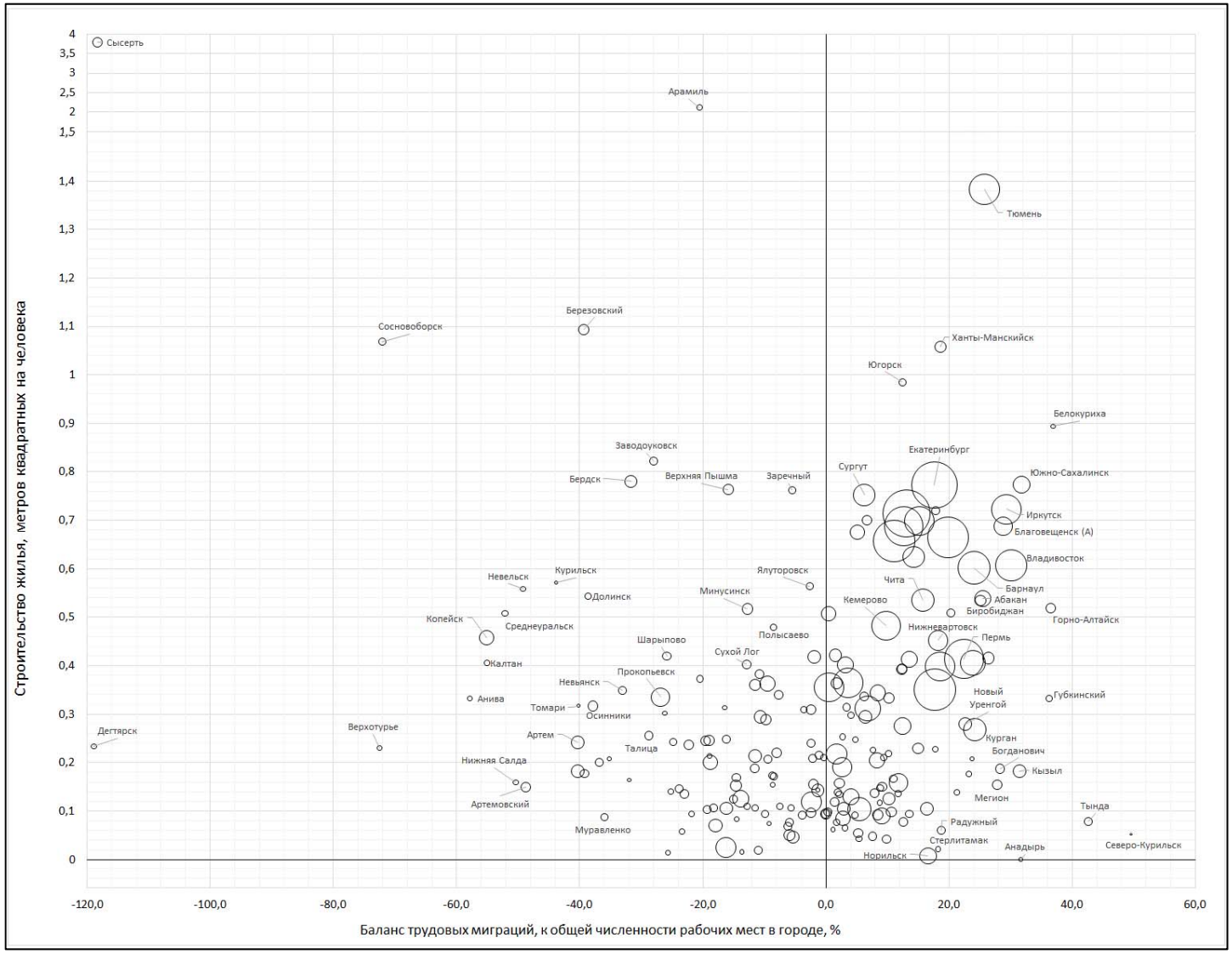


Рис. 16. Жилое строительство в городах Урала Сибири и Дальнего Востока (в среднем за период 2010-2013 гг.) и баланс трудовых ресурсов. Площадь пунсона пропорционально числ. населения ГО. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010, СНДСМП-2010, БД Мультистат

Приложение 3.2

О влиянии напряженности на локальном рынке труда на интенсивность межрегиональных трудовых миграций

Для определения степени влияния напряженности на локальном рынке труда муниципалитета предлагается исследовать зависимость дефицита рабочих мест и интенсивности межрегиональной трудовой миграции. Предполагается, что в случае, если житель муниципалитета не может найти работу в своем населенном пункте или внутри своего региона, то он будет пытаться трудоустроиться за пределами региона. Соответственно, чем больше дефицит рабочих мест для трудоустройства внутри региона, тем больше в исследуемом муниципалитете должно быть «отходников» в общем числе работников. Дефицит рабочих мест предлагается вычислять следующим образом:

$$D = \frac{S + R}{\text{ЭАН} + \text{ЛПХт}},$$

где D – дефицит рабочих мест внутри региона (в % или долях от единицы), S – число трудящихся, чья работа находится в населенном пункте места жительства, R – число трудящихся, чья работа находится внутри своего региона (условные «маятники»), ЭАН – численность экономически активного населения (куда входят занятые в экономике и безработные), ЛПХт – занятые в ЛПХ в трудоспособном возрасте (не входят в ЭАН). В результате, D выражает размер рынка труда внутри региона, занятого жителями муниципалитета, по отношению к числу лиц, которые потенциально могут трудиться и оказывают «давление» на него. Чем ближе D к 100%, тем больше возможностей для всех желающих найти работу в своем регионе, и наоборот.

Для оценки влияния D на интенсивность дальних межрегиональных миграций предлагается рассчитать линейный коэффициент корреляции (далее ЛКК) между D (см. рис.1) и долей дальних межрегиональных мигрантов в общем числе трудящихся (см. рис.2) по каждому региону РФ в разрезе муниципальных образований (муниципальных районов и городских округов). Источников данных является Всероссийская перепись населения 2010 года.

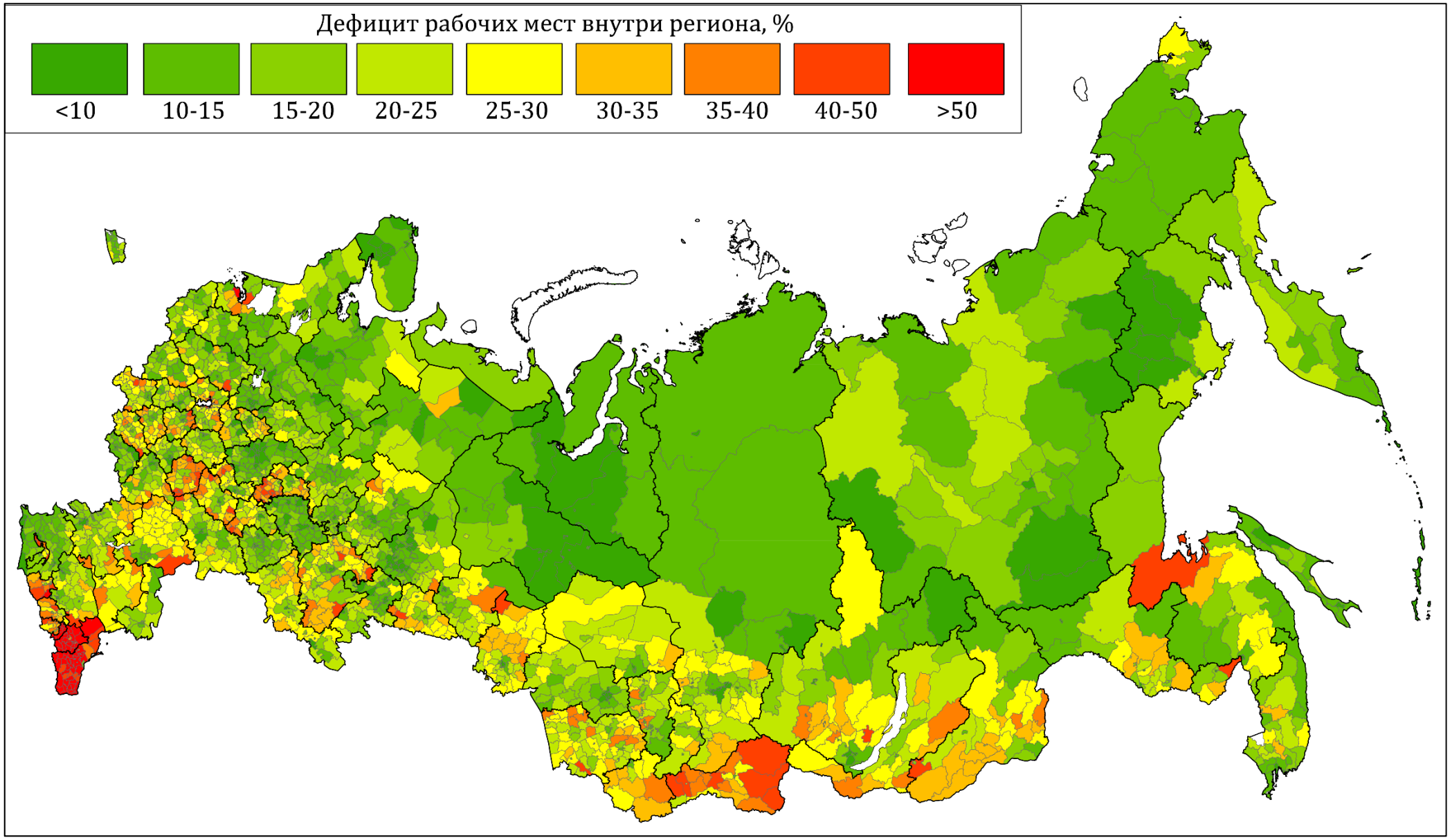


Рис. 1. Дефицит рабочих мест на рынке труда региона, по муниципальным образованиям. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

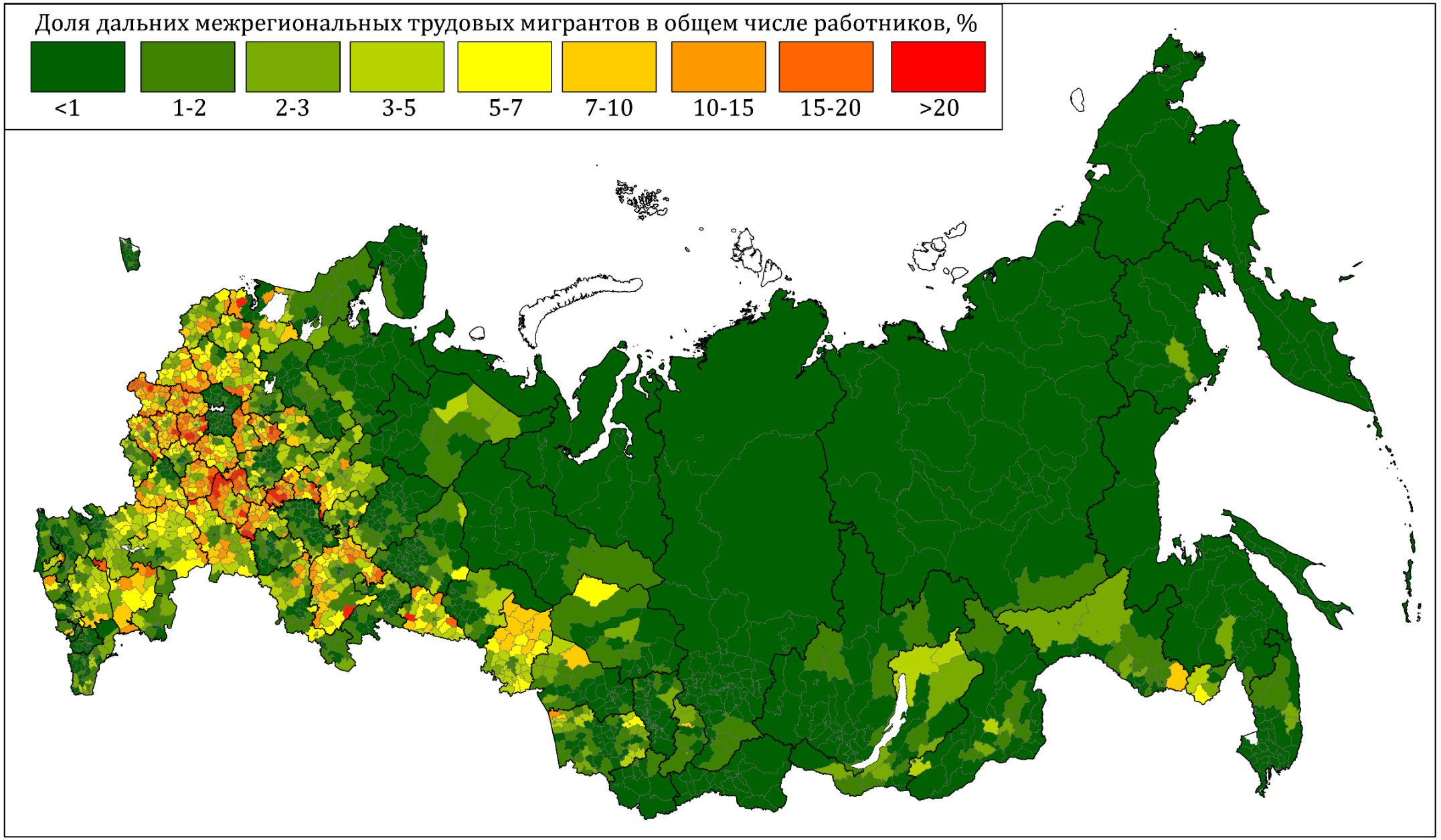


Рис. 2. Интенсивность дальних межрег. трудовых миграций по мун. образованиям. Примечание: допущено, что межрег. миграции из 1-го пограничного (иногда 2-го) муницип., а также все межрег. миграции из Московской и Ленинградской области в Москву и Санкт-Петербург соотв. являются маятниковыми.

Для всех муниципальных образований РФ (кроме МО Москвы и Санкт-Петербурга, исключенных из рассмотрения) ЛКК между двумя данными показателями составляет лишь 0,207, однако он очень сильно отличается по регионам и частям страны (см. рис.3). Наибольшее соответствие между напряжённостью на внутреннем рынке труда и интенсивностью трудового «отхода» наблюдается в центральной части РФ, в Поволжье, являющейся «хинтерландом» Москвы и Санкт-Петербурга. Высокое соответствие также обнаруживается в муниципальных образованиях Среднего и Южного Урала, юга Западной Сибири (до Новосибирской области), главным направление «отхода» из которых являются нефтегазовые округа Тюменской области. Далее к востоку соответствие либо очень малое, а иногда даже обратное. Такое распределение прежде всего говорит, что высокая напряженность на внутреннем рынке труда, действительно «выталкивает» трудовых мигрантов за пределы своих регионов в поисках работы, *но только в тех частях страны, где есть ёмкие акцепторы трудовых мигрантов*. В восточных регионах страны за пределами зоны влияния Тюменских округов рост напряженности на рынке труда не приводит к соответствующему увеличению межрегиональной трудовой мобильности, вероятно, по причине того, что ехать просто некуда, а сверхдальние трудовые миграции (при сложности «входа» на рынки труда «Северов» из-за высокой конкуренции) являются экономически нецелесообразными.

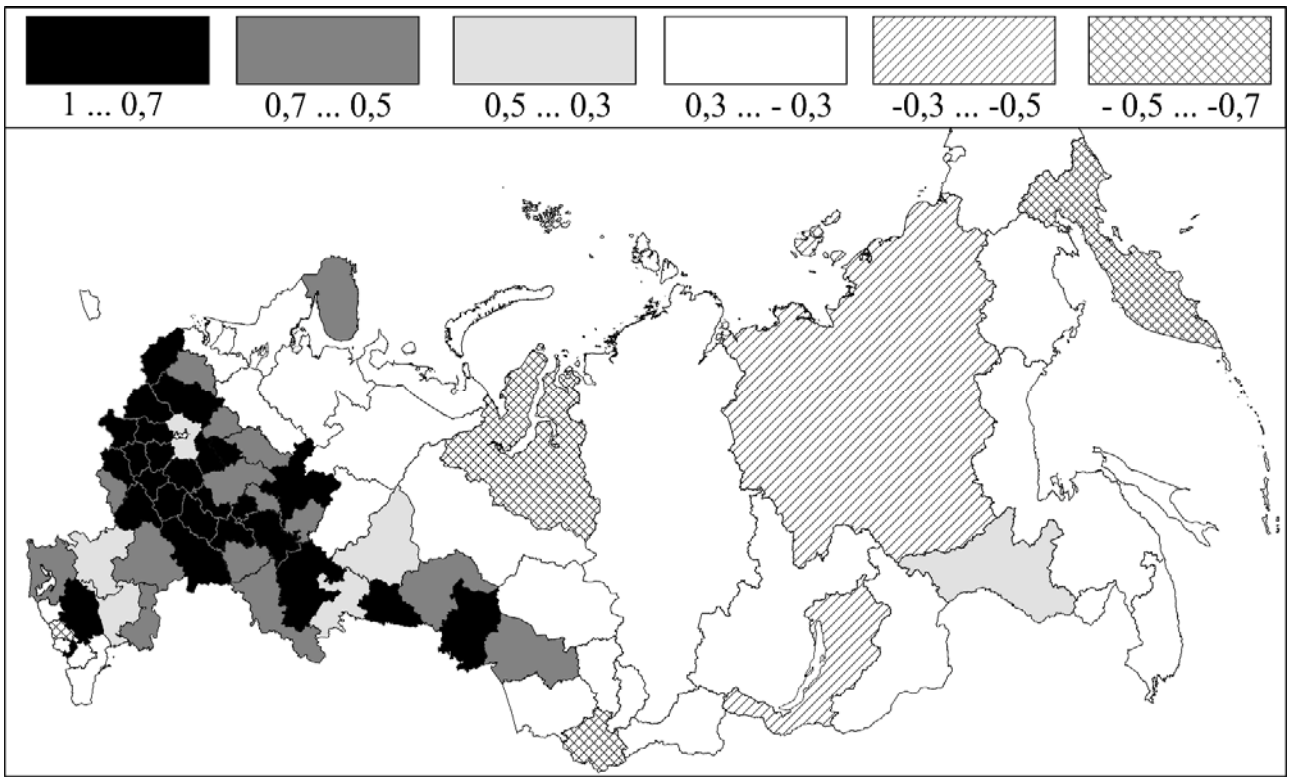


Рис. 3. Корреляция между дефицитом рабочих мест внутри региона и интенсивностью межрегиональных трудовых миграций. Источник: составлено автором.

Приложение 3.3

Индекс урбанности по критериям благоустроенности и типу жилой застройки.

Обладание статусом города в современной России еще говорит о том, что поселение обладает атрибутами, сопутствующими городу в обыденном понимании – развитой инженерной, коммунальной, транспортной инфраструктурой с благоустроенным многоэтажным жилым фондом. Значительная часть городов вообще слабо отличается от окружающей сельской местности, как и образ жизни большинства их жителей.

Для оценки степени развития городской коммунальной инфраструктуры предлагается рассчитать т.н. «Индекс городского внешнего вида», сочетающий в себе описание типа жилья (индивидуального или коллективного многоэтажного) с его благоустроенностью. Данные всероссийской переписи населения 2010 года позволяют установить распространенность различных видом инженерного и коммунального обеспечения жилищ населения: газом, канализаций, холодной и горячей водой, отоплением и т.д. Наиболее высоким уровнем развития соответствующего блага будем считать то, которое предоставляется централизовано (центральное отопление, канализация, водоснабжение, удаление мусора и т.д.) и использует имеющуюся городскую коммунальную инфраструктуру. Наименьшим уровнем развития блага, соответственно, будем считать то, жизнеобеспечение которого зависит от деятельности самого домохозяйства (печное и дровяное отопление, выгребная яма, колодец или индивидуальная скважина), находится за пределами жилища (туалет и душ на улице и т.д.) или вовсе отсутствует. Оценив долю населения, проживающего в помещениях с высоким уровнем благоустройства, получим следующее распределение по городам Урала, Сибири и Дальнего Востока (см. рис.1).

Итоговый балл благоустройства жилого фонда рассчитывается исходя их среднеарифметического значения шести составляющих показателей благоустроенности (центральное горячее водоснабжение, центральное холодное водоснабжение, центральное отопление, коммунальная канализация, наличие ванной или душа в жилище, наличие туалета в жилище). В итоговом балле благоустройства не учитывается благоустроенность жилищ газом (сетевым или баллонным), поскольку некоторые регионы азиатской части России не обладают ни

магистральными, на распределительными сетями газоснабжения (при этом существует альтернатива газу в виде электроэнергии или угля). Таким образом, итоговый индекс благоустройства может изменяться в пределах от 0 до 1.

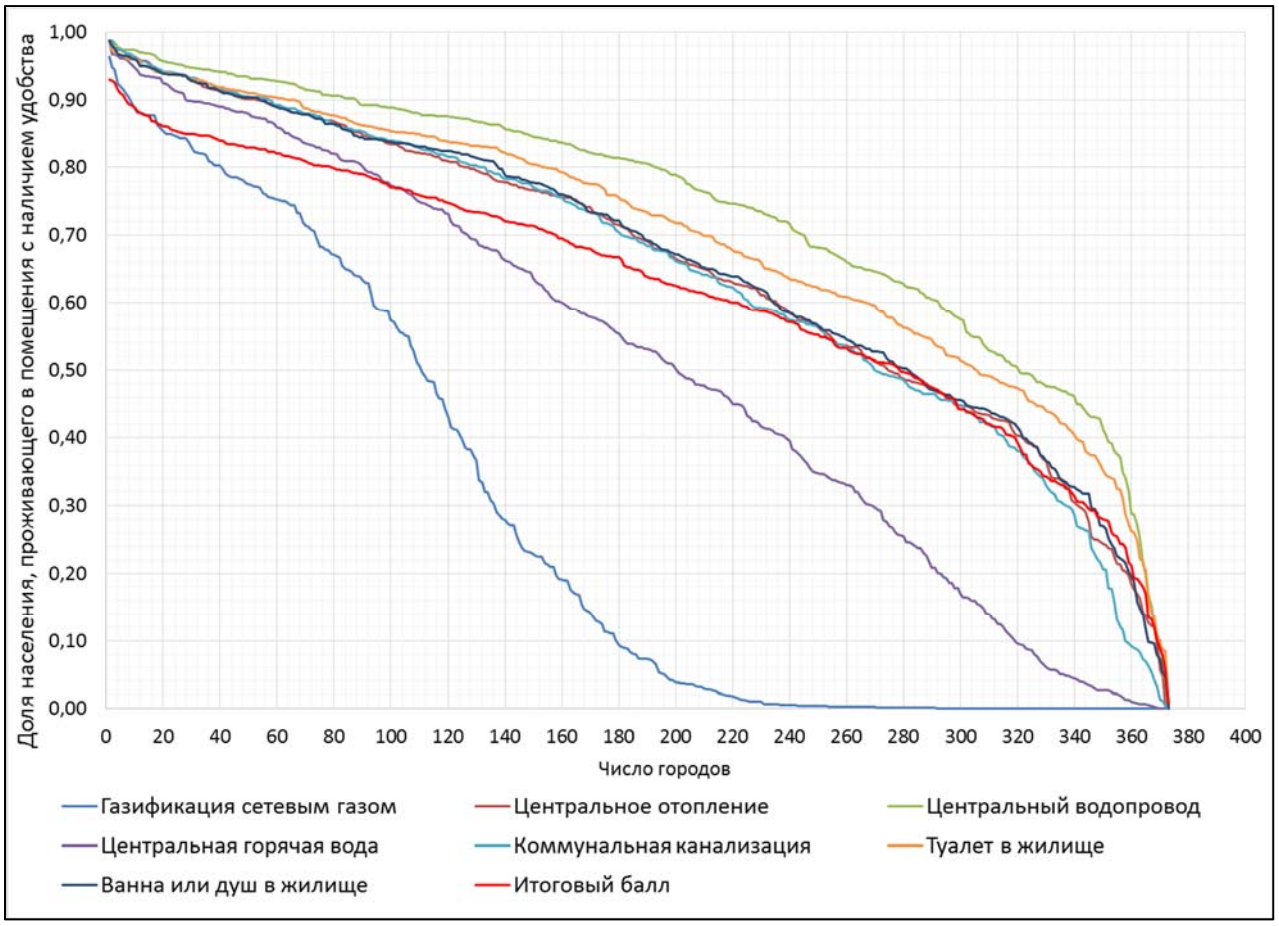


Рис. 1. Благоустройство жилого фонда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

Существует прямая зависимость благоустроенности жилья от его типа – в многоквартирных домах она значительно выше, чем в идивидуальном жилом фонде (см. рис. 2).

Итоговый индекс городского внешнего вида рассчитывается как произведение индекса благоустроенности жилья на долю населения (от 1), проживающего в многоквартирных домах. Таким образом, индекс сочетает в себе характеристику уровня развития коммунальной инфраструктуры и типа застройки. Поскольку оба множителя индекса изменяются в пределах от 0 до 1, то и итоговый индекс может варьироваться в этих границах. Результаты расчета индекса городского внешнего вида представлены на карте «Индекс урбанности по городам и регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока».

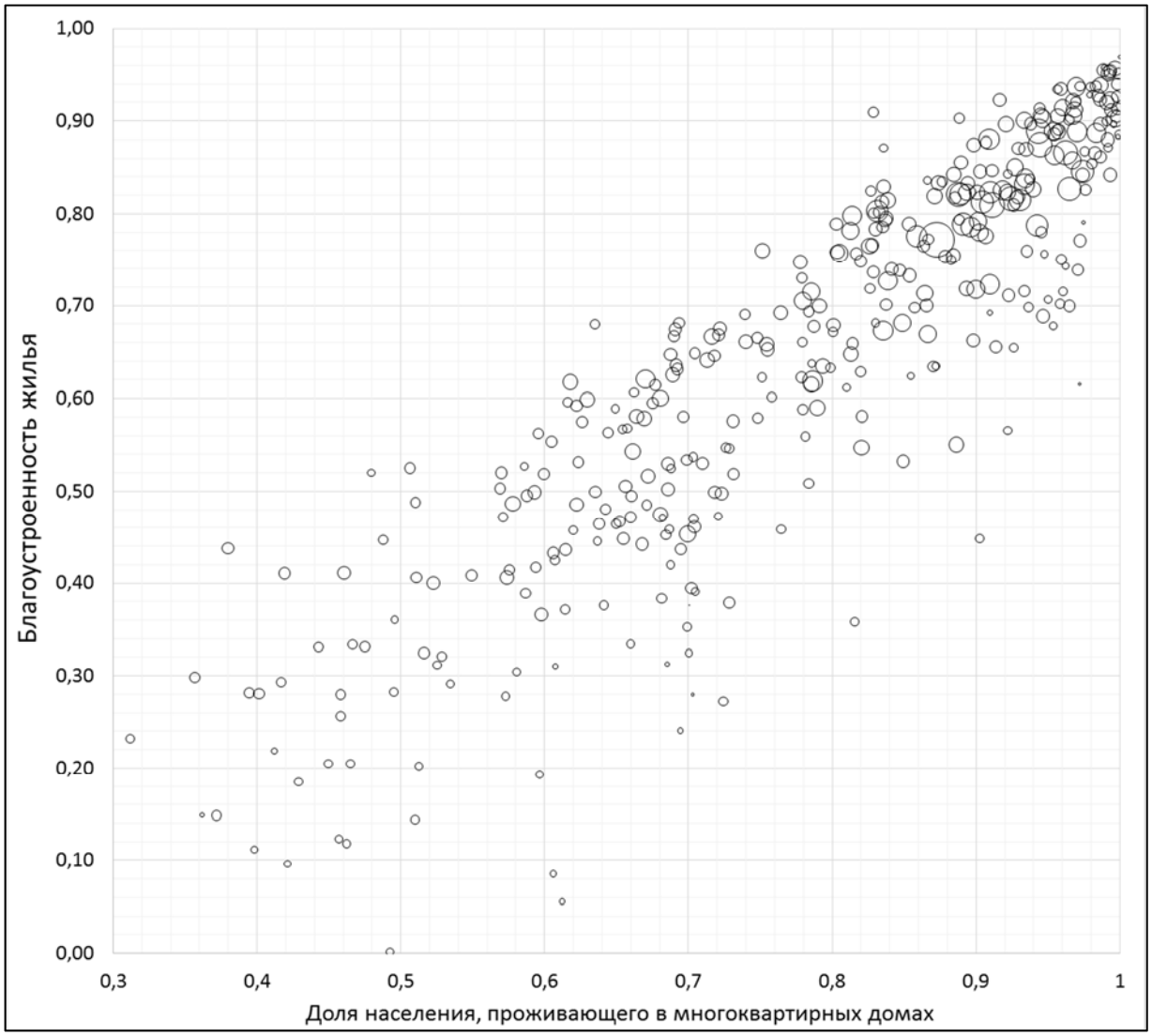


Рис. 2. Благоустроенность жилого фонда в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Размер кружка пропорционален логарифму численности населения города. Источник: составлено автором по данным ВПН-2010.

Приложение 3.4

Таблицы с основными социально-экономическими показателями городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока

В данном приложении содержатся основные показатели городских округов азиатской России, характеризующие динамику численности населения, миграционного движения, приведенных объёмов промышленного производства и инвестиций в основной капитал и численность занятых в организациях за период с начала 90-х по начало 2010-х годов (в зависимости от полноты данных). На основе данных Всероссийской переписи населения 2010 года, сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства 2010 года, обследования населения по проблемам занятости 2010 года приводится оценка структуры трудоспособного населения городских округов по преобладающим моделям адаптации, оценено сальдо трудовых миграций и индекс урбанности по критериям благоустроенности жилья и типа жилой застройки (см. прил. 3.3.). Более подробно о методиках расчета показателей см. §1.4.

Таблица 1. Динамика основных социально-экономических характеристик региональных центров Урала, Сибири и Дальнего Востока

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика приведённого объёма промышленного пр-ва, (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика приведенного объёма инвестиций в осн. капитал, (2012-2013)/(1991-1992)	Индекс урбанности	Сальдо трудовых миграций/ ёмкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %										
								Адаптация на локальном рынке труда				Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
								Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	из них		Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пассивные формы адаптации, всего	из них		
										МСБ	Неформальная занятость		Внешняя внутрирег. занятость (маятники)	Внешняя межрег. занятость (отходники)		ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на государстве	Прочие формы
Новосибирск	7,0	14,0	-26,4	0,95	2,26	0,74	13,1	37,3	35,6	24,7	10,9	1,1	0,7	0,3	26,0	0,2	20,1	5,1	0,5
Екатеринбург	4,6	14,5	-23,7	0,87	2,82	0,83	17,6	38,4	35,0	25,9	9,1	1,7	1,4	0,3	24,9	0,2	18,2	5,8	0,7
Омск	-0,2	3,3	-37,2	1,14	1,11	0,73	17,7	33,1	35,9	20,4	15,6	2,3	1,1	1,2	28,7	0,2	21,4	6,4	0,6
Челябинск	3,6	11,7	-30,3	0,73	1,02	0,84	11,1	40,5	33,3	22,8	10,5	1,0	0,7	0,3	25,2	0,2	18,9	5,7	0,4
Уфа	3,4	3,2	-29,5	1,89	1,46	0,75	19,9	35,6	33,4	19,3	14,1	1,7	1,0	0,8	29,2	0,3	22,8	5,7	0,5
Пермь	-5,0	4,6	-34,0	0,89	1,38	0,83	22,4	37,2	35,7	25,3	10,3	1,3	1,0	0,3	25,8	0,2	18,3	7,0	0,4
Красноярск	15,1	21,3	-22,5	0,74	3,83	0,80	12,6	35,9	35,7	24,4	11,3	0,9	0,7	0,2	27,5	0,2	20,3	6,7	0,4
Барнаул	-1,2	4,2	-28,5	0,41	1,04	0,74	24,0	25,7	38,5	21,4	17,1	5,3	4,9	0,4	30,5	0,3	23,4	6,2	0,5
Владивосток	-4,6	-0,4	-33,2	1,26	3,76	0,82	30,1	35,3	37,8	22,9	14,9	1,5	1,1	0,5	25,4	0,2	19,5	4,9	0,8
Тюмень	36,1	24,7	0,3	1,17	5,03	0,75	25,7	33,7	35,2	24,9	10,3	2,8	2,3	0,5	28,2	0,2	21,5	5,9	0,6
Иркутск	-0,9	7,5	-25,8	1,42	1,22	0,70	29,3	34,2	34,0	20,2	13,8	1,3	1,0	0,3	30,5	0,3	22,4	7,3	0,5
Хабаровск	1,1	4,0	-1,9	0,49	4,14	0,76	3,5	43,3	30,7	24,4	6,3	1,1	0,7	0,4	24,9	0,2	19,0	5,3	0,3
Оренбург	2,3	9,7	-33,8	0,90	1,42	0,67	18,5	34,1	34,5	17,9	16,6	1,8	1,2	0,5	29,6	0,3	22,5	6,3	0,4
Томск	8,6	14,3	-15,6	1,13	1,52	0,74	15,2	30,1	36,1	19,7	16,4	3,4	2,8	0,6	30,4	0,5	23,7	5,7	0,5
Кемерово	-2,5	7,3	-29,5	0,63	1,00	0,67	9,8	38,8	32,7	24,6	8,1	1,3	1,1	0,2	27,2	0,4	18,7	7,9	0,2
Улан-Уде	21,0	15,1	-32,1	2,01	0,88	0,49	23,8	31,2	34,9	17,1	17,8	1,5	1,0	0,4	32,4	0,3	23,4	8,3	0,4
Курган	-10,4	-6,5	-46,0	0,79	0,76	0,70	24,1	36,2	35,2	20,4	14,8	1,8	0,7	1,1	26,8	0,3	17,4	8,8	0,3
Чита	-7,4	1,9	-27,5	0,67	0,91	0,66	15,7	37,3	29,7	17,1	12,6	1,9	1,7	0,2	31,1	0,3	22,3	8,1	0,4
Якутск	60,3	33,8	-18,0	3,50	3,08	0,56	14,2	33,9	32,4	20,7	11,8	2,1	2,0	0,1	31,5	0,1	22,8	8,2	0,3
Благовещенск (Амурская область)	8,1	4,0	-15,8	0,64	1,80	0,65	28,8	34,0	35,9	22,4	13,5	1,3	1,0	0,3	28,8	0,2	21,2	7,0	0,4
Южно-Сахалинск	21,0	8,6	13,2	2,22	5,98	0,71	31,8	39,6	33,5	23,6	9,9	3,3	3,1	0,2	23,6	0,2	16,8	6,1	0,5
Петропавловск-Камчатский	-32,6	-22,8	-21,0	0,48	0,74	0,88	12,4	42,1	32,6	25,2	7,4	1,3	1,2	0,2	24,0	0,1	15,3	7,9	0,7
Абакан	14,0	13,5	-36,3	0,85	2,45	0,58	25,5	32,9	37,0	23,0	14,0	2,3	1,5	0,8	27,9	0,4	20,1	7,1	0,3
Кызыл	34,9	16,1	-15,1	0,90	4,22	0,32	31,5	30,9	26,2	11,0	15,2	1,2	1,1	0,1	41,7	0,4	29,9	11,2	0,2
Магадан	-20,4	-20,6	-51,1	0,30	0,18	0,89	-1,3	43,8	27,7	24,1	3,6	4,7	3,8	0,9	23,7	0,2	15,0	7,9	0,7
Ханты-Мансийск	176,7	141,3	131,3	2,39	9,17	0,49	18,6	52,6	22,4	16,0	6,4	1,0	0,9	0,2	24,0	0,1	17,7	5,7	0,5
Биробиджан	-10,6	-8,6	-37,6	0,16	1,57	0,64	25,1	32,3	38,1	21,3	16,8	2,8	1,9	0,9	26,8	0,5	19,3	6,6	0,4
Горно-Алтайск	34,2	22,3	-19,9	0,31	1,95	0,23	36,5	27,3	33,7	16,8	16,9	3,1	2,7	0,4	36,0	0,7	24,2	10,6	0,5
Анадырь	-16,2	-25,7	47,8	31,93	6,04	0,86	31,6	65,7	15,8	9,4	6,4	0,6	0,4	0,3	17,8	0,2	10,3	6,4	1,0

Таблица 2. Динамика основных социально-экономических характеристик некоторых городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока с преобладанием адаптации на внешних рынках труда

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика приведённого объёма промышленного пр-ва, (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика приведенного объёма инвестиций, (2012-2013)/(1991-1992)	Индекс урбанности	Сальдо трудовых миграций/ ёмкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %										
								Адаптация на локальном рынке труда				Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
								Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	из них		Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пассивные формы адаптации, всего	из них		
										МСБ	Неформальная занятость		Внешняя внутрирег. занятость (маятники)	Внешняя межрегиональная занятость (отходники)		ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на государстве	Прочие формы
Анива	4,3	0,2	-48,6	3,46	2,14	0,65	-57,8	16,0	19,9	15,0	4,8	37,3	37,1	0,2	26,8	0,7	17,9	7,7	0,4
Сосновоборск	25,0	14,0	-61,5	0,34	1,08	0,90	-72,1	20,6	18,7	12,5	6,2	35,5	35,0	0,5	25,3	0,2	16,1	8,7	0,2
Сысерть	-6,7	-1,4	28,6	0,43	1,80	0,33	-118,3	19,6	25,2	19,6	5,6	30,8	30,4	0,4	24,4	1,0	16,1	6,9	0,4
Арамиль	8,8	11,7	-10,3	0,38	0,95	0,37	-20,6	22,7	23,0	17,3	5,7	29,9	29,5	0,3	24,4	0,4	17,8	5,9	0,3
Агидель	-2,0	-24,4	-76,6	1,05	0,07	0,89	-8,7	11,0	26,0	18,4	7,5	28,2	13,1	15,1	34,8	0,6	24,7	9,3	0,3
Дегтярск	-13,1	12,5	-71,4	0,10	0,18	0,46	-118,9	18,9	25,0	19,5	5,5	27,9	27,2	0,7	28,2	0,5	17,0	10,3	0,5
Березовский (Свердл. обл.)	16,9	22,4	-39,9	2,50	0,93	0,58	-39,3	24,3	24,1	18,1	6,0	27,7	27,2	0,5	23,9	0,5	16,5	6,4	0,4
Верхняя Пышма	19,1	23,8	-18,7	1,77	2,45	0,75	-15,9	29,4	20,8	14,5	6,2	26,0	25,8	0,3	23,8	0,4	16,6	6,5	0,3
Долинск	-25,1	-17,7	-40,8	0,10	5,51	0,61	-38,6	15,8	25,7	20,1	5,6	25,4	25,2	0,2	33,0	0,6	20,3	11,4	0,6
Копейск	-1,3	16,4	-46,6	0,47	0,25	0,55	-55,1	29,2	19,8	12,8	7,0	25,3	24,9	0,4	25,7	0,6	16,1	8,7	0,2
Среднеуральск	17,0	23,1	-58,3	6,67	0,88	0,80	-52,1	31,6	19,7	13,3	6,4	25,2	24,9	0,3	23,5	0,1	16,7	6,3	0,4
Нижняя Салда	-17,0	-2,0	-36,1	0,65	0,82	0,31	-50,4	40,6	15,5	8,5	7,0	23,3	23,1	0,3	20,6	1,7	9,4	9,3	0,3
Обь	13,5	24,4	-11,4	н/д	16,56	0,50	4,1	36,2	17,0	9,0	8,0	22,7	22,4	0,3	24,2	1,1	16,7	6,1	0,2
Невьянск	-20,1	-1,3	-61,4	0,38	0,33	0,37	-33,0	24,0	25,3	19,2	6,1	22,5	22,1	0,4	28,3	1,0	16,2	10,8	0,3
Осинники	-30,0	-10,3	-69,5	0,25	0,26	0,49	-37,9	31,8	15,4	10,1	5,4	20,1	19,9	0,2	32,7	0,9	17,9	13,7	0,2
Дивногорск	-3,2	3,6	-52,5	0,77	4,37	0,85	-20,5	28,8	21,4	13,5	7,9	20,0	19,5	0,5	29,8	0,5	21,1	7,8	0,4
Реж	-13,2	-2,7	-65,5	0,45	1,00	0,61	-39,2	28,4	24,6	18,0	6,6	18,9	18,1	0,7	28,1	1,2	15,7	11,0	0,2
Бердск	28,6	33,6	-51,9	0,55	0,27	0,68	-31,7	22,6	36,0	27,2	8,8	17,8	17,3	0,5	23,6	0,3	16,1	6,8	0,4
Карпинск	-25,2	-9,4	-64,7	0,26	0,51	0,48	-24,8	33,0	23,3	16,3	7,0	16,9	15,9	1,0	26,8	0,7	15,1	10,6	0,3
Сорск	-24,1	-19,6	-29,5	1,40	0,23	0,40	-25,7	40,4	17,3	5,7	11,6	16,0	9,8	6,1	26,3	0,4	17,2	8,3	0,4
Богданович	-18,2	-11,4	-24,2	0,61	0,56	0,59	-11,6	34,6	22,1	15,1	7,0	15,8	15,3	0,5	27,5	2,2	15,0	9,9	0,4
Калтан	-15,8	0,1	-32,2	1,03	3,91	0,47	-55,0	36,2	16,7	10,7	6,0	15,5	15,3	0,3	31,5	1,3	16,8	13,3	0,1
Верхняя Тура	-32,1	-15,2	-69,4	0,42	0,23	0,72	-35,2	40,6	17,6	10,3	7,2	15,3	14,3	1,0	26,6	0,9	12,4	12,9	0,4
Артемовский	-24,4	-14,3	-64,9	0,20	0,48	0,53	-48,7	27,7	25,7	19,1	6,6	15,2	13,7	1,5	31,3	1,5	15,9	13,5	0,4
Искитим	-14,8	-4,4	-46,6	0,65	0,51	0,53	-19,5	33,0	28,3	19,1	9,2	14,5	13,9	0,6	24,2	0,7	15,5	7,7	0,3
Корсаков	-26,9	-20,0	-71,2	0,17	0,73	0,60	-36,8	22,3	35,0	27,2	7,8	14,1	13,7	0,4	28,5	0,4	17,8	9,6	0,7
Верхотурье	-2,5	11,0	-63,5	0,09	0,77	0,11	-72,5	22,6	31,4	24,7	6,7	13,9	13,2	0,7	32,1	2,8	12,7	16,3	0,4
Шарыпово	-6,2	-13,7	-53,2	0,13	0,16	0,84	-25,8	26,5	31,6	22,4	9,1	13,8	11,7	2,1	28,1	0,3	17,9	9,7	0,1

Таблица 3. Динамика основных социально-экономических характеристик некоторых городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока с преобладанием пассивных форм адаптации

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика приведённого объёма промышленного пр-ва, (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика приведенного объёма инвестиций, (2012-2013)/(1991-1992)	Индекс урбанности	Сальдо трудовых миграций/ ёмкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %										
								Адаптация на локальном рынке труда				Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
								Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	из них		Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пассивные формы адаптации, всего	из них		
										МСБ	Неформальная занятость		Внешняя внутрирег. занятость (маятники)	Внешняя межрегиональная занятость (отходники)		ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на государстве	Прочие формы
Ак-Довурак	-9,8	-28,8	-57,4	0,14	0,79	0,51	1,1	23,7	24,2	11,5	12,7	2,7	2,6	0,1	49,4	0,8	33,2	15,4	0,1
Кызыл	34,9	16,1	-15,1	0,90	4,22	0,32	31,5	30,9	26,2	11,0	15,2	1,2	1,1	0,1	41,7	0,4	29,9	11,2	0,2
Сибай	32,0	26,7	-40,7	0,85	0,37	0,43	-2,4	29,0	27,6	16,1	11,6	6,2	2,9	3,3	37,2	1,9	26,7	8,1	0,6
Александровск-Сахалинский	-49,3	-36,8	-68,2	0,31	1,08	0,55	-13,6	30,5	24,2	16,8	7,4	8,4	8,2	0,2	37,0	1,6	18,0	16,8	0,5
Свирск	-31,3	-21,2	н/д	0,54	0,19	0,40	-16,5	32,4	25,6	13,8	11,8	5,6	5,4	0,1	36,5	1,1	16,6	18,7	0,1
Петровск-Забайкальский	-39,4	-25,9	-45,3	0,11	0,51	0,23	18,2	38,1	24,7	12,8	11,8	0,9	0,6	0,3	36,3	3,2	17,8	14,4	0,8
Макаров	-41,1	-29,9	-77,4	0,15	0,06	0,71	-32,0	24,5	29,6	22,3	7,3	9,6	9,4	0,2	36,3	1,7	17,3	16,5	0,7
Горно-Алтайск	34,2	22,3	-19,9	0,31	1,95	0,23	36,5	27,3	33,7	16,8	16,9	3,1	2,7	0,4	36,0	0,7	24,2	10,6	0,5
Кудымкар	-6,9	-0,5	-60,8	0,08	0,13	0,28	10,2	36,2	25,9	17,1	8,8	2,4	2,0	0,4	35,5	1,0	23,4	10,7	0,4
Томари	-51,3	-38,4	-59,9	0,02	1,34	0,63	-40,2	21,8	33,3	25,8	7,5	10,0	9,8	0,2	34,9	1,0	18,5	14,4	1,0
Агидель	-2,0	-24,4	-76,6	1,05	0,07	0,89	-8,7	11,0	26,0	18,4	7,5	28,2	13,1	15,1	34,8	0,6	24,7	9,3	0,3
Райчихинск	-35,9	-16,0	-58,0	0,11	0,08	0,52	5,4	34,7	27,5	15,5	12,0	3,0	2,3	0,7	34,8	2,0	17,5	15,0	0,3
Черемхово	-30,2	-11,9	-55,9	0,44	0,76	0,34	1,4	36,8	24,2	11,8	12,4	4,3	3,9	0,4	34,8	1,0	19,1	14,3	0,4
Славгород	-12,3	-6,1	-38,8	0,07	0,18	0,30	2,0	26,4	33,1	17,2	15,9	5,8	3,2	2,6	34,7	0,9	22,7	10,6	0,6
Невельск	-56,3	-49,5	-80,5	0,27	0,95	0,69	-49,2	24,5	29,7	22,4	7,3	11,1	10,7	0,4	34,7	0,5	19,6	13,9	0,6
Поронайск	-41,2	-31,8	-56,9	0,32	0,25	0,67	-21,8	33,2	28,2	19,9	8,3	4,5	4,4	0,1	34,0	0,8	18,7	12,8	1,7
Медногорск	-30,4	-12,2	-58,7	0,43	0,24	0,46	8,8	32,1	28,4	13,7	14,6	5,6	3,0	2,6	34,0	1,2	19,7	12,6	0,4
Тавда	-25,5	-7,7	-65,3	0,05	0,17	0,29	-9,4	35,1	23,8	16,5	7,3	7,3	3,2	4,1	33,9	1,6	15,1	16,9	0,1
Троицк (Челяб. область)	-15,1	-4,2	-65,2	0,20	2,00	0,36	-14,7	38,3	24,6	15,6	9,0	3,5	2,3	1,2	33,6	0,9	23,9	8,3	0,5
Партизанск	-23,9	-2,5	-65,9	0,47	0,15	0,36	-23,0	25,4	29,5	18,3	11,2	11,6	11,0	0,6	33,5	1,7	17,6	13,6	0,6
Анжеро-Судженск	-32,3	-15,1	-58,1	0,13	0,22	0,39	-11,6	38,0	24,3	17,3	7,1	4,5	4,1	0,4	33,1	0,8	17,7	14,3	0,4
Долинск	-25,1	-17,7	-40,8	0,10	5,51	0,61	-38,6	15,8	25,7	20,1	5,6	25,4	25,2	0,2	33,0	0,6	20,3	11,4	0,6
Бугуруслан	-7,8	3,0	-49,3	1,63	1,78	0,30	6,2	31,0	30,5	15,6	14,9	5,6	2,7	2,9	32,9	0,6	23,1	8,8	0,4
Талица	-19,0	-6,1	-36,6	0,05	0,69	0,26	-28,8	22,2	32,8	26,0	6,8	12,1	8,8	3,3	32,8	5,1	14,6	12,7	0,4
Шадринск	-11,2	2,7	-43,0	0,76	0,78	0,45	15,0	36,2	28,8	15,3	13,5	2,2	0,7	1,5	32,7	0,5	21,3	10,5	0,3
Осинники	-30,0	-10,3	-69,5	0,25	0,26	0,49	-37,9	31,8	15,4	10,1	5,4	20,1	19,9	0,2	32,7	0,9	17,9	13,7	0,2
Ишим	-1,6	6,5	-34,2	0,46	2,25	0,32	12,3	34,6	30,7	20,9	9,8	2,1	1,8	0,3	32,5	0,5	23,9	7,7	0,4
Улан-Уде	21,0	15,1	-32,1	2,01	0,88	0,49	23,8	31,2	34,9	17,1	17,8	1,5	1,0	0,4	32,4	0,3	23,4	8,3	0,4

Таблица 4. Динамика основных социально-экономических характеристик некоторых городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока с преобладанием адаптаций в МСБ и неформальной занятости

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика приведённого объёма промышленного пр-ва, (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика приведенного объёма инвестиций, (2012-2013)/(1991-1992)	Индекс урбанности	Сальдо трудовых миграций/ ёмкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %										
								Адаптация на локальном рынке труда				Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
								Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	из них		Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пассивные формы адаптации, всего	из них		
										МСБ	Неформальная занятость		Внешняя внутрирег. занятость (маятники)	Внешняя межрегиональная занятость (отходники)		ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на государстве	Прочие формы
Находка	-20,7	-15,7	-55,6	0,54	1,11	0,70	8,4	32,1	40,9	26,0	14,9	3,4	2,6	0,8	23,7	0,3	17,6	5,1	0,6
Северо-Курильск	-52,7	-52,1	-43,9	2,36	1,28	0,77	49,5	38,6	40,5	29,8	10,7	0,5	0,0	0,5	20,4	0,2	10,3	9,5	0,5
Белокуриха	3,1	2,4	2,5	н/д	1,28	0,43	36,9	38,4	38,8	18,2	20,6	2,0	1,1	0,9	20,8	0,7	13,7	5,8	0,5
Бийск	-12,5	0,7	-37,5	0,78	0,58	0,61	11,8	28,7	38,8	20,8	18,0	2,0	1,2	0,8	30,5	0,7	20,4	9,0	0,4
Барнаул	-1,2	4,2	-28,5	0,41	1,04	0,74	24,0	25,7	38,5	21,4	17,1	5,3	4,9	0,4	30,5	0,3	23,4	6,2	0,5
Биробиджан	-10,6	-8,6	-37,6	0,16	1,57	0,64	25,1	32,3	38,1	21,3	16,8	2,8	1,9	0,9	26,8	0,5	19,3	6,6	0,4
Северобайкальск	-14,9	-28,6	-65,2	9,84	0,01	0,67	1,8	29,4	37,9	19,7	18,2	4,3	2,0	2,3	28,4	0,3	17,0	10,9	0,2
Владивосток	-4,6	-0,4	-33,2	1,26	3,76	0,82	30,1	35,3	37,8	22,9	14,9	1,5	1,1	0,5	25,4	0,2	19,5	4,9	0,8
Дальнереченск	-21,2	-11,1	-50,1	0,19	0,67	0,30	-5,7	28,1	37,8	24,3	13,4	3,8	3,5	0,2	30,4	2,0	16,4	11,6	0,4
Абакан	14,0	13,5	-36,3	0,85	2,45	0,58	25,5	32,9	37,0	23,0	14,0	2,3	1,5	0,8	27,9	0,4	20,1	7,1	0,3
Камень-на-Оби	-1,4	8,9	-47,9	0,15	0,35	0,21	-3,8	30,2	36,9	19,0	17,9	2,2	0,9	1,4	30,7	1,5	21,2	7,6	0,3
Ирбит	-27,1	-17,7	-63,2	0,15	0,20	0,45	-6,2	31,5	36,6	28,1	8,5	4,1	3,3	0,8	27,8	0,5	14,1	12,9	0,4
Томск	8,6	14,3	-15,6	1,13	1,52	0,74	15,2	30,1	36,1	19,7	16,4	3,4	2,8	0,6	30,4	0,5	23,7	5,7	0,5
Бердск	28,6	33,6	-51,9	0,55	0,27	0,68	-31,7	22,6	36,0	27,2	8,8	17,8	17,3	0,5	23,6	0,3	16,1	6,8	0,4
Омск	-0,2	3,3	-37,2	1,14	1,11	0,73	17,7	33,1	35,9	20,4	15,6	2,3	1,1	1,2	28,7	0,2	21,4	6,4	0,6
Благовещенск (Амур. обл.)	8,1	4,0	-15,8	0,64	1,80	0,65	28,8	34,0	35,9	22,4	13,5	1,3	1,0	0,3	28,8	0,2	21,2	7,0	0,4
Красноярск	15,1	21,3	-22,5	0,74	3,83	0,80	12,6	35,9	35,7	24,4	11,3	0,9	0,7	0,2	27,5	0,2	20,3	6,7	0,4
Пермь	-5,0	4,6	-34,0	0,89	1,38	0,83	22,4	37,2	35,7	25,3	10,3	1,3	1,0	0,3	25,8	0,2	18,3	7,0	0,4
Новосибирск	7,0	14,0	-26,4	0,95	2,26	0,74	13,1	37,3	35,6	24,7	10,9	1,1	0,7	0,3	26,0	0,2	20,1	5,1	0,5
Тюмень	36,1	24,7	0,3	1,17	5,03	0,75	25,7	33,7	35,2	24,9	10,3	2,8	2,3	0,5	28,2	0,2	21,5	5,9	0,6
Курган	-10,4	-6,5	-46,0	0,79	0,76	0,70	24,1	36,2	35,2	20,4	14,8	1,8	0,7	1,1	26,8	0,3	17,4	8,8	0,3
Бузулук	1,4	11,9	-8,4	7,27	15,55	0,38	26,4	33,7	35,1	18,4	16,6	2,0	1,4	0,6	29,2	0,5	21,3	6,9	0,5
Екатеринбург	4,6	14,5	-23,7	0,87	2,82	0,83	17,6	38,4	35,0	25,9	9,1	1,7	1,4	0,3	24,9	0,2	18,2	5,8	0,7
Корсаков	-26,9	-20,0	-71,2	0,17	0,73	0,60	-36,8	22,3	35,0	27,2	7,8	14,1	13,7	0,4	28,5	0,4	17,8	9,6	0,7
Улан-Уде	21,0	15,1	-32,1	2,01	0,88	0,49	23,8	31,2	34,9	17,1	17,8	1,5	1,0	0,4	32,4	0,3	23,4	8,3	0,4
Сорочинск	6,2	10,6	-38,0	9,48	0,26	0,17	-3,6	31,5	34,7	18,7	16,0	4,4	3,5	0,9	29,4	1,1	19,1	9,0	0,2
Орск	-14,1	-3,3	-52,9	0,37	0,97	0,65	2,6	34,2	34,7	18,0	16,7	2,1	1,6	0,6	29,0	0,6	20,3	7,7	0,4
Оренбург	2,3	9,7	-33,8	0,90	1,42	0,67	18,5	34,1	34,5	17,9	16,6	1,8	1,2	0,5	29,6	0,3	22,5	6,3	0,4

Таблица 5. Динамика основных социально-экономических характеристик некоторых городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока с максимальной миграционной убылью населения

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика приведённого объёма промышленного пр-ва, (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика приведенного объёма инвестиций, (2012-2013)/(1991-1992)	Индекс урбанности	Сальдо трудовых миграций/ёмкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %										
								Адаптация на локальном рынке труда				Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
								Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	из них		Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пассивные формы адаптации, всего	из них		
										МСБ	Неформальная занятость		Внешняя внутрирег. занятость (маятники)	Внешняя межрегиональная занятость (отходники)		ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на государстве	Прочие формы
Норильск	-45,6	-57,7	-39,4	2,04	1,70	0,90	16,5	54,9	24,8	12,2	12,5	0,4	0,3	0,1	13,9	0,0	13,9	5,8	0,3
Северо-Курильск	-52,7	-52,1	-43,9	2,36	1,28	0,77	49,5	38,6	40,5	29,8	10,7	0,5	0,0	0,5	10,4	0,2	10,3	9,5	0,5
Тында	-45,3	-50,6	-32,8	2,35	0,25	0,72	42,6	44,2	29,0	14,9	14,1	6,1	5,3	0,8	12,7	0,1	12,6	7,7	0,4
Невельск	-56,3	-49,5	-80,5	0,27	0,95	0,69	-49,2	24,5	29,7	22,4	7,3	11,1	10,7	0,4	20,1	0,5	19,6	13,9	0,6
Томари	-51,3	-38,4	-59,9	0,02	1,34	0,63	-40,2	21,8	33,3	25,8	7,5	10,0	9,8	0,2	19,6	1,0	18,5	14,4	1,0
Холмск	-44,0	-37,4	-72,1	0,06	0,43	0,67	-23,9	29,3	30,3	22,2	8,1	10,6	10,0	0,5	17,8	0,4	17,4	11,3	0,7
Курильск	-38,1	-37,3	38,0	14,67	90,84	0,60	-43,9	45,8	31,3	20,9	10,4	10,4	10,3	0,1	8,1	0,1	8,0	4,2	0,2
Александровск-Сахалинский	-49,3	-36,8	-68,2	0,31	1,08	0,55	-13,6	30,5	24,2	16,8	7,4	8,4	8,2	0,2	19,7	1,6	18,0	16,8	0,5
Оха	-41,3	-34,2	-72,9	2,28	7,90	0,74	4,7	44,2	25,0	15,7	9,4	2,9	2,7	0,2	17,5	0,7	16,8	10,1	0,4
Поронайск	-41,2	-31,8	-56,9	0,32	0,25	0,67	-21,8	33,2	28,2	19,9	8,3	4,5	4,4	0,1	19,5	0,8	18,7	12,8	1,7
Макаров	-41,1	-29,9	-77,4	0,15	0,06	0,71	-32,0	24,5	29,6	22,3	7,3	9,6	9,4	0,2	19,0	1,7	17,3	16,5	0,7
Усть-Илимск	-24,0	-29,6	-47,2	0,49	0,23	0,87	-5,4	34,9	34,4	20,4	14,1	1,5	0,9	0,6	15,3	0,4	15,0	13,7	0,2
Ак-Довурак	-9,8	-28,8	-57,4	0,14	0,79	0,51	1,1	23,7	24,2	11,5	12,7	2,7	2,6	0,1	34,0	0,8	33,2	15,4	0,1
Северобайкальск	-14,9	-28,6	-65,2	9,84	0,01	0,67	1,8	29,4	37,9	19,7	18,2	4,3	2,0	2,3	17,3	0,3	17,0	10,9	0,2
Радужный (Ханты-Мансийский АО)	-1,9	-27,7	-48,4	1,14	0,38	0,90	18,7	46,9	20,7	14,9	5,8	5,8	5,2	0,6	19,4	0,0	19,4	6,9	0,4
Петровск-Забайкальский	-39,4	-25,9	-45,3	0,11	0,51	0,23	18,2	38,1	24,7	12,8	11,8	0,9	0,6	0,3	21,0	3,2	17,8	14,4	0,8
Анадырь	-16,2	-25,7	47,8	31,93	6,04	0,86	31,6	65,7	15,8	9,4	6,4	0,6	0,4	0,3	10,5	0,2	10,3	6,4	1,0
Нягань	4,7	-24,5	-58,9	0,09	0,45	0,65	6,6	38,8	31,2	25,2	6,0	3,6	3,1	0,6	17,6	0,1	17,5	8,6	0,3
Агидель	-2,0	-24,4	-76,6	1,05	0,07	0,89	-8,7	11,0	26,0	18,4	7,5	28,2	13,1	15,1	25,3	0,6	24,7	9,3	0,3
Лабытнанги	-15,7	-24,3	-29,6	0,19	0,10	0,72	2,7	53,8	20,5	16,7	3,8	2,5	2,3	0,2	13,5	0,0	13,5	9,2	0,5
Петропавловск-Камчатский	-32,6	-22,8	-21,0	0,48	0,74	0,88	12,4	42,1	32,6	25,2	7,4	1,3	1,2	0,2	15,4	0,1	15,3	7,9	0,7
Свирск	-31,3	-21,2	н/д	0,54	0,19	0,40	-16,5	32,4	25,6	13,8	11,8	5,6	5,4	0,1	17,7	1,1	16,6	18,7	0,1
Спасск-Дальний	-30,0	-20,8	-48,2	0,22	0,09	0,61	-11,0	31,9	34,2	20,8	13,5	3,5	3,1	0,4	18,6	1,0	17,7	11,2	0,5
Магадан	-20,4	-20,6	-51,1	0,30	0,18	0,89	-1,3	43,8	27,7	24,1	3,6	4,7	3,8	0,9	15,1	0,2	15,0	7,9	0,7

Таблица 6. Динамика основных социально-экономических характеристик некоторых городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока с максимальным сокращением рабочих мест в организациях

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика приведённого объёма промышленного пр-ва, (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика приведенного объёма инвестиций, (2012-2013)/(1991-1992)	Индекс урбанности	Сальдо трудовых миграций/ ёмкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %										
								Адаптация на локальном рынке труда				Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
								Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	из них		Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пассивные формы адаптации, всего	из них		
										МСБ	Неформальная занятость		Внешняя внутрирег. занятость (маятники)	Внешняя межрегиональная занятость (отходники)		ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на государстве	Прочие формы
Невельск	-56,3	-49,5	-80,5	0,27	0,95	0,69	-49,2	24,5	29,7	22,4	7,3	11,1	10,7	0,4	34,7	0,5	19,6	13,9	0,6
Макаров	-41,1	-29,9	-77,4	0,15	0,06	0,71	-32,0	24,5	29,6	22,3	7,3	9,6	9,4	0,2	36,3	1,7	17,3	16,5	0,7
Агидель	-2,0	-24,4	-76,6	1,05	0,07	0,89	-8,7	11,0	26,0	18,4	7,5	28,2	13,1	15,1	34,8	0,6	24,7	9,3	0,3
Оха	-41,3	-34,2	-72,9	2,28	7,90	0,74	4,7	44,2	25,0	15,7	9,4	2,9	2,7	0,2	28,0	0,7	16,8	10,1	0,4
Холмск	-44,0	-37,4	-72,1	0,06	0,43	0,67	-23,9	29,3	30,3	22,2	8,1	10,6	10,0	0,5	29,8	0,4	17,4	11,3	0,7
Дегтярск	-13,1	12,5	-71,4	0,10	0,18	0,46	-118,9	18,9	25,0	19,5	5,5	27,9	27,2	0,7	28,2	0,5	17,0	10,3	0,5
Корсаков	-26,9	-20,0	-71,2	0,17	0,73	0,60	-36,8	22,3	35,0	27,2	7,8	14,1	13,7	0,4	28,5	0,4	17,8	9,6	0,7
Осинники	-30,0	-10,3	-69,5	0,25	0,26	0,49	-37,9	31,8	15,4	10,1	5,4	20,1	19,9	0,2	32,7	0,9	17,9	13,7	0,2
Верхняя Тура	-32,1	-15,2	-69,4	0,42	0,23	0,72	-35,2	40,6	17,6	10,3	7,2	15,3	14,3	1,0	26,6	0,9	12,4	12,9	0,4
Александровск-Сахалинский	-49,3	-36,8	-68,2	0,31	1,08	0,55	-13,6	30,5	24,2	16,8	7,4	8,4	8,2	0,2	37,0	1,6	18,0	16,8	0,5
Усолье-Сибирское	-25,5	-14,4	-66,0	0,19	0,37	0,74	-5,9	32,7	28,6	16,1	12,4	9,3	8,9	0,4	29,4	0,5	17,3	11,3	0,3
Партизанск	-23,9	-2,5	-65,9	0,47	0,15	0,36	-23,0	25,4	29,5	18,3	11,2	11,6	11,0	0,6	33,5	1,7	17,6	13,6	0,6
Реж	-13,2	-2,7	-65,5	0,45	1,00	0,61	-39,2	28,4	24,6	18,0	6,6	18,9	18,1	0,7	28,1	1,2	15,7	11,0	0,2
Тавда	-25,5	-7,7	-65,3	0,05	0,17	0,29	-9,4	35,1	23,8	16,5	7,3	7,3	3,2	4,1	33,9	1,6	15,1	16,9	0,1
Алапаевск	-24,4	-4,7	-65,3	0,46	0,26	0,38	-14,5	32,4	31,1	23,2	7,9	6,6	5,8	0,7	29,9	0,9	15,8	12,9	0,3
Северобайкальск	-14,9	-28,6	-65,2	9,84	0,01	0,67	1,8	29,4	37,9	19,7	18,2	4,3	2,0	2,3	28,4	0,3	17,0	10,9	0,2
Троицк (Челяб. область)	-15,1	-4,2	-65,2	0,20	2,00	0,36	-14,7	38,3	24,6	15,6	9,0	3,5	2,3	1,2	33,6	0,9	23,9	8,3	0,5
Артемовский	-24,4	-14,3	-64,9	0,20	0,48	0,53	-48,7	27,7	25,7	19,1	6,6	15,2	13,7	1,5	31,3	1,5	15,9	13,5	0,4
Карпинск	-25,2	-9,4	-64,7	0,26	0,51	0,48	-24,8	33,0	23,3	16,3	7,0	16,9	15,9	1,0	26,8	0,7	15,1	10,6	0,3
Верхотурье	-2,5	11,0	-63,5	0,09	0,77	0,11	-72,5	22,6	31,4	24,7	6,7	13,9	13,2	0,7	32,1	2,8	12,7	16,3	0,4
Ирбит	-27,1	-17,7	-63,2	0,15	0,20	0,45	-6,2	31,5	36,6	28,1	8,5	4,1	3,3	0,8	27,8	0,5	14,1	12,9	0,4
Сосновоборск	25,0	14,0	-61,5	0,34	1,08	0,90	-72,1	20,6	18,7	12,5	6,2	35,5	35,0	0,5	25,3	0,2	16,1	8,7	0,2
Чебаркуль	-18,6	-7,9	-61,5	0,76	0,22	0,62	-2,4	42,6	28,2	18,1	10,1	5,3	4,6	0,7	23,8	0,6	15,5	7,5	0,2
Невьянск	-20,1	-1,3	-61,4	0,38	0,33	0,37	-33,0	24,0	25,3	19,2	6,1	22,5	22,1	0,4	28,3	1,0	16,2	10,8	0,3
Стрежевой	-3,7	-17,2	-61,0	0,86	0,20	0,94	0,3	39,5	32,3	14,5	17,8	5,1	3,0	2,1	23,1	0,4	14,3	8,0	0,3
Кудымкар	-6,9	-0,5	-60,8	0,08	0,13	0,28	10,2	36,2	25,9	17,1	8,8	2,4	2,0	0,4	35,5	1,0	23,4	10,7	0,4
Златоуст	-18,2	-7,1	-60,6	0,28	0,10	0,61	-13,9	36,6	32,6	22,7	9,9	3,3	2,3	1,0	27,5	0,7	17,0	9,4	0,3
Рубцовск	-14,7	-1,2	-60,0	0,34	0,23	0,56	2,8	34,0	33,3	15,4	18,0	1,7	1,2	0,5	30,9	0,6	21,4	8,6	0,3

Таблица 7. Динамика основных социально-экономических характеристик некоторых городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока с максимальным сокращением рабочих мест в организациях

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика приведённого объёма промышленного пр-ва, (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика приведенного объёма инвестиций, (2012-2013)/(1991-1992)	Индекс урбанности	Сальдо трудовых миграций/ ёмкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %										
								Адаптация на локальном рынке труда				Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
								Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	из них		Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пассивные формы адаптации, всего	из них		
										МСБ	Неформальная занятость		Внешняя внутрирег. занятость (маятники)	Внешняя межрегиональная занятость (отходники)		ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на государстве	Прочие формы
Ханты-Мансийск	176,7	141,3	131,3	2,39	9,17	0,49	18,6	52,6	22,4	16,0	6,4	1,0	0,9	0,2	24,0	0,1	17,7	5,7	0,5
Салехард	49,4	31,6	66,2	0,52	8,00	0,59	17,8	60,0	17,6	13,6	3,9	0,8	0,6	0,2	21,6	0,1	13,0	8,0	0,4
Анадырь	-16,2	-25,7	47,8	31,93	6,04	0,86	31,6	65,7	15,8	9,4	6,4	0,6	0,4	0,3	17,8	0,2	10,3	6,4	1,0
Курильск	-38,1	-37,3	38,0	14,67	90,84	0,60	-43,9	45,8	31,3	20,9	10,4	10,4	10,3	0,1	12,5	0,1	8,0	4,2	0,2
Покачи	53,7	16,1	36,3	н/д	н/д	0,85	23,2	55,6	14,8	8,8	6,0	2,2	1,8	0,4	27,3	0,0	19,4	7,6	0,4
Новый Уренгой	23,4	1,6	31,1	0,12	1,23	0,88	22,6	60,2	19,4	15,4	4,1	1,8	1,6	0,2	18,6	0,0	13,3	4,8	0,4
Сысерть	-6,7	-1,4	28,6	0,43	1,80	0,33	-118,3	19,6	25,2	19,6	5,6	30,8	30,4	0,4	24,4	1,0	16,1	6,9	0,4
Южно-Сахалинск	21,0	8,6	13,2	2,22	5,98	0,71	31,8	39,6	33,5	23,6	9,9	3,3	3,1	0,2	23,6	0,2	16,8	6,1	0,5
Белокуриха	3,1	2,4	2,5	н/д	1,28	0,43	36,9	38,4	38,8	18,2	20,6	2,0	1,1	0,9	20,8	0,7	13,7	5,8	0,5
Тюмень	36,1	24,7	0,3	1,17	5,03	0,75	25,7	33,7	35,2	24,9	10,3	2,8	2,3	0,5	28,2	0,2	21,5	5,9	0,6
Сургут	37,5	7,5	-1,2	0,37	1,22	0,86	6,2	52,4	23,7	17,2	6,5	1,6	1,3	0,3	22,3	0,1	15,3	6,5	0,4
Хабаровск	1,1	4,0	-1,9	0,49	4,14	0,76	3,5	43,3	30,7	24,4	6,3	1,1	0,7	0,4	24,9	0,2	19,0	5,3	0,3
Белогорск	-8,5	1,4	-7,4	0,18	0,49	0,53	-2,0	41,0	30,2	16,5	13,7	2,3	1,7	0,6	26,6	0,6	17,0	8,6	0,2
Бузулук	1,4	11,9	-8,4	7,27	15,55	0,38	26,4	33,7	35,1	18,4	16,6	2,0	1,4	0,6	29,2	0,5	21,3	6,9	0,5
Арамиль	8,8	11,7	-10,3	0,38	0,95	0,37	-20,6	22,7	23,0	17,3	5,7	29,9	29,5	0,3	24,4	0,4	17,8	5,9	0,3
Обь	13,5	24,4	-11,4	н/д	16,56	0,50	4,1	36,2	17,0	9,0	8,0	22,7	22,4	0,3	24,2	1,1	16,7	6,1	0,2
Верхняя Салда	-20,6	-7,0	-11,6	0,63	3,87	0,30	7,8	60,7	17,2	7,5	9,7	4,2	3,9	0,3	17,9	0,4	10,1	7,2	0,2
Заводоуковск	-1,6	-0,5	-12,7	0,60	0,83	0,22	-28,0	26,3	29,5	21,1	8,4	13,3	13,1	0,2	30,9	3,3	18,3	9,1	0,3
Уссурийск	6,4	14,0	-14,1	0,91	0,79	0,58	13,6	30,6	34,0	20,8	13,2	7,0	6,8	0,2	28,4	0,6	21,3	6,1	0,5
Кызыл	34,9	16,1	-15,1	0,90	4,22	0,32	31,5	30,9	26,2	11,0	15,2	1,2	1,1	0,1	41,7	0,4	29,9	11,2	0,2
Томск	8,6	14,3	-15,6	1,13	1,52	0,74	15,2	30,1	36,1	19,7	16,4	3,4	2,8	0,6	30,4	0,5	23,7	5,7	0,5
Благовещенск (Амурская область)	8,1	4,0	-15,8	0,64	1,80	0,65	28,8	34,0	35,9	22,4	13,5	1,3	1,0	0,3	28,8	0,2	21,2	7,0	0,4